

*Мы на земле,
где вы живете...*

ЗЕМЛЯКИ

*Нижегородский альманах
Выпуск тридцать седьмой (№ 2, 2024)*

«КНИГИ»
Нижний Новгород
2024

УДК 821.161.1(082)
ББК 84 (2 Рос-Рус)6 я43

353

Главный редактор *О.А. Рябов*

Шеф-редактор *А.И. Иудин*

Составители *А.И. Иудин, О.А. Рябов*

Общественная редколлегия:

В.Н. Безденежных, Н.А. Бенедиктов, С.А. Горин,

Е.Н. Крюкова, З. Прилепин, В.И. Седов, Г.В. Щеглов,

Е.Р. Эрастов

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ ООО «КНИГИ»

Адрес редакции и адрес издателя: 603057, Нижний Новгород,

ул. Бекетова, 24/2, ООО «Книги». Тел. (831) 412-16-04

E-mail: zemlyaki-nn@yandex.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

353 Земляки. Нижегородский альманах. Выпуск тридцать седьмой (№ 2, 2024). Составители: А.И. Иудин, О.А. Рябов. – Нижний Новгород: издательство «Книги», 2024. – 480 с.

В очередном выпуске альманаха наряду с произведениями известных писателей представлены наиболее интересные тексты молодых авторов – как наших земляков, так и из других регионов Российской Федерации.

В отдельных рубриках – литературоведение, исторические материалы, ироническая поэзия и проза, а также произведения для семейного чтения.

Альманах зарегистрирован в Управлении Роскомнадзора по Нижегородской области.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 52-0246

© Иудин А. И., Рябов О. А. Составление, 2024

© Издательство «Книги», 2024

ISBN 978-5-94706-289-2

СОДЕРЖАНИЕ

Нижегородский почерк

Елена КРЮКОВА	
ВЕК	6
Олег РЯБОВ	
«ЯВА-350»	23
Сергей ШУСТОВ	
НА ПАСЕКЕ	31
Антон ЛУКИН	
ГРАФОМАН	53
НОВОГОДНЕЕ ВОЛШЕБСТВО	66
Павел КЛИМЕШОВ	
ПРОСТО ПОНОМАРЁВ	74
Марина ГОРЕВА	
НИЖЕГОРОДСКИЕ ЧУДАКИ	89
Леонид СЛАВИН	
ФИГУРА ИЗ ТРЕХ ПАЛЬЦЕВ	111
Наталья ЮДИНА	
СТРАННИЦА	119
Виктор ЕРШОВ	
ЧИЖИК НЕ ПЫЖИК	122

Лирический портрет

Александр БОБРОВ	
...И ПОНИМАТЬ, ЧТО ТАМ, ЗА ОКОЁМОМ	131
Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ	
ДОНБАССКИЙ БЛЮЗ	135
Светлана ЗАЙЦЕВА	
СТРУЕНЬЕ РЕЧИ	141

Из свежей прозы

Игорь МАЛЫШЕВ	
«ШУТКА»	146
О НЕПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА	151
СМС	153
Сергей КРИВОРОТОВ	
ЗЕЛЁНАЯ ВИШНЯ У МОЕГО ОКНА	158
Лариса ЕСИНА	
КРАСНЫЕ ЛИНИИ ГЛУБОКОГО ТЫЛА	163
Иван КОБЕРНИЦКИЙ	
ДЕЛИТЬ ШКУРУ МЕДВЕДИЦЫ	175
Елена АБАЛИХИНА	
ОТПУСТИ, ЧТОБ Я ОСТАЛСЯ	179
Михаил РОЩИН	
ПОПУТЧИК	181
Илья КРИШТУЛ	
КАРТИНКА НА ШКАФЧИКЕ	201
Ирина МИЛЧЕВСКАЯ	
НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ	204

Лирический портрет

Евгений СЕМИЧЕВ И НЕТУ ВЫШЕ ФЛАГА...	213
Татьяна ТУНГУСОВА ДОБРЫЕ ЛЮДИ	218
Виталий ГОЛЬНЕВ МНЕ ВЗГЛЯДА НЕ БЫЛО И СЛОВА....	221

Из будущих книг

Осип БЕС (ФУФАЧЕВ) ДАЛЕКО, НО СЛЫШНО, КАК ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ	224
Олег СУХОНИН НА БОЛОТАХ	285

Юбилеи

Николай СИМОНОВ ИГУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ	302
--	-----

Стихи по кругу

Наталья СТРУЧКОВА	311
Ярослав КАУРОВ	312
Иван НЕЧИПОРУК	315
Алексей САКОВ	316
Елена ЛЕБЕДЕВА	316
Аркадий ГОНТОВСКИЙ	317

Публицистика

Анатолий АБРАШКИН ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ СЛАВЯНЕ?..	319
--	-----

Далекое — близкое

Владимир РЯПОЛОВ ОТ «ЯРА» ДО ШТОФНОЙ...	337
Евгения ОРЕХОВА НИЖЕГОРОДСКИЕ ИСТОРИИ 2010-х	357

Вехи памяти

Людмила КАЛИНИНА БОЛДИНСКИЕ ВСТРЕЧИ	363
Николай СИМОНОВ «НЕ БАЛОВАН ЛЕГКИМ УСПЕХОМ...» Жизнь и творчество Анатолия Коршунова	380
Анатолий КОРШУНОВ ПОД ОТЦОВСКИМ НЕБОМ	385

Проба пера

ЧАЙНАЯ «СТОЛБЫ» КАК СИМВОЛ МИЛОСЕРДИЯ	
Варвара МОРОЗОВА , сочинение	392
Мария КЛИМОВА , сочинение	393
Татьяна ЕГОРОВА , сочинение	396
Кира БОРОВОВА , стихи	400
Егор СОХИН , стихи	401
Анна ОВЧИННИКОВА , стихи	403

День за днем

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ – 2024. Подготовил Олег Сухонин	405
---	-----

Русский смех

Павел ЛАПТЕВ ПОЦЕЛУЙ	420
ПРОВИТАМИН	422
Игорь АЛЬМЕЧИТОВ «БЫ, ГРАФ, ВЕРОЯТНО, ЗАБЫЛИ...»	424
ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ	
Анатолий СОКОЛОВ	427
Сергей ШИЛКИН	427
Валерий РУМЯНЦЕВ	428
Юрий ТУБОЛЬЦЕВ	432
Эдуард КУЗНЕЦОВ РАЗГОВОРЫ, РАЗГОВОРЫ... (Диалоги под присмотром пародистов)	433

Семейное чтение

Татьяна РОМАНЕНКО КАМЕШЕК С ОЛЬХОНА	447
Мария БАЛЫКОВА СКАЗ О ТОМ, КАК ГУСИ В ПЕТЕРБУРГ ХОДИЛИ	470
Елена АЛЬМАЛИБРЕ ПЕТЯ И ОЧКИ	474
СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ	
Владимир ЛЕБЕДЕВ	476
Виктор ЕПИФАНОВ	478
Яков ЗВЯГИН	478
Елена ГАЛИАСКАРОВА	479

Нижегородский почерк

Елена КРЮКОВА

ВЕК

(1914 год)

Я стоял внутри дикой толпы, и меня переваривал её орущий, наружу лезущий в рвоте крика желудок. Мял, крутил, обжигал.

– Уничтожим этих русских! Гады, отребье! Прижмём их к ногтю! Блохи, клопы! Мы победим! Победим в этой войне! Да здравствует! Великая! Германия! Слава Германии! Слава! Слава!

Люди так орали, что временами я глох. Чудовищный вопль прокалывал насквозь череп, его остриё застревало в мозгу, потом выходило наружу из моей собственной глотки.

– Слава! Слава! С нами Бог! С нами Бо-о-о-о-ог!

Это кричал я или кто-то другой? Я не мог отличить. Себя и другого иной раз нельзя разделить: когда стоишь в очереди или когда пьянствуешь с друзьями. Рука тянется к стакану со шнапсом, и это моя или друга моего рука неловко опрокидывает в глотку стакан?

Меня сейчас опрокинет толпа, и подомнёт под себя, и растопчет, и хрустнут осколки рёбер и лонных костей.

– Разгромим русских до пепла! Сожжём кости французов! Сожжём все! Сравняем с землёй! Не оставим камня на камне от их вонючих, дерьмовых, жалких стран! От их городов и городишек! Немцы непобедимы! Немцы славные рыцари! Немцы всегда... всегда, всегда...

Я знал, что мы всегда. Что везде. Что во веки веков, и сомнений нет. Но чтобы так орать! Я снова глох и начинал слышать опять, и толпа накатывала прибоем и накрывала меня, мелкую голую гальку. Я ловил ртом воздух и опять орал, вместе со всеми. Всюду. Всегда.

Здесь, в толпе. Над толпой.

Это не я, это голубь летел над толпой. Жалкий белый голубь, бедная птичка, и кто-то пальнул в него из пистолета. Играючи, шутя.

Голубь долго, вечность, падал вниз, поджавши лапки.

– Мы отрубим русскому императору башку!

– Вздёрнем на пику!

– Штыками заколем!

– Нет, лучше он будет скульптур и ходить под себя в нашей тюрьме!

Толпа напёрла на меня, и я вжался в стену. По кирпичной кладке, как замазка под мастерком, размазалось моё горячее, липкое под лёгкой рубахой и старым пиджаком, молодое тело. Я подумал: вот сейчас принажмут ещё сильнее, крепче, и хребет хрустнет, и задохнусь.

– Эй! Полегче, господа!

Не мог выставить вперёд руки, чтобы оттолкнуть чугунно-тяжкую толпу. Эй, народ, оказывается, ты весишь очень много. Слишком много, не выдюжить тебя мне одному.

Народ на народ, вот это уже правильно.

Это – война.

А, да что же они все кричат? Что мы кричим?

Верно, да, мы ликуем! Мы объявили войну проклятой России.

Я изловчился и присел. Мне удалось согнуть колени. На мои колени кто-то прыгнул. Боль ударила не сверху, а снизу. Я взвыл, и стоящий на мне человек шархнул вбок, не наступил ногами на землю, а толпа понесла его на себе, внутри себя, а он высвободил руки, размахивал ими над лысой головой и кричал тонко, надрывно, по-бабьи:

– Кайзеру слава! Кайзеру слава!

Я не хотел ничего, кроме как лечь. Лечь – и все. А там будь что будет. У меня ступни отваливались, так я устал

стоять. Кровь в ногах сгустилась и собралась в два булыжника. Мозг, напротив, легко парил. Мозг превратился в того вольно летящего голубя. Но никто не стрелял в него.

Ещё успеют выстрелить. Ещё успеют.

Чёрт, война, а я же молодой, меня же возьмут на войну. Как пить дать. И сгину я где-нибудь в болотах под Марной. В болотах за Вислой. В болотах...

– Слава! Победа! Победа! Слава!

Как орут, чёрт, уши закладывает. Русский император, этот Николай Второй, ведь в нём течёт немецкая и английская кровь, какой он русский. Да, он сын Александра Третьего, и Александр Третий тоже немец. Все кругом немцы. Русские – наши кровные братья. Они так близко, так рядом с нами. Лишь перейти реки, озёра и болота; болота Полесья, болота Померании, низины Познани. Перейти огнедышащие Карпаты.

Я поднатужился, изогнулся и, дыша как паровоз, преодолевая натиск толпы, перекатился за угол дома. Чудо! Свобода. Здесь отчего-то был воздух, и под ногами, за штaketником, чудом не снесённым рокоchущим людским валом, цвели мещанские цветочки. Я сел на корточки. Мне стало плохо. Я сорвал цветок. Меня вырвало.

Я встал на колени, и тут окно хлопнуло со стеклянным, сухим шумом. Будто лопнуло.

– Мой господин! Мой господин?

Я упал на бок. Меня колыхали волны. Во рту дрожала беспощадная горечь и соль. Я отплевался и сжал зубы. Голос принадлежал женщине. А может, девушке. А может, старухе. Мне было все равно.

Я, лежа на земле, сначала увидел ноги. На низкой, без каблуков, подошве, в полосатых носках. На туфлях сидели два кожаных банта, по кожаной бабочке. Ноги подбежали ко мне и остановились. Мои глаза с натугой закрутились в орбитах: я пытался рассмотреть то, что было выше туфель.

– Обопритесь на меня. Вставайте!

Руки, неожиданно не нежно-женские, а мускулисто-сильные, схватили меня, и я весь, всем телом повлёкся за руками, вверх. Стоял, шатаясь. Стыдно утирал ладонью рот, испачканный блевотиной. Маленькая, ростом мне по

последнее ребро, женщина уложила мою руку, как рельсу, себе на плечи. И вела, вела.

И я шёл.

Так вошли в дом. На меня пахнуло уютной затхлостью. Коробка с клубками шерсти и катушками ниток, и тонких и суровых, открыта, из клубков торчат иголки, спицы и вязальные крючки. На столе, накрытом дырявой, с бахромой, скатертью в хрустальной пепельнице лежит стреляная гильза.

И больше ничего.

Ничего ни на столе. Ни в комнате. Ни в этих слишком светлых, водянистых глазах, глядящих на меня. Стол. Скатерть. Нитки. Хрусталь. Гильза. Всё.

– Как здесь пусто, – выдавил я в ужасе.

А может, я уже умер, и так выглядит ад.

Не бойся, ад выглядит не так. Там гораздо уютнее. И гораздо смешнее. Там жарко. А здесь лютый холод, как в леднике, хоть лето на дворе.

– У вас жар.

Зубы стучали, я весь колыхался как студень. Малорослая женщина с водяными глазами вела меня, как слепого, за локоть, и я шёл, переставлял ноги. Потом ноги согнулись сами, и я сел. Откуда-то, странно, взялось кресло. На сиденье кресла лежала вышитая подушечка. Вышивка изображала синего попугая.

Я сидел в кресле, глядел и не видел.

– Вам надо выпить.

Малютка подошла к шкафу. Я не видел, но знал, она открывает створку: скрип, шкафный сладкий ванильный, древесный запах. Потом запахло коньяком. Потом губы ощутили холод хрусталя.

– Глотните, вам полегчает.

Я выпил, одним глотком, всю рюмку. Зрение возвращалось. Зубы стучали. Я повернул голову, тяжёлую, тяжелее чугунного пушечного ядра, и посмотрел на маленькую женщину. Её платье, полосатое, как её носки. Её сильные, как у мужчины, руки. Кружева на рукавах, выше локтей. На шее, на цепочке, висит пенсне. Я плыл в её глазах, как под водой. Она глядела не отрываясь. Мы говорили глазами.

Я знал: мы в доме одни. Дом всей одиночеством обустроен, давил.

– Вас сдавили, помяли. Хорошо, не раздавили. У вас рёбра целы? Дышите когда, не больно?

Я глубоко вдохнул воздух. Рёбра раздулись. Тут же выдохнул и сморщился от боли.

Заплакал.

– Простите.

– Поплачьте. Не стыдитесь.

– Они всё орут? Там, на улице?

– Да. Кричат. Они хотят войны.

Женщина с водянистыми холодными глазами быстро, ловко расстегнула мне на груди пуговицы сначала жилетки, потом рубахи. Быстро ощупала холодными, сильными и нежными, слишком лёгкими пальцами мою грудь – рёбра, соски, надавила на грудную кость. Я не хотел, но застонал. Стало больно и сладко.

– Всё цело. Кости целы. Просто это сдавление. Лягте, я сделаю вам укол.

– Какой укол?

Я смотрел на женщину, как воронёнок на ворону-мать.

– Обезболивающий.

Я послушно дал увести себя на диван. Диван оказался старый и продавленный. Всё здесь было старое. Всё пахло затхлым, но пахло приятно, мятно и кофейно.

– Что вы делаете? Что...

Она уже расстегнула мои брюки и весело, нагло ставила их. Она не смеялась. Её белое, будто посыпанное мукой лицо было твёрдо и сосредоточенно.

Брюки полетели в угол. Я лежал перед нею в исподнем. Малютка подошла к шкафу, и снова запахло мятой, корицей и коньяком; а потом – резко – спиртом. Я не видел, как она набирала в шприц лекарство; я слышал это – все звуки, до единого: лязг стального контейнера, звон быстрыми пальцами перебираемых игл, всасывание жидкости – с хлопанием, с присвистом, вздох, ещё вздох, шмыганье носом, лёгкое покашливание.

– Перевернитесь на живот и приспустите панталоны. Обнажите ягодицу. Быстрее. Иначе грош цена дезинфекции.

Я послушно сделал всё, что она приказала. Повернул голову на плюшевой коричневой подушке. Женщина стояла передо мной, в одной руке шприц, в другой вата, пропитанная спиртом.

Она быстро протёрла мне кожу спиртом. Я напряг мышцу. Она легонько хлопнула меня по задку.

– Расслабьтесь.

Укола я не почувствовал. Лежал смиренно. Глаза закрыл.

Она приложила к месту укола спиртовую ватку и жёстко сказала:

– Всё.

И тогда я перевернулся с живота на спину.

Руки мои сами вздёрнулись вверх. Она вошла в мои руки, как входят в дверь, легко и просто.

– погоди. Я положу шприц. А то уколю тебя ещё раз. Случайно.

Было поздно. Я слишком крепко обнял её.

Шприц вывалился из её руки и, звеня, покатился по полу.

(1915 год)

Мы люди. Я ещё понимаю, что мы – люди.

Люди мыслят; и я мыслю.

Я мыслю, а значит, существую, сказал кто-то важный, далёкий.

Уж лучше бы я не мыслил.

На войне мыслить не надо. На войне надо убивать.

И ждать, когда убьют тебя.

Вокруг нас поля, чёрные поля. Земля и грязь. Поднимается, слоями стелется туман. Он такой широкий и повсеместный, что я боюсь: я утону в нём. Мы все утонем.

Наша защита – только небо. Жалкий прозрачный серый купол. Оно висит над нами серым рваным зонтом. Туман сменяется дождём, и по нашим лицам текут странные пресные слёзы. Мы плачем и смеёмся, и подначиваем друг друга.

– Эки! Выше ногу! Ать-два, ать-два!

– Ты! Фриц! Гордяк ты, как Фриц Великий!

– А Фриц Великий что, был гордец?! Да никогда! Простой... как все мы!

- А мы – простые?!
- Благородные! Неужели не видишь! Сапоги все в грязи!
- Благородные, они тёплой грязью в госпиталях обкладываются, лечебная она...

Я задираю голову. Вот оно, идиотское, слезливое небо. Небо-барышня. Жаль, не могу дотянуться до него, до неба, и дать ему увесистую оплеуху. Или разmozжить ему голову.

Нам дан приказ: идти быстро. Сапоги вязнут в грязи. Эта проклятая славянская грязь. У нас в Германии и грязь другая. Родная. Здесь всё чужое. Дым над домами из труб – чужой. Я бы этому дыму шею свернул, как гусю, как утке для жаркого.

Темень непроглядная. Идём и держимся друг за друга.

Идём вечер, идём ночь; иногда дают команду встать, и тогда можно подышать поглубже. Передохнуть. Становится всё холоднее. Дождь всё сыплет и сыплет сверху и в конце концов превращается в снег. На нас надеты тёмные балахоны с огромными капюшонами. Под капюшонами наши лица. Под чернотой – пламя. Мы – живое пламя, и нас на чёрной головне переносят из земли в землю. Где-то бросят на землю, и костёр вспыхнет.

Я стараюсь об этом не думать.

Я на дикой громадной, великанской войне, в этой войне участвует много стран: Россия, Франция, Англия, Австро-Венгрия, Турция, Болгария. Ну Германия, это понятно. Я иду воевать за Германию. Или за что другое?

Я иду умирать. Мы каждый день тут повторяем себе: мы идём умирать, – и легче от этого заклинания не становится.

Идёт снег. Он летит мимо бледного огня наших лиц. Пока ещё он тает на щеках, но уже не тает на плечах, на рукавах, на сапогах.

– Эй! Господа! До Рождества вроде бы рановато!

– Это же русские снега, Абель. Русские.

Когда начало светать, мы увидели: впереди пепелище. Деревню сожгли дотла. Кто сжёг? Мы? Русские? Австрияки? А какая, к чёрту, разница между нами и австрияками, если язык у нас один? От хат остались груды серого пепла. Сожжённые кучки соломы торчали на раскисшей дороге. Они здесь соломой покрывают крыши.

– Не останавливаться! Вперёд!
Я привык на войне подчиняться приказу. Нас быстро обучили не перечить.

И делать всё быстро, стремительно и аккуратно: иначе накажут, а есть ещё и военный трибунал, если ты переступил черту.

Какую? Где эта черта? Дезертирство?

Я хотел убежать отсюда. Мне казалось: мои друзья – это больные, и я в сумасшедшем доме. Но я глядел на маузер на поясе ефрейтора.

Какая разница, свой в тебя выстрелит или чужой? Кто свой, а кто чужой?

Осмысливать некогда. Ноги, идите.

Снег с небес. Льдом схвачены лужи. Серым инеем отблёскивают жёсткие, как пушечные ядра, комья грязи. Мороз. Ударил мороз и всё, что плывёт и движется, сковал намертво.

Мы вошли в деревню и прошли её насквозь, так червяк проделывает ход в земле, в стопке бумаги. Люди – своеобразные черви, они всё ползут и ползут, а земля всё терпит и терпит их, никуда земле от нас не деться. Вдали вспыхивал, гас и снова разгорался огонь. Пахло жареным мясом. Может быть, крестьянин в ночи, в тёмном дворе, жарил на вертеле свинью. Поперёк улицы лежали поваленные деревья. Может, они упали после артобстрела. Начальник отряда задушенно кричал:

– Солдаты, глядеть под ноги! Не провалитесь в яму!

Значит, уже кто-то впереди идущий провалился; а не разевай рот.

Человек всё идёт и идёт вперёд. И у человека глаза впереди черепа, а не на затылке. Он всё время смотрит вперёд. А когда он оглядывается назад, он и назад смотрит, как вперёд. И, выходит так, вперёд он смотрит всегда. А ещё говорят, что мы отступаем. Мы наступаем всегда. Мы – герои. Иначе быть не может. Только бы не пошёл снег, если он пойдёт, ноги заскользят по наледи, потом он будет таять, и ноги увязнут в грязной снежной каше, и сапоги промокнут.

Небо озаряется сумасшедшей вспышкой. Это рвётся снаряд.

Только бы не в нас, думаю я, только бы не сюда.

И вот так я всё время иду и молюсь. Без просьб на войну не нельзя.

Мертвенный свет. Алый фейерверк. Безумный изумруд. Война в небо высыпает из подола драгоценности, и жестокий Бог, собака, играет ими. Я не могу молиться, я сам себе вру. Никакого Бога нет давно. Он умер. Его убили. Его убило снарядом, а может, пулей, а может, Его прокололи штыком. И я не могу в Него верить, в труп. Я могу только Его проклинать. Но и проклинать у меня уже сил нет.

В небе медленно плывут купола парашютов. Враг надевает одежду ангелов. Правду сказали, что грядущая, после этой, война будет не на земле, а в небе. Небо станет театром военных действий, а мы будем сидеть на земле и, задрав головы, следить за актёрами. И, если надо, аплодировать. А потом выйдем из зрительного зала, направимся в гардероб, а гардероба нет, и пальто нет, и шуб нет, и авто нет, и улиц нет, и домов нет. Ничего нет. А есть только ты, изумлённый, одинокий, дрожащий.

Вильгельм идёт рядом. Идёт – это громко сказано. Он с трудом вытаскивает сапоги из грязи, подгибает колени, чертыхается. Он гораздо меньше меня ростом; маленький, как гриб; и, кажется, сильно болен, кашляет все время, влажно, плохо. Зачем его взяли на войну?

Он оборачивается ко мне и стучит себя ногтем большого пальца по каске.

– Эккахарт, да надень уже ты на башку этот чёртов горшок. Не кокетничай. Конечно, от смерти он не спасёт. Но от шрапнели уберезёт. Тебе ведь неохота, чтобы твою башку продырявили?

– Мне в каске жарко. Затылок потеет.

Я смеюсь, и мой смех прерывает дикий грохот. Снаряд разорвался рядом. Мы все дружно валимся на землю, и все слушаем такую же дикую, немислимую тишину после взрыва. Будут ещё лупить? Или на этом всё?

Тишина. Мы поднимаемся с земли. Мы медленно, окуная ноги в непролазную грязь, идём по чёрным полям. Я не знаю, какая это страна. Европа перемешалась чудовищным тестом, слой снега, слой грязи, слой любви, слой об-

мана. Слоями ложится время, и его тоже убили, и мы все уже выпали из него, нам уже не до времени, нам не до себя, мы почти невесомы, мы себя ненавидим, за то, что мы уничтожаем себе подобных. Нам внушают: человечество воевало всегда, войны были всегда, и надо сражаться до победы! Победа – блеф, да и человечество, если вдуматься, – блеф. Для того, кто понюхал на войне газовую атаку и остался жив, жизнь теряет смысл. На моих руках умирал Людвиг Бреннер, после газов; у всех были противогазовые маски, а ему не досталась. У него лицо, зелёного, лягушачьего цвета, напоследок озарилось изнутри странным, будто фугасным огнем. И он сказал: «Экки, уж лучше бы я был стрекозой. Или навозником. И если бы меня зажали в кулаке или раздавили сапогом, было бы не так обидно. Хочу стать насекомым... насекомым...» И его вырвало, и он умер, – то ли человек, то ли уже стрекоза, о которой мечтал перед смертью.

Мы идём. Бестолковый этот наш дружный марш. Мы не знаем, кто мы. Это знают те, кто командует армией. Рота, полк, отряд – пальцы и ладони; а есть ещё голова, и она думает и приказывает, и она – чужая. Русские наступают, а ещё недавно мы русских били. Они упорные ребята, волки, медведи. У них там, далеко на севере, в России, леса гуще, чем у нас, злость злее, чем у нас, да и смерти, я так погляжу, они боятся меньше, чем мы. Может быть, это всё не так. При хорошем раскладе я бы посидел в пивной с русским парнем и хорошо выпил с ним. И мы бы тузили друг друга по плечам, раскачивались и пели эти их заунывные русские песни. Step da step krugom, put daliok leschit. У них эта буква «щ», ни за что не выговоришь. Schie, Borsch – язык сломаешь. Однажды я ел эти вкусные горячие Schie, когда мы взяли Галич. Мне с поклоном наливали эти Schie в большую миску галицийская крестьянка. Мы сидели в избе за столом, а в миске моей плавало жирное горячее мясо, варёная капуста, морковь, лук, чеснок, мелко покрошенный красный перец. Эй ты, отставить думать о еде!

Мы шли, и вдруг мы встали. Застыли.

Перед нами лежали люди. Много людей. Все они были уже мёртвые. Никто не шевелился.

Тьма и туман, и из тумана наплыла на нас гора трупов – они лежали вповалку, как серые тяжёлые брёвна, мы раздували ноздри, они уже смердели, через них невозможно было переступить, их можно было только обойти, и мы стояли и смотрели на лица с разинутыми ртами, на развороченные животы, на руки, раскинутые, чтобы, наверное, напоследок небо обнять. Потому что многие лежали лицами вверх и, может, напоследок видели только проклятое небо.

– Чёрт, – сказал Вильгельм и снял каску, – кошмар.

Мы стояли и молчали. За нашими спинами маячили руины сельской церкви. Туман клубился, то закрывал наши лица, то открывал. Я ничего не понимал в этой войне. На миг мне показалось: я тоже мертвец, и нет у меня детей, нет внуков, и я так не узнал, что такое любовь. В страхе, что всё скоро оборвется, один разрыв снаряда – и конец, я подумал о Нине. Об её полосатом платье. В нём, и в этих ее любимых, дурацких туфлях с бантиками, она провожала меня на войну. Под нашими подошвами бугрилась мостовая. Сапоги скользили по камням, как по льду. Над головами висели и вспыхивали крики, команды, слова прощанья. Я не хотел уходить. Я плакал, не стыдясь. Нина сжимала челюсти. Её рот превратился в суровую нить. «Не будь ребёнком, не будь рохлей. Все на нас смотрят». На нас на самом деле никто не смотрел. Все на нас плевать хотели. Каждый был занят только собой: своими проводами, своими объятьями, своими слезами.

(1941 год)

На земле валялось женское круглое зеркальце. Я поглядел в него с высоты своего роста, сверху вниз, я не поднял его с земли, почему-то побоялся, будто бы оно могло обжечь мне руки; и время незаметно сместилось. На крыльце избы стояла босая женщина. Дети возле её юбки переступали с ноги на ногу, и все были босые. Два мальчика и две девочки. У бабы выпирал из-под фартука большой живот. Она ждала пятого.

– Пройдите до хаты, – сказала баба холодно, без поклона, без подобострастия.

Я протопал от забора к избе, тяжело поднялся по ступеням крыльца. Дети попятились. У младшей девочки были такие большие глаза. Как блюдца. Она держала палец во рту и сосала его. Я прошёл в избу первым, баба с детьми вошла за мной.

Знакомая картина. Изба и голые чистые доски. Белёная печь. В печи – чугунок. В чугуноне, ноздри мои раздулись и хорошо поняли это, – Schie. Я едва заметно улыбнулся. Это была улыбка для самого себя. Беременная баба схватила полотенце, обняла обеими руками чугунок и осторожно поставила его на стол. Ну так и есть, всё как надо: и жирный кус мяса, и кружкы моркови, и мелко нашинкованная капуста, и репчатый лук плавают на поверхности. У русских церковью купола похожи на луковицы. Это не я первый заметил. Это знают все. Почему? Не знает никто.

Баба что-то говорила – по-русски или по-украински, мне, честно, было всё равно. Передо мной ловкие руки, с пальцами в заусенцах, поставили миску, и большой половник плеснул в миску Schie. Я ткнул пальцем в большой живот бабы и спросил:

– Was heisst du? Как твой имя?

Баба положила на живот руки. Она поняла мой вопрос, но медлила с ответом.

Ложка лежала рядом с миской и ждала, ржаной хлеб ждал на тарелке. Я начал есть.

– Нина, – тихо сказала баба.

И я вздрогнул.

В зеркале, висящем на срубовой стене, я видел жрущего себя. Между бревнами сруба торчала пакля, для тепла. Пламя бесилось в печи. Наступала с севера осень, а эти полоумные крестьяне всё ещё ходили босиком. Я глядел в зеркало на свои седые виски, на исполосованное морщинами лицо. Нина, перед моим уходом на эту войну, на этот чертов обещанный блиц-криг, изменила мне. Она изменила мне с моим другом, чахоточным Вильгельмом. Так бывает. Так часто бывает. Ничего не поделаешь.

– М-м-м-м, – замычал я довольно, – великолепные Schie. Просто превосходные. Ты превосходная хозяйка.

Я говорил это по-немецки, и баба ни черта не поняла. Я показал пальцем на тарелку, сжал кулак и потряс им, и потом рассмеялся.

– Aber вотка? Russische Wodka? Hast du Wodka? Nein?

Баба кивнула. Засуетилась. Её юбка, её белая навывпуск, вышитая красными узорами рубаха замелькали по избе, она так носилась, будто бы начался пожар. Откинула крышку сундука. Вытащила огромную бутылку, в ней плескалась туманная, голубая, призрачная жидкость. Баба бухнула бутылку об стол, достала из шкафа и обтёрла юбкой гранёный стакан. Я поморщился. А вдруг она этой же юбкой подтирается, когда отольёт? Эта мысль меня рассмешила, и я взял стакан, выпростал из-под ремня полу гимнастерки и болотным сукном протер стакан ещё раз. По крайней мере будет хоть мной самим пахнуть.

Я махнул рукой. Баба подхватила дикую бутылку, наклонила её и плеснула в стакан водки.

Я поднял стакан, водка дрогнула. Баба стояла недвижно. Её лицо было тоже неподвижным, почти как у них у всех, у славян. Широкие каменные скулы, твёрдый подбородок, волосы, гладко зачёсанные, выбиваются из тощего пучка на темени и падают на круглый, как мяч, лоб. Глаза вроде глядят, а как будто не глядят. Может быть, они глядят внутрь себя. И не хотят видеть войну.

– За победу великой немецкой армии! – сказал я, глядя ей в эти её светлые, ничего не видящие глаза и понимая, что она ничего не понимает и никогда не поймёт. – Победа и слава! Слава! Победа! Слава!

И выпил Wodka, и опять стал хлебать Schie, они уже немного остыли и уже не обжигали рот.

За окном затарахтел мотоцикл. Приехали мои ребята. Они появились на пороге, стаскивая краги, весело переговариваясь. Мы заняли ещё одно село. Его надлежало сжечь. Таков был приказ. Таков был мой приказ.

– По вашему приказанию прибыли, господин генерал-майор Верховен!

Я хлебал Schie. Жестом показал им: садитесь.

Загрели миски, забегала по избе баба, дети выглядывали из-за двери, как сурки.

Бутылку мы опустошили. Мы не поверили, когда в ней показалось дно. Мне стало жарко, я расстегнул китель. Баба смотрела на мою пропотевшую гимнастёрку.

– Где твой муж? – спросил я, догрызая хлебную корку. Я сознавал, что я крепко пьян. – Он воюет с нами? Он партизан?

Баба услышала слово «партизан» и помотала головой.

– Ты немая, что ли?

Она стояла молча. Потом ушла за печь, за ширму в цветочках, и я видел из-за стола, как она наклоняется, и из-под юбки торчат её белые сильные ноги: она стлала нам постели.

Мы рухнули и заснули как убитые. Среди ночи я встал и пошёл искать бабу. Дети спали на печи, прижавшись друг к дружке, а она постелила себе в сенях. Там было холодно и пахло полынью. Она лежала на полу, на расстеленном мощном тулупе. Я переспал с ней. Было очень неудобно, её круглый большой живот мешал мне, и я повернул её к себе задом. Она не издала ни слова, ни стопа, ни звука. Я даже не понял, хорошо ли ей, зато мне было очень хорошо. Я мстил Нине, и эту тоже звали Нина, и я, двигаясь быстро и бешено, рычал и кричал: «Нина! Нина!» Потом я лежал рядом с ней. Мне было спокойно и горько. Я ни о чём не думал: ни о войне, ни о мире, ни о времени. Они должны были всё решить сами, за нас. Пройти и зачеркнуть нас, как нечто ошибочное, ненужное.

Наутро мои солдаты подожгли село. Избы горели мощно и ярко. Чёрные доски трещали и рушились. Стоял гул, который всегда бывает на пожаре – гудело пламя. Баба по имени Нина стояла возле своей избы и глядела, как она горит. Она молчала. Двоих её детей уже застрелили мои ребята: мальчиков. Они валялись тут же, у её ног. Девочки держались за её юбку. У младшей глазёнки стали ещё больше, во всё лицо. В них гуляли отсветы огня. Я усмехнулся. Во мне уже давно, века назад, умерла жалость. Это к лучшему. Иначе можно спятить. А разум такая драгоценная вещь; его за деньги не купишь.

– Нина? – сказал я. Я понимал, чего она ждёт. – Нина! Не хочешь жить? Всё ужасно, правда?

Она упала передо мной на колени. Не потому, что она меня хотела попросить о пощаде. У неё просто подогнулись ноги: они больше не могли её держать.

Я вынул из кобуры пистолет и выстрелил сначала в неё, чтобы она не видела смерти детей, потом в обеих девочек. Они все, вся семья, тихо и мирно лежали передо мной. Сколько я видел в жизни трупов! Когда-нибудь я сам трупом стану. Стану, ничего не попишешь.

Я увидел, как у неё, мёртвой, внезапно вздулся и зашевелился живот.

Он шевелился недолго.

Когда армия Рейха отступала, мне довелось пройти через то же село. Вернее, через его пепелище. Конечно, никаких тел Нины и её детей я там не увидел. За эти годы их либо расклевали вороны и съели собаки, либо их похоронили те, кто чудом остался тогда в живых.

(.... год)

Крошечная, выпитая жизнью до дна и забытая временем старуха, седая птичка, медленно подбрела к письменному столу.

Долго и осторожно усаживалась в кресло, поправляла под собой вышитую подушку с синим попугаем.

Очень болела голова; и надо бы её перевязать мокрым полотенцем, и надо бы сделать обезболивающий укол.

Вон они, и ампулы, и шприцы, в большой старой хрустальной пепельнице на краю стола.

Нет, потом, всё потом; она перетерпит боль; сначала письмо, вдруг оно уже пришло?

Отодвинула коробку с мотками ниток и клубками разноцветной шерсти. В самый большой клубок воткнуты серебряные спицы. О, жаль, котёнка нет. Котик бы с клубком поиграл.

Дрожащими руками она нажала кнопку. Старый компьютер загудел не хуже автомобиля.

Разгорелся экран монитора. Она, водрузив на нос огромные, в позолоченной оправе, очки с толстыми, как сгустки льда, тяжёлыми стеклами, стала водить в воздухе

носом, рассматривая то, что возникало на экране, а потом навеки пропадало в его болотной глубине.

Она ждала письма от правнука. Она очень его ждала.

А письма всё не было.

Как изумительно, как чудесно время, какой оно преподнесло нам всем подарок: почта доставляется тебе мгновенно, глазом не успеешь моргнуть, её надо лишь послать. Не полениться. А он ленится. Ленивый мальчик! Забыл прабабушку!

Маленькая, как воробей, старуха склонила набок кудрявую беловолосую голову и стала ещё больше похожа на птицу. Она с трудом, щуря полуслепые глаза, читала вязь букв в белых снегах, на чёрной земле. Внезапно волшебный ящик издал тихий звон. О Боже! Благодарю тебя!

Медленно, смакуя, напрягаясь, наслаждаясь, она разбирала на экране слова, по слогам, по буквам, по молекулам, она готова была разъять их на хромосомы и гены и обсматривать, обсасывать, обцеловывать, гладить, дышать на них и молиться ими.

Милая бабушка, здравствуй! Прости и пойми меня. Я и мои друзья уехали воевать в Ирак. Я вступил в великое религиозное сообщество Джамаат ат-Таухид валь Джихад. Я принял ислам, это теперь моя вера и моя жизнь, наконец я нашёл себя. Я нашёл Бога Истинного, Всемогущего. Я счастлив. Я буду обязательно писать тебе из Ирака. Если меня убьют, тебя известят об этом мои друзья, я оставлю им твой электронный адрес. Пожалуйста, сходи на могилы родителей и дяди Вильгельма и поклонись им. Береги себя и будь здорова. Твой Галиб. P. S. Я поменял имя, когда принимал Ислам. Я больше не Эккахарт. Я Галиб, это значит «победитель». С этим именем я умру за Аллаха, Великого и Всемогущего, если понадобится. Аллаху акбар!

Пальцы, дрожа, ловили непослушную юркую игрушечную мышь, слепнущие глаза, плывя мёртвыми рыбами в толще ледяных стёкол, растерянно шарили по прозрачной, призрачной бездне экрана. Из бездны наплывала картина,

она ожила. Человек в чёрном балахоне и в чёрной маске заносил нож над глоткой коленапреклонённой женщины со связанными за спиной руками. За их спинами бился прибор, неслись сердитые тучи. Человек в чёрном проводил лезвием по незащитному женскому горлу. Старуха ещё раз, и ещё раз, и ещё раз включала страшное видео. В разрезе маски сверкали глаза. Глаза Эккахарта? Неужели она ошиблась? Неужели она ошиблась во всём, и теперь уже навсегда?

Под столом ближе, всё ближе придвигались, всё плотнее, теснее прижимались друг к другу две маленькие старые, сухие птичьи ножки. Ножки в старых, невозможно старых, до паутиной тонкости растоптанных туфельках с кожаными глупыми бантиками. Туфли столько не живут. Люди столько не живут. Да и любовь столько не живёт. А сколько живёт любовь? Век? Целый век?

А война? Она так быстро умирает. А люди всё помнят её, и всё гремят в честь войны салюты, и всё льются по щекам слёзы: люди плачут по убитым и по тем, кто ещё не родился.

А может, война идёт целую вечность. Целый век. Века напролёт.

Олег РЯБОВ

«ЯВА-350»

Мы были нормальными городскими пацанами, и кроме учебы в школе у нас хватало времени и на вечерние сборища с гитарами по подъездам, и на занятия в спортивных секциях, и на разные творческие кружки во Дворце пионеров: бальных танцев, радиосвязи, резьбы по дереву.

Мои родители получили новую квартиру в Нагорном микрорайоне, когда я учился в шестом классе, и мне пришлось менять школу. Кроме меня в новом классе оказался ещё один новичок, Вовка Карпов, невысокого роста, рыжий и веснушчатый; его все сразу же стали звать Карпухой. Естественным образом мы с ним оказались за одной партой, а потом и подружился.

Не помню, кто был главным зачинщиком, но мы решили записаться в какую-нибудь спортивную секцию – это давало бы нам право не ходить на уроки физкультуры, а только сдавать раз в четверть определённые нормативы. Почему-то начали мы с секции гребли; наверное, потому, что мать у Карпухи тоже когда-то в молодости занималась греблей и была даже какой-то чемпионкой, по его словам.

На водной станции «Динамо», что располагалась чуть повыше Окского моста, мы познакомились с тренером по гребле на байдарке, звали его то ли Иван Иванович, то ли Сан Саныч – не помню. Он нас расспросил о нашем житье-бытье и велел приходить на другой день.

Начиналась осень, светило холодное сентябрьское солнце, на лодочном дощатом тренировочном причале стояло несколько ребят и наш тренер Сан Саныч. Тут же

лежали две парных распашных байдарки, да на воде, выше по Оке, ещё видны были две распашных «двойки»: одна шла вверх, а вторая подходила к причалу. Тренер спросил у нас, умеем ли мы обращаться с веслами, а мы радостно закивали головами: «Конечно, конечно!». Скинув курточки и брюки, мы остались в трусах и майках, а двое ребят помогли нам устроиться в байдарке и оттолкнули её от причала.

– Давайте посмотрим, как вы умеете с веслами работать, – пробормотал довольно язвительно Сан Саныч.

Мы перевернулись «оверкиль» через пять минут автономного плавания, уже на середине Оки. Вода была очень холодная. С большим трудом, таща за собой тяжеленую посудину, мы выгребли на Гребные пески, которые теперь на пески уже не похожи, а похожи они на большой остров, заросший ивняком и камышами; а когда-то тут был городской пляж. В тот день на этих песках у костерка с бутылочкой, да и не с одной, отдыхали какие-то ребята. Они с интересом наблюдали всё наше купание и пустили нас погреться у огонька и даже угостили пропустить по глоточку «вермута», которого у них было в избытке. Мы сделали по два или три глотка прямо из бутылки. Так мы с Карпухой потеряли свою алкогольную девственность.

Сан Саныч и двое его подопечных учеников подкатили к нам на «москвиче-каблукке» на удивление быстро. Нас колотило, как при хорее, мы дрожали всей своей шкурой. Сан Саныч привез нам наши одёжки и развёз по домам. И если я просто простудился и, пролежав с неделю дома под одеялом, пошел в школу, то у Карпухи всё оказалось куда серьезнее: он слег в больницу с двухсторонним воспалением легких и появился в классе только через месяц. В общем, с греблей было покончено раз и навсегда.

Но поиск подходящей нам спортивной секции продолжился, и вскоре мы оказались в спортивном зале «Клуба чекистов», в секции бокса. Хотя и тут нам не очень повезло: через два дня Карпухе на ринге в пробном спарринге сломали нос, а я проходил с симптомом очков тоже несколько дней. Зато там же, в «Клубе чекистов», мы познакомились с великим тренером по фехтованию Юрием

Казанджаном. Это был действительно великий человек, воспитавший Свешникова и Шишову.

Сейчас героями снов и грёз молодежи становятся какие-то Катя Лель, да Катя Огонёк, да непонятный Прохор Шаляпин, да сомнительный Дима Билан. В наше время на эстраде мы признавали только Людмилу Зыкину и Леонида Утесова. Зато спортивных героев, которым рукоплескал мир, в честь которых звучал гимн СССР и которых стоя приветствовали и президенты США, и королева Англии, мы всех знали по именам с подробностями их достижений и побед. Перечислить? Не буду! Казанджан был тем человеком, который выращивал чемпионов.

В секцию по фехтованию мы сходили тоже пару раз и забросили: скучным нам показалось это занятие.

Потом наступил Новый год и зимние каникулы. Мы целые дни проводили или на лыжах, или на дворовой хоккейной коробке. Только один из наших одноклассников Толик удивлял нас: он три дня подряд ручной ножовкой пилил толстенную свалившуюся у нас на школьном дворе старую липу. Нам он рассказал, что ходит во Дворец пионеров в кружок резьбы по дереву и их руководитель велел всем, кто сможет, принести обрезки липы. Мы с Карпухой помогли Толику и на трамвае отвезли во Дворец пионеров три приличных липовых чурбака.

В вестибюле Дворца пионеров мы стояли разинув рты: это был действительно дворец. На стене висело расписание занятий кружков и секций, которых было великое множество.

– Давай запишемся в авиамодельный кружок, – сказал Карпуха.

– Зачем? – спросил я.

– А мы с тобой потом лётчиками станем.

– Ну, давай, – ответил я.

Хотя я никогда не хотел стать лётчиком или космонавтом – я с детства хотел стать либо садовником, либо дирижером.

Так мы попали в авиамодельный кружок, которым руководил Александр Федорович, мужчина лет тридцати пяти, и в который кроме нас раз в неделю, по четвергам, ходили

ещё шесть человек, ребята наших лет и постарше. Правда, в полном составе мы никогда не собирались: приходили обычно четверо или пятеро. У каждого из нас был свой стол или верстак, и каждый был занят своей работой или моделью. Старостой нашего кружка был парень старше нас года на три, звали его Борис.

Александр Федорович был мужчина серьёзный, даже суровый, из бывших военных, кроме авиамодельного кружка он вел ещё и судомодельный, и секцию плавания. Бассейн Дворца пионеров находился в отдельном здании тут же, рядом с дворцом. С нами он не позволял себе никакого амикошонства, требовал точности и порядка, и матом ругаться не разрешал. Правда, в качестве любопытного развлечения, каждый раз после занятия, пока мы убрали свои рабочие места, он травил нам с серьёзным видом какую-нибудь байку. Как правило, эти байки были про его мнимых друзей из довоенного детства, а может, и послевоенного, в общем, про бандитов. Пока мы убирались, он садился на верстак, закуривал свой «Казбек» и начинал всегда как-то так:

– Так вот, помнится, мой сосед по дому, Славка Сорокин по кличке Курыга, после очередного побега из лагеря, а сидел он за колючкой под Пермью за разбой, залез в наш сарай, который стоял во дворе, чтобы перекантоваться. Я его там обнаружил, когда ходил за дровами, принес одежду другую, попримичнее, и пару бутербродов принес. Он мне тогда и рассказал, как бежал из лагеря по трубе канализационной, полз десять километров по параше на карачках до какой-то речки, куда сливалось всё это добро. Потом два месяца шел по тайге пешком до Красноярска, а это триста километров. Вы кто-нибудь когда-нибудь бывали в Красноярске? Красноярск – это столица золотодобычи. Там есть ресторан «Огни Енисея», где местные старатели расплачиваются только золотом. У каждого есть свой мешочек с золотым песком, и у каждого есть своя алюминиевая кружка, которой они только и пользуются, когда спирт пьют, как старообрядцы. Пьют там только спирт: пять шестьдесят две бутылка, на этикетке так и написано «Спирт питьевой». И, если такой пьяный старатель-золо-

тодобытчик заснет за столом, его никто не смеет тронуть или разбудить. А мой сосед Курыга не знал этого, украл у одного мешочек с песочком золотым и не знает, что теперь ему делать. С одной стороны, у Славки наколка есть на языке «ВОР», и никто ему не предъявит, что он у какого-то фраера украл золото, а с другой, нарушил он местный обычай, а это наказывается так же сурово, как и воровские понятия. Только он пожевал и рассказал свою историю, как в открытую дверь сарая мы увидели, как к нам подходят три милиционера с пистолетами в руках. А Славка тут выхватил из-под ящика свой пистолет и начал в них стрелять. Только недолго он стрелял: первая же милицейская пуля попала ему в лоб.

Каждый четверг, сметая стружки со своих верстаков, мы слушали занимательные истории из жизни нашего руководителя.

Карпуха мастерил очень большой планер, а я делал кордовую модель, которую мы испытали через месяц, стоя прямо в снегу во дворе за Дворцом пионеров, разбитом под небольшой парк: там была удобная площадка. На ней стоял фонтан с чугунным Русланом, держащим за бороду взлетающего Черномора, но места для кордовой модели хватало. Ребята постарше делали две таймерных модели, которые планировалось испытывать в мае. Я же стал помогать Карпухе: резал из бамбука тонкие палочки, которые гнул над пламенем спиртовки, чтобы потом из них изготавливать нервюры для крыла.

В начале мая Карпуха со своим планером занял первое место на городских соревнованиях.

Мы уже знали к тому времени, что Александр Федорович – бывший летчик-испытатель, майор в отставке. Работал он когда-то на 21-м заводе, испытывал МиГи, и уволен был в запас после того, как отказался идти в испытательный полет, в котором вместо него погиб его товарищ и наставник Герой Советского Союза полковник Иван Сергеевич. Наш руководитель отказался идти в полет, зная, что есть серьезная недоработка, на которую он указал техникам при подготовке, но которую те не исправили. Эту историю он тоже рассказал нам, как всегда, очень сочно и без шуток.

Но в мае произошло ещё одно важное событие. Если зимой и в начале весны за нашим руководителем приезжала дама на «Москвиче» и забирала его с собой, а мы её почти и не видели, то в мае мы её разглядели и познакомились.

Её звали Лиана. Ей было лет двадцать пять, и сквозило из неё что-то мальчишеское, спортивное и в то же время очень сексуальное: светлые волосы, короткая стрижка с челкой, курносая, глаза цвета спелой вишни, полные губы, постоянно насмешливый взгляд, одета она была всегда в джинсы «Ли» небесно-голубого цвета, короткие сиреневые сапожки и часто сменяемые белоснежные блузки или футболки. Приезжала она теперь не на «Москвиче», а на мотоцикле «Ява-350» ярко-красного цвета с огромными хромированными выхлопными трубами. Для нашего детства «Ява-350» была символом богатства и свободы-мыслия: примерно как сегодня «Харлей-Дэвидсон». Этот аппарат проносился по улицам красной молнией, блистая своими выхлопными трубами. «Иж-56» тоже был мощным аппаратом, но не было в нем изящества и шика – рабочая машина.

«Москвич» стоял теперь в гараже Дворца пионеров.

Между делом наш Федорыч как-то обронил, что это он купил и подарил Лиане такую игрушку: уж больно ей хотелось «Яву-350»! Мы верили: летчик-испытатель, даже в отставке, может себе позволить делать такие подарки любимой девушке. Мы все тогда были влюблены в Лиану: и пацаны постарше, и я, и, конечно, Карпуха. С нами она обращалась по-товарищески, но чуть-чуть снисходительно, а вот в отношениях нашего руководителя и его пассии чувствовалось взаимное доверие, внимание и забота: всё по-взрослому. Когда они что-то обсуждали, было на них приятно смотреть – красивыми они мне тогда казались в паре.

Май и июнь для нас, авиамоделлистов, был периодом проб и соревнований. Хотя и начались школьные каникулы, но все наши ребята, занимавшиеся в кружке, остались в городе. Собирались теперь два раза в неделю. Свои кордовые модели и планеры мы испытывали и во дворе Дворца пионеров, и на стадионе «Динамо», а вот таймерные

возили на ипподром, который находился на краю города. Лиана часто ездила на такие пробные испытания и на соревнования вместе с нами.

Предварительно готовилось топливо для наших моторных моделей; оно делалось из смеси эфира и керосина с добавкой масла. Варил эту смесь только Александр Фёдорович лично, а воняла эта гадость отвратительно. Из гаража выгонялся автобус «Кубань», в него грузились мы и наши летающие мечты. За рулем сидел всегда сам Фёдорыч.

Сейчас, спустя почти полвека, мне становится очевидным и очень зримым, как их с Лианой симпатии развивались, а точнее менялись в течение этих последних двух месяцев. Если в начале мая их нежность по отношению друг к другу просто резала нам глаза, хотя они и старались скрыть её от нас, то в конце июня, когда случилась беда, появилось уже в этих отношениях напряжение. Александр Фёдорович иногда прижимал свою Лиану к себе, а она что-то шептала ему задумчиво.

«Ява-350» весит почти сто пятьдесят килограммов и, если мотоцикл упадёт, то субтильной девушке или пацану наших лет поставить его снова на колёса в одиночку довольно проблематично. Кто как-то неаккуратно задел мотоцикл в тот день, или сама Лиана неправильно выставила подножку, сейчас уже и не важно – только машина оказалась лежащей на земле. Лиана бросилась его поднимать, и Карпуха стал ей помогать, а потом и я подскочил – мы вместе смогли всё исправить.

А Лиана, чуть-чуть согнувшись, отошла к скамеечке, стоявшей у стены, и присела. Тут из помещения вышел Александр Фёдорович.

- Саша, – позвала она его, – у меня, кажется, беда.
- Что случилось?
- Кажется, у меня всё кончилось.
- Что кончилось?
- Вызови скорую помощь.

Лиана держала свои руки в промежности, но мы всё равно заметили, как её небесные джинсы меняют цвет, пачкаясь кровью.

– Помогите мне, – крикнул Фёдорыч нам с Карпухой.

Мы втроем смогли усадить Лиану в автобус, не дожидаясь скорой, и они уехали.

– А что случилось-то? – спросил у меня Карпуха.

– Что-что, – передразнил его Борис, наш староста, – выкидыш у неё случился, ребеночка она потеряла. А может, и Фёдорыча тоже потеряла.

Пацаны разошлись по домам: кто через полчаса, кто через час – мы с Карпухой сидели до темноты.

На следующий день мы приехали во Дворец пионеров, но руководство нам ничего вразумительного про Фёдорыча и про мотоцикл не сказало. И через день мы тоже приходили, хотя ничего интересного и важного не узнали; нам просто сказали в дирекции, что до сентября авиамодельный кружок работать не будет.

Но в сентябре мы с Карпухой в кружок почему-то не пошли.

И до сих пор я ничего не знаю про Федорыча.

А вот Лиану и «Яву-350» помню очень хорошо.

Сергей ШУСТОВ

НА ПАСЕКЕ

Обычно пишут так: следы вели... А тут следы никуда не вели. Их просто не было. Была чуть заметная тропа, но на ней не было следов. И было непонятно – в какую сторону двигаться, так как обычно идут, если заблудились, туда, куда более протоптано. А тут следов не было...

Короче, мы заблудились. Хотели как лучше, а получилось...

– Давайте срежем, давайте срежем! – передразнивал довольно правдоподобно и зло Валера Никиту. – Срезали!

Лес переходил в мелколесье, попадались мочажины, наполненные черной болотной водой. В них, словно специально поставленные в вазу, цвели охажками милые и трогательные незабудки. Вика восторгалась ими – как всегда. Но – недолго, так как вид черной воды, встречающейся все чаще и булькающей под берцами, вытеснил из головы приятные цветочки. Нужно было что-то решать. Возвращаться по своим собственным следам? Вика негромко намекнула, что должен решить этот вопрос Антон. Он – главный. И уже хватит играть в демократию! Вика так и высказала свою мысль, чуть увеличив громкость голоса (в нем уже чувствовался страх):

– Поиграли и хватит. Пусть Антон скажет, а мы будем выполнять. Должен же быть кто-то решающей сейчас!

И все посмотрели на Антона. Тот скинул рюкзак, выискав предварительно кочку повыше и примяв при этом незабудки.

– По карте, мы вот здесь. Но – не точно. Река должна быть близко, сами видите, мы идем под уклон, с водораздела.

Предлагаю так: ровно час мы идем по этой чертовой тропе. Если никуда не выйдем на понятные ориентиры, повернем обратно. Засакайте время.

Вместо того чтобы что-то возразить, или согласиться, или бодро пойти вперед, все четверо дружно скинули рюкзаки тоже. Как по команде. Слов не понадобилось. Привал! Чай из термоса, последний, кстати, пили стоя – садиться на колючие неприветливые кочки как-то не хотелось. И так еле-еле место сухое рюкзакам нашлось. Схрупали по галете. Голода еще не чувствовалось. Но чувствовалось другое у всех в головах: хорошо бы найти место для костра, обсушиться, отдохнуть и понять, наконец, где мы. И – куда дальше?

Время засекали сразу, как только встали в лямки рюкзаков и тронулись. Час так час! Хоть что-то конкретное решили. Вика молча смотрела на Антона – и было неясно, одобряет она его решение или ненавидит сейчас командира всей душой, как, впрочем, всегда в трудные минуты отношений между ними. Только дай поцапаться, говаривал балагур Никита, враз растерзают друг друга на молекулы. И это при том, что – большая любовь!

Все это знали. И даже рассудительный и склонный к философствованию Валерий всегда искренне удивлялся: как это так два человека могут любить и ненавидеть друг друга столь откровенно и крепко одновременно и обоюдно!

– Я полагал, что такое только в книжках бывает, да в фильмах. Выдуманное. Ан нет – реальность решительно превосходит все мыслимые и немыслимые фантазии!

Шли молча, угрюмо. Погода портилась. Было заметно, что ночью разразится гроза: воздух тяжелеет, наливался влагой, дышать становилось трудно, вся одежда давно уже сделалась противно липкой. Под ногами время от времени вновь хлюпала болотная жижа. И только милым незабудками было все нипочем: они весело тарасились на усталых путников из мочажин, словно подбадривая... А может, заманивая в самую сердцевину трясины. Перед глазами троих (впереди шел Антон, как и положено лидеру) постоянно мелькала диким цветом своим оранжевая вязаная шапочка Валеры – «имени Жака Кусто», как именовал её сам обладатель. Она служила ему талисманом во всех по-

ходах – и на Памире, и в Хибинах, и здесь, на маленькой, затерянной в великих русских лесах речке Олейме.

– Если не на голове, то хотя бы под рукой! – ласково оглаживал свой «оберег» Валера. Сейчас, в жару, она была аккуратно заложена за один из многочисленных ремней его рюкзака – и мозолила своим диковатым, несоответствующим окружающей природе цветом глаза сзади бредущих.

– Вот ты говорил как-то, – неожиданно громко нарушил монотонность ходьбы и тишину Никита, обращаясь к вечно молчащему Ваську, – дескать, твоя пассия – кажется, её Кристиной зовут? – сообщала тебе, что завидует. Нам завидует. Что мы вот так отрываемся.

– Ну, говорил, – угрюмо отозвался Васёк. – И что?

– А чему она, собственно, завидовать-то собралась? Романтике? Комарам? Лишениям? Она хоть раз бывала в походах с ночевками?

– Никогда, – Васёк вспомнил свою Кристинку, изнеженную городскую девушку, работающую в косметическом салоне, и даже рассмеялся. Настолько дико было представить её, хрупкую и всю насквозь домашнюю, в халатике, с накрашенными накладными ноготками, сейчас вот здесь, в берцах, с кровавыми мозолями, с волдырями от укусов слепней, с облупленным от загара носом. – Она в первую же ночь в палатке у костра всех обматерит и вертолет обратно закажет!

– Вот я и думаю, чему они завидуют-то? Они же совершенно не представляют себе условий, в которых происходят настоящие походы. А восторги, тем не менее, у них припасены!

– Оставьте эту тему, – громко, но миролюбиво отозвался шедший во главе колонны Антон. – Люди всегда завидуют тому, чего сами толком не знают. Типа хорошо там, где нас нет. То есть – не были, не знаем, но – хорошо! Так человек устроен по-дурацки – завидовать всегда кому-то.

– Вот для чего иной человек напивается? Или колется? – вдруг спросила словно сама себя Вика. И сама же ответила: – Для того, чтобы побывать в измененном психическом состоянии. Прежнее надоело, а новое – любопытно. Интересно. Хоть и последствия ужасные.

– Ага, человек – единственное живое существо, которое страсть как любит ставить над собой эксперименты, – подержал тему Валера. – Часто смертельные!

– Всё это имеет научный термин, – послышался солидный голос Антона. – Эскапизм. Уход от действительности. Кто религией, кто вейпами, кто играми в танки себя отвлекает в иные миры.

– А мы вот что? Ушли тоже от нее? – иронически хмыкнула Вика.

– А как же? Конечно! Из огня – да в полымя! Из городских трущоб – в лесные чащобы!

– Возможно, это такой стимул для развития. Природа придумала. Чтобы каждый не сидел всю жизнь в своей скорлупе, а попытался попробовать что-то другое. Непонятное пока ему, – это пустился в рассуждения Никита. – Это – как мечта. Вроде как попытка побыть другим.

– Только далеко не все на эту попытку решаются, – буркнул Васёк. И опять подумал о своей ненаглядной Крестинке.

– И слава богу, – подвел итог разговору Валера.

Все опять замолчали, стараясь шагать в такт и втайне надеясь, что тропа выведет, наконец, к понятностям и определенностям. Лес вокруг, темный и сырой, состоящий сейчас почти сплошь из темнохвойных елей и корявого осинника, молчал тоже, казался угрюмым и неприветливым. В нем сидела какая-то пугающая тайна, от которой следовало уже уйти. Покинуть это темное место. Выйти в свет... Одна только Валерина «кустовка» задорно светила – как маяк во тьме заблудшим путникам – среди этого тусклого, затаившегося мира.

Обычно пишут так: «Сейчас бы горячую ванну, шампунь с кондиционером 2 в 1 и фен», – мечтательно произнесла девушка. Но Вика ничего не сказала. Но подумала примерно то же.

.

Ровно через сорок восемь минут еле заметная тропа уперлась в забор. Точнее, то, что можно было в данной тяжелой ситуации назвать неким заборообразным строени-

ем. Его делал явно человек. Слеги были натканы давно, но стиль...

– Вологодский! – повеселев, констатировал Антон. – Так на севере ограды от коров ставят, внаклонку.

– Только коровы сейчас нам и не хватает, – пробовал пошутить Никита. А вечно молчащий Васёк неожиданно бодрым голосом объявил:

– Не отказался бы от коровы! Сначала – молоко выдоил бы досуха, а потом саму под нож, на котлеты!

– Ну ты, Васёк, даешь стране угля! – хохотнул Антон. – Какое кровожадство, а! – И он мельком, но со значением глянул на Вику.

– Далеко ли у тебя твоя газовая горелка? – это Никита обращается к Валере. – Сейчас самое время чай скипятить. Все-таки с Fast-Boil куда как веселее играть в походников!

Валера молча шарится в рюкзаке. Он и сам не прочь глотнуть сейчас крепкого чайку, да с бутербродцем, да с не одним! Группа предвкушает отдых. Может, и нет тут никого, но всё человеческое жильё!

Обычно пишут: залаяла собачонка. И, юля, бросилась под ноги. Но никаких собак и тревожных взлаиваний, хотя бы вдалеке, не наблюдалось и не слышалось. Что же, действительно нет тут никого живого?

Зато большая, вся в пестринах, сова слетела с наклонной жерди и неслышным пируэтом исчезла в лесной чащобе.

– Вот тебе вместо коровы! – съехидничал Никита.

– Ничего себе! Корову-то я вроде видела, а вот сову вживую так близко – первый раз! – успела повосхищаться Вика, уже пришедшая в более приподнятое состояние духа. Ясно же – где-то тут люди должны быть. Впрочем, совы с людьми не ладят и живут вдалеке друг от друга, не так ли?

– А это что такое?

Друзья с некоторым удивлением рассматривали отдельно стоящую в загородке вертикальную жердь, толще и крепче остальных, на вершине которой болтался по ветру не то недоделанный скворечник странной формы, не то замшелый от времени барабан какого-то языческого племени.

– Капище никак! Сейчас язычники полезут на нас с серпами и молотами, – вновь, бодрясь и радуясь мысли, что хоть куда-то к людям вывел группу, молвил предводитель.

И в самом деле: где-то совсем рядом звякнуло что-то металлическое, потом что-то закрипело, и в густой траве, в полусотне метров от тына, отверзлась дверь. Словно бы из-под земли! И выпростался следом за этими звуками небольшой мужичок. С ноготок. Как в сказке.

– Робятки, ищите кого? – словно пропел он тихим спокойным тоном.

Первой очнулась от наваждения Вика:

– Дедуль, мы заблудились. Мы туристы. Никак к Олейме не выйдем. Нас там на байдарках ждут у Горелого моста.

– Заблудиться тут проще простого, милые мои, – вновь спокойно, словно каждый день принимал здесь туристические группы, отвечивал дед. – А вы проходите вон к домушке моему, отдохните! Как заблудились – расскажете... А я подскажу, как выпутаться.

Обычно пишут так: было сразу видно, что старик словоохотлив, это раз, а, во-вторых, соскучился по живому общению. Замшел тут один. Да и, кстати, что это он тут в такой глуши лесной делает? Как оказался?

Постепенно, за разговорами, выяснилось и это: дед оказался пасечником.

– Пчеляк я, робятки. Все лето с апреля тут живу... С пчелками возжусь... Вот вы первые, кого с апреля из людей видел.

– Дауншифтер! – восторженно шепнула Вика на ухо Антону. – Первый раз живого отшельника вижу!

– Анахорет! – авторитетно крикнул Васёк.

Ребята с удовольствием растянулись на скошенной лужайке. Вон и коса прислоненная к тыну стоит. Никита доставал из рюкзака припасы. Антон вытащил бутылку водки, можно по глотку, с устатку, да и «продезинфицировать полость рта», как говорит Вика, не мешало бы. Голод уже стучался в желудки. А дядя Саша ставил на сбитом из старых досок столе, прямо на поляне, большой самовар.

К нему ладилась вся закопченная и полуржавая труба буквой Г. Дедом деловито были извлечены из какой-то подсобной коробки смолистая щепка, традиционный кирзовый (весь помято-стоптанный, словно специально) сапог «для роздува» и набор грязных (по крайней мере, по виду) кружек самого простого пошиба.

– До Олеймы, робятки, вам еще топать да топать. Километров с десятков будет. Да и то если напрямки. Покажу дорогу-то, а пока отдохните.

– А как же вы продукты-то себе доставляете сюда? Чем живете?

– Да много ли мне надо? Весной закупился, завез на лошадке, вон в сарайке стоит-отдыхает, – дядя Саша сделал широкий жест в сторону чуть виднеющихся поверх травы и зарослей малины построек, – да с тех пор и живу в полном достатке. А как что спонадобится – Люську запрягу да в сельцо наведаюсь вновь... За все лето раза два и бывают у меня такие рейсы.

– А далеко ли до села? Это ведь Благовидово? Нам бы тоже туда заглянуть, затариться.

– До Благовидова двенадцать верст, робятки. Вам лучше к Кикино пойти, тут ближе. Токма там сельпо через раз работает, можете не угадать. Сидайте к столу!

Пока дядя Саша суетился и всё таскал какие-то поставки к месту застолья, то наполненные янтарным медом, то солеными огурцами большого размера, туристы тоже не дремали. По походным пластиковым стакашкам твердой рукой предводителя была начиречена водочка, а Вика со знанием дела кромсала сырокопченую колбаску и вскрывала банки с консервами. Валера красивым ярко-красным ножичком швейцарской фирмы «Викторинокс» (где множество лезвий, отверток, штопоров и прочих загогулин, складывающихся и раскладывающихся, как пасьянс, в замысловатые фигуры) священнодействовал над куском аппетитного сала, завернутого в крафтовую бумагу. Прожилки красноватого мяса призывно светились в отрезаемых аккуратно ломтях и вызывали сладкие спазмы в желудках всякого, кто наблюдал сейчас, хоть бы и искоса, за салорезом.

– Экое маленькое, да удаленькое! – восторгался дядя Саша лезвием ножа в руках Валеры. Между тем стол полнился всякой снедью: нужно было растормошить рюкзаки, ибо, как говорил постоянно в походе Никита, «лучше килограмм в желудке, чем грамм за спиной». Вековечная туристическая мудрость. Всюду гудели пчелы. Синий лес стоял стеной за наклонным тыном и дышал покоем. Где-то вдалеке истово куковала кукушка, и шутник Никита громко объявил:

– А скажи-ка ты нам, птица вещая, сколько километров до Горелого моста нам пёхом переться?

Кукушка бодро отсчитала десятка три, потом радостно поперхнулась и продолжила.

– Хватит уже! – засмеялась Вика. И было не совсем понятно, кому адресована её претензия: то ли дерзкому шутнику, то ли неугомонной шутнице.

– Добре, добре! – домовито и уютно ворковал рядом пчеляк, вытирая руки после меда мокрой тряпкой, когда-то бывшей домотканым полотенцем, и озирая предстоящее застолье. – С такой закуской не грех и оскоромиться! Принесу-ка и свою, смородиновую. Отведаете наливочки на пчелиных продуктах жизни...

Все сели на чурбаки вокруг снеди. Дед перекрестился размашисто в сторону ближних ульев, ребята подхватили стакашки, Вика отложила в сторону доску с нарезанной колбасой. Дядя Саша привстал за столом, поймал в волосах запутавшуюся пчелку, бережно выпутал её и, ловко отпустив восвояси, выдохнул столь же ласково:

– Ну, со знакомством! Дай Бог вам доброй дороги на завтра!

– Как у вас тут хорошо! – в тон ему ответила Вика, поморщившись, впрочем, от глотка обжигающей жидкости. Все стали сочно закусывать вначале крупным перьевым луком, обмакивая пучки в большую берестяную солонку, заполненную самой простецкой, грязноватой, крупными кристаллами солью. Подошла Люська и стала клянчить это самое лакомство. Дед выбрал большой ломоть ржаного, обильно насыпал на него из солонки и протянул лошадке. Люська, как воспитанная в светских салонах дама,

изысканно, одним краем губ вначале попробовала соль, а затем, уже зубами, аккуратно взяла весь кусок. И отошла в сторону, отмахиваясь хвостом от оводов и слепней.

– Умная – страсть! Всё понимает. Но людей не любит. Удивительно, что вас приняла за своих.

– Может, и ей водочки плеснуть? – сострил Васёк. И все рассмеялись над незатейливой шуткой.

– А почему у вас собачки-то нет? С ней бы еще веселее было бы, – любовно глядя вслед Люське, произнесла Вика. – В лесу, говорят, обязательно с собакой нужно быть.

– Говорят-то говорят... – откликнулся дядя Саша. – Да не все так просто. Была у меня овчарка. Друзья подарили еще щенком. Намучился я тут с ней. Порода не лесная совсем. Столько хлопот, что не приведи господи. Выхаживал каждую весну после укусов то клещей, то гадюк, то еще каких-то неведомых мне болезней...

– Дворнягу надо заводить здесь, – авторитетно заявил Валера.

– Была и дворняга... – задумчиво, словно вспомнив что-то, пробурчал пчеляк. – Да волки съели.

– Реально? – в ужасе воскликнула Вика.

– Куда уж реальнее. Даже костей не нашел. Только кровавое пятно на снегу.

– А с овчаркой-то что?

– А померла неизвестно отчего. Вон там схоронил. Пришлось глубоко копать, а то волки опять разворошат, черти!

И старик вновь неопределенно махнул рукой куда-то в дальний угол пасеки.

– Я вам так скажу: заводить подле себя живую душу, которая зависит от тебя целиком и полностью, опасно. Ответственность велика шибко. Мне тут каждую пчелку, замученную варроатозом, жалко, а вы говорите – собака... Бывало, вынимаю рамки, а они оттуда, как мусор, мертвые валяются. Меня в слезы, стыдно сказать...

.....

– На ужин уху сварганю!

Дядя Саша всё суетился, не зная, чем бы еще гостей порадовать. Он явно был и сам ободрен нашествием людей:

соскучился в своем одиночестве. Так думалось, по крайней мере, Вике. Как он не тоскует тут один? Даже собаки нет! Зато парни заинтересовались рыбалкой:

– А где тут рыба?

– А в старице! Есть тут у меня местечко – и окуни, и плотва, и караси со сковороду, от такие! Красные, редкие ноне. Наловленные сидят у меня в садке. Вот их и пушу в ущицу. Как говорят в народе, дело-то нехитрое:

... Берем укропу да мушину жопу,

Ведро воды – и луку туды,

Пяток окуней, да и хрен с ней!

Какой шутник, усмехнулась Вика. Ей все больше и больше нравились старый неунывающий пчеляк и его незатейливая житуха.

Всё вокруг на пасеке носило следы кипучей деятельности её хозяйина. Плоды, надо сказать по правде, не впечатляли – всё было старое, деланное кое-как и отнюдь не блистало красотой и вычурностью, но было крепко сколочено, крупногабаритно и избыточно. Скучать тут некогда, – написали бы обычным штампом иные сочинители. Но я воздержусь, а скажу только, что руками пчеляк не был обделен, да и мозгами тоже: всё, что придумывал рационального, беспокойный ум, руки хоть и незатейливо, но «ладно-сбито» претворяли в жизнь.

– Это же настоящий памятник *simply life!* – не то восхищался, не то подтрунивал Валера, стоя перед той самой нелепой конструкцией на шесте, которую они обзрели в первую минуту знакомства с этим странноватым местечком. – Всё своими ручками, своим умишком! Тяп-ляп – но функционально же!

– Так начинали свою трудовую эпопею наши далекие предки, – пафосно заключил Васёк, – криво-косо, коряво, но прочно.

– Только клейма не хватает – «Мастер Пепко сделал крепко», – выносит свой вердикт начитанный Никита.

– Ему бы материалов хороших подогнать: пиломатериала, пластика, терпаулина, пенопласта, – трезво оценил пасечные «изделия» Антон. – А без подходящих материалов

– что сделаешь? Как говорят в народе, из говна конфетки не каждый умеет готовить.

Дядя Саша успел дать пояснения «робятам», что на шестах, тут и там, везде по территории пасеки, торчат ловушки для семей. И не идолища это вовсе. Оказалось, что премудростей в содержании и разведении «божьих пчелок» пруд пруди. И что обычному человеку соваться в эту сферу – все равно что прыгать со скалы в море, в котором еще неизвестно, кто обитает. И слопает за милу душу при первом же окунании.

– Прилетит дикая семейка, облепят матку, зароятся, станут искать себе домик-убежище. А тут, пожалуйста бритесь, моя ловушка стоит для их нужд. Они залезут туда, а тут уж я – не зевай! Снимай с шеста аккуратно, да в улей пересаживай. Это самый ответственный момент. И улететь восвояси могут, потом не поймашь, и зажалят со злости, что помешал им роиться. Словом, хлопоты одни...

Вику между тем все занимал вопрос: почему одни живут так, как дядя Саша – ничего ему не нужно от благ цивилизации, всё сам да с усам, а другим гребтится нахапать всего, да побольше, да чтобы еще и слава была, не считая денег бешеных.

– Каждый сам и выбирает – как ему жить, – незатейливо ответил на её риторические вопросы Валера.

– Осознанно? Это что значит: сидит человек, кумекает, мозгует – потом такой, резко: буду жить вот так!

– А как иначе?

– Бросьте-ка ерунду говорить, – встрял рассудительный Никита. – Всё – случайно. Никто ничего спланировать в принципе не может.

– Подтверждаю, – подал задумчиво голос Васёк. – Вот у нас на срочке случай был. Заступил хлопец в караул, а предварительно разжился пачкой глазурированного печеньица, очень его любил с чаем. Дескать, все утихнут, ночью с чаем и схрупаю в удовольствие. Да еще сотик ему кто-то из друзей сунул, очень хотелось ему созвониться со своей девушкой. Весь довольный ушел на объект. А утром из петли его вынимали. Повесился на турникете. На ремнях.

– Что так?

– А девушка ему с ходу черкнула как ножом: не звони больше, любовь прошла и здесь больше не живет, нашла типа другого. Так его и вынули из петли холодненького. А печенье не вскрытое – в кармане.

.

День склоняется к закату. Лес надвинулся на пасеку, пали легкие сумерки, и в сгущающейся темноте стало видно, как где-то еще далеко над горизонтом сверкает беззвучно надвигающаяся гроза. Промелькнула вновь сова, а в чащобе тревожно закричал черный дятел. Слышно, как в изложине росистой вполголоса скрипят коростели... Словно вздох пронесся по лесу, по осиннику, прошелестел по поляне ветер и освежил лица задремавших в траве туристов.

– Пойдемте-ка спать под крышу! – скомандовал, поднимаясь и разминая ноги, Антон. – Хозяину только сказать нужно, чтобы разбудил нас утром, сами ни черта не проснемся.

Вновь зашелестело, затрепетало в ближнем осиннике, и капли тяжело ударили в доски стола, разом опрокинув Валерину кружку и сбросив наземь Никитову. Обычно пишут так: ливень хлынул стеной. Но ливня не случилось. Лишь только ребята, захватив с собой рюкзаки, забрались на сеновал, как стук в крышу прекратился. Гроза, обиженно ворча и что-то бормоча древними заклинаниями, ушла на запад. Антон и Вика, прижавшись друг к другу, слушали, как внизу, прямо под ними, сопит Люська, меланхолично жует сено и переступает ногами, как сонно возятся куры в выгородке, а в воздухе постепенно свежеет и нагоняет влаги.

.

Древней, неведомой им, молодым, жизнью, глухой старинной русской повеяло от рассказов пчеляка. Да и сам был под стать рассказам – все деревянное, самоделанное, черное от времени, редко где проскакивала, слово бы как-то застенчиво являя свой лик не к месту среди посконной

утвари, эмалированная кружка либо цинковый бидончик. Еще днем разговоры были такие:

– Дядь Саш, неужели все ваше хозяйство такое... Ну, как вам сказать...

– Убогое?

Дед усмехнулся миролюбиво.

– Да мне, робята, не раз гости так говаривали, чё стесняться-то? Но, порассуждайте-ка сами: зачем мне покупать нового, коль старого да хорошего полно? Вот ложку взять, – пчеляк ухватил с неструганной серой доски самоделку липовую. – Мой отец ей ел, так и что мне не продолжить?

И он опять улыбнулся. Тут обычно пишут так: доброй и ласковой улыбкой. Может, и так оно и есть. А какая иная улыбка тут уместна, спрошу я вас?

– Я так рассуждаю: чем больше вещей вокруг себя обретаешь, тем больше еще хочется, да чтобы понарядней, да чтобы побогаче. Этому конца-краю не видать! Стоит только начать.

– А вот гости если, типа нас, заявятся вдруг? Им ведь и покушать, и поспать у вас захочется!

– Так и пусть кушают да спят! Я только рад буду. Но рассуждаю так: если наворотить тут хором да столовых настроить, так ведь и деньги брать с людей придется! А как же иначе? На какие шиши воротить-то и строить? А тут я вас своим медком угощу, водой вон из Ишлея дармовой напою, каравай подовый испеку утром, рыбки самоловленной выставлю да что с огорода приспело – вот и вся моя скатерть-самобранка! А почивать – вон сеновал имеется, милости просим. Нешто мне денег просить за это? Помилуй бог!

– А вот баньку как? – несмело протянул Васёк. – Я понимаю, что наглею, но уж больно попариться организм желает после трех дней скитаний по вашим просторам!

– Да и баньку можно! Что бы и нельзя? Истопим! Токмо вы сами помогайте. Дело нехитрое – дров наколоть да воды натаскать. Банька для гостя – дело святое. Богоугодное...

– Ну, отец, настоящая жизнь тут у тебя! – воскликнул Антон. – Настоящее натуральное хозяйство! Душа радуется... Может, ну её нафиг, столицу, переедем сюда, под бочок

к дяде Саше? – и он весело подмигнул прикорнувшей к его плечу Вике. Та в тон подхватила:

– Корову заведем! Овец отару! Будем сыр производить из молочных излишков да на рынке торговать! Дом из бревен срубим как терем златоглавый!

Дядя Саша вновь рассмеялся:

– Нет, робятки, такая жисть не по вам, уж вы меня простите-извините. Молодые так не смогут, да и не нужно им такой планиды.

– Почему так? – заинтересовался Никита. – Кажется, у каждого горожанина мечта – уехать жить на природу. Типа «домик в деревне».

– Это только мечты, робятки. Все люди разные. И таких как я, старый дуралей, один на сто тыщ, и то не найдется. И – слава богу. Другим не по нраву станет на второй день такая маета.

– Так вам тяжело тут? – встрепенулась Вика. – Зачем же тогда... Что в село не переедете?

– А я так рассуждаю, робятки, что рая-то нет нигде на земле. Везде какие-то, да найдутся негодности. Хоть в городе, хоть в селе. А уж одному – особенно сложно. Но я вот привык и рад, мне здесь хорошо.

.

Совсем уж ночью, благо звезд высыпало да Луна взошла в полный диск, Антон с Викой слезли с сеновала прогуляться. Вика зябко ежилась. Хоть и тепло на сене с милым дружком под боком, а все равно что-то мешает счастью – то мышшь прошуршит совсем рядом с лицом, аж в дрожь бросит, то комар так пристанет со своим зудом у уха, что все иные мысли улетучатся.

Друзья храпят, Васёк аж лихо посвистывает носом, Валера светит своей оранжевой вязаной «кустовкой», спит прямо в ней, натянув по самый подбородок. После трудного перехода все устали, им комары и мыши нипочем. Антон задымил электронной сигареткой, знакомый запах успокаивает и Вику, хотя она всегда ругается на вейпы. Лес молчаливый стоит вокруг пасековых полян. Пролетела бесшумно вновь старая знакомая.

– А совы пчел ловят?

– Да ты что? Они по мышам спецы! А там, где пчелы, там и мыши. Цепочка экологическая.

Антон прижимает озябшую девушку к себе; хорошо, что прихватили с собой спальник, можно, закутавшись, сейчас посидеть в сердцевине свежей ночи. Тишина.

Кто-то идет по траве, слышны мягкие шаги. Вика тревожно вслушивается и вглядывается в темноту. Виден красный огонек сигарки.

– Не спится, молодежь?

Это дядя Саша. Ему тоже что-то не до сна. Какие-то мысли бродят в голове после сегодняшних разговоров с туристами, никак покоя не дают.

– А вам тут ночами не страшно одному? – спрашивает девушка. Ей вот страшно. Даже прижавшись к груди своего могучего Антохи.

– Ночью?

Ну, ночью робел я и сам.

Очень уж тихо в лесу по ночам!

Читали такое у Некрасова? – вопросом на вопрос отзывается пчеляк.

И продолжает:

– Как не страшно? Конечно, ночами человек обязан страшиться. Там, ночами, много непонятного в природе происходит, необъяснимого разумом.

– А расскажите какой-нибудь случай!

У Вики сон полностью пропал. Антон всё дымит своей «электроникой», но, похоже, тоже с интересом ждет историй от мудрого деда.

– Что бы вам такое?.. Да вот, в прошлом годе, был случай тут у меня. В одном улье никак семья не могла обосноваться. Всё время пустой. Что такое, думаю...

Сова вновь мелькнула на диске полной луны, и рассказчик отвлекся.

– Знакомая неясность летает, проверяет свои угодыя. Давно у меня живет, как своя, ручная словно. Каждый сезон по четыре-пять детишек выводит в дупле старой липы,

вон на том краю пасеки. Её, липу-то, молния лет десять назад разрубила... Тоже ночью.

Дед махнул неопределенно рукой, а Вика закуталась поглубже в спальник, поджав под себя ноги. Костер после вчерашней ухи из бронзовых карасей давно уже прогорел, но от кострища все еще тянет сладковатым березовым дымом. К нему примешивается запах ночных трав.

– Вот я и думаю – что это улей-то у меня постоянно пустой? Вроде как ничем не отличается от других, а семья заселиться не может. Словно дух какой их туда не пускает. И стал я следить за ним, за этим странным ульем. И каждое утро нахожу в нем какие-то послания словно бы мне...

– Ой, – прошептала Вика. – Ничего себе! Уже страшно.

– ...То пару листиков сухих словно кто бросил специально внутрь, то веточка непонятно как там оказалась. Удивительное дело.

– Только записки осталось дожидаться, – съязвил, не выдержав, Антон. – Дескать, поселюсь тут сам. И подпись...

Но Вика не дала Антону договорить, произнести имя, быстрым движением закрыв ему рот ладошкой. Дядя Саша усмехнулся:

– Вот и я подумал тогда – что-то здесь неладно, кто-то вмешивается в мои дела. Чтобы отвлечься, пошел я в тот день баню растоплять. А погода стала портиться, к дождю все дело шло. Пчелки какие-то беспокойные сделались сразу. Покусывать меня начали.

И вот сижу я в бане, точнее, в предбанничке своем, вы видели его, там окошечко прямиком на пасеку. Окошко запотело шибко, баньку раскочегарил что-то с досады-то. И тут мне в это окошечко вроде как постучал кто. Царапнул. Что за чертовщина, думаю. И смотрю, что на стекле запотевшем, с той стороны, с пасеки, мне кто-то выводит тоненько какой-то знак! Меня прямо оторопь взяла, волосы дыбом встали!

А погода уж совсем испортилась, дождь пошел, ветерок закрепчал. Выглянул осторожно из банёшки наружу – никого нет.

Дядя Саша замолчал, словно ожидая какой-то реакции от слушателей. Самая нетерпеливая тут же и шепчет:

– И что же там? (Вроде и пугается, а вроде и ожидает смешной какой исход, непредсказуемый.)

– А там никого! А по стеклу ветка липовая елозит, молодил наростило липовой вокруг бани из семян, вырезать пора... Я обратно в баню. Хватит мыло, а его – нема! Такой хороший обмылок лежал на полке, от гостей оставался. Духовитый... Что за черт, думаю. Кто тут шутки шуткует? Так мыла и не нашел...

– А в улье? – Вике все не терпится узнать финал. Что за история такая?

– А в улье зато нашел дырку снизу. И вскоре объявился там тот самый хозяин.

– Отжал у вас, значит, точнее, у пчелок кто-то? – уточнил подошедший неслышно Никита. Он тоже заинтересовался историей, хотя и встал вроде как «до ветру».

– Заселился... Гнездо свили, словно птицы. Я вначале не мог понять, что за зверь? Не мышь, не белка.

– Соня! – авторитетно высказал догадку Никитос.

– Точно! – рассмеялся пчеляк. – Я уж потом в книжке посмотрел: редкое создание в наших лесах.

– Да они не очень уж и редки. Только незаметны. Ночные зверьки. Потому мы с ними и не встречаемся, что они ночами колобродят, а мы спим. Вот у Кэрролла в его «Алисе в стране чудес» – как раз Соня и выведена. А наши первые переводчики, которые про сонь и слыхом не слыхали, перевели как Сонная Мышь! Потому как у нас садовые сони и полчки редки и народу неведомы. Зато в английских парках их – полным полно! Их там даже за домашних питомцев держат!

– Точно! И вот они, скотинки эти, потом всем семейством, как вывелись в гнезде, в улье-то, пожаловали ко мне в домик, там порядки стали наводить. Крупы разорили, сахар потратили хлеще мышей – умные, сноровистые, как домовые! И опять – мыло сперли. Что уж у них за интерес к мылам?

– Чистюли! – веско сказал Никита. – Ручки помыть, голову там...

Антон усмехнулся:

– Всем хочется, вывод делаю такой, осваивать чужие территории. Пожить другим домком, сменить стиль жизни.

– Ну, это нестрашная история, – как-то по-детски, обижено протянула девушка.

– А зачем мне вас пугать на ночь глядя? Идите-ка, спите! Вам ведь назавтра топтать верст шесть до Кикина только, а потом еще столько же до Олеймы, однако!

– Что-то вштырило меня не по-дещки! – сурово подытожил вдруг подошедший Васёк. – Голова болит, спину ломит. Давай, Антоха, аптечку, нурафеном закинуть. А то не дойду до Горелого...

.

К полудню на пасеке – жарко, томно, сонно. Ребята проспали. Уж очень разморило всех утром, да после ухи, да после баньки. Васёк вон еще вообще дрыхнет, головная боль отпустила, сладко спит, похрапывает...

Лениво жужжат насекомые. Среди них много пчел, но лежащий в траве лицом к небу Антон отмахивается от докучливых мелких мушек. В небе застыли легкие облака. В природе разлита нега и покой. От зноя смолкли птицы, и лишь неугомонная садовая славка беззаботно распевает в густом кусте жимолости. Над полянами висят, словно привязанные нитями к облакам, полосатые сирфиды. Миг – и сорвалась резвая «пчелка» и исчезла, чтобы снова зависнуть где-то невдалеке. Дядя Саша объясняет Вике, что сирфиды – мухи, а не пчелы.

– Они подделываются под моих подопечных. Вреда нет от них. Но вот зачем они так?

– Хотят казаться такими же важными, нужными, полезными, наверное, – улыбается девушка.

– Как и все мы! – философствует пчеляк. – Пчелки ведь кто? Да, они твари господни. Как и мы. Господь всех нас пасет. Везде в божьем мире пасека. Ему, может, пчелки даже милее: у них вон нет никаких войн, обманов да прочих безобразий.

– Остапа понесло! – кивая в сторону разговорившегося пчеляка, тихо говорит проснувшийся Васёк Антону.

И, уже ухмыльнувшись: – Смотри, бро, отобьет он у тебя Викасю! Очень уж речист!

Ребята вроде и выспались на сеновале ночью, а ленивая дремота вновь овладевает ими. Нужно вставать, надевать на плечи рюкзаки, их ждут на Олейме, у Горелого моста, но так неохота делать какие-то движения. Все молча оттягивают минуту выхода на маршрут. Рядом с ними пасется Люська, слышно, как сочно и хрустко щиплет она только что поднявшуюся после первого покоса травку. Беззаботность и леность – всюду. Даже вечно занятый делами пчеляк дядя Саша где-то затих, не слышно ни топора, ни косы, ни его беззлобных прибауток.

– Еще немного повалеемся – и в путь! – вяло командует друзьям Антон. А Вика вновь фыркает: надо было утром выходить, по холодку. А сейчас лень, тянет в сон, все члены словно налились тяжестью, и при мысли о том, что предстоит влезать в лямки тяжелого рюкзака, берет оторопь. Один Васёк вроде ожил, в противовес вчерашнему недомоганию.

Жарко. Медленно надвигается тень от большой березы. Вика давно уже следит за ней. Она загадала, что как только они все окажутся в её тени, так сразу же начнут собираться. Садовая славка вновь и вновь запускает свой щебечуще-говорливый ручеек из жимолостного куста. Травы стоят, отягощенные медом. И правда – отовсюду идет легкий медовый запах: это пахнет донник и белокипенная сныть.

– Я вот вам тут меду баночку снарядил, дорогой скушаете! – ласково доносится до сонного сознания друзей. Дед идет к ним по скошенному, в руках сверток, от пчеляка пахнет хлебом, дымарем и вошиной. Дядя Саша словно дает знать этим подношением, что пора и меру знать, пора, дескать, в дорогу, загостились! И взаправду: время идет, а там, на Олейме, беспокоятся о них товарищи...

Вика осторожно перекатывается по траве ближе к Антону, дотрагивается нежно и вскользь губами до его губ:

– Скажи, ты хотел бы так вот жить?

– Как? – переспрашивает её будущий муж, хотя прекрасно понимает, что имеет в виду девушка. Он и сам со вчерашнего вечера думает об этом.

Вика молчит, грызет травинку. Ласточки щебечут в высоком небе, накатывает волнами знойный и терпкий запах скошенного сена. Небо же – выцветает. Скоро, часам к четырем после полудни, оно станет и вовсе бесцветным. От жары, наверное.

Вика откатывается по траве обратно и, закидывая руки за голову, смотрит в небо:

– Так бы и валялся тут вечно...

– Вечно не проваляешься, – отзывается вдруг Валера. – Жрать захочется, потом – комары, клещи, гадюки. Потом муж к другой уйдет...

– Дурак! – беззлобно огрызается Вика.

Никита будит снова закемарившего Васька. Ребята пакуют рюкзаки. Пора!

.....

Вика была искренне заинтригована: как так можно жить вообще? Валерий высказал мысль, что к деду явно наведываются, и частенько, и родственники, и помощники. А может, и гостей тут постоянно встречают? И весь этот замшелый антураж – чтобы пыль пускать в глаза посторонним людям.

– По крайней мере, мед-то он должен сбывать куда-то? Должен быть налажен канал сбыта, как говорят в таких случаях. Вы поглядите на размах! У него ульев стоит до горизонта! Одному тут разве справиться?

Антон же деловито прикидывал, сколько на таких масштабах производства можно «огрести».

– Ну никак он бедным и неимущим быть не может, – заключил он. – Не в Олейму же он пчелиный труд сливает?

Пчеляк же становился все более словоохотливым. Он пустился в рассуждения всякий раз, как только ребята проявляли какой-либо интерес к его работе и его, собственно, особе. Обычно пишут так: ему явно льстило то внимание, и даже удивление гостей от такого его стиля жизни. Почему бы и не поучить уму-разуму младое несмышленное поколение?

– Иной раз все труды напрасно. И себя жаль, и пчелок. И бессилье охватывает перед лицом бесстрастной природы. Это ровно как сад зря цветет.

– Как это?

– А вот так! Зацвел сад, а ударили майские, черемуховые морозы. Пчел нет, опылять некому. Так всюду пустоцвет и простоит неделю. Одна красота – а яблок хрен да маленько! Так и думаешь – бросить все да в город перебираться, к сыне. А там невестка не жалуется, не ко двору я им там... Вот такой пасьянс, робяты. С медком к ним подкатишься, так и тут незадача: мы мед не едим! От него – диабет! Тьфу, прости господи!

.....

Незабудки еще некоторое время попадают на обочинах новой дороги, идущей от пасеки, и на которую их наставил дядя Саша. Вскоре они исчезают, как исчезла в колеях и черная пугающая вода. Пошли высокие гривки, сначала с высоким липняком, а потом – с роскошными борами. На лесных полянах всюду роскошно цветет разнотравье: кипрей, донник, зверобой, таволга, зонтичные – дудник со снытью. Пахнет отцветающей липой.

– Как бы жить так, чтобы не завидовать другим? – неожиданно спрашивает Вика. И вопрос этот повисает в воздухе. Каждый думает о своем. Идут уже два часа с гаком. Пора бы и Олейме открыться в своей синеве-красоте между ольхами...

– Дед выклянчил все-таки у меня «Викторинокс», – шепнул на ухо Никите Валерий.

– Да ты что? – искренне был удивлен друг. – Вот так отшельник-аскет!

– Да не жалко мне ножа. Он поддельный. Это я вам тут загибал, что швейцарский, на Озоне выписал. Ни фиги! Подделка китайская. Ничуть не жалко. Он у него через неделю кирдыкнется.

– Ну ты и хрящ! – не то осудил, не то восхитился другом Никита.

– Это еще что... Я вот у него в сарайке, через щель, знаешь что разглядел во тьме кромешной?

– Слона?

– Ага! «Хонда» кроссовый, кажется, CRF 450!

Пока Никита переваривал информацию, в разговор вмешалась Вика.

– Это что, мотоцикл? Он где-то под лимон тянет! Вот дед дает стране угля! (Это она передразнила Антона.)

– А «кустовку» я ему не отдал-таки.

– Что, он и её выщиганивал, шельмец?

– Толсто намекал. Шутками-прибаутками.

– Во дает стране угля! (Это уже Антон удивляется.)

– Я ему сказал, что она у меня как амулет, как медвежий коготь на шее древнего охотника. Без нее – пропаду, комары съедят живьем или с дуба где рухну насмерть! Он сразу отстал.

.

Обычно пишут... А что обычно пишут? Все в нашем мире необычно. Так что обычно описать его – невозможно. И – бессмысленно.

Антон ЛУКИН

Дивеево

ГРАФОМАН

Юрий Сергеевич Соболев разменял седьмой десяток. Вместе с годами, с осеребрившимися висками, откуда вдруг не возьмись, постучал на старости лет в одинокую душу поэтический дар. Так, по крайней мере, считал Соболев. И когда читал свои творения каждому встречному, то не без гордости заявлял, что боженька его поцеловал в маковку, правда с опозданием, и тем ценнее потому его творческий путь.

В начале осени, когда солнце ещё улыбалось и радовало теплом, но лёгкий ветер гонял уже опавшую листву, Юрий Сергеевич неожиданно открыл в себе поэта. Деревья тихо сбрасывали пожелтевшие листья, которые аккуратно, будто в ритме вальса, красиво ложились на землю. Утро встречало заморозками. К обеду вновь разогревало. Всё шло не спеша своим чередом. В эту самую пору, ровно год тому назад, Соболев держал путь из магазина к дому, и в его голове зародились такие строки: «Осень рыжею кобылой промчалась, махая хвостом по деревне. Несу в авоське конфеты к чаю. А лучше пол-литра вина бы мне».

Почему в ту самую минуту Юрий Сергеевич подумал о вине?.. Спроси его, он бы не ответил. Не выпивал Соболев уже лет как двадцать пять. Ни по праздникам, ни полстопочки.

Дома Соболев записал стихотворение в тетрадь. И с той самой минуты началась его творческая поэтическая

жизнь. За целый год его одарённая кисть исписала двенадцать толстенных тетрадей.

– Муза овладела моим сердцем и разумом. И днём и ночью в её объятьях. Порой уснуть не могу. А то проснусь и сразу за бумагу. Вот как. Будто сверху кто пальцем в лоб тычет и приговаривает – пиши, мол, не ленись, навёрстывай упущенное. И так столько времени потерял почём зря. Воздастся тебе, брат. Потомки труд твой не оставят в забвенье. Пиши для них. Для будущего поколения! – говорил Соболев бабам, и артистично проведя растопыренными пальцами по густой шевелюре, громко восклицал. – Лирическая!

«Подарю тебе красный платочек. Ты храни его у самого сердца. Мои письма читай между строчек. Посади в память обо мне в саду деревце».

Женщинам нравилась его поэзия. Возможно потому, что мало кто из мужиков в деревне читал им когда-то стихи. Если честно – то не читал никто. Никто, кроме Соболева. Потому его строки и щекотали женские сердца, давно мечтавшие хоть о какой-то романтике. Бабы аплодировали, слушали, приоткрыв рты, и нередко смахивали мизинцем набежавшую слезинку грусти. Наперебой хвалили Соболева. Всерьёз считали его большим поэтом. От похвалы невидимые крылья Пегаса возносили того над землёй. Соболев спешил домой и до самого утра не мог уснуть. Ходил с тетрадью и ручкой по избе и один за другим, как швейная машинка, клепал стихи: «За печкой моей живёт Домовёнок. Весёлый проказник. Как будто ребёнок. День и ночь прячет вещи мои. Что с трудом их удаётся найти. И я весь в раздумьях. Как поступить. Задобрить воришку печеньем и колбасой. Или же хвост завязать ему в узел морской?..»

Во второй половине сентября к Степаниде Ерофеевой приехал в гости внучатый племянник. Всю жизнь Степанида живёт одна. Ни детей, ни мужа бог не дал. Многие уже позабыли, а кто и вовсе не ведал, что у нее есть родственники. Тихая, невзрачная пожилых лет женщина особо ничем не выделялась – разве что держала много кошек. Ерофеева любила животных. Иной раз кто и нарочно подбросит котят – знают, Степанида приютит.

Слух о том, что к одинокой Степаниде приехал из города родственник, о котором прежде мало кто знал, молниеносно пронёсся по селу. Узнал об этом и Юрий Сергеевич. Оказалось, что Вадим (так звали гостя) был художник. Приехал рисовать сельский пейзаж. Весь день Соболев ходил сам не свой. С трепетом наблюдал, как внизу у пруда художник писал картину. Спуститься не решался. Не хотел тревожить.

«Знаем, каково это... когда спугнут музу и лишат вдохновения».

Соболев впервые видел, как работает художник, и в его голове зародились такие строки: «Что он творит, я не вижу. Может рыбу или воду рисует. Но зато я доходчиво слышу. Как его кисточка бумагу целует... И меня это радует».

Тем же вечером Юрий Сергеевич направился к Степаниде. На крыльце распугал наглых котов. Про себя же подумал тогда, что непременно напишет про её кошек стих. Ерофеева встретила гостя радостно. Не так часто в её избу заглядывал кто из сельских.

– Присаживайся. Счас чайник поставлю.

– После, соседка, после... – Соболев важно прошёлся по комнате. – Сперва, как говорится, дело, а потом... вот, – вынул из пакета и положил на стол рулет. – И чай испить можно.

– Надо же. Что это за срочность такая, которая утра подождать не может? – удивилась Степанида. – Рассказывай.

– К родственнику твоему разговор имеется.

– Что такое?

– Обмен творческими мыслями. В этой комнате? – Соболев указал на дверь. – Я пройду?

– Пожалуйста.

Вадим лежал на кровати, читал книгу. У шкафа стоял мольберт с картиной. На столе и на стуле аккуратно разложены вещи. Было Вадиму годов двадцать пять. А то и меньше. Опрятный. Светлый. Загара на худом лице не было совсем. Одет в белую рубаху, такие же белые брюки и носки. Из грудного кармана виднелся кончик расчёски.

«Творческая личность. Сразу видно. Весь такой прилизанный... в очках и с книгой, – заметил Юрий Сергеевич. – Нам будет о чём поговорить».

– Вы ко мне? – Вадим поднялся с кровати, подошёл, протянул руку, представился.

– Здравия желаю, молодой человек! – Соболев с удовольствием пожал ладонь художнику. Подошёл к картине. Подперев ладонью подбородок, внимательно осмотрел работу. – Красиво. Даже очень. Хоть сегодня на выставку.

– Ну что вы... какая выставка? – улыбнулся Вадим. – Здесь работы как минимум на несколько дней.

– Разве?... А по мне в самый раз.

– Тени нужно нанести. Их здесь нет. И вот здесь не прорисовано. Видите?... Нет, это неоконченная работа.

– Спорить не буду. Мастеру виднее. Хотя... Как по мне... Картина уже достойна внимания, – Юрий Сергеевич ещё раз осмотрел полотно и только сейчас распознал на другом берегу мужчину с удочкой. – Это ещё кто?.. Васька, что ли?

– Не могу вам ответить... мужчина не представился, – Вадим пожал плечами. – Сказал лишь, что живёт где-то у церкви.

– Ну да. Васька Кривоzubов, – кивнул Соболев. – А он здесь с какого боку?

– Карасей ловил. Вот и угодил в объектив моего творческого кругозора, – Вадим улыбнулся. – Спросил, не станет ли возражать, если я его запечатлею?... А он мне – малякай, чего уж там, если надо. Не жалко... Вот я и намалякал. И раз вы узнали, наверное, и впрямь неплохо вышло.

– Хм, карасей... Знаем, как он рыбачит. На путёвую уху и то не наловит... Одно хвостовство... А ежели рыбалка нужна, хорошая, настоящая, то я покажу. Знаю, где и щучку поймать можно, и окунь где поклёвывает. Всё организую! Но не тут, – Соболев указал рукой на картину. – За Черёмушки, на Козий обрыв ехать надо. А здесь так – баловство одно... А то смотри! Готовь бумагу, поутру рванём. Удочки и велосипеды достану. Я гостей всегда рад уважить.

– Премного благодарен. Но...

– Чего ты?

– Не люблю с места на место прыгать. Не в моих правилах. Эту работу закончить необходимо. А то как бывает! За

двумя зайцами погонишься, ничего толкового не выйдет. Знаем – проходили.

– Твоя правда, – согласился Соболев и ещё раз посмотрел на земляка с удочкой. – Хм. Надо же, – запел: – Ты морячка, я моряк. Ты рыбачка, я рыбак...

– Что, простите?

– Не бери в голову. Это я так, под хорошее настроение, – Юрий Сергеевич обошёл комнату, с интересом поглядывая на вещи городского гостя. – Не будем ходить вокруг да около. Тоже вот этого не люблю, знаете ли. Всегда говорю прямо – всё, что думаю. Кхм, – покашлял в ладонь. – Пришёл я к тебе за советом. За умной речью, так сказать. Здесь толковую беседу завести весьма трудно. Народ у нас неглупый, но от культуры далёк, если понимаешь о чём я, – подмигнул. – Сперва, признаюсь, насторожился. Не молод ли? А присмотрелся, вижу, ничего, бравый малый. Найдём общий язык.

– Что именно хотите узнать?

– Ах, да!.. Это... Счас... – Соболев слегка занервничал. Вынул из кармана брюк тетрадь. Быстро пролистал. Затем, подняв руку, важно потряс кистью, показывая тем самым, какое невероятное богатство хранят страницы данного экземпляра. – Позволь, представиться. Юрий Сергеевич Соболев. Поэт!.. Поэт-романтик, поэт-народник, поэт пейзажной лирики, поэт-философ, детский поэт... поэт-матюгальник. Да! И это есть в моём творчестве.

Вадим был в растерянности. Как можно вежливее, чтоб не обидеть пожилого гостя, кивнул:

– Как говорят – из песни слов не выкинешь.

– Именно! – обрадовался Соболев. – В самое сердце... Кхм, – поднес тетрадь к самому носу, принялся читать. – «Туман окутал небеса. И спозаранку не пробиться. Рассветом я умыл глаза. Душою задышать, напиться. И сердцем за день зацепиться. С любовью миру поклониться. Добром повеять, насладиться...» Ну, как?

– Доброе сердце делает этот мир лучше... да, – не сразу ответил Вадим.

– Так и есть. Мне приятно, что ты меня понимаешь. А теперь – немножко философии. Кхм, – и Соболев, выпитив

правую ладонь вперёд, продолжил: – «Сейчас понятия имеем – жаренные котлеты. То вялые бываем, то мертвы. И вспышка дальней нас планеты. Доводит до семейной суеты. До облаков поры, как будто близко. Так облака несутся или нет? А ветер дует всё же низко. И нас уводит от суеты сует. Сон, как в бреду. Безумная система. Что хочет он? Что хочет от меня? А может, взяться за поэму? Но тут работать ночь и месяц. День изо дня».

– Суеты сует?

– Игра слов. У меня таких «заковырочек» много, – улыбнулся Юрий Сергеевич. – Вот думаю поэму написать. Про наше село. Про земляков своих. Каждого жителя упомяну! Всех увековечу!.. Кого похвалю, кого высмею, кого пристыжу... Я хоть и не Господь Бог, права такого не имею, но кто-то же должен правду сказать. Я теперь людей насквозь вижу... Разный у нас народ. Кто-то тихий и скромный, как Степанида. Так и напишу – добрая старушка. А кто-то скряга и скупердяй. Тот и в стихах у меня куркуль будет.

– Не боитесь?

– Чего?

– Ну, – Вадим пожал плечами. – Правда не всегда прията. Могут огорчиться. Да и правда у каждого своя.

– Я, молодой человек, уже ничего не боюсь. Возраст не тот. Всё! Хватит. Отбоился. Пусть другие боятся, – Юрий Сергеевич пропел: – «Поэты ходят пятками по лезвию ножа. И режут в кровь свои босые души...»

– И нож в него – но счастлив он висеть на острие. Зарезанный за то, что был опасен! – продолжил Вадим.

– Верно, – Соболев похлопал паренька по плечу. – Молодец. Порадовал. Хотя... Кому, как не нам, людям творческого ума, воспевать хорошие песни и стихи! Всё правильно.

Соболеву Вадим понравился. Не заносчивый. В меру скромный. Опрятный. На это Юрий Сергеевич сразу обратил внимание. Ни грязных ногтей тебе, ни засаленных брюк, ни помятой рубахи. Даже причёска аккуратно сидела на своём месте – ни единого оттопыренного волоска. Читает книги, это Соболев уже знает, наверняка посещает театры и музеи. Ведёт интересную просветительскую

жизнь. Возможно, если бы Соболев родился и жил в городе, то и он бы судьбу свою сложил по-другому. Тоже бы с ранних лет тянулся познать культуру. Имел бы в окружение талантливых людей. Ходил бы в кино. Посещал бы различные выставки и театр. На теплоходе, где день и ночь пьют шампанское и играет музыка, познал бы всю необъятную красоту Волги-матушки. Окончил бы институт. А может, и не один. Потому как здесь, в деревне, учиться необязательно. Умным, как заметил Юрий Сергеевич, не особо рады. А там, в городе, без диплома пропадёшь. А как же! Если все культурнообразованные, то и тебе подobaет быть таким. Хочешь не хочешь, а книги читай, ходи в рубашке при галстуке и про обросшую шевелюру забудь. Утром зарядка, вечером балет... Ведь посещает городской люд балет, раз его до сих пор показывают. Значит, понимают в этом толк. Не спать же они туда ходят... Жил бы Соболев в городе, непременно ходил бы на балет. Каждую неделю. Носил бы усы и шляпу. А ещё пиджак и брюки. Возможно, белые, как у художника. И стихи писать стал бы лет на тридцать-сорок раньше. И книги продавались бы сейчас в магазинах. Давно был бы уже признанный поэт и собирал полные залы, как Рождественский в своё время и Ахмадулина...

– Как тебе стихи? Что скажешь? – Соболев пытливым уставился на паренька.

Вадим знал, что последует данный вопрос. Раз согласился послушать, будь добр, поделись мнением. И не скупись на слова. Только вот... что здесь скажешь? Как ответить, чтобы не обидеть? И нужно ли говорить правду? Если бы ещё перед Вадимом стоял сверстник, можно было бы посоветовать не мартать почём зря бумагу и заняться куда более полезным делом. Сила и время есть. Но здесь... Человек на старости лет нашёл отдушину в творчестве. Затеял безобидную игру. Наверняка одинок. Даже если и живёт не один, всё равно... в старости одиночество ощущается особенно болезненно, нежели в молодые годы. И каждый справляется с одиночеством, как умеет. Стоит ли возвращать человека к реальности? Пожалуй, стихи его, как и он сам, вреда особого никому не причиняют.

Тогда... пусть фантазирует себе на здоровье... Кому он мешает?

– Трудно сказать так вот сразу, – ответил Вадим. – Я бы послушал что-нибудь ещё.

– Сразу видно, деловой подход! – обрадовался Юрий Сергеевич.

– Кажется, вы говорили, что пишете и для детей?

– Да-да. Минуту. Счас, – Соболев быстро принялся ли-
стать тетрадь. – Вот. Детское... Слушай.

Говорят, в Москве кур доят.
Правда ли это, не знаю.
А ещё, мол, в Рязани,
Появились грибы с глазами.
Тоже, наверное, вымысел.
И что в Муромских лесах
Леший поседел.
От свиста соловьиного.
А где-то под Воронежем,
Хмурит бровь и корчит рожи
Елена Прекрасная.
В шутку стали её звать –
Елена Безобразная.

– Елена Безобразная? – переспросил Вадим.

– Да пусть простят меня все Елены, – улыбнулся Соболев. – Здесь ещё... как бы... юмор присутствует. Понимаешь? В моих стихах всегда найдётся место для хорошей шутки. Так сказано, для поднятия настроения. Ну... что скажешь?... Смелее, не робей. Я к критике отношусь с пониманием. Даже уважительно в какой-то степени.

– Раз уважительно... – не сразу ответил Вадим. – Рифма местами хромает. А стихи у нас что? Это хорошо и правильно сложенная рифма. Пишите, мечтайте, читайте. Читайте хорошую литературу. Книга – лучший учитель и советчик.

– Где ж её взять-то хорошую книгу?

– В библиотеке. Читайте классику.

– У меня у самого этих книг – гора и маленькая телега. Супруга, царствие небесное, любила почитать перед сном, –

Соболев перекрестился. – А я вот что-то как-то не очень. Не читал совсем. Зато сейчас навёрстываю упущенное. И днём, и ночью с книгой.

– Начать никогда не поздно.

– И стал я замечать, молодой человек... Что многие поэты того времени переоценённые. Нахваленные и пере-
хваленные. Как бы у нас сейчас сказали – разрекламиро-
ванные... Читаю того же Пушкина, Пастернака, Тютчева
или Лермонтова и понимаю... слабые стишки.

– Да вы что?

– Да!.. Не все, конечно. Нет. Есть и хорошие. Но в основном... По большей части... Сплошное нытьё.

– Интересная трактовка.

– А то. Мы ить, простой народ, пусть и малограмотный, порой наивный через край, но тоже можем за бороду ухватить и раскритиковать. В пух и прах. Не все у нас лаптем щи хлебают.

– Что именно не понравилось вам, скажем, у Пушкина?

– Разве я упомяну, – пожал плечами Соболев, довольный собой. – Могу книгу принести. У меня там помечено.

– Не утруждайтесь.

– А то смотри, мне не сложно... Могу принести, раз интересно.

– Не надо, – повторил Вадим. Беседу необходимо было завершать, не плыть по течению в бессмысленном направлении. Если принесут книги, последуют нелепые вопросы, на которые совсем нет желания отвечать. Так и до утра просидеть можно. Гость, как заметил Вадим, был большим любителем поговорить.

– ...И вот читаю я того же Пушкина или, скажем, Блока, расхаживаю с книгой по комнате и... поражаюсь. Сколько нелепости! Сколько недоразумения! Разве можно так писать? А ведь их в школе проходят. Детям, простите, преподают. Как же у подрастающего поколения привьётся любовь к литературе, когда они такое на уроках проходят?.. Есть и хорошие стихи. Есть. Я не отрицаю. Но ведь и беллиберды немало написано. Вот в чём дело. Я когда вижу эдакое безобразие, меня аж в дрожь бросает. Стыдно! За покойников... Перед читателями... Стыдно... Беру ручку

и исправляю. Библиотечную книгу, конечно, марасть не станешь. По голове не поглядят. Не поймут. А свои книги можно. Даже нужно! Может, кому когда и сгодятся мои правки. Если где что вычёркиваю, своё обязательно дописываю – как, на мой взгляд, было бы лучше. Пишу над строкой или на полях. Аккуратненько так, чтобы каждое слово могли разобрать после. И знаешь – намного приятнее читается. Намного!.. А бывает, и целые абзацы переписываю.

– Надо же, – Вадим был ошарашен таким заявлением. – А. С. Пушкин в переработке Ю. С. Соболева.

– Может, когда-нибудь и книга выйдет. Тоже об этом думал, – на полном серьёзе заявил Соболев.

– Не пробовали печататься в газете? Не относили стихи в редакцию?

– Относил. Толку-то.

– Не приняли?

– В районной газете одноклассник работает. Главред. Я его теперь главным вредителем зову, – заявил Соболев. В голосе прозвучала обида.

– Что так?

– Я ж к нему как к человеку пришёл. Возьми, говорю, тетради, почитай на досуге, ознакомься. Никто тебя не торопит. Через неделю-другую приеду. До района путь не близкий – двенадцать километров. На велосипеде добираюсь. Ноги, слава богу, ещё слушаются, но всё равно, каждый день не поездишь туда-обратно, – сказал Соболев. – А он мне – присаживайся, дорогой Юра, сейчас чай будем и всё обсудим. У меня, говорит, на это дело глаз намётан. Полистал тетрадь, улыбнулся и сказал, поглаживая усы, что это не моё. Представляешь? Ну не свинство, а? Он же их толком даже и не прочёл! Так, пробежал взглядом... Как ты, говорю ему, можешь вот так вот судить, не вникая в самую суть строк? Стал учить, как правильно стихи писать. Мне, отвечаю, ваши правила, как собаке пятая лапа. Я как вижу, так и пишу. А это для поэта куда важнее – уметь чувствовать. Чтоб строка из самого сердца шла. Рифма, это всё, друг мой, второстепенное. Главное – душа. У этих, что в книгах, всё в рифму. А толку? Всё ровненько, гладенько, казалось бы... так ведь читать невозможно.

– Поссорились?

– Естественно. Такое не прощается. Хотел послать на три буквы, да ладно, думаю, не буду связываться. По судам затаскает. Знаю. Он и в школе был такой. Правильный. От всех подряд тумачи получал. С тех пор, поди, и затаил обиду. А может, и предостерегается...

– Чего?

– Ну как же! Сейчас он из нашей школы один в газете работает. А теперь я буду стихи публиковать. Конечно, завидует. Завидует и боится. А ещё профессионал своего дела! Ты вот... молодой, а сразу талант во мне разглядел. А этот палки в колёса вставляет. Росточку прорасти не даёт. Одним словом – бессовестный. Я его газету тоже выписывать перестал. Там и читать нечего. Одна ложь.

Вадим подошёл к зеркалу, вынул из грудного кармана расчёску, причесался, указательным пальцем поправил на переносице очки, в отражении посмотрел на Соболева.

«Человек себе на уме. Спорить с таким, пожалуй, бесполезно. Сталкивался с похожей натурой. Знаю», – подумал Вадим. Теперь Юрий Сергеевич не казался ему безобидным мужичком пожилых лет, пишущим от одиночества стихи. Нет. Ты к таким по-доброму, слушать не станут, а покажи характер, рассердятся и на долгие годы затаят обиду. Возможно, помоложе, любил поскандалить и распустить кулаки. Везде и во всём он прав, и другого мнения быть не может.

– Мне бы писателя живого увидеть! – заявил вдруг Соболев. – Я бы с ним покумекал с глазу на глаз. При людях тоже завести разговор не постеснялся бы.

– О чем?

– Поверь, мой юный друг, уж я бы нашёл, что ему сказать и что спросить. Ухмылка бы на его лице быстро спала. Все они, эти писатели, через край умными казаться хотят. Важные, поди, как мыльный пузырь. Но каждый пузырь, каким бы важным он ни был, рано или поздно лопаётся. Натывается на «простой» предмет и... лопаётся. Если понимаешь, о чём я, – Юрий Сергеевич подмигнул пареньку, расплылся в улыбке. – «Ёжик сел на пень, замёрз. Он ушами согреться не смог. Жалко. Горько. Обидно до слёз.

Но какой же итог? Если бы заяц забрался на пень. В лесу был бы не такой трагический день...» Здесь у меня тоже нотка юмора присутствует. Без юмора в наше время тяжело жить. Улыбайтесь, господа! Улыбайтесь... А вообще, мне ёжиков жалко. Когда горит лес, зайцы и прочее зверьё ещё могут спастись. А ёжики? Как же ёжики?! На коротких лапах далеко не убежишь... У тебя случаем нет знакомого писателя?

Вадим пожал плечами.

– Как-то с художниками больше имею дело... Друг у меня один есть, пишет портреты, уехал сейчас в Екатеринбург, чтоб запечатлеть на холсте местного героя.

– Военного, что ли?

– Герой – это не обязательно военный или космонавт. Народным героем может стать даже обыкновенный дворник, как Бурдин Антон из Екатеринбурга... Из-за диагноза ДЦП Антона не брали на работу даже дворником. Район, где Антон проживает, всегда славился беспорядком. В парках и скверах, во дворах и на детских площадках – всюду мусор. И парень в одиночку, несмотря на все трудности, решил благоустроить родные места. С пенсии закупил мешки с пакетами, перчатки и каждый день стал убирать мусор. Слух о добропорядочном екатеринбуржце разнёсся по всему городу и за пределы его. Так Антон Бурдин стал народным любимцем, народным дворником, хотя им и не был. Сейчас, правда, вроде как добрые люди помогли устроиться официально на эту должность. Он к людям с добром, и они к нему со всем уважением и теплом.

– Неправильно это всё.

– Почему? – опешил Вадим.

– Что у них там, в Екатеринбурге своих художников нет? Вот пусть и рисуют. Хоть по сто картин сразу. Стоит ли ехать к чёрту на кулички ради этого? Будто своих героев нет. Вы, молодые люди, присмотритесь внимательнее и увидите, что достойные внимания люди есть рядом с вами... вот они, прям у вашего носа! И ехать никуда не надо, – Юрий Сергеевич вновь подошёл к картине, уставился на полотно. – А вот Ваську Кривокубова уберу. Ни к месту он здесь. Понимаешь? Вид портит. Лучше камыш

нарисуй в том месте. Знаю, что его там нет. Но прояви смекалку. Художник ты или кто, в конце-то концов.

Вадим приблизился к картине, вновь поправил пальцем очки и ещё раз посмотрел на старика с удочкой, который с надеждой глядел на поплавок.

– Позвольте вас нарисовать?

– Меня? – обрадовался Соболев. В эту самую секунду глаза поэта засияли от восторга, даже нос, который он так важно задирает весь вечер кверху, казалось, заострился от радости. – Пожалуйста-пжалуйста. Я не возражаю. Надо так надо.

Соболев направился к зеркалу, провёл ладонью по волосам и присел на стул. Вадим прикрепил к мольберту чистый лист бумаги и принялся водить по нему кистью, не забывая поглядывать на натурщика.

– Принимайте работу, – сказал через пару минут Вадим.

– Уже? – удивился Юрий Сергеевич и подошёл к мольберту. На полотне был изображён рисунок детсадовского ребёнка. Ручки, ножки, огуречек – вот и вышел человечек.

– Это что за безобразие? – рассердился Соболев. – Шутить удумал?

– Я так вижу. Мы ведь, художники и поэты, свои шедевры душой создаём, закон мастерства нам ни к чему. Как видим, так и пишем, – Вадим подмигнул глазом. – Если понимаете, о чём я.

...Соболев спешил домой. Как же он мог так ошибиться в человеке? С виду опрятный, воспитанный юноша, а на самом деле... Он же к нему с открытым сердцем, а тот... Ещё и рулет оставил. Небось, пьют сейчас чай да посмеиваются.

– Ничего. И на старуху бывает проруха. Счас в отместку стих о нём напишу. Да не один. И про кошек. Да. Про них бы тоже не забыть, – и Соболев, бубня под нос, свернул к своему дому.

НОВОГОДНЕЕ ВОЛШЕБСТВО

Новый год, пожалуй, самый волшебный и сказочный праздник, полюбившийся не только детворе, но и взрослым. Всё кругом прихорашивается, украшается. От кудрявой ёлки и фасада дома до витрин магазинов и улиц в целом. Всё в огнях. А ежели и погода не подведёт, и зима побалуует пушистым снегом. А поутру ударят холода. Красота праздника ощущается многократно. Выйдешь во двор – морозно. Под ногами хрустит снег. Изо рта клубит пар. Деревья принарядились, укутались в шубки. Телеграфные провода и те покрыты инеем. И кажется, что всё вокруг из хрустала. На небе перемигиваются друг с дружкой звёзды. На окнах играют разноцветными огоньками гирлянды. Давно припрятаны подарки для родных и близких. Накрывается стол. Совсем чуть-чуть... и куранты пробьют полночь. Зажгутся бенгальские огни, послышатся поздравления, польётся звонкий смех, и добрый волшебник с Северного полюса поспешит заглянуть в гости. Взрослые окунутся в детство и будут вести себя как большие дети. Потому как все мы верим в чудеса. И каждому, будь он большим или малым, хоть на мгновенье, да хочется волшебства.

Недели за три до праздника мы с сестрёнкой начинали писать письмо Деду Морозу. Время от времени почёсывая кончиком карандаша затылок, задумчиво глядели на ёлку. Зелёная красавица стоит у окна, наряженная новогодними игрушками. Каких только украшений нет. Гирлянды играют огоньками, серебрится мишура, и кажется, что ёлочку нашу припорошили снегом и оттого она вся сияет и перемигивается снежинками. На ветвях большие позолоченные часы, домики, медвежата и зайчата, шары – разные,

разные. А на самой макушке важно красуется красная звезда.

Украшали ёлку вместе. Вечером. Мама с папой не спеша развешивали гирлянду и прицепляли звезду. Мы же с Валюшей осторожно вешали на зелёные ветви новогодние игрушки. В первую очередь бабушка Зоя вынимала из старой деревянной коробки позолоченные круглые часы и крепила их по центру. Эту самую игрушку давным-давно бабушка приобрела в городе Горьком. Мама тогда была совсем крохой. Потому часы эти всегда занимали на ёлке почётное место. Каждый из нас, понимая их возраст, дорожил ими и восхищался. Над кроватью, где спала сестрёнка, во весь ковёр тоже развешивалась гирлянда. Красно-жёлто-зелёные огоньки мигали всю ночь. И как же было приятно под их весёлый танец засыпать. Топится печь, на окне бумажные узоры-снежинки, а за окном доносится вой метели. Красота!..

И вот совсем немного, совсем ещё чуть-чуть, и под ёлкой окажутся долгожданные подарки. Хоть Дед Мороз и приходит только к послушным детям, всё равно... Как бы я ни озорничал весь год, а в нужный час под ёлкой появлялся какой-нибудь мешочек или игрушка.

Мы продолжали писать письмо. Насколько помню – список всегда был внушительным. Мама сама так велела. Пишите больше. Дедушка Мороз сам выберет, что подарить. И как узнать, какой подарок важнее? Хочется всего и сразу. Аккуратно кладём письмо в конверт и по слогам выводим адресат: «Дедушке Морозу. На Северный полюс».

Мама забирает письма.

– Завтра пойду на работу и забегу на почту, – уверяет она нас.

– Главное, чтоб дошло вовремя. И не затерялось, – я слегка тревожусь. Хоть и маленький, а знаю, что до Севера путь не близкий.

– Не беспокойтесь, – успокаивает мама. – Письма волшебные и будут доставлены в нужное время.

Оставалось только дожидаться Деда Мороза. А это, скажу вам, непросто. Когда именно он заглянет в гости после полуночи, никто не знал. Детей много. И какой по счёту наш дом –

неизвестно. Уж очень нам хотелось с сестрёнкой взглянуть на него хотя бы одним глазком. Пусть издали, да увидеть. А может, если посчастливится, и обмолвится словом.

К Новому году готовились все. За несколько дней до праздника родители старались приобрести продукты, чтобы хоть как-то украсить новогодний стол. Наше с сестрёнкой наивное раннее детство, когда мы верили в доброго волшебника и любили слушать перед сном сказки, пришлось на распад СССР. В стране конституционный кризис. Делилось государство. Менялась власть. Народ бедствовал. В магазинах были пустые полки. Зарплату не давали месяцами. И всё же родителям удавалось, где-то что-то достать и купить. Всё это хранилось в холодильнике на верхней полке.

– Это к Новому году. Не брать, – предупреждали нас.

А как не брать? Когда такое богатство. И всё это ты видишь не каждый день. Ни по одному разу подойдёшь к холодильнику и украдкой заглянешь вовнутрь. Наверное, ещё и потому с таким нетерпением мы ждали тогда приближения праздника. Как были рады конфетам и мандаринам. Кусочку колбасы и сыра.

Накрывался праздничный стол. Мы с Валюшей носили с кухни тарелки. Бабушка Зоя расставляла их на столе. Весь вечер непрерывно работал телевизор. Усаживались за стол. Вот она, та драгоценная минута. Когда чего-то долго ждёшь, готовишься с трепетом и наконец приходит финиш – сердце приятно замирает в предвкушении. Это всегда так. Даже как бы и жалко уже портить такой красивый стол. И в то же время хочется попробовать поскорее всё. По сей день Новый год ассоциируется у меня с запахом живой ели и мандаринами. Запахом детства.

В то прекрасное далёкое время, когда мы были детьми, мы умели радоваться простым вещам. В обычном всегда находили что-нибудь интересное. Совсем мало нужно было нам для искреннего удивления и счастливой улыбки. С годами всё реже и реже чему-то удивляешься. А тогда... каждое мгновение превращалось в игру. Весной ловили майских жуков и кузнечиков, зимой лепили снеговика, играли в снежки. Лето не обходилось без лапты и догонялок,

прятки и чехарды... Девчата прыгали через резинку или же играли в «квадрат». И кем только мы не были! Какими супергероями себя не представляли. Кто благородный Капитан на большом морском судне, а кто Пират (для этого обязательно нужно было завязать один глаз; ведь ты отважный Пират и потерял его в неравном бою). Все мы, как и Том Сойер, мечтали стать первооткрывателями. Тогда и впрямь неведомые тайны хранились повсюду. И если нам говорили не лазить в подвал дома или на чердак, разве могли мы не нарушить этот запрет?

Хорошо помню, как мама после работы до позднего часу готовила нам с сестрёнкой маскарадные костюмы. В школе намечался новогодний бал, и нужно прийти, как подобает, в образе какого-нибудь героя. Пусть даже и не совсем сказочного. И ежели в садике я был зайчиком, то теперь я школьник и в костюме ушастого трусливого зверька наряжаться не хотел. Я желал быть мушкетёром. И мама согласилась мне в этом помочь.

– Хорошо, – с улыбкой сказала она. – Будешь у нас мушкетёром.

– Как Д'Артаньян? – радости моей не было предела.

– Даже лучше.

– А кем буду я? – подперев кулачком маленький подбородок, поинтересовалась Валюша.

– А ты... Ты будешь у нас снежинкой. Самой красивой.

И несколько поздних зимних вечеров мама шила нам с сестрёнкой маскарадные костюмы. Из картона вырезалась, клеивалась и разукрашивалась не одним слоем синего маркера моя мушкетёрская шляпа. Отец выстругал для меня красивую шпагу с деревянным клинком и дюралевой гардой. К штанам пришивались блестящие лампасы. Из синей плотной ткани с красивыми узорами мама вышивала мне плащ. Хорошо, что она у нас портной и как волшебница творит с иглой и ниткой настоящие чудеса. Все давно уже легли в тёплые кровати, а мама всё ещё под тусклым светом настольной лампы что-то кроила и вышивала. Хорошая у нас мама. Самая лучшая. Мы с сестрёнкой не раз пытались ей помочь. Ютились возле неё, с восторгом поглядывая на её ловкие руки.

– Не мешайте, – говорила нам мама.

– Давай поддержку, – предлагал я свою помощь. – Где что отрезать?

– Стихи выучили? – спрашивала мама. Мы дружно кивали в ответ. – Ещё раз повторите. Лишним не будет.

Мы садились за учебники. Новогодний стих нужно знать назубок. И мы это хорошо понимали. Мало быть в новогоднюю ночь нарядным. Нужно ещё и талантом блеснуть. Без этого никак. И мы в сотый раз повторяли хорошо известные нам строки. И всё-таки мама позволила нам с Валюшей помочь ей в одном деле. Разукрасить маркером мою мушкетёрскую шляпу. Весьма ответственно мы подошли к этой работе, аккуратно, затаив дыхание, наносили ровные синие линии.

А вот и долгожданный новогодний бал. В «новой», как все её называли, трёхэтажной школе, на первом этаже, пройдя столовую, в спортивном зале дожидалась праздника огромная, привезённая из лесу живая ель. Какая же она была красивая! Сколько шаров и гирлянд украшали её зелёные ветви. А на самой макушке важно горела звезда. Умиляло и восхищало то, что она была живой. Настоящей. Можно было прикоснуться к иголкам, которых было немало даже на полу, и вдохнуть аромат лесной жизни. И казалось, что ёлка, как добрый великан, растопырив в стороны лапы, с улыбкой глядела сверху на нас, восторженную детвору, и весело подмигивала нам гирляндами. Я всегда подолгу всматривался в её густые ветви. А вдруг покажется белочка. Может быть, бедолага спала крепким сном, а проснувшись, нежданно-негаданно очутилась на нашем празднике. Но лесного зверька не было. Играла новогодняя музыка, стреляли хлопушки, разбрасывая повсюду разноцветные конфетты. Кружился хоровод вокруг ёлки, и все дружно звали Дедушку Мороза, который всегда приходил с огромным красным мешком и со Снегурочкой. Не обходился новогодний бал без Бабы Яги и Разбойников, которые каждый раз пытались украсть Деда Мороза или отобрать у него мешок со сладостями. Бабой Ягой, сколько помню, всегда наряжалась моя первая учительница – Баранова Елена Михайловна. Елена Михайловна при-

шла в школу после института и взяла наш класс под своё крыло. И два года (первый и второй класс) была нашей классной мамой, нашим наставником. Молодая, красивая, добрая. Под самодельным гримом проказницы Бабы Яги не сразу её было узнать. Хорошо помню наше знакомство. Когда наш класс, мальчишки и девчата, ещё не знавшие друг друга (за исключением некоторых, что были в детском саду) и которым предстояло впереди дружное весёлое путешествие в одиннадцать лет, собрались в классе на втором этаже каменной маленькой двухэтажной школы, Елена Михайловна представилась и попросила достать из портфелей азбуку.

– А это, дети, ваш первый учебник, который унесёт вас в увлекательную Страну Знаний. А вы знали, что книги могут разговаривать? Да, да, не удивляйтесь. Прислушайтесь. Они вам очень рады и приветствуют вас.

В классе становилось тихо. Все прислонялись ухом к учебнику и пытались услышать волшебную речь. Наверное, многим тогда, как и мне, слышался тихий шёпот приветствия.

По завершении новогоднего бала любопытно было пройтись по одинокой вечерней школе, которая предстала пред нами в ином образе. Днём, среди шумной толпы, школа была будто огурец, набитый семечками. Теперь же коридоры казались обширнее. Пока взрослые не видят, можно с мальчишками подняться на второй этаж, а если хватит духу, то и на третий, и прогуляться по вечернему тёмному мрачному коридору. Лишь лунный свет и уличный фонарь слабо освещали помещение, которое мы хорошо знали, но теперь казавшееся таким чужим и пугающим. И медленно, затаив дыхание, нога в ногу, мы отважно пробирались вперёд, иногда заглядывая в пустые кабинеты. И стоило кому-то одному испугаться внезапно мелькнувшей тени и броситься с криком на утёк, как все тут же, подавленные страхом, неслись следом на первый этаж сломя голову.

Вдоль школьной территории, где сейчас проходит Канавка, располагался каток, на котором в зимнюю пору состязались за первенство из разных районов команды

по хоккею. За катком, где сейчас монастырская трапеза, стояло жёлтое здание, где находились центральная библиотека, Дом культуры и кинотеатр. Весной, на Масленицу, рядом со зданием, на крыльце которого устраивались праздничные представления, ставили высокий столб. На столб пытались забраться удалые смельчаки, чтоб получить петуха, либо ещё какой подарок. Заодно показать всем свою прыткость. Одноклассник, Лёшка Новоженин, жизнь которого трагически оборвалась перед самым Рождеством в девятнадцатом году, будучи совсем мальчишкой, ловким, юрким и смелым, лихо однажды забрался на столб и достал из клетки петуха. Лёшкино фото разместили на первой полосе районной газеты «Ударник». Все в классе им гордились. В зимнюю же пору на маленькой площади у кинотеатра мгновенно вырастала большая пушистая ель. В новогоднюю ночь, после полуночи, народ от мала до велика с бенгальскими огнями шёл к ёлке. Пелись песни, кружился хоровод, лились рекой поздравления, и каждый желал друг другу счастья и радости в новом году. Смех и веселье не стихали всю ночь.

В зимние каникулы доводилось не только веселиться, но и хворать. Напрыгаешься, набегаетесь по сугробам, вспотеешь, промокнешь, а после сам не заметишь, как тебя продуло. Стоило было одному, мне или сестрёнке, заболеть, как подхватывал другой. На спину наклеивали жгучие горчичники и даже клали их в носки. Изобретательных методов лечения была уйма. От медицинских банок с горящим спиртом внутри, до ингаляции горячим паром над кастрюлей с картофелем под одеялом. Рядом с кроватью на табурете блюдец с водой и дольками чеснока. В каникулы болеть особенно обидно. Когда все играют и гуляют, ты борешься с насморком, температурой и кашлем. Благо, спасал телевизор. Шли новогодние передачи и мультфильмы. Отчего-то запомнилось, что в это время мы часто смотрели «Приключения итальянцев в России». То ли крутили этот фильм с Андреем Мироновым в главной роли по телевизору, то ли по видеокассете смотрели его не по одному разу. Точно уже не скажу. Днём родители уходили на работу, и мы с Валюшей оставались под бабушки-

ным присмотром. Мы часто уговаривали её не ставить нам противные горчичники.

– Ой, сорванцы. Ой, неслухи, – качала головой бабушка Зоя. – Сколько раз говорили – промокли, ступайте домой, обсохните. Да разве вы послушаете. Что ты! Плохого вам взрослые желают. Как же. Теперь не хнычьте.

И всё же, как только мы шли на поправку, уговорить бабушку удавалось. И мы с сестрёнкой честно хранили эту тайну от мамы. Как только болезнь отступала, лежать в кровати становилось нелегко. Потихоньку-полегоньку начинали бегать по квартире. Я украдкой прятал под одеяло игрушки, накрывался с головой, звал сестру и говорил ей, что я Джин.

– Какой такой Джин?

– Самый, что ни на есть настоящий, – отвечал я из-под одеяла. – Как у Аладдина в мультфильме, помнишь?

– Помню, – отвечала Валюша.

– Ну?.. Три одеяла. Загадывай желание. Хочешь медведя плюшевого?

– Хочу.

– Пожалуйста, – вынимаю и протягиваю старого медведя.

Валюша призадумалась.

– Хочу кукольный домик.

– Где ж я тебе его возьму, – отвечаю ей. – Загадывай лучше куклу.

Сестрёнка догадывается и включается в игру. И я, как настоящий маг, вынимаю для неё из своей волшебной лампы то одну, то другую игрушку. Простуда отступила. Как и прежде, идём гулять. Впереди школа. Но ещё несколько дней заветных каникул. Обещаем вести себя поспокойней, чтоб не простудиться по новой. Но не проходит и часа, как мы забываем обо всём на свете и со всей дворовой детворой покоряем сугробы и играем до изнеможения в снежки. По второму разу, как ни странно, никогда не болели.

Павел КЛИМЕШОВ

ПРОСТО ПОНОМАРЁВ

Всё болит у древа жизни людской...

Константин Леонтьев

Не сравнивай: живущий несравним.

Осип Мандельштам

*Что нужды до былых иль будущих племен?
Я не для них бренчу незвонкими струнами;
Я, невнимаемый, довольно награждён
За звуки звуками, а за мечты мечтами.*

Евгений Баратынский

Предисловие

Вышеприведённые довольно драматичные эпиграфы, к тому же с неким вызовом, понуждают заранее оговориться. Само название «Просто Пономарёв» – демонстративно резкое, даже провокационное. Ну кто из живущих так уж «прост»? Да нет же, наоборот – многосложен, воистину микрокосм, как говорят философы. Вот и заявленный Пономарёв – вовсе не бытовой примитив, не пошловатый обыватель; а каков на самом деле, об этом последующее безыскусное повествование.

1

В эту предосеннюю ночь ему не спалось. Ещё с вечера что-то необъяснимо тревожило: внезапное ли похолодание после трёхнедельной жары или странный,

какой-то сиротливый закат, когда запад пустынно тонул в тускло-буром, а жидкая бледно-розовая заря была отягчена длинной и плоской синей тучей. На горизонте холодно мерцали жилые огоньки, внизу, под домом, из холодной тьмы оранжево выхватывали деревья редкие поселковые фонари. И надо всем висла глухая тишина...

Да, он не спал, то и дело вставал с постели и подходил к окну. Закат давно погас, и в зеленоватой сини августовской ночи стояла крупная, неполная луна, являвшая собой светлое яйцо циклопической космоптицы. Он долго смотрел, как оно, беззвучно снижаясь над спящим микро-районом, медленно наливалось красным, отчего на душе становилось ещё тревожнее; наконец, луна опустила за горизонт, оставив после себя смутный буроватый отсвет.

Что же его тревожило? В недавнем прошлом ничего особенного, тем более трагичного, не произошло; как заведено, он собранно выполнял домашние обязанности, в том числе предосенние садовые дела, благо прошлое лето выдалось на редкость урожайным. Но даже это не радовало. К удивлению, в самые благодатные, полные солнца дни копилась и сокровенно угнетала некая усталость и неожиданные срывы здоровья – внезапные головокружения и слабость. А чего ожидать, когда разменял восьмой десяток? Но ведь он всегда ощущал себя на пятьдесят с хвостиком – и вот неотвратимое порубежье!..

2

Впрочем, Александр Пономарёв никогда не молодился. С юности был силён и подтянут, не гнушался мало-мальской физкультуры, а в институте бывал среди лидеров в кроссе и волейболе.

Вообще в послевоенном детстве на барачной окраине Энска среди пацанов процветал культ силы и здоровья. Сейчас, спустя годы, Александр с удовольствием вспоминает самодельные турники, топорщившиеся на уютных задворках, где он с друзьями на спор подтягивался и, воздев ноги, лихо переворачивался, и, хотя перехватывало

дыхание и кружилась голова, он, заливаясь молодецким потом, переворачивался снова и снова, а пацаны считали: «Пять... десять... пятнадцать...»

На восьмом десятке жизни Александр убеждён: всякое детство, а особенно послевоенное, в середине и конце пятидесятых, «коммунистично» – так крепка и нерушима бескорыстная спайка людей, в той или иной степени переживших национальную трагедию и последующую Победу; несломленных, выстоявших и продлевающих поистине братский быт, когда всё – нараспашку, без замков и заборов; когда в чём нуждаешься, бери с чистой душой и не думай о неотменимой расплате.

Да, именно так и бытовали – одной большой коммуной. Играли, застенчиво озоровали и делились сообща. А старенькие приземистые бараки, тёмные от дождей сараюшки вкуче с густотравными лужайками – это земной райский уголок, которого не забыть до смерти.

Да и как забыть то же запойное рисование в сарайном пёстром от солнца укромье? Не сговариваясь, ни с того ни с сего все брали бумагу и карандаши и, что называется, не дыша ширкали по листкам; это совместное художество увлекало, уравнивая в жажде наивного совершенства... Все были большой семьёй, и в погожие летние ночи, в лунном полусвете или под пологом пёстрой звёздности спали на травах, рядом с притихшими жилищами, расстелив немудрящее шобоньё и накрывшись чем бог послал. Так отдыхали не только пацаны, но и взрослые. А какими сладкими бывали те незабвенные ночи!..

Недавно Александр побывал на малой родине. Унылые серые многоэтажки, разбитый, в трещинах и ямах, асфальт, переполненные мусорки, возле которых снуют стаи голодных голубей и, опасно озираясь по сторонам, рожются бездомные собаки. Да бог с ними, с допотопными бараками! Где утерянное густотравье, где ласковая умиротворяющая тишина и, как восклицал великий Высоцкий, «где мои семнадцать лет»?

В самом деле, где они – лучезарные детские и подростковые годы, где чистые помышления и светлые мечтания, осенённые неизъяснимым небесным светом? И что оно

значит – наше личное время, возникающее из ниоткуда и возвратимое туда же? Как наше краткое бытование уязвимо и зыбко, только наша спасительница память удлиняет его, согревая и обогащая, а при этом горизонты времён благодатно распахиваются.

3

Ностальгия-то ностальгией, но ведь кардинально изменилось время, стала другой страна, а с нею и мы все. Становясь старше и вступая в «пограничный» возраст, Александр Пономарёв не обеляет прошлое, хотя, понятное дело, и тоскует по нему. Самой главной утратой он считает досадное непонимание своего отца.

В детстве и юности он его мало видел. Окраинная пацанская вольница едва ли не с зорькой увлекала на реку, где стояли плоты; в недалний лес, полный орехов и земляники; чего греха таить, в соседские огороды, где с замиранием сердечек все оглядисто «огородничали»... Да мало ли заветных услад! Возвращались по домам в вечерней темноте, гулевые и довольные, за что нередко отведывали ремня. Так длилось месяцами, даже годами. А потом – взросление, упоительное жениховство... Семьями жили отдельно, виделись редко, только на праздниках или похоронах.

Александр Пономарёв по сути отца почти не помнил – мать с бабушкой переполняли душу, а потом – женитьба, семейные заботы, учёба, труд, дети... Отец был неласков, резок в суждениях, часто скандалил с матерью, с сыном бывал более чем холоден. Высокий, худой, лысоватый, с густым подшёрстком на груди и спине, часто матерился, но с соседями всегда благодушествовал и, как говаривали, на заводе, где бригадирствовал, был уважаем как наставник цеховой молодёжи. Конечно, всякий человек противоречив, двойствен, а то и более того. Позднее Александр объяснил себе отцовскую чёрствость: оказывается, отец при «ходовом» батюшке жил с суровой мачехой, ночевал в конюшне, где заживо загнивал (при позднейших винопитиях он показывал зажившие раны на ногах).

В шахтёрском саратовском крае в тридцатых царствовали вольные бандитские шайки, одну из них, по слухам, возглавлял крутой дед Александра. Перед войной, взяв с собой отпрыска, завербовался в сытые азиатские земли, там умер, и остался Александров отец круглой сиротой, мыкался-мыкался и подался к дяде в Энгельс; тот устроил его на завод, где он сперва работал фрезеровщиком, потом бригадиром и мастером. В общем, жизненный путь не сахарный, ну откуда взяться безоглядной доброте и любвеобильности?!

Но при этом отец часто бывал сентиментальным. Саратовские корни часто шевелились в душе: отец не мог равнодушно слышать звонкий голос тамошней гармошки с аккомпанементом тонких колокольчиков или же песни незабвенной Лидии Руслановой, особенно про Самару-городок. Отец сам подпевал тенорком, не сдерживаясь, плакал. Голос у него хоть и не был поставлен, но очень приятного тембра, и Александр от заводских соседей знал, будто отца приглашали на подготовительные курсы в консерваторию... Словом, одарённость несомненная – ах, кабы благоприятные условия! Да что говорить, все под Богом ходим, а у Него – свои избранники.

4

В отличие от отца, мать являла само смирение и нежную душевность. Раннее сиротство и тяжкие обстоятельства не поколебали природные задатки: лёгкость на подъём, весёлость и нескончаемую песенность. Когда случались соседские посиделки под тусклыми абажурами, в тесноте, да не в обиде, кто бывал неуёмным запевалой? – Мария, и только она. С детства Александр заслушивался застольным русским про степь да степь кругом, про то, как окрасился месяц багрянцем, или некрасовскую деву, что жадно глядит на дорогу...

Они познакомились на заводе. По рассказам бабушки, будущий зять ей очень не нравился – голоштаный и неприветливый; но нищенскую свадьбу всё же сыграли и худо-бедно зажили; и всё же, несмотря на послевоенную

голодуху, родили и выходили долгожданного первенца – то бишь его, Александра батьковича. Конечно, он своего раннего младенчества не помнит, но не может даже спустя долгое время забыть частые родительские раздоры, когда отец переходил на грубый мат и в чём только ни упрекал!.. Ко всему прочему он был болезненно ревнив, и когда они вдвоём с матерью уходили на какую-нибудь вечеринку, часто возвращался один мрачнее тучи (видите ли, жена долго танцевала с другими).

Это Александр вспоминает сейчас, бессонной ночью, когда за окнами глухая темень и только одинокая Венера холодно блистает на южном небосклоне. Да, всё это теперь известно, ни осуждать, ни оправдывать отца нет необходимости; и всё равно гложет внутреннее сожаление о том, что ни разу, да-да, ни разу не привелось поговорить с родителем по душам! А ведь незадолго до смерти между ними намечалась некая близость: отец на время оставил запои, внешне посвежел и всё чаще мечтательно говорил: «Скоро, сынок, мы съездим ко мне на родину. Я покажу, где мы жили...»

Александр помнит панический звонок матери: «Срочно приезжай, отец лежит на полу и не может встать». Когда приехал, вдвоём положили его на кровать; а он всё успокаивал: «Ничего страшного, со мной это и раньше бывало, отлежусь, встану»... Но так и не встал – обширный инсульт свёл в могилу.

Никто не был готов к этому. Мать растерянно металась по квартире, когда отец учащённо и хрипло начал дышать, сам Александр цепенел, впервые видя смерть во всей грозной наготе. Из оцепенения вывел отчаянный материнский вопль: «Беги за скорой!» Александр панически побежал к соседнему дому, где находились врачи. «Нет, мы не можем – не было вызова», – ошарашили те. «Отец умирает! Это три минуты отсюда!» – зывал Александр. Всё оказалось напрасным – железное равнодушие окатило душу.

А когда вернулся, отец уже затих и лежал спокойно вытянувшись, будто спал... И тогда Александр зарыдал, да, зарыдал впервые в жизни и никак не мог сдержаться.

После смерти отца, бабушки и матери, не считая многочисленной родни и друзей, Александр Пономарёв остался один. Нет, рядом была жена, а на расстоянии две дочери, внуки, а душевно – совсем один. «Не добро быть человеку единому»... По-библейски именно так, а по-житейски совсем иначе. И вот в семьдесят для него настала пора честных переоценок. Кто же он таков? Чего в нём больше – отцовского или материнского? И насколько живительна его внутренняя «горючая» смесь?

Как хочется верить, что материнской душевности (и мнительности тоже) много больше. Именно таковым Александр себя ощущает. Правда, бывают внезапные приступы гнева, когда та же супруга упрекает его по мелочам или бывшие сослуживцы по работе недвусмысленно косо посмотрят. Да если бы только это! Оглянешься на прожитое: боже мой, сколько несуразных поступков, глупейших утрат, когда не только элементарной логики, не говоря о здравом смысле, не проглядывается. Начать с той же учёбы. Как он блистательно сдал вступительные экзамены в университет, но через два года скоропостижно женился и бросил факультет. И при этом, как ни странно, хотя в школе глубоко интересовался ядерной физикой и астрономией, а стопы почему-то направил в филологию. Как это объяснить, как соединить несоединимое? Вот теперь, на восьмом десятке, оказывается, ни конца ни краю вопрошаниям, а могила-матушка ждёт не дожждётся... Да, кончина не за горами, не стоит себя обманывать. Но не это по-настоящему волнует – что значит смерть? Все там будем. Проблема не в этом. Александр, пожалуй, как никогда ощущает себя незавершённым, как бы разнесённым по умозрительным «градом и весям». Всё в его помыслах течёт и меняется – нет надёжного костяка, почти как в туманной юности. Впрочем, там всё было пронизано неким зыбким свечением, вполне не определённым, однако наполненным непреклонной уверенностью в своих немереных силах: всё осмыслию, всё превозмогу и создам себя великого!.. Казалось бы, с годами, пережив многое, посе-

дев от бед и утрат, должен бы остепениться, окончательно «войти в себя»; ан нет, чуя близкую кончину, Александр острее переживает своё недодуманное, недосозданное. Да, телесно он сам, а духовно – «облако в штанах», если привести инфантильного Маяковского.

Потому в последнее время и не спит по ночам, мается у чёрного окна, вперившись взглядом в зелёную синь запада, где зыбко светятся заречные микрорайоны, а там – тысячи, миллионы неизвестных чужих судеб. И что они для тебя, и что ты для них?!

Он ругает себя за эти сомнения. Его всегда упрекали в заниженной самооценке, но Александр всегда отвергал подобные упреки – ведь это не заниженная самооценка, нет, это – попытка достичь внутреннего смирения. Именно его предполагает дело, которому себя посвятил странноватый Пономарёв.

Именно странноватым ощущает он сам себя; именно таким, как предполагает, видят его со стороны самые близкие и даже дальние. Память, могучая память убеждает Пономарёва в этих чувствах. Взять ту же «скоропостижную» женитьбу. Александр взял в жёны самую первую женщину, с которой осмелился познакомиться. Да, она была молода, крепка и упруга телом, от неё исходил несокрушимый дух деревенского здоровья, но ведь вокруг шествовало столько очаровательных особ, хотя бы на том же истфаке, и некоторые из них недвусмысленно оказывали знаки благосклонности... Нет, именно Лида, и никто другой! И как говорится, пела и гуляла скромная, немногочисленная свадьба в тесной окраинной хрущёвке на сдвинутых столах с небогатым угощением. Да, всё случилось воистину «скоропостижно» – в несколько месяцев, без хрестоматийных конфетно-букетных ухаживаний, а тем более без обоюдных вечеров в блистательных ресторанах.

И вот Александр с Лидией в браке без малого полвека. Не сказать, что безоблачно как в сказке: разные по натуре, они всё же обоюдно смирились с этой «далековатостью»,

правда, из-за нездоровья и подорванности на пенсионной подработке жена нет-нет да упрекнёт за то, что не сделал яркую карьеру, что безнадёжный бессребреник и занимается чёрт знает чем, в то время как «другие мужья» копят деньги и щедро помогают детям.

Да, он не добытчик и действительно «занимается чёрт знает чем». В пятьдесят лет неожиданно для себя самого занялся окололитературной писаниной. Не сказать, что всегда был чужд перу и бумаге, но то была журналистика районного пошиба, впрочем, иногда выплывавшая на просторы городской прессы.

Напрочь отвратило от бумагомарания «боевое» сотрудничество с университетским приятелем Олегом Храмовым. В переломные девяностые тот организовал кооператив, занимавшийся перепродажей чего-то закордонного, разумеется, с солидной накруткой. С хищным взглядом, но subtilный и вместе с тем с бойцовской выправкой, Олег цепко ухватился за Александровский газетный навык: дикий капитализм требовал зубодробительной борьбы с конкурентами, так что по заказу новоявленного шефа Александр сливал отвратительный компромат на «высочек», не гнушаясь их постельными делишками. Это продолжалось около года, Александр денежно окреп к вящей радости воспрявшей супруги, но потом нашла коса на камень – разразился конфликт.

Не забыть тот острый диалог на грани мордобоя.

Александр:

– Уволь, я больше не могу. Это мерзко – поливать людей грязью. И всё ради чего? Ради презренного металла.

Олег:

– Как ты был пономарём, так им и остался. Ты пойми, сейчас времена не гнилых бабушкиных представлений. Нет! Теперь требуются лидеры без страха и упрёка, кулачные бойцы с волчьим оскалом.

Александр:

– Это не по мне. С души воротит...

Олег:

– Ну и чёрт с тобой! Загнивай на своих задворках, мусоль ситный с квасом.

Александр:

– Да, ты никогда не был квасным патриотом. Доллар – вот твой царь и бог. Кто их больше тебе кинет, за тем и поползёшь.

Олег:

– Поговори у меня! Сейчас кликну охрану, она тебе живо мозги вышибет. От греха сгинь с глаз, не то...

Александр:

– Другого я от тебя не ожидал Ты не лапотный слюнтяй, как я; нет, ты – гламурный человек мира, новоявленный акулёнок капитализма... Гляди, объешься, разжиреешь на загранхарчах и сдохнешь от несварения...

Александр как в воду глядел: совсем недавно, в начале 2017-го, Олег Храмов, немеренно разбогатевший, по слухам, обладавший тремя квартирами в центре Москвы и черноморским поместьем, сменив четыре жены, внезапно покончил с собой. Психологи утверждают, что этот трагический исход вполне объясним комплексом Мартина Иде-на: тот тоже непомерно разбогател, добился мыслимых и немислимых благ, кончил ранней смертью, ибо утратил человеческий смысл жизни.

Видимо, не в обильной жратве, не в чрезмерной недвижимости, не в напускном высокомерии состоит этот самый смысл. А в чём именно, каждый решает по отдельности – «общего аршина» нет и быть не может.

7

Храмовский отвратительный бизнес надолго охладил душу. К чертям собачьим эту продажную писанину – слишком паршиво пахнет! Эти треклятые девяностые, развал вся и всего!.. Александр как закоренелый провинциал (сказывалась материнская закваска) отошёл на обочину взбесившейся действительности и угодил в некий духовный ступор, из которого мучительно выкарабкивается только сейчас, в конце десятых годов «боевого» двадцать первого века.

В немалой степени ему помогла спасительная литературная писанина. По сути, он начал с нуля, без духовного

посоха путь долго не давался, и от отчаяния он углубился в чудодейственную русскую классику, благо с некоторых пор была приоткрыта её эмигрантская ветвь. Конечно, шедевром из всех шедевров оказывалась «Капитанская дочка» Пушкина; конечно, покорила Чехов, затем Бунин; Александр позновато открыл для себя Ивана Шмелёва и Владимира Набокова. Известно: необъятного никогда не объять, а потому он ограничился этими именами, намеренно отстранив раскрученные фигуры ушлых современников, кто, ничтоже сумняшеся, не мытьём, так катаньём норовят взобраться на литературный Олимп.

Поначалу у него ничего не получалось – бывшая журналистика только мешала, подсовывая дремучие словесные штампы. Но мало-помалу, от страницы к странице, от зарисовок характеров и пейзажей перешёл к небольшим рассказам бытового характера. Персонажи бывали вымышленными, но почти каждый в той или иной степени носил в себе авторские раздумья, погружённый в поселковые нравы и традиции. Дело полегоньку пошло – количество рассказов возрастало. Конечно, хотелось показать написанное союзным товарищам-господам, но отзывать сколь-нибудь душевного он так и не получил – его не приняли в тесно обжитой междусобойчик.

«Не беда, – успокаивал себя Александр. – Каждый пишет, как он дышит. Значит, у нас разные ритмы этого дыхания.... Переживём. Мир широк, и классический «белый парус», вопреки непредвиденным штормам, всё ещё маячит в голубой дали... Чего я хочу? От сердца высказаться и только. Значит, на моё счастье, в душе выжил некий родовой корешок, завещанный далёкими пращурами. Значит, как наставлял строгий Кант, я должен – и потому могу»...

И что же он смог? Родовые крестьянские верования сблизили с лесом, с деревенским усадом, когда он с наслаждением копал запашистую почву, с неожиданным проворством высаживал помидоры с перцами – и с его лёгкой руки всё возрастало обильно. Как блаженно заходила душа, когда после трудов праведных Александр пропадал в ветровых лугах, за которыми густо синели

окрестные рощи! Да, в эти часы он бывал счастлив, и так не хотелось возвращаться в город, где угнетало «одинокое множество лиц». Собственно, в итоге он об этом и писал, вздыхая над листом бумаги. В этом и была его творческая суть. О масштабе своего дарования он предпочитал не задумываться. Ведь это чревато, если вспомнить хрестоматийную многоножку, которая разом обезножела, когда у неё спросили, с какой ноги она предпочитает ступать.... Да зачем Александру доподлинно знать о своём даровании? Главное не в этом. Суть в том, что он, «малый сей», – единственный в роду причастный к писательству, а потому в меру отпущенных сил должен (именно – должен!) говорить за дедов и прадедов. О чём говорить? Да о самом заветном, самом личном и дорогом. И будь что будет!

8

Своим чередом продлевались времена. Жена окончательно разболелась: после недавнего инфаркта на неё больно смотреть – она погрузнела и обмякла до старческой дряблости, и в противовес былой неуступчивости проявилась ранимость и беспомощность – печальная оборотная сторона женственности. Александр в большей степени, чем раньше, ощущает братское чувство с богоданной женой.

И вообще, в пику многолетним сомнениям он невольно переносит это благодатное чувство на всё окружающее. Ему сентиментально дороги все поселковые земляки; доходит до забавного: Александр здоровается с местными дворнягами, не пропускает ни единой фланирующей кошки, чтобы ласково ни погладить, ежедневно подкармливает стаю голубей, постоянно суемящуюся возле мусорных контейнеров.....

Когда хорошо пишется, ему особенно родственны будни во всех, даже малозначительных проявлениях. С малолетства поражённый глубиной звёздной бездны, когда спал на дворовой лужайке, он и в семьдесят не может оторвать взгляда от просторных небес, а потому

с самоиронией представляет, как на него косятся прохожие, когда Александр долго стоит с поднятой вверх головой. «Не визионер, – окорачивает он себя, – а грубо говоря, просто ротозей!» Ему особенно нравятся летние прелестные облака. Высоченные, с многоярусными округлыми башнями, сказочно громоздкие и в то же время эфирно лёгкие, с нежным голубовато-серым основанием, на котором возведены, возведены... невыразимо ослепительные изваяния. Зато в кануны ненастья небеса загромождены какими-то бесформенными обрывками облачности, они невзрачно плоски, сизовато-серы; тогда в небесах становится тесно и как-то тревожно.

С некоторых пор он зрительно коллекционирует закаты и восходы; конечно, потом многое стирается из памяти, остаётся самое яркое. Скажем, на днях происходило редкое астрономическое явление – затмение Луны и противостояние Марса. Загодя до объявленного Александр вышел в мягкотный июльский вечер; крупная, яркая луна внушительно висла над чёрной панорамой деревьев и домов; редкие оранжевые фонари освещали окраинное шоссе с проносющимися легковушками и грузовиками, по тёмным тропам шли редкие прохожие, совершенно равнодушные к приближающемуся действу... Длились минуты, и вот слева на лунный диск медленно начала напозззть округлая тень планеты Земля, в укромном уголке которой не дыша стоял провинциальный «звездочёт»... Тень всё напозззала и напозззала, беззвучно и непреложно, в округе стояла особенная тишина, словно бы вся она, в отличие от человеческих поселенцев, была зачарована космическим действием. В считанные минуты луна была полностью затенена и приобрела туманно-красный оттенок... А внизу, под ней, крупно краснел невозмутимый Марс. И ни единого зрителя окрест, кроме взволнованного Александра Пономарёва!

9

Безотзывная писанина увлекает всё больше и больше. Но зато когда одолевает долгая немота, ему становится вдвойне одиноко; прав гениальный Пушкин:

И меж детей ничтожных мира,
быть может, всех ничтожней он.

В часы отчаяния сам собой встаёт вопрос: «А зачем всё это? Для чего себя изводить?»

И всё-таки внутренний голос, точнее – отголосок романтической юности, отвечает: «Не тебе решать, для чего и зачем. Раз это есть, значит так надо. Не малодушествуй, не предавай тайного призыва рода своего!» И как небесное спасение, вновь осеняет неожиданная словесность и требует, настойчиво требует гармонического исхода. И при этом никакой тебе подсказки ни от кого, даже от великих!.. Напротив, видимо, утерев захолустную робость, Александр находит, что у того же любимого Бунина порой слишком гипертрофичен прелестно выписанный пейзаж; а у великого Льва Николаевича в той же «Анне Карениной» безмерно многословны главы о каком-то губернском съезде, где присутствует Вронский; а у яркого Булгакова в «Мастере и Маргарите» совсем никчёмен эпилог. Но зато абсолютным идеалом гармонии для Александра был и остаётся незабвенный Антон Павлович Чехов...

Подобные вольные рассуждения Александр позволяет себе не часто. Да и как иначе? Кто он таков, а кто при этом они и какие мировые шедевры создали!

Да, он малый сей, но в мире необъятном, и разве пращурь не вопиют его слабой гортанью?!

10

Всякий человек – это малое в большом; но и обратно: это большое во всяком малом; не случайно русские классики всегда превозносили – человеческая душа объёмлет весь мир.

Александр в этом никогда не сомневался, правда, мысленно подразделял мир на некие фрагменты: личная жизнь, бытование малой родины; далее мысленный взор настраивался на восприятие Родины большой, а потом – на государственные взаимоотношения, затем на Землю

как космическое тело и в итоге – на Космос, некогда возникший из Сверхвзрыва (материя с игольное ушко – и вмиг безбрежность).

В самое последнее время Александра влечёт к себе космическое. Потому тёмными предосенними ночами он часами простаивает у холодного августовского окна и безотрывно всматривается в зыбкую звёздность. Мысли его теряются там, в неизведанном, поскольку он утомлён подспудным бытовым неустройством, не говоря о неустраняемых государственных проблемах, а тем более о гнусной международной вражде, которой ни конца ни края.

И вот именно из космической глубины отчётливо видится махонькая голубоватая крупинка, обжитая неустроенным человечеством Земля, возможно, единственная на тысячи световых лет осенённая живым разумом. А на ней терзается некий мыслящий атом и беспомощно шепчет одно и то же:

«Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся?»

Марина ГОРЕВА

НИЖЕГОРОДСКИЕ ЧУДАКИ

1. Храм на краю света

С Василием я впервые встретилась на выпускной линейке духовной семинарии. Ректор этого богоугодного заведения выстроил двадцать юношей на залитой солнцем площадке возле Благовещенского собора. Но худенькие семинаристы ежились на холодном ветру, который дул с реки, в своих тонких темных подрясниках.

И лишь один выпускник стоял спокойно, не ежась и не дрожа. И не мудрено: такому богатырю, стоявшему в самом начале шеренги семинаристов, не был страшен ни пронизывающий ветер, ни, подозреваю, даже сильный мороз.

Этот семинарист был на голову выше своих товарищей, широк в плечах, коими мог загородить и троих юношей, поставленных в ряд. Да и на голове его красовалась не аккуратная короткая стрижка, а буйные темные кудри до плеч. И совсем уж отличала его от розовощеких юных товарищей густая черная борода.

«Наверняка, этот гигант старше всех выпускников!» – подумала я и попросила у ректора разрешения познакомиться с этим выпускником поближе.

– Василий, подойти к нам, – призвал семинариста ректор. – Вот, поговори с журналисткой, ответь на ее вопросы.

Парень кивнул и посмотрел на меня своими огромными глазищами, обрамленными, к моему удивлению, пушистыми длинными ресницами.

«Батюшки, взгляд, как у ребенка! А вымахал-то, как крепкий мужик-молотобоец!» – опять подумала я про себя, а у Василия спросила, сколько ему лет.

– Двадцать два годика стукнуло на днях, – тихо ответил он, не поднимая глаз, и вдруг весь залился пунцовой краской.

– Вас что-то смутило в моем вопросе? Смотрю, вы покраснели до корней волос, – поинтересовалась я у собеседника. – Или семинаристов нельзя спрашивать о возрасте?

– Нет, что вы, спрашивайте, раз надо, – оживился Василий. – Мне ректор велел отвечать на ваши вопросы.

– Даже на самые заковыристые? – не удержалась я.

Василий вздохнул, еще больше покраснел и пробормотал:

– Спрашивайте, постараюсь ответить.

Было заметно, что общение с противоположным полом дается ему нелегко. Но он старался унять смущение и продолжал мужественно отвечать на мои вопросы.

А вопросов у меня было много, и Василий постепенно успокоился, рассказывая, из какой он семьи, почему поступил учиться в семинарию, что нравилось ему в учебе, а что давалось труднее всего. Потом я спросила, научился ли он бороться с мирскими искушениями. Богатырь ответил, что научился не поддаваться почти всем соблазнам.

– Вот разве что... – Василий хотел закончить эту фразу, да вдруг замолк на полуслове и снова покраснел.

– И с каким же искушением не под силу совладать такому богатырю? Назови свой самый сильный искус, – попросила я.

Василий глубоко вздохнул и прошептала еле слышно:

– Кисель...

Мой собеседник снова покраснел и долго стоял, опустив голову.

...Прошло, наверное, года три, прежде чем журналистская профессия забросила меня в один из северных районов нашей области. Вместе с телеоператором мы приехали сделать репортаж о скважине глубиной более 5 километров, которую геологи пробурили на месте крупнейшего в Европе астероидного кратера, а потому в керне и нашли вкрапления алмазов. Правда, микроскопические

и залегающие на больших глубинах... Но все равно было приятно осознавать, что и у нас области, оказывается, есть алмазы.

До скважины добирались долго, последний отрезок пути проделали по заброшенной лесной дороге и уперлись в огромный замок на воротах и высокий забор без начала и конца. Водитель долго сигналил, заметив, что в одном из строений на огороженной территории горит свет. В конце концов к воротам подошел заспанный мужичок в телогрейке и объяснил нам, что скважина с алмазами имеется, но она давно законсервирована, а территория вокруг нее в целях безопасности закрыта для всех любопытствующих, в том числе и для журналистов.

– Эта, как ее, техника безопасности – такая штука, против ея не попрешь, – закончил свою речь мужичок. Он собрался уже возвращаться в свой барак, но, заметив, разочарование на моем лице, вдруг сказал:

– Слушай, репортерка, ты не печалуйся, я тебе сейчас такой сюжет дам, закачаешься! В одной глухой деревне в нашем районе священник храм восстанавливает. Сам, один. В деревне живет три старухи да два старика, а храм-то поболее любого городского будет. Лет семьдесят стоял разрушенный, а теперь вот нашелся чудак, возрождает его...

Мы с оператором переглянулись и решили, что этот сюжет будет покруче алмазов. Водитель расспросил у мужичка дорогу, минут пять он что-то показывал руками и даже что-то рисовал на сигаретной пачке, и вот, наконец, мы двинулись в путь.

Миновали районный центр и поехали дальше, туда, где леса были густыми, словно тайга, а цивилизации не было практически никакой – тут не работали ни радио, ни телевидение, ни проводной, ни тем более мобильный телефоны. И только в центре полузаброшенного села на холме высилась громада полуразрушенной церкви.

Каменный храм, похожий на Староярмарочный собор Нижнего не только своим внешним видом, но и размерами, был построен еще в конце XIX века, когда село было большим и богатым. Жители занимались деревянным промыслом и лесозаготовками. Мебель, стройматериалы

и древесину отправляли не только в Нижний, но и в соседние губернии. И храм высился на холме как символ богатства и веры.

Но после Октябрьской революции новая власть начала борьбу с религией, и огромный каменный храм посреди села прямо-таки напрашивался на то, чтобы его разрушили. Его и разрушили захавшие в село по подразверстке чекисты. Хлеба они в селе не нашли – да и какой хлеб посреди лесов! А вот несколько гранат в храм кинули, крышу и стены повредили, несколько колонн обрушили да все внутреннее убранство вывезли... И на долгие годы нависла разрушенная каменная громада над селом, как символ новой безбожной жизни.

А деревянный промысел в селе заглох после того, как через соседний район построили железную дорогу. И все лесозаготовители, столяры и деревянных дел мастера потянулись туда, ведь вывозить лес и мебель было гораздо удобнее по «железке», чем подводами. Молодежь уехала из села за другой жизнью – кто работать, кто учиться. Постепенно в селе остались одни старики.

Но настало время, когда храмы стали возвращать церкви и к вере стали относиться с уважением. Вот тогда и появился в забытом богом селе молодой батюшка. Он поселился в заброшенном доме, который когда-то принадлежал прежнему священнику, и стал проводить в нем службы, выслушивал исповеди, вел утешительные беседы... А потом решил, что надо восстанавливать храм.

Епархия денег на возрождение собора не дала – ремонт грозил вылиться в копеечку, а приход был малочисленный, стало быть, нерентабельный. И тогда священник взялся за дело один – без помощи и без поддержки. Хоть и считали многие, что дело это проигрышное, но он не отступал, чем и прославился на всю округу.

Я вышла из машины, и пока оператор выгружался со своей аппаратурой, поспешила к храму. Подъем был крутым, но я-то шла налегке, а каково местному энтузиасту тягать по склону, хоть и вниз, тачки с мусором.

Священника я застала внутри храма. В дальнем углу он нагужал тачку обломками кирпича, стекла, дерева. Рабо-

тал размеренно, неторопливо, но в каждом движении чувствовалась сила и мощь. Заполнив тачку, он распрямылся, повернулся ко мне, и я с удивлением узнала в нем героя своего давнишнего сюжета о выпуске в духовной семинарии.

– Василий?! Ну, здравствуй, вот где встретились, почти на краю земли! – воскликнула я. А богатырь вытер пот со лба и по-доброму улыбнулся:

– Я вас тоже узнал, хоть и прошло с тех пор несколько лет. Я теперь служу в местном приходе священником.

– А почему здесь? Это же глухой угол! Ты что, плохо учился в семинарии? – спросила я.

Василий удивился и с некоторой обидой в голосе ответил:

– Почему плохо. Я хорошо учился. А сюда попросился сам. Вы правильно сказали – глухой угол. Сюда никто ехать не захотел, а я из этих мест, вот я и вызвался.

– А храм? Как же ты один решился такую махину возрождать? – я вроде бы вопрос задала, а вышло, что восхищение свое выразила.

Молодой священник засмутился, покраснел, как когда-то на линейке выпускников семинарии, и пробормотал:

– Глаза боятся, а руки делают. Ничего, потихоньку осилю...

Тут подошел мой оператор и принялся снимать Василия, нагруженную тачку, разрушенные стены собора, дырявую крышу... Василий посмотрел на него, вздохнул, покачал головой, поплевал на ладони и покатил тяжелую тачку вниз, к подножию холма.

Мы с оператором переглянулись, а потом он спросил меня:

– Он, правда, верит в то, что сможет восстановить храм?

– Похоже, да, – сказала я.

– Он ненормальный! – констатировал оператор и отправился снимать Василия, который как раз поднимался по холму с пустой тачкой.

Я тоже вышла из храма. Вдруг подумала, что эти руины я мысленно называю храмом. Неужели тихая, но очень сильная вера молодого священника в то, что дело его завершится успехом, передалась и мне?

Видно, и впрямь возродит Василий эти руины. Будет в селе, в самом его центре, на вершине холма, там, где ближе к Богу, красоваться восстановленный собор. Восстановленный, заметьте, одним молодым священником, который смущается от похвалы, главным искушением в своей жизни считает кисель и твердо верит в то, что любое дело можно одолеть, если есть желание и уверенность в своих силах.

2. Бетанкур и Михалыч

– Илхам, Огулнабат, берем лопаты и следуем за мной, – пожилой дворник Михалыч отдал распоряжение своим подручным и гордо двинулся из жэковской конторы на бульвар. Здесь ему и двум мигрантам из Туркмении предстояло расчищать от осенней листвы засорившиеся колодцы ливневой канализации.

Илхам и Огулнабат послушно отправились за дворником. Они совсем недавно приехали в Россию из своей страны и старались выполнять все указания своего непосредственного начальника. А дворника Михалыча они считали именно им. А как иначе?

Во-первых, он был старше молодых туркменских ребят раза в три.

Во-вторых, с гордостью носил пышные седые усы, которые время от времени залихватски покручивал.

Ну, и в-третьих, самый главный начальник жилконторы Галина Ивановна-ханум всегда уважительно обращалась к Михалычу, когда распределяла задания на день. Вот и сегодня с утра, на оперативке, она сказала дворнику: «Вы уж, Михалыч, прочистите, пожалуйста, сегодня все ливневые колодцы на бульваре. А то в ближайшие дни синоптики обещали сильные дожди. Как бы нам не пришлось плавать по бульвару, если воде некуда будет уходить».

На бульваре Михалыч осмотрелся, показал Илхаму и Огулнабату, как выглядят эти самые колодцы ливневой канализации, и сказал, что из них надо выгрести опавшие листья и мусор и складывать в кучи на газоне. Эти кучи

они потом соберут в полиэтиленовые мешки, которые позднее вывезут на свалку.

Молодые гастарбайтеры взялись за работу, а Михалыч закурил и, прохаживаясь рядом по тротуару, начал свой традиционный ликбез:

– Знаете ли вы, молодые люди, на какой территории вы сейчас находитесь? Это историческая территория Нижегородской ярмарки, которая работала на этом месте более ста лет. Гениальный инженер испанского происхождения Августин Бетанкур, приехавший в начале XIX века служить русскому царю, за пять лет воздвиг в Нижнем Новгороде огромный торговый город, осушив при этом здешнюю местность и построив здесь первую в Европе канализацию и канавы для сточных вод.

Михалыч на минуту замолчал, посмотрел на своих подручных, проверил, хорошо ли они очищают сливные колодцы от облетевшей листвы, и продолжил:

– Ярмарочная канализация была сводчатой. Она представляла собой длинный каменный коридор под землей, вдоль одной из стен пролегал желоб, который снабжался водой из обводного канала по специальной трубе. Вдоль желоба располагались перегородки, пространство между которыми было оборудовано писсуарами. Это было поистине уникальное сооружение. В Париже нечто подобное появилось лишь спустя годы.

Дворник опять замолчал, потому что его подручные как раз закончили очищать два расположенных рядом ливневых колодца. Вместе с Илхамом и Огулнабатов Михалыч подошел к следующей водоприемной камере и подождал, пока ребята приступят к работе. Затем закурил еще одну сигарету и вновь заговорил:

– Несколько лет назад, когда было принято решение построить на бульваре три 17-этажных дома, здесь, где газон расширяется, брали пробы грунта. Часть методом бурения, а в некоторых местах пришлось делать раскопы. Вот тогда-то я и увидел своими глазами остатки гениального гидротехнического сооружения Бетанкура. Это был фрагмент водоотводного канала, построенного почти двести лет назад. Выложенный кирпичом, он сохранился

в прекрасном состоянии до наших дней. Из чего я сделал вывод, что ярмарочная ливневая канализация, построенная Бетанкуром, была высочайшим достижением гидротехнической мысли, опередившей свое время. И признаюсь вам, ребята, что я заужал Августина Бетанкура.

Михалыч вновь прервал свой монолог и молча наблюдал, как молодые туркменские гастарбайтеры старательно вычищают оставшиеся водоприемные колодцы современной ливневки бульвара. Вскоре эта работа была выполнена, и Михалыч отправил одного из своих подручных в жилконтору за мусорными мешками. Илхам вернулся через полчаса и сказал, что мешков ему не дали, потому что их нет.

Дворник задумался. Мусорные кучи, которые подручные накидали вдоль всего бульвара, нельзя было оставлять на газоне. Ветер тут же разнесет мусор по всему участку, за чистоту которого отвечал Михалыч. Решение нашлось быстро:

– Илхам, Огулнабат, давайте быстренько сбрасывать листву и прочий мусор назад в ливневые колодцы. И не смотрите на меня так. В конце концов я вам не Бетанкур, за ливневую канализацию не отвечаю. Я отвечаю за чистоту вверенного мне участка. Сейчас закидаем весь мусор в колодцы, и территория снова станет чистой.

3. Авто в квартире

Автомобили Геннадий любил с детства. Не то чтобы они у него были, просто ему нравились машины. Особенно легковые, особенно ранних моделей. Из-за этой своей любви он старался не пропускать парады ретро-автомобилей, которые иногда проходили в городе.

Но в Нижнем Новгороде совсем уж старинных авто не было. Самой старшей машиной, которую он видел в городе, была «Победа» ГАЗ М-20, выпущенная летом 1946 года. «Волги» ГАЗ-21, «Запорожцы» ЗАЗ-965 и «Москвичи»-401, которые участвовали в парадах старинных автомобилей, были гораздо моложе этой авто-«старушки».

А сердце Геннадия было отдано автомобилям начала века, которые походили скорее на драгоценные шкатулки, чем на рутинные средства передвижения.

Ах, какие это были машины! Смешные маломощные двигатели, нелепые рычаги, торчащие из пола, полотняные потолки и деревянные двери, но сколько элегантности было в силуэтах этих экипажей! Геннадий представлял, как прекрасная дама в широкополой шляпе и кисейном белом платье располагается на сиденье рядом с водителем и гордо поглядывает на пешеходов. Во время езды дама придерживает свою шляпу одной рукой, а другой слегка прикасается к могучей руке водителя, ведь в этих авто иногда отсутствуют двери. Прозрачный шарф, закрывающий лицо прекрасной пассажирки от ветра и пыли, развеивается, а вместе с ним летят ароматы волнующих духов... Водитель же крепко держит в руках штурвал этого экипажа. На его руках непременно перчатки из настоящей кожи, которая пахнет не хуже, чем духи прекрасной дамы...

На этом видения, которые время от времени возникали в голове Геннадия, когда он думал о таких автомобилях, заканчивались. Но это были самые яркие картинки, которые рисовало его воображение.

Остальная же жизнь Геннадия была сера и скучна: вредная, вечно пахнущая кислой капустой теща, крикливая неряшливая жена, которая всегда что-то готовила на кухне, хотя Геннадий никаких ее кулинарных деликатесов ни разу не пробовал, вредные соседи, которые постоянно то заливали их, то подставляли к их квартире какой-нибудь вонючий мусор, хотя дойти до мусорного контейнера было два шага...

Геннадий родился и всю свою жизнь жил в Старом Канавине, в бывшем купеческом доме, где соседи все знали друг о друге – и потому что жили многие годы бок о бок, и потому что все семейные разборки всегда проходили на повышенных тонах.

Зато всегда можно было найти собутыльников во дворе. Тут же, во дворе дома, и выпивали спиртное, расположившись на старых шинах, которые кто-то давным-давно кинул здесь, чтобы не везти на свалку.

Работал Геннадий на Центральном рынке грузчиком – он катал тяжелые телеги, груженные ящиками с фруктами и овощами или замороженными тушами, со складов к торговым рядам. Работа не для слабаков, мускулы накачиваются только так.

Перевезя и загрузив-разгрузив за день несколько тонн, после работы Геннадий обязательно выпивал граммов двести – и чтобы снять усталость, и чтобы отсрочить время возвращения домой. А вернувшись домой и наскоро поужинав какой-то едой, которую жена и теща называли то борщом, то рассольником, а то и вовсе макаронами по-флотски, он каждый раз искал предлог, чтобы выскользнуть во двор, где его обычно поджидали соседи, такие же горемычные мужики, которым ни работа, ни семья, ни сама жизнь в радость не была. Потому и пили. А выпив, принимались рассказывать друг другу о своих самых заветных желаниях и мечтах.

И Геннадий тоже рассказывал о самом заветном, так что весь двор знал о его любви к старинным автомобилям. Кто-то из соседей называл его за это чудаком, кто-то просто крутил пальцем у виска и пожимал плечами, кто-то говорил, что это все блажь и мечтать о ретро-автомобиле – это все равно что поселить у себя в квартире жар-птицу. Да Геннадий и сам все понимал, но разве запретишь себе мечтать?!

Какой-то мудрец сказал, что людей надо наказывать исполнением их самых заветных желаний, чтобы неповадно было. И однажды случилось с Геннадием самое страшное – его мечта практически исполнилась.

А дело было так. Стояла осень, дождливая, холодная, работать в такую погоду было еще тяжелее, чем обычно. Геннадий возвращался с рынка домой в дурном настроении, промокший и, похоже, потянувший спину. Он решил для настроения выпить четвертушку сорокоградусной, но до магазина надо было еще прилично топать. Он вспомнил, что тут поблизости живет одна старушка, которая продает самогон. Он свернул во двор и натолкнулся на мужика с большим мешком. Тот откуда-то знал Геннадия, а может, слышал о его мечте. Он поздоровался с Геннадием и спросил, сколько тот готов заплатить за мечту.

– За какую мечту? – удивился Геннадий.

– Да за твою, Гена, за твою, – незнакомец вроде бы даже удивился непонятливости своего собеседника.

А Геннадий и впрямь недоумевал: его мечта – это знала вся округа – старинный, очень старинный автомобиль. А во дворе, куда он свернул, никакого транспортного средства, кроме разбитого велосипеда, Геннадий не видел, а потому с вызовом спросил:

– Ну, и где моя мечта? Где «Бенц Вело Сомфорт»? Где «Форд А»? Где «Остин», «Бугатти», «Испано Сюзиса» или на худой конец «Опель Докторваген»? Не вижу здесь ни одного автомобиля.

Геннадий повернулся к собеседнику спиной и двинул к подъезду, где жила бабка-самогонщица. И тут незнакомец сказал:

– Не такая уж и заветная у тебя мечта, если желаешь, чтобы тебе поднесли ее на блюдечке, а сам ничего не хочешь сделать для того, чтобы она сбылась. Хотел я тебе предложить кое-что, да ладно, не буду...

Мужик замолчал и пошел со двора, волоча за собой мешок. Внутри его что-то звякало. Геннадий насторожился, звяканье продолжалось, словно в мешке металлические детали стучались одна о другую.

– А это чего у тебя в мешке, мужик? – настороженно спросил Геннадий. И со смешком добавил: – Автоконструктор, мол, собери сам машину из запчастей, какую душе угодно?

Мужик остановился, долго смотрел на Геннадия, словно пытался угадать, стоит ли рассказывать, что у него в мешке, но все же решился:

– Ты, Гена, угадал. В мешке автомобиль «Опель» 1910 года выпуска в разобранном виде. Его мой батя еще из Берлина привез после войны, да только он на ней не ездил – прав не было, да и некоторых запчастей найти не мог. Так этот «Опель» и стоял у нас в одном из сараев. А когда второй сарай снесли, мать попросила освободить место для своих банок и еще чего-то. Отцу жалко было расставаться с этой машиной, так он ее разобрал на запчасти и сложил их в мешок. Так они и пролежали почти полвека в нашем

сарая. Тут, правда, дверей не хватает, да потолок сгнил – он тканевый был, а в остальном практически все на месте, даже чертеж есть, по которому машину собрать можно. Ну, что скажешь, Гена?

Чем дальше Геннадий слушал незнакомца, тем сильнее у него билось сердце. Под конец он уже держался за грудь двумя руками, словно боялся, что сердце все-таки выпрыгнет из груди от шальной радости и сильного испуга. Он не верил, что мечта может быть так близко, стоит только руку протянуть.

Незнакомец заметил движение его руки и положил свою руку на мешок:

– Ты не торопись, Гена. Сначала давай о цене договоримся.

– Сколько? – глухо пробормотал Геннадий, возвращаясь в реальность. Разговор о цене ему совсем не нравился, потому что денег у него не было, всю зарплату забирали жена и теща.

Хозяин мешка заметил перемену в настроении Геннадия и сочувственно спросил:

– Денег нет?

Геннадий молча покачал головой. Мужик на секунду призадумался, а потом вдруг сказал:

– А, ладно, забирай так! Но с одним условием: когда соберешь машину, прокатай меня на ней.

Потом хлопнул Геннадия по плечу и ушел, не дожидаясь его ответа. А Геннадий стоял в чужом дворе и смотрел на мешок, в котором была его мечта в разобранном виде. Он уже забыл и про усталость, и про раздражительность, и про желание выпить самогонки. Теперь он думал о том, как незаметно пронести в квартиру мешок с запчастями.

Всю дорогу до дома – а она была долгой, потому что мешок оказался очень тяжелым, и пришлось часто останавливаться, чтобы передохнуть, – Геннадий придумывал разные варианты проникновения в квартиру, ведь жена и теща могли закатить ему скандал из-за того, что «он тащит в дом всякую дрянь», или того хуже – выкинуть заветный мешок на помойку.

Во дворе он некоторое время сидел на шинах, продолжая обдумывать возможное решение проблемы. И придумал!

Квартира их была на первом этаже, вот и окно его комнаты-пенала. То, что он будет собирать автомобиль мечты в своей комнате, он решил сразу. Размеры позволяли – длина узкой, как кишка, комнаты была пять метров, ширина – три. Чтобы домашние ни о чем не догадались, он будет запирает дверь на ключ, да, впрочем, к нему в комнату ни жена, ни теща практически и не заходят, не нужен он им.

Теперь главное – втащить мешок в комнату. Геннадий стал подтаскивать к окну валявшиеся во дворе шины, укладывая их горкой. Соорудив своеобразный пандус, он начал затягивать тяжелый мешок вверх, затем тихо открыл окно, забрался в комнату и принял мешок на себя. Удар по телу был ощутимый, но Геннадий стерпел, главное, чтобы никто ничего не услышал.

Все, теперь можно приступать к исполнению мечты!

Первым делом он разложил содержимое мешка на полу. Запчастей было много, и понять, все ли они в наличии, было сложно. Конечно, мужик сказал, что потолка и дверей нет в наличии, да это Геннадий и сам увидел. Так же в мешке не оказалось и колес. Все же остальное пока представляло большую загадку.

Не то чтобы Геннадий совсем ничего не смыслил в механизмах. Кое-что он понимал, знал про устройство мотоцикла, про двигатель и тормозную систему – в детстве ему доводилось вместе с отцом перебирать и дедовский старый мотоцикл, и грузовик ГАЗ-52, на котором отец работал. Но сейчас перед ним лежали незнакомые детали, их надо было собрать в агрегаты, которые, он даже не представлял, как выглядели.

Впрочем, мужик, который подарил ему этот мешок, не соврал: внутри и правда была схема сборки и двигательного механизма, и кузова. И, перекрестившись, Геннадий взялся за сборку.

Дело продвигалось не быстро. Во-первых, кое-каких деталей все же не хватало, но смекалкой Геннадий не был

обижен, некоторые запчасти он приспособил от старого «Москвича». М-400 по конструкции был похож на «Опель Кадет» К-38, который до войны собирали в Германии, а значит, был, пусть и далекий, но все же родственник Гениной мечте.

Собрав двигатель своего «Опеля», Геннадий на всякий случай позвал из гаража автобазы Федора Петровича, старого друга отца, чтобы проконсультироваться. Петрович долго и внимательно разглядывал агрегат, который Геннадий назвал двигателем, и лишь когда услышал, что это мотор ретро-автомобиля, начал подробно расспрашивать, что и как должно работать. Геннадий показал схему сборки, Петрович подробно ее изучил, а потом долго и тщательно всматривался в собранную конструкцию. Геннадий терпеливо ждал, и наконец Петрович дал добро.

На сборку механизмов ушло месяцев пять. Наступила весна, и Геннадий приступил к сборке кузова. Картинка, как выглядел «Опель Докторваген», у Геннадия имелась. Поэтому капот, передние крылья, пол автомобиля и задник кузова он собрал без особого труда. Отмыл и прикрутил переднюю решетку с надписью «Opel».

Затем настала очередь колесных арок. Когда-то они составляли единое целое со ступенькой, но в мешок их убрали разломанными, и Геннадий старательно восстанавливал эту конструкцию, соединяя части в одно целое. У всех четырех фар были треснуты стекла. Пришлось потратить недели две, чтобы найти стеклореза, который подобрал и вырезал аналогичные стекла для автомобиля Геннадия.

Долго провозился Геннадий и с колесами. Их изначально в мешке не было. Судя по картинке, нынешние колеса к ретро-автомобилю не подходили – они были минимум в два раза шире, да и колесные диски были необычные. И не только потому что красные – это-то как раз проблемой не являлось, покрасить их было делом нескольких минут. Штука была в другом – у них было по восемь спиц, и своим внешним видом они больше напоминали колеса телег или велосипедов.

Конечно, по уму надо было искать оригинальные, но Геннадий понимал, что шансов найти «родные» колеса у

него нет. И все же, на всякий случай, каждый день заглядывал на развал рядом с рынком, где местные жители продавали всякое старье. И однажды – о, чудо! – он увидел похожие колеса. Правда, их было только два.

Колеса оказались от мотоцикла «Иж-Орион», продавали их, потому что прежний владелец двухколесного транспортного средства попал в аварию, в которой лишь колеса и уцелели. Геннадий долго раздумывал, покупать ли эти два колеса, но потом все же решился. К тому же он теперь знал, где искать еще пару.

Деньги у Геннадия теперь были. Он, предвидя разные расходы, еще с осени брал подработку и на рынке, и в его окрестностях. Жене и теще отдавал, как и раньше, положенную сумму, а остальное откладывал на «Опель».

Дел по сборке кузова все прибавлялось. С колесами он разобрался, теперь дошла очередь до сидений. Когда-то изначально они были обиты добротной толстой кожей. За более, чем восемьдесят лет кожа истерлась, кое-где порвалась, надо было ее восстанавливать. Геннадий снова отправился на поиск специалистов. Мастера нашел в Богородске, куда съездил в свой выходной, сказал жене и теще, что собрался по ягоды.

В мешке были специальные стойки для потолка, а материя для него нашлась в пункте утильсырья, где работал один из соседей Геннадия. Это он увидел целый рулон парусины, которая могла бы подойти Геннадию. «Таковую в пору на паруса пускать». – сказал он как-то вечером во дворе, и уже на следующий день Геннадий купил заветную ткань.

К концу осени «Опель Докторваген» был собран полностью. Он стоял в комнате, и каждый вечер Геннадий садился за руль и представлял, как он проезжает по родным канавинским улицам на радость знакомым и на зависть жене и теще.

Так прошла зима, и наступила весна. Когда стало совсем тепло и сухо, Геннадий стал думать о том, что пора выводить автомобиль на улицу. Но как? Размышлял он об этом недолго – надо просто разобрать стену, и по доскам «Опель» съедет во двор.

И как-то днем, когда жена и теща уехали в деревню, Геннадий приступил к разбору стены. На помощь позвал соседей, которым тоже не терпелось посмотреть на ретро-автомобиль в движении. Управились быстро: ломать – не строить!

И вот уже «Опель» стоит во дворе. Геннадий тут же завел мотор, и двигатель, чихнув несколько раз, ровно заурчал, словно довольный кот. Горячие головы тут же собрались ехать на прогулку. Но мужик, который год назад подарил Геннадию мешок с запчастями, а теперь пришел посмотреть на собранный автомобиль, сказал, что выезжать на улицу не надо:

– У автомобиля нет госномеров, а у Геннадия водительских прав. А тут недалеко ГАИ. Если встретим гаишников, то автомобиль они отберут, а Геннадия арестуют.

Сначала все приуныли, но потом решили, что и поездка по двору – хорошее дело. Несколько дней Геннадий катал по двору соседей и знакомых, которые помогли ему сломать и возвести обратно кирпичную стену, так что вернувшиеся из деревни жена и теща ничего не заметили. Так продолжалось все лето.

Но вскоре такие поездки Геннадию надоели. Он все чаще грустил и задумчиво смотрел на свою материализованную мечту. Однажды сосед со второго этажа привел к ним во двор каких-то людей, которые долго ходили вокруг «Опеля», восхищенно цокали и качали головами. Оказалось, что это были москвичи из Клуба любителей ретро-автомобилей. Они предложили Геннадию продать «Опель».

Поначалу он отверг это предложение, но москвичи еще раз пришли к нему через несколько дней. Снова получив отказ, покупатели опять приехали через месяц. И в конце концов Геннадий согласился.

Он получил огромную – по его меркам – сумму: три месячных заработка на рынке. Продажу своей мечты Геннадий решил отметить со знакомыми. Пили несколько дней, а когда он дошел, наконец, до своей квартиры, жена выгнала Геннадия из дома, сказав, что с алкашом жить не будет.

Он вышел во двор и присел на шины. Про собранный его руками и проданный москвичам «Опель» старался не думать, потому что при воспоминании о машине ему хотелось завывать, ударить себя в грудь или кому-то набить морду. Но кому?

Он же сам продал свою мечту...

4. Маникюр для догини

Как-то раз мне позвонил знакомый бизнесмен восточных кровей и пригласил в гости:

– И оператора с собой бери. Будет, что снимать.

Звонившего я знала как человека экстравагантного, способного на неожиданные, порой чудаковатые поступки, поэтому отправилась к нему в гости с намерением снять интересный сюжет.

Коттеджный поселок, где жил мой знакомый, располагался на окраине города. Территория была огорожена капитальным забором, на въезде – пост контроля. Дороги выметены, на перекрестках указатели нумерации участков. Так что нужный нам особняк нашли быстро. У ворот нас уже ожидал охранник, который тут же пропустил нас на частную парковку.

Не успели мы выйти из машины, как другой слуга распахнул двери дома, и мы с оператором оказались в огромном холле. Тут же зажглась большая хрустальная люстра. Ее свет сразу преобразил холл в дворцовую залу.

Нашему взору предстала мраморная лестница, перила которой украшали различные статуи и вазоны. А на межэтажной лестничной площадке стоял хозяин.

Тихо зазвучала «Маленькая ночная серенада» Моцарта. Хозяин хлопнул в ладоши, и мы услышали цокот когтей по мраморным ступеням. И через несколько секунд рядом с хозяином появилось темное пушистое существо, похожее то ли на льва, то ли на медведя.

Хозяин еще раз хлопнул в ладоши, музыка стихла, пушистик сдержанно и густо гавкнул и сел в позу копилки у ног хозяина.

– Разрешите представить вашему вниманию моего домашнего питомца, кобеля породы чау-чау по кличке Мэрфи, – торжественно произнес хозяин. – Чау-чау – это редкая древняя порода, выведенная в тибетских монастырях для китайских императоров и высшей аристократии Поднебесной. В нашем городе псов такой породы лишь две штуки – одна рыжая девочка и мой красавец-брюнет.

Во время всех этих действий оператор снимал, не переставая. Затем тихо шепнул мне, что надо бы поменять диспозицию – для разнообразия видеокартинки. Я спросила хозяина, можно ли познакомиться с его симпатичным питомцем. Мне было позволено.

Я назвала собаку по имени и попросила спуститься ко мне. Пес несколько секунд смотрел на меня своими черными колючими глазками, словно раздумывая, стоит ли обращать на меня и мою просьбу внимание, но потом все-таки снизошел. Спускаться вниз ему было не очень удобно – то ли из-за того, что он был крепышом, то ли из-за кривоватых задних ног. Но он старался и при этом очень сильно кряхтел.

И это старание, и это кряхтение умиляли. И для меня из грозного, высокопородистого пса он мгновенно превратился просто в симпатичного питомца чудачковатого хозяина.

А хозяин между тем продолжал его нахваливать: и умный, и преданный, и храбрый, и очень гордый. Чувствовалось, что хозяин просто распирает от того, что он владеет столь выдающимся питомцем. Он говорил не переставая, рассказывал какие-то истории про собак породы чау-чау, про то, как их ценили в древнем Китае, как считали их национальным достоянием, а потому всячески препятствовали их вывозу из страны в Великобританию, когда английские собаководы захотели разводить этих чудесных псов у себя дома.

Я слушала своего знакомого и внимательно смотрела на него, а потом вдруг с удивлением обнаружила в нем сильное внешнее сходство с его собакой: оба коренастые, плотные, у обоих кривоватые крепкие ноги, большие головы, черные колючие глазки и черные волосы.

Не выдержав, я сказала:

– Говорят, что собаки очень похожи на своих хозяев. Вы с Мэрфи не исключение. Специально подбирали такую породу?

Едва я закончила вопрос, как в черных колючих глазах знакомого бизнесмена мелькнуло злобное выражение. Ему явно не понравился вопрос. Но через секунду он взял себя в руки и на работающую камеру ответил:

– Я уже говорил, что эта собака императорской породы. Потому я его и выбрал. Императорский пес для императора бизнеса!

Вскоре мы закончили съемки, оператор стал упаковывать камеру в кофр, я его ждала. И тут ко мне подошел хозяин и тихим голосом сказал:

– Я отомщу тебе за такие вопросы. Подарю тебе собаку, которая будет похожа на тебя как две капли воды и внешне, и по характеру!

На том мы и расстались.

А через три месяца вновь раздался звонок от моего знакомого бизнесмена восточных кровей:

– Я только что сделал маникюр Лариске. Приезжай поснимать!

Кто такая Лариска, я не представляла. Жену моего знакомого звали Любой, и ей маникюр он точно не мог делать – для этого в штате домашней прислуги имелась специальная мастерица.

Заинтригованные, мы с оператором отправились по знакомому адресу. Контрольный пост на въезде в коттеджный поселок, благоустроенная дорога, знакомые ворота, парковка. Слуга распахнул перед нами двери особняка, и нашему взору предстала та же картина, что и в прошлый раз: зажглась люстра, зазвучал Моцарт, на лестничной площадке стоял хозяин, слышалось цоканье когтей...

Но к моему удивлению по ступенькам спустился совсем не крепыш чау-чау Мэрфи, а длинноногая догиня серого окраса.

Ее лапы разъезжались, она скользила ими по мраморному полу, пытаясь сохранить равновесие, поэтому я разглядела, что ее когти были покрыты ярко-красным лаком.

Я тихонько толкнула оператора и указала кивком головы на этот странный маникюр. Он в ответ кивнул и стал снимать собачьи когти.

– Вот, познакомьтесь, моя Лариска, – важно произнес хозяин. – Немецкая догня, ее предки жили в самых знаменитых европейских монарших домах. Послушная, преданная, терпеливая и очень умная.

– А как же Мэрфи? Он не ревнует к новой любимице своего хозяина? – спросила я.

И опять мой вопрос не понравился. Это я поняла по знакомому выражению, мелькнувшему в глазах знакомого бизнесмена.

– Мэрфи оказался не таким уж хорошим псом, как его расписывали, – с некоторым вызовом ответил хозяин. – Он просто-напросто сбежал из дома. Слуги, которым я его поручил, когда у меня появилась Лариска, не смогли его удержать. До сих пор не понимаю, почему он сбежал?...

Я смотрела на хозяина дома и вспоминала, как три месяца назад на этом самом месте он расхваливал другого пса.

– Мэрфи можно понять, – я решила все-таки заступиться за беглеца. – Вы же сами говорили, что чау-чау – это императорская порода. Он должен был общаться с императором, а вы поручили его слугам. Думаю, что он на это обиделся и покинул дворец.

Хозяин собрался что-то сказать мне в ответ, но осекся и задумался. Настроение у него явно было испорчено. Мы собрались уходить, попрощались, и напоследок хозяин вновь мне сказал:

– Я помню, что обещал подарить тебе щенка, похожего на тебя. Жди!

Почему-то эти слова показались мне очень похожими на угрозу.

Всю дорогу, пока мы ехали по коттеджному поселку к пункту контроля, я смотрела по сторонам в слабой надежде увидеть беглеца Мэрфи. Или гордеца Мэрфи. Но не увидела.

Мой знакомый бизнесмен восточных кровей еще раз позвонил через полгода и, как и обещал, подарил мне щен-

ка чау-чау рыжей масти и задорного нрава. Прожив с этой собакой полтора десятка лет, я поняла, что все рассказы об этой породе правдивы. Чау-чау умны, преданны, сообразительны, с большим чувством собственного достоинства и уважают лишь себе подобных. И совсем не терпят предательства.

5. Цветы в честь тайной любви

Около нашего подъезда раньше можно было увидеть всякое: то пьяный бомж заснет на лавочке в палисаднике, то мусорные пакеты кто-то оставит, а то и следы ночной вечеринки, случившейся прямо тут, на лавочках в нашем палисаднике, останутся для утренней уборки дворника.

Но чтобы кто-то засадил весь палисадник возле нашего подъезда тюльпанами, такого никто из жильцов не ожидал!

Разноцветные бутоны распустились в начале мая, и в одночасье палисадник приобрел удивительно нарядный вид. Соседи, спускаясь по лестнице с крыльца, непроизвольно улыбались, видя такую картину. Даже самые нелюдские, как Виктор Семенович с девятого этажа.

Старший по подъезду Владимир Максимович предложил обсудить случившееся на общем собрании. Тем же вечером и собрались всем подъездом в палисаднике.

Большинству соседей идея с тюльпанами понравилась. Правда, Маргарита Васильевна с третьего этажа поначалу громко ругалась: мол, засадили всякими тюльпанами весь палисадник, а она хотела розы... Но тут несколько соседей со второго этажа сказали ей, что грех ругаться на такую красоту. Молодая мама Нина, которая каждый день выходит с коляской гулять около подъезда, робко поблагодарила незнакомого цветовода за то, что всем поднял настроение, засадив палисадник тюльпанами. А Маргарита Васильевна опять взяла слово и ехидно спросила, кто будет ухаживать за всей этой красотой.

Наверное, целый час соседи спорили, как надо ухаживать за тюльпанами, кто будет это делать, где взять шланг для полива цветов... В конце концов ухаживать за цветами вызвался Сергей с четвертого этажа. Он, правда,

покраснел, когда предлагал себя назначить ответственным за цветник, но в темноте это было не видно.

Румянец увидела лишь одна соседка Лола. Она некоторое время назад приехала в наш город из Узбекистана учиться в медицинском институте и снимала квартиру в нашем подъезде.

Лола нравилась соседям, она была очень симпатичной и серьезной девушкой. Тихая, вежливая. Когда въехала в квартиру, обошла весь подъезд, угощая соседей национальными узбекскими сладостями – сладким хворостом и орешками в сахаре. Так она познакомилась сразу со всеми соседями. А с некоторыми жителями нашего подъезда Лола даже сдружилась. Например, молодая мама Нина училась у нее готовить настоящий плов, а девяностолетняя Александра Федоровна со второго этажа часто просила Лолу померить ей давление.

А вот Сергей с четвертого этажа, встречая Лолу то в подъезде, то на улице, тихо что-то бурчал себе под нос вместо приветствия и старался поскорее пройти мимо. Лолу это удивляло и даже немного обижало.

Однажды она остановила его в холле подъезда возле почтовых ящиков и спросила, чем обидела парня. Сергей покраснел и вместо ответа спросил, что означает ее имя. Лола ответила, что так на ее родном языке называют тюльпаны. Парень кивнул головой и убежал.

Тюльпаны возле нашего подъезда появились лишь через два года после этого разговора. Сергей оказался парнем очень нерешительным. Он пока так и не рассказал Лоле о своих чувствах, но за цветами в палисаднике ухаживает старательно, словно за любимой.

Леонид СЛАВИН

ФИГУРА ИЗ ТРЕХ ПАЛЬЦЕВ

Анечка Герасимова, ученица шестого класса женской школы номер два, сидела в комнате тёти Вали – соседки Герасимовых по коммуналке – и горько плакала:

– Вот чего она ко мне, тётъ Валь, прицепилась, прохода не даёт? Я ведь никогда ей слова поперёк не сказала. А она, как ни урок, всегда меня спрашивает. Я отвечаю всё-всё у доски, а она мне оценку обязательно ниже поставит, и за контрольную тоже. Ведь и учусь хорошо, и староста, и солистка в хоре – на городском конкурсе через три дня буду выступать... А вчера, – Анечка вытерла слезы, – я все ответила, а она мне знаешь, что сказала? Мели, говорит, Емеля, твоя неделя, – и тройку поставила.

– Это ты, Аня, все про учительницу по истории, Клавдию Петровну, печалишься?.. Да помню, помню я, – добавила тётя Валя. – Откуда же она вредная такая на твою голову свалилась?.. Ты уж, Аня, не спорь с ней, у неё авторитет, полномочия, она учитель.

– Ниоткуда она не валилась, в эвакуации была, где-то в Ташкенте жила. Два года только как вернулась, а я тут под бомбами, по подвалам со всеми сидела в это время.

– Да, Анечка, досталось тебе, хоть ты и маленькая у нас, а молодец, характер железный! А мать-то твои с отцом что говорят?

– Да ничего не говорят, мать, ты сама знаешь, всегда «как папа скажет»...

– А Григорий что?

– А то ты, тёть Валь, сама не видишь, война пять лет как кончилась, а он все победу празднует.

Соседка нахмурилась:

– Ты говори, да не заговаривайся, как есть Емеля. Победу не грех и каждый день праздновать. А то, что пьёт, вижу, плохо это, но ведь ранен он был сильно, может, болит душа у него... Он-то хоть живой остался, а мои... – соседка перевела взгляд на фото на комодке и осеклась. – Ладно, чего уж теперь, никого не вернуть... Знаешь чего? – на лице женщины заиграла озорная ухмылка, она под села к девочке, обняла её за плечи и заговорщически зашептала: – Как-то раз поехала я в деревню и гляжу, бабы по улице ходят, а руки в карманах держат. Я спросила у одной бабки, а она мне и говорит, мол, это они кукиш в кармане держат.

Аня недоверчиво покосилась на соседку:

– Какой ещё кукиш?

– Ну, какой, какой? Самый обыкновенный – фигура из трех пальцев, кукиш, фи́га, дуля...

– А-а-а-а, – протянула Аня, – а зачем кукиш-то?

– Как зачем? От сглаза, от нечистой силы, от порчи, от недоброжелателей разных, от дураков разных особо помогает, говорят. Ты в школу-то как придёшь, начнёт учительница на тебя напраслину возводить, а ты кукиш в кармане и крути, а то и на двух руках сразу.

Аня весело засмеялась:

– Рассмешила ты меня, тёть Валь, суеверия это, бабкины сказки, вот умора. Ты ещё бы меня в церковь отправила с бабками лоб околачивать.

– Кабы ты была моя дочь, и отправила бы, сегодня как раз Казанская. Попросить у матушки Богородицы заступничества. Но у тебя свои родители, моей власти тут нету, вот про кукиш рассказала, а дальше как уж выйдет. Ну, иди, иди, родители, чай, уже с работы вернулись...

Утром следующего дня Аня сидела на уроке истории и глядела в окно. Все её мысли витали очень далеко. Конкурс, состязание хоров, и она – Аня Герасимова – солистка хора в двести человек... Их школьный хор уже выиграл районный конкурс, изо всех школ отобрали лучших пев-

цов, и вот теперь тот, который победит в городском конкурсе, в мае поедет в Москву.

От этих мыслей у Ани тревожно и радостно сжималось сердце. Она уже представляла себя артисткой, исполняющей главные партии на большой сцене, как из сладких грёз о мировой славе вывел её визгливый голос Клавдии Петровны:

– Я для кого тут распинаюсь, а? Герасимова, встать!.. Нет, вы полюбуйте на неё, в то время как вся страна штурмует первую после войны пятилетку, пытаюсь... – голос Клавдии Петровны нарастал по крещендо.

«Не вытянет, сейчас даст петуха», – подумала Аня.

– ...пытаюсь, – голос учительницы сорвался в сип, – находятся такие бесстыжие ученицы, как Герасимова, которые не считают нужным слушать учителя!

«Сейчас её понесёт», – подумала Аня, и, засунув руки в глубокие карманы чёрного фартука, она свернула пальцы в две фигуры из трёх пальцев.

Меж тем Клавдия Петровна вошла в раж, по её словам, Аня была лодырем, неумехой, глупой, бездарной. И вообще в другое время с ней разговор был бы короткий.

Тут Клавдия Петровна осеклась, усилием воли взяла себя в руки и торжественно произнесла:

– Гордая ты, Герасимова, головы не склонишь, слезинки не выронишь. Ну ничего, посмотрим, как ты сдашь переводные экзамены, какую песню ты там запоёшь. Лично я перед педсоветом буду ставить вопрос о том, что в старшей школе тебе делать нечего. Семь классов, и всё, стране нужны рабочие руки. Дневник мне на стол, отца после праздников в школу, будем говорить по-другому!

– А вот это, Клавдия Петровна, не вам решать, – жёстко отчеканила Аня Герасимова, собрала портфель и медленно вышла из класса.

Голова её кипела, душила обида:

«За что она со мной так, я ведь ничего плохого ей не сделала. – Аня шла по широкому, украшенному к годовщине 7 Ноября проспекту. – Гордая, говорит. Любит, чтобы перед ней все заискивали, лебезили. А то, что я песок

на крыши в войну таскала зажигалки тушить и с матерью дежурила по ночам, ей всё равно... А папа, папа как огорчится! Он ведь хотел меня в соседний город, в университет, на экономический или юридический».

За этими грустными мыслями Аня и не заметила, что прошло уже несколько часов и большие кварталы сменились на маленькие домики вдоль дороги. «Надо возвращаться, скоро родители с работы вернутся, хватятся... Где-то тут ходит трамвай, так быстрее будет».

Аня свернула направо, чтобы пройти проулком, и оказалась у раскрытых дверей небольшой старой церквушки, затерявшейся среди таких же старых домов. Из дверей лился мягкий свет и доносилось пение.

«О чем там говорила тётя Валя: пойти в церковь, попросить помощи? – подумала Аня, – Нет, стыдно, я пионерка, староста, а это всё предрассудки и мракобесие».

Но пение было таким красивым, а голоса певцов – такими чистыми и лёгкими, что Аня не удержалась и шагнула вперёд. Шагнула и замерла: в тесном зале, как она назвала церковь для себя, народу было немного. Поп – служитель культа – что-то пел тенором, ему подпевала с клироса группа певчих. «Альтами и сопрано поют», – подумала Аня, зная толк в голосах. В воздухе пахло приятно и успокаивающе. Неярко, будто в сказке, горели свечи.

К Ане подошла пожилая женщина со строгим лицом, в черном платке.

– Тебе чего, девочка, ты здесь одна? Почему ты в форме и в пионерском галстуке? Это церковь, а не Дом пионеров.

– Моя соседка, тётя Валя, сказала, что мне надо в церковь, попросить у Богородицы заступничества, вот я и пришла. Только совсем не знаю, как это делать, и вообще, наверное, всё это суеверия.

– Так проси, раз пришла. Матушка-заступница всех слышит, только тихо, идёт служба, – не мешай и другим людям просить себе милости.

Женщина сунула девочке в руки свечу:

– На вот, возьми, иди вон к той иконе, это и есть икона матушки Богородицы. Зажги свечу от другой и поставь

к образу. Попроси чего хочешь, а потом быстро уходи, нельзя тут детям одним.

Аня тихо подошла к иконе, зажгла свечу и скороговоркой произнесла:

– Матушка-заступница, сделай так, чтобы учительница Клавдия Петровна не ругала меня, а ещё помоги выиграть конкурс и поехать в Москву. А ещё... – Анечка ненадолго задумалась, – сделай так, чтобы папа меньше пил.

То ли тёплый воздух от горящих свечей был тому причиной, то ли детское воображение, но только показалось Ане, что тёплая рука Богородицы вдруг погладила её по голове. И на душе вдруг стало так легко и совершенно спокойно.

«Не соврала тётя Валя, матушка Богородица вон какая добрая, обязательно поможет», – думала Аня, идя обратно. Одного лишь она не увидела, что одноклассница её Лиза Скворцова, первая подлиза и ябеда в классе, жившая неподалёку, увидела её выходящей из церкви.

Следующие два дня Аня провела в районном Доме культуры в бесконечных репетициях и спевках. На генеральной репетиции, в день накануне конкурса, в зале присутствовало все районное начальство.

– Сам товарищ первый секретарь райкома Иван Иванович в зале! – сообщила руководитель хора взволнованным голосом. – Вы понимаете всю степень ответственности? Сам легендарный Иван Иванович! Фронтвик, орденоносец... А вы знаете, дети, что когда Иван Иванович был ранен осколком в грудь, то осколок этот попал ему в партбилет, и тот не дал ему дойти до сердца. Вот какой это человек! Из стали!.. Герасимова, не подведи! Пой, Анечка, как можешь только ты!..

И вот наступил долгожданный день. Рано утром седьмого числа хор собрался у Дома культуры. Подошли автобусы и повезли детей в центр – к зданию филармонии, куда уже подходили и подъезжали участники со всего большого города.

Зрители собрались во второй половине дня, после демонстрации. Руководители города произнесли речи

и объявили конкурс хоров открытым. Дети находились за кулисами, обстановка была нервной. Наконец, подошёл черёд выходить на сцену и их хору.

Ведущий объявил:

– Выступает сводный хор Заречного района. Песня «Москва – Пекин». Музыка Ваню Мурадели, стихи Михаила Вершинина. Солистка Анна Герасимова.

Прозвучали первые аккорды песни, и Аня запела:

Русский с китайцем братья вовек,
Крепнет единство народов и рас.
Плечи расправил простой человек,
С песней шагает простой человек,
Сталин и Мао слушают нас...

И хор в двести чистых детских голосов подхватил припев:

Москва – Пекин. Москва – Пекин.
Идут, идут вперёд народы.
За светлый путь, за прочный мир
Под знаменем свободы...

Третий куплет зал слушал стоя. Анин голос летал где-то под сводами зала, и, казалось, исчезни сейчас все стены, этот голос облетел бы весь мир.

Когда все хоры выступили, высокое жюри удалилось для подведения итогов. Совсем неожиданно Аню за кулисами нашёл директор школы и велел никуда не уходить. Вид у него был хмурый и злой, рядом с ним была и Клавдия Петровна, процедившая сквозь зубы одно слово: «Поздравляю».

Через десять минут директор вернулся и повёл Аню за собой, в какую-то комнату, где уже был сияющий Иван Иванович. Вслед за Аней и директором в комнату вошли руководитель хора и Клавдия Петровна. Первый секретарь поочерёдно пожал руки всем присутствующим, включая Аню, и радостно сказал:

– Ну что, дорогие товарищи, скоро будут объявлять результаты. Но уже сейчас могу сказать вам по секрету: наш район взял первое место по городу!.. А то, как ты, Гераси-

мова, пела, пришлось по сердцу лично первому секретарю горкома! Горкома, Герасимова!.. В мае, готовься, поедешь запевать в Москву от города. А пока с тобой будут заниматься лучшие преподаватели из консерватории. Поздравляю, и спасибо тебе.

В этот момент раздался голос директора школы:

– Иван Иванович, позвольте пару слов, вот Клавдия Петровна доложит.

Клавдия Петровна торжественно вышла вперёд:

– Иван Иванович, товарищ первый, у меня есть сведения, что пионерка, – Клавдия Петровна подчеркнула последнее слово голосом, – что пионерка Герасимова три дня назад была замечена в церкви.

В комнате воцарилось молчание. Первым его нарушил Иван Иванович:

– Как давно это стало известно?

– Только сегодня, перед концертом, одна из учениц класса Герасимовой, Скворцова Ели... – Клавдия Петровна осеклась, не договорив.

– Скворцова, говорите? А ещё кто-нибудь видел. Герасимова! Отвечай честно, была?

Аня стояла, похолодев, не могла пошевелиться, даже кивнуть головой.

– То есть пионерка Герасимова, которая выиграла городской конкурс, оказывается, у нас богомольная? Она у нас ходит в церковь? Родители верующие? Я вас спрашиваю, – обратился он уже к директору и учительнице.

– Нет, родители не ходят, и она замечена ни в чем таком не была, староста, хорошистка, – глухим голосом ответил директор.

– И чего ты тогда туда попёрлась, скажи-ка мне на милость, хорошистка Герасимова? – взвился Иван Иванович. – То есть вы сейчас, дорогие мои товарищи, предлагаете мне пойти к первому секретарю горкома и вот так запросто заявить, что ваша ученица Герасимова ходила в церковь? И чего вы тогда, дорогие мои, ждёте? – И сам же ответил: – Оргвыводов, вот чего вы дождётесь. Или вы, Клавдия Петровна, думаете, что вам и директору после этого выдадут премию и отправят на конкурс в Москву?

На Клавдии Петровне не было лица:

– Конечно-конечно, слова Скворцовой нужно проверить, она впечатлительная, наверняка перепутала с другой девочкой или даже с бабушкой какой.

– Вот это правильно, проверьте и хорошенько, – сказал секретарь райкома. – А ты, Аня, пой, так пой, чтобы тебя там, – он ткнул пальцем в потолок, – услышали! И запомни, на всякий случай, Аня: нет никакого бога, мы сами за всё в ответе...

Не мог, ну, не мог старый фронтовик никому рассказать, что не партбилет спас его от неминуемой смерти, а в тот миг, когда прилетел в его грудь кипящий осколок, сердце прикрыла обыкновенная ладанка, надетая ему матерью перед уходом на фронт.

– Нету никакого бога, и Герасимовой в церкви не было, – потёр он старый шрам на груди. – Фу, чего же так жарко-то в комнате, где мой платок? – Иван Иванович сунул руки в карманы, достал одной рукой платок и начал вытирать багровое лицо. А другая его рука так и осталась в кармане, где прокуренные пальцы бывшего фронтовика уже были туго и замысловато сплетены.

В простую фигуру. Из трёх пальцев...

Наталия ЮДИНА

СТРАННИЦА

(Из цикла «Кадницкие»)

Софья Тимофеевна была женщиной доброй и щедрой. Приветливой и всегда готовой прийти на помощь. Было ли это следствием того, что в детстве ей не досталось материнской ласки, и ей очень хотелось быть нужной людям, или просто характер у нее был такой, сказать было сложно. Но она уже давно привыкла безотказно прилетать на зов всех, о какой бы просьбе не шла речь, тратила на это массу сил и времени, порой забывая о своих близких. То есть не совсем забывая, просто на мужа и двух дочерей ее тепла и внимания почти не оставалось.

Если дети в силу своей незрелости не анализируют коммуникаций с родителями, то мужу Софьи Тимофеевны отсутствие домашнего женского участия однажды надоело, и он нашел его в соседней деревне. Благо мужчина он был видный, работающий, почти не пьющий и в полном расцвете мужских сил. Поначалу Софья к известию об уходе мужа к другой женщине отнеслась с должным ей смирением. Но месяца через три все же сильно загрустила, лишившись разом и поддержки, и ощущения безопасности замужней женщины, и какого-никакого мужского внимания. Вида о своей душевной печали она окружающим не показывала, но мысли о преждевременном уходе из жизни ее периодически накрывали.

Никто уже не помнил, как именно это случилось, но Софья Тимофеевна определилась служить в местной церкви. И в какой-то из престольных праздников закутилась вся эта история.

Приезд в деревню для Паши всегда начинался примерно одинаково. Выгрузив из багажника сумки, он выходил во двор дома посмотреть на посаженные им кусты или просто послушать мерный шум горного ключа, протекающего недалеко от участка. На этот раз, пройдя вдоль аккуратно подвязанной малины, он запнулся за угол деревянного чего-то. Присмотревшись, молодой человек обнаружил в малине новенький свежеструганный гроб! К непредсказуемости своих родителей он уже давно привык, но при виде гроба в душу закралась тревога.

– Кого в последний путь собрались отправлять? – стараясь скрыть волнение, попробовал пошутить Паша на пороге кухни.

Кира Александровна быстро перевернула рыбу на шипящей сковороде, обернулась к сыну с улыбкой.

– Видел уже?

– Чуть не упал в прямом и переносном смысле.

У окна с чашкой в руке засмеялся Георгий Иванович.

– С нашими бабами никогда не соскучишься. Сердобольные до жути.

– Молчи уж, – махнула вилок на мужа Кира Александровна, – а сам-то?

– С вами дураком стать, нечего делать, честное слово, – проворчал мужчина, резко поставив чашку на стол.

– Да что у вас тут происходит?! – не выдержал Паша.

Георгий Иванович буднично махнул на мать и молча вышел из кухни. Кира Александровна накрыла крышкой готовую рыбу и принялась накрывать сыну ужин.

– Садись, а то и в самом деле упадешь, – усмехнулась женщина.

Она принялась рассказывать сыну, как неделю назад соседка Софья практически приволокла со службы чуть живую старушку-божий одуванчик, которой стало плохо прямо у ворот кадницкой церкви. Имени старушки никто не знал, поскольку трое суток она была в забытьи, из чего дамский консилиум улицы Почтовой порешил, что страннице (по их же определению) жить осталось недолго. Поскольку ни документов, ни возможности что-то спросить у больной не было, Софья Тимофеевна твердо решила

самостоятельно проводить несчастную в последний путь и принялась усиленно за ней ухаживать.

Как известно, в беде женская солидарность не знает границ. К благородному мероприятию Софьи Тимофеевны подключилась вся улица. Могилку на кладбище за четверку от Надежды выкопали местные пьянчужки. Кира Александровна напрягла мужа на изготовление гроба, благо в мастерской без дела пылился деревообрабатывающий станок. Нехитрое одеяние и прочие необходимые атрибуты похоронной процессии припасла для отходящей Любовь Михайловна.

Все посочувствовавшие и вложившие душу в благородное дело смиренно ждали печального финала. Но он не наступал. Более того, через неделю странница пришла в себя, потом заговорила, далее у нее проснулся аппетит. На десятый день старушка на своих ногах вышла подышать на крылечко.

Вечером на лавочке возле дома Надежды собрался женсовет улицы Почтовой. Говорили мало, больше молчали. Софья Тимофеевна сдержанно делилась планами на совместное будущее со спасенной старушкой. Женщины понимающе кивали, не зная, что сказать попавшей в подобную ситуацию соседке.

Решилось же все вполне прозаично. Окончательно придя в себя, странница припомнила и свое имя, и место проживания, и даже телефон невестки. В один из солнечных июньских дней за ней приехала родня. Окрепшую Мирошникову Марию Федоровну с большой радостью провожали всей улицей.

– А что теперь с гробом этим делать, ума ни приложу, – закончила свой рассказ Кира Александровна.

– Может, на дрова распилить?

– Ага, сейчас, – неожиданно отозвался из коридора Георгий Иванович, – я его продам. Зря, что ли, столько трудился?

Мать с сыном молча переглянулись. В предпринимательских «способностях» хозяина дома никто не сомневался.

Виктор ЕРШОВ

с. Филинское, Нижегородская область

ЧИЖИК НЕ ПЫЖИК

Местом действия стала небольшая, свойская, в одну улочку, деревня. Одна из многочисленных бусинок, низанных на нитки-дороги, проторенные неведомой стопой и петляющие среди покладистых равнин и осанистых вершин Нижнего Поочья. Сегодня основным населением этой деревни стали дачники, поэтому по весне, как только сочно зазеленеет травка и запестрит нежно-изумрудная листва, они вслед за скворцами появляются в своих скворечниках-дачах. Днем их не почти не видно – копошатся на огородах (копают, обрезают, сажают), говорят: истосковались по земле. И я верю им, так как многие родом из этой деревни. Ближе к вечеру, когда солнце, источив весь запас зноя, склоняется к горизонту и полуденные ветра утихают, они появляются на улице, «кучкуются, воркуют, трещат», – соскучились. Справедливости ради, я сам в этой деревне дачник, но другой масти – всесезонный, так как появляюсь в купленном здесь обычном бревенчатом, со следами старой краски и покрытым еще шифером доме в любое время года. Хочу зимой – прихожу, надумаю весной или осенью – тут как тут, а уж летом редкий день не появлюсь на краю деревни (мой дом второй от околицы и стоит рядом с лесом).

Началась эта история еще по весне. Начало мая – хлопотное время в деревне. Что-то надо посадить, что-то подрезать, где-то подсыпать, а где-то и вовсе покопать. В один

их таких майских дней, закончив посев петрушки и укропа, подтянув за лямки комбинезон (все-таки на люди выхожу), я вышел с огорода на улицу. Как сейчас помню, день был солнечный, но я бы не сказал, что стояла жара. Посередине нашего порядка проходит неширокая грунтовая, присыпанная несколько лет назад щебнем дорога, которая сразу же за околицей растворяется в лесу. А так как мой дом второй с краю, то при желании я могу увидеть, кто и зачем ходит в лес, а главное, с чем возвращается.

И вот, стою я у дороги, шурюсь от яркого солнца, вдыхаю тонкий лекарственный запах одуванчиков и вижу, как из леса выходит молодая женщина. То, что она не старая, легко определить по стати, походке и одежде. Через пару секунд стало очевидно, что это моя соседка Лена. Вполне привлекательная светловолосая девушка, с русскими формами и внешностью барышни-крестьянки. Шла она налегке, но как-то странно – слегка вытянув вперед соединенные вместе ладони рук. Рассеянный взгляд ее серых глаз, окаменелое лицо подтверждали мою догадку – что-то случилось или вот-вот произойдет.

Поравнявшись со мной, она раскрыла соединенный вместе ладони и негромко, словно боясь кого-то напугать произнесла:

– Вот нашла на тропе в лесу».

Мы одновременно посмотрели в ее ладони, она с облегчением, возможно оттого, что донесла, или оттого, что показала кому-то, а я изумленно – не каждый день видишь покрытого черным мягким оперением желторотого птенца. Пауза затянулась, птенчик зашевелился, открыл глаза и, как мне показалось, вопросительно посмотрел на меня: «А ты кто? Чего от тебя ожидать – червячка или паучка?»

Первым заговорил я:

– Прямо на тропе? Бедолага, наверняка выпал из гнезда. Да он уже довольно крупный, оперившийся.

Лена молчала. Ее материнское сердце разрывалось, было ясно что она согласилась со мной, но мыслила о другом. И Лена проговорила:

– Не знаю, что делать. Оставить на тропе – наверняка погибнет, если не съедят, то умрет с голоду.

– На тропе-то точно погиб бы, – протараторил я и, заглянув в глаза соседке в надежде найти в них ответ, спросил: – И куда ты его теперь?

– Возьму домой, попробую покормить, – не спуская глаз с птенца, все так же тихо ответила Лена, а затем пожал плечами добавила: – Лишь бы ел, тогда вырастим.

Найденыш как будто понял, что разговор идет о нем, встрепенулся и, широко раскрыв желтый клюв, закрутил головой. В уголках губ Лены появились ямочки, ее лицо озарилось нежной улыбкой, мне же оставалось лишь одобрительно кивнуть головой.

После недолгого молчания Лена уже достаточно громко, наверное, ее воодушевило поведение птенца, сказала:

– Ладно, поживем – увидим... Пойдем мы, – и с бесценной находкой направилась к своему дому, стоявшему рядом с моим.

Легкий ветерок, как бы проявляя любопытство, коснувшись ветвей сирени и шевеля шапки-солнышки одуванчиков, потянулся за вслед за Леной.

Я же подумал: «Чудные дела творятся на земле. Интересно, выживет этот птенец? И как встретит его Вера?»

Стоило мне вспомнить о ней, как у калитки соседнего дома появилась хрупкая, белесая и голоногая девочка, одной рукой державшаяся за ручку калитки, находящуюся выше ее головы.

– Мама, тебя так долго не было, я соскучилась, – пролепетала Вера, подбежала к Лене и встала как вкопанная. – Мама, а что у тебя в руках?

Поднявшись на цыпочках, она заглянула в мамины ладони. Оцепенела на несколько секунд, подняла свои незабудки-глазки на Лену и тихо-тихо спросила: «Птичка? Живая?!»

Лена утвердительно кивнула головой. Вера заметно успокоилась, в ее глазах обозначился интерес, переступая с ноги на ногу, она протянула ручки к птенцу:

– А можно ее потрогать?

– Вера, это еще птенец, видишь, у него даже нет перьев, он пока крохотный, – начала отговаривать дочь Лена.

– А... понятно, ну ладно, – Вера быстро отказалась от своего желания, призадумалась. В вдруг в один миг ожи-

вилась: – Он будет жить у нас? Я буду о нем заботиться. Он вырастет и будет играть со мной...?

Скоротечны детские эмоции. Не прошло и минуты, как Вера быстро развернулась на одной ножке и побежала к детям, играющим рядом в куче песка. В это время Лена скрылась во дворе своего дома, а я стоял и пытался вспомнить хотя бы один случай, когда мои родные или близкие выкормили птенца. К сожалению, не вспомнил, и грех мне – я не поверил в возможность соседки вырастить этого птенца в домашних условиях. Но...

Неделя прошла незаметно. Лето выдалось на редкость суетным, я не часто появлялся в деревне, а если и заскакивал, то на час-другой. Правда, несколько раз порывался зайти к соседям – поинтересоваться судьбой птенца, но не решался. В глубине души уже уверовал в мысль о его гибели, но где-то на задворках моего нутра нет-нет да и всплывала дума о его чудесном выживании. И я боялся – гибель найденыша окончательно подорвала бы мою веру в возможность чуда как волшебства, как проявления чудотворства.

В начале июня погода стаяла капризная: то нещадно светило солнце, то беспрестанно лил дождь. Трава поднялась быстро. Ближе к полудню взяв триммер с намерением покосить за изгородью напротив дома, я вышел со двора. Через собранный из веток и прутьев плетень сразу же увидел, как соседка Лена, держа за руку свою дочку Веру, в сопровождении чинно ступавшего серого кота шла по улице по направлению к моему дому. Не знаю, по какому признаку, возможно, по уверенной, но в то же время развязной походке, возможно по тому, что Лена улыбалась и задорно, непринужденно разговаривала с дочерью, я понял, что у них все хорошо, и подумал – значит и с птенцом все благополучно.

– Добрый день! Вера, как дела? – встав на их пути, спросил я. Увидев спокойный, мягкий взгляд Лены, все больше уверовавший в благополучную судьбу птенца и в то, что своим вопросом ненароком не потревожу Веру, продолжил: – Как там птичка?

Вера вся вытянулась, ее глаза засияли, рот приоткрылся, она уже хотела ответить, но ее опередила мама:

– Живой, кушает яйцо, каши! Подрос, уже летает по дому.

Эти слова окрылили меня. Я ощутил радость оттого, что светит солнце, зеленеет травка, цветут яблони... а главное, что в жизни есть место чуду. Да, именно ему, неожиданному, но желанному, кажущемуся нереальным, но вполне ощутимому.

– Вот же как бывает, – не скрывая улыбки, заговорил я, – сколько живу, такого еще не видел. Вы просто чудотворцы.

Лена зарделась, ее пальцы теребили небольшой платочек, а глаза излучали то особое материнское тепло, в котором радость перемешана с тревогой, восхищение соседствовало с заботой:

– Приходите в гости, увидите найденыша!

Незаметно пролетели две недели. Да что там недели, кажется, только недавно ждали лето, мечтали, строили планы, а вот уже и июль наступил. Огород запестрел цветами и всходами, вишня украсилась красными каплями, ветки яблонь опустились под весом плодов. Сидя в беседке у пруда, я наблюдал, как небольшая серая пташка копошилась в невысокой, скошенной накануне траве, а в вышине парил гневный ястреб. Когда пташка улетела, я вспомнил о найденыше и представил себе, как он летает по комнате, ест с руки, пьет с блюдечка... и подумал, что пора дать ему прозвище. Пусть будет Чижик Не Пыжик. Почему чижик? Да потому что по неброскому оперению, длинному хвосту и небольшим размерам он похож на эту птичку семейства воробьиных. А «не пыжик» добавилось как-то само собой. Уже потом я поинтересовался кто такой пыжик, и оказалось, что это перелетная, водоплавающая птица. Выходит – угадал.

Долгожданная встреча с Чижиком Не Пыжиком состоялась ближе к середине лета. Дело в том, что соседство в деревне – это не просто проживание рядом друг с другом, это, в первую очередь, общение. Кроме привычного: «Привет, как жизнь?», «Как семья, работа, огород?» – соседи посещают друг друга. Эти встречи бывают недолгими, но памятными, они сопровождаются застольем, рюмочкой одной, другой и, конечно, беседами. В тот раз приглашение соседа Жоры «зайти на минутку», то есть в

гости, я воспринял с нескрываемым интересом: как там живет Чижик Не Пыжик? Прихватив гостинец для Веры (троечку конфет), какую-то огородную зелень, я поспешил к соседям. Насчет «кое-чего горячительного на стол» сосед попросил не беспокоиться – все есть.

На соседском дворе всюю шли приготовления к встрече «соседа». Так Вера называла меня. Дети быстро запоминают услышанное от родителей, и короткое слово в их понятии становится цельным определением, с его лицом, голосом, поступками. Я – просто «сосед», приезжающий в деревню на дачу, другая соседка Нина – «Нина подарочная» (за частые угощения), ее муж Иван – «дед Ваня» (старость написана на его иссечённом морщинами лице). Невысокая деревянная лавка вся была уставлена детской посудой. В руках Вера держала маленькую чашку, наполненную мокрым песком. Улыбка, которой сначала озарилось лицо девочки, в одно мгновение застыла, в ее глазах, смотревших на меня с вниманием и настороженностью, обозначилось любопытство.

– Вера, это ты для меня приготовила? – спросил я ее, протягивая руку к чашке. – Что это, каша? Точно каша. А с чем твоя каша?

Ответила за Веру вышедшая на крыльцо ее мама Лена:

– С тушенкой. Старалась для соседа. Ей сказали, что сосед придет, вот она и постаралась.

Я тихо, чтобы не услышала Вера, так как боялся, что птенец погиб и ответ напомнит ей о беде, спросил Лену:

– Ну как ваш новый член семьи?

Лена замешкалась, задумалась. На ее лице появилась тень изумления, даже растерянности.

– Я имею в виду птенца, – помог я ей, – того, которого ты принесла из леса.

Вместе с вдохом облегчения она ответила:

– Еще как живой! На днях мы вынесли клетку на улицу и открыли дверку. – Посмотрев на дочь Лена продолжила: – Вера согласилась, что птичке будет лучше на природе. И что вы думали? Она вылетела из клетки и улетела, мы вздохнули, конечно, жалко было птичку, привыкли к ней, да и для Веры она была как живая игрушка.

Я воспринял услышанное как очевидное – дитя природы вернулось в свою среду. Наверное, это настроение отразилось на моем лице, так как Лена, махнув рукой, продолжила:

– Да что вы, через час вернулся, весь взлохмаченный, перья торчат, глаза прыгают... Да вы в дом проходите, посмотрите, как он там хозяйничает.

После сказанного картинка в моем воображении птички в клетке растворилась. С нетерпением я вошел в избу, и долго искать Чижика Не Пыжика не пришлось, он появился сразу, вылетев из ниоткуда, и плюхнулся на столешницу кухонного гарнитура. Тут-то я его и разглядел. Тонкий, заостренный клюв, спинка темно-зеленого цвета, брюшко желтое, на голове подобие шапочки смоляного цвета. Он суетливо скакал по столешнице, издавая короткие, звонкие, переходящие в скрип, звуки.

«Словно синица, только простудившаяся», – успел подумать я, как птенец взлетел и, сделав круг вокруг моей головы, опустился на спинку дивана, стоявшего рядом с заставленным различными хлебосолами столом. Его голова то опускалась вниз, затем резко подымалась вверх, и сам он, как на пружинах, качался из стороны в сторону на своих тонких ножках.

– Во те на! Всякое ожидал, но не такое, – нервно сжимая пальцы рук, удивленно вымолвил я. – По-моему, она чувствует себя как дома.

– Еще бы, он уже всех достал своими выходками, – поддержала меня Лена – лезет в тарелку, летает над головами и даже умудряется клеваться, – показав рукой на диван, стоявший у стены рядом со столом, продолжила: – Скачет по спинке дивана и клюет в затылок того, кто сидит на диване.

Чижик Не Пыжик, словно догадавшись, что речь идет о нем, пролетел через всю комнату, сел на спинку дивана и, наклонив голову, посмотрел на меня. В его маленьких глазах-угольках я прочитал вызов: «Ну что, хочешь убедиться? Тогда садись на диван».

В тот день за столом мы говорили о разном – о Вере, об урожае, о погоде... И все это время птичка была рядом с

нами. Она то сидела на столешнице, поклевывая какие-то мелкопорезанные овощи, временами издавая резкое шипящее «тщссс», то летала по комнате. Ее скромный сольный репертуар, очевидно, объясняется отсутствием общения с другими птицами, от которых она, если верить публикациям в интернете, в природе перенимает различные звуки. Своего рода проходит обучение вокалу. Даже когда Чижик Не Пыжик исчезал с поля нашего зрения, я не забывал о нем.

На мой вопрос: куда делась птичка, Лена, не отрывая взгляда от дочери Веры, которая играла тут же на полу в комнате, не задумываясь ответила:

– Наверняка спряталась за телевизором.

Она оказалось права. За телевизором, прикрепленным к стене почти что под самым потолком, в полутьме (туда не попадал дневной свет), я с трудом разглядел неподвижную птичку.

– Ага, нашлась пропажа, ну-ка вылезай отсюда, – весело сказал я и протянул к ней руку. Чижик Не Пыжик, держась лапками за трубу-крепление телевизора и размахивая крыльями, вытянулся в струну и, выставив вперед тонкий клюв, нацелился на мою руку. Последовавшее легкое поклевывание не только не испугало меня, а наоборот, сблизило с этой птичкой. Окрыленный таким общением с ней, я повернул голову к сидящим за столом соседям:

– Прямо-таки сокол, а не чижик.

Всякому гостеприимству приходит конец, и тут главное вовремя вспомнить «будь как дома, но не забывай, что в гостях». Проводы были веселыми, передо мной стояли улыбающиеся Лена и Жора. Стоит сказать, что для Жоры улыбка было обычным явлением. Редко когда не погодам поседевший сосед (ему было чуть более 40 лет) хмурил брови и сетовал на судьбу. Стоявшая в середине комнаты Вера, тиская в руках куклу, жеманно посматривала на меня, над ее головой, шипя и скрипя, летал Чижик Не Пыжик.

Путь от соседского дома до моего показался долгим. Перед глазами всплывали картинки первой встречи с желторотиком и увиденного в этот день. Сочно-зеленые иголки

лиственницы улыбались мне. Ветви сирени, покачиваясь на ветру, приветствовали меня, а подросшая после обильного дождя трава стелилась передо мной ковровой дорожкой.

Чижик Не Пыжик живет. И пусть его мир ограничивается размерами комнаты соседей, а его семьей стали люди. В природе все естественно – зарождение, течение жизни и наконец смерть. Первое мы не помним, до последнего, будем надеяться, нам далеко, а вот жизнь... У каждого своя: долгая, короткая, счастливая, не очень. Но это жизнь. С пробуждениями поутру, дневной суетой, вечерними закатами и чудесами.

Лирический портрет

Александр БОБРОВ

Москва

...И ПОНИМАТЬ, ЧТО ТАМ, ЗА ОКОЁМОМ

Кстовское

Да, не бояться грязи танки,
Но есть ведь взгляды на прострел.
Похорошели все кстовчанки,
А может, сам я постарел.

На молоке обжегшись, дую
На всё, что собираюсь пить.
Засмотришься на молодую –
Так может место уступить.

Ведь я, казалось, должен сам бы
Забыть об удалом былом,
Но в городе, где школа самбо,
Иду на болевой приём.

Федоскинские мотивы

Ни к чему сюжеты броские –
На родное отзовись!
Я всегда любил Федоскино
За здоровый бытовизм.

Здесь молодки круглолицые –
 Не какие-то тузы.
 Здесь – народные традиции,
 Здесь – гармонии, картузы.

Ни к чему ломать трагедию,
 Есть весёлость без затей.
 Здесь – шкатулка: «Как мы с Федею
 Возвращались из гостей».

Две бабушки

Внучкам Оле и Марине

Посреди родной равнины,
 Средь заснеженной травы
 Вас растили две Галины,
 Две – из Пскова и Москвы.

Есть хорошее в вас что-то,
 Есть душевные мосты –
 Это бабушек работа,
 Двух – из Пскова и Москвы.

Даже если будет счастье
 Или горести, увы,
 Вспоминайте их почаще:
 Двух – из Пскова и Москвы.

Без указателей

Я – в шоке, в ступоре, в испуге –
 Нет указателей былых:
 В Москве, Калуге, Петербурге
 Табличек нету угловых.

Стою на тёмном перекрёстке –
 Поможет кто? Подскажет кто?
 Шагать по городу непросто
 Без навигатора в авто.

Немало на Руси примеров –
 Никто за шкурку не возьмёт,
 Поскольку наших мэров-пэров
 Водитель личный доведёт.

Отсюда выводы простые –
 На них управы не найти,
 Пока идёт сама Россия
 Без указателей пути.

Бабым летом

По плитам пестрят нагретым
 Портреты и имена.
 На кладбище бабым летом
 Особая тишина.

Ни ветра, ни прошлого зноя –
 Прозрачный сентябрьский день.
 Всё пошлое, наносное
 Уходит в сквозную тень.

Родители нас любили,
 Гвоздики дрожат в руке,
 А бусинка спелой рябины
 Алеет на цветнике.

Как ни был бы день мой мрачным,
 Любовью святой храним,
 Я – снова московский мальчик,
 Пожалуюсь тихо им.

Черкесы

Исхаку Машибашу

Интриги, войны, интересы,
 Но брезжит солнце за туманом...

Какой большой народ – черкесы,
Рассеянный по разным странам!

Порой история трагична,
Не всё проходит без возврата.
Когда рассматриваешь лично,
То и на солнце видишь пятна.

Хочу, чтоб создавались книги,
Хоть их всё меньше год от года,
И чтобы российские черкесы
Хранили гордый дух народа!

Спасибо за весну

Спасибо Адыгее за весну,
За чудо постепенных превращений,
За первоцветы и за новизну
Каких-то немосковских ощущений.

В окошке – занавеска парусит,
А ветер возвращается в предгорья.
Опять гуляет горе по Руси,
А здесь – беспечность с привкусом пред-горья.

Черкесы и адыги – общий род,
По разным государствам он рассеян.
И русские – расколотый народ,
Но больше-то всего в самой России.

Но здесь – с весенней дымкою печаль,
И надо быть хоть чуточку влюблённым,
Чтобы увидеть всхолмленную даль
И угадать, что там, за окоёмом.

Чтоб ясно видеть всхолмленную даль
И понимать, что там,
За окоёмом.

Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ

ДОНБАССКИЙ БЛЮЗ

Нахтигаль

Грязь, апрель, туманна даль.
На земле покой и воля.
Черный-черный нахтигаль
Разливается над полем.

Ты зачем летаешь тут,
Разрезаешь телом воздух?
Видишь труп и дальше труп.
Это ваши. Слишком поздно...

Ты не вейся надо мной,
«Лепестки» к ногам бросаю.
Черный-черный, я не твой.
Прилетит сейчас косая

Не за мною, не пора.
Под масксеткой над распятой
Пусть долбят три топора
Смертью сто пятьдесят пятой.

Кто твои оценит трели?
Никого здесь, кроме Бога
И меня. А я прицельно
По тебе и с дронабоя.

Камень

Я до фильтра свою дотяну,
Я твою положу на плиту.
Я послушаю тишину.
Загляну через темноту,

За которой твой вечный сон,
За которой твой страшный бой,
Где дрожал и горел бетон,
Где ты друга закрыл собой.

Где по вам отработал «Град»
На той проклятой высоте.
Черный камень, чугун оград.
Я так много сказать хотел.

Вот покурим да посидим.
Сизый дым навевает грусть,
Ветерок развеивает дым.
Встречусь позже – наговорюсь.

Свеча

Догорит свеча блиндажная,
Фитилёк уже коптит.
Тяжела война для каждого,
Но иного нет пути.

Поднялись с братками дружно мы
С жаркой верою в груди,
Тут у нас работа нужная –
Негодяев победить!

А на фронте, а на фронте,
В каждом взводе, в каждой роте
Все герои, боягузов нет.
А на фронте, а на фронте

Равнодушных не найдёте,
Если что касается побед.

Липнет к берцам грязь окопная,
Но солдату благодать.
Дождь вторые сутки, чтоб его!
Зато «птичек» не видать.

Не слышать подлёта злого их,
Значит, мы сегодня днём
В этих метеоусловиях
Все чуть-чуть передохнём.

А на фронте, а на фронте
В каждом взводе, в каждой роте,
На прогноз с приборами кладя,
Мы на фронте, мы на фронте
Поголовно все не против
Отдохнуть под музыку дождя.

Что в военном положении
Обретает главный вес
Для солдат в расположении,
Для бойцов на ЛБС?

Не медали для и ордена,
А за честь дедов, за мать,
За друзей, семью и Родину –
Всё, чего нельзя предать.

А на фронте, а на фронте
В каждом взводе, в каждой роте
Бьются за родимых, за своих.
А на фронте, а на фронте
Главное, что не подводит –
Чувство крепкой искренней любви.

Догорит свеча блиндажная,
Фитилёк почти погас.

Ничего теперь не страшно нам,
Если Родина за нас.

Всех противников повергнем и
Супостатам воздадим.
Не настанут дни последние,
Если вместе – победим!

А на фронте, а на фронте,
В каждом взводе, в каждой роте
Все герои V, и O, и Z.
А на фронте, а на фронте
Равнодушных не найдёте,
Если что касается побед.

Окопная тетрадь

Истрепалась вся тетрадь,
Не найти другой пока.
Мне вам, братцы, не соврать –
Жизнь солдата нелегка.

Отодвинь хмельной стакан –
Я пришёл не умирать.
Страха нет у дурака,
Умный страх умеет гнать.

Смелый страх умеет взять
За колючие бока
И, прицелившись, кидать
Как гранату во врага.

Я пришёл не умирать,
И тверда моя рука.
За детей, за дом, за мать,
За родимого братка

В страхе не спустить курка
И под пулями не встать.

Надо выжить. Как-никак
Нам ещё Одессу брать.

Прежде Николаев брать.
Вот намнём хохлам бока
И милёнку целовать –
Распунцовится щека.

Истрепалась вся тетрадь,
Заплетается строка.
Тусклый свет от ночника.
Страха нет. И ночь тиха.

Донбасский блюз

Когда мы мир открывали,
Мы были сливки и мёд.
Теперь мы стали из стали –
В глазах не слёзы, а лёд.
Мы танцевали когда-то,
Резвясь в цветах, родниках,
Теперь цевьё автоматов
Зажато в наших руках.

Кровь – она не водица,
Её зов словно смерч.
Мы – Господня десница,
Мы – Архангела меч.
Бесы в пламени сгинут,
Вновь покроют цветы
Мир, что будет невинен,
Выжжен до чистоты.

Белесым прахом окалин,
Предвечной божьей золой
До самых дальних окраин
Ложатся слоём на слой
Подряд герои и черти.
И ты не бойся, ложись.

Кому-то ад после смерти,
Кому-то новая жизнь.

Кровь – она не водица,
Её пламень горит,
Что готов распалиться
Наших душ антрацит.
А когда распалится,
Будет огненный смерч.
Мы – Господня десница,
Мы – Архангела меч.

Когда здесь будет потише
И зарастут шрамы-рвы,
Мы снова сможем услышать
Плеск волн и шелест травы.
Но пляшет жаркое пламя
И, духом окаменев,
Мы не родились бойцами,
Мы божий праведный гнев!
Смерти тот не боится,
Кто за Родину встал.
Кровь – она не водица,
Это божий напалм.
Только стоит пролиться,
И она будет жечь.
Мы – Господня десница,
Мы – Архангела меч.

Светлана ЗАЙЦЕВА

Москва

СТРУЕНЬЕ РЕЧИ

Снежинка в конверте

В том краю, где всё – невесомое,
Где не чалиться кораблю,
Забегу на почту знакомую
И снежинку тебе пошлю.

Райским яблочком я похрумкаю.
(Для живых – ещё тот десерт!)
И её – кружевную, хрупкую
В ледяной положу конверт.

Шлёпнут жирным почтовым штемпелем,
Припечатают сургучом...
(Рядом буковки тихо шепчутся,
Не печалются ни о чём).

Засверкают обсерватории
(Сколько линз на её пути!).
У снежинок – свои истории.
Дуну вслед, попрошу: «Лети!»

До весны просижу за вышивкой...
(Рядом дремлет Чеширский Кот.)
За мольбертом или за выпивкой
Адресата она найдёт.

Мчит дорожкой небезопасною:
Над страной, а не по стране!
Вслед ей ниточка вьётся красная.
Детство вспомнила: мулине.

...И конвертик-то – самый плохонький:
Весь измятый, едва живой.
А снежинка дойдёт целёхонькой.
И запахнет у вас – Москвой.

Струенье речи

*Во всём мне хочется дойти
До самой сути...*

Борис Пастернак

Услышь мелодию, услышь!
В февральской ноте –
Мельканье санок, росчерк лыж
На повороте.

Её в ладони не лови,
Не ставь ловушек.
Растёт, неслышнее травы.
Замри, послушай!

Пробьётся ручейком тепла,
Покуда живы,
Сквозь смех,
Сквозь плач,
Сквозь крик,
Сквозь лай,
Сквозь звон снежинок.

Зима прекрасна тишиной.
Легка дорога.
Расслышь в молчаньи за спиной
Дыханье Бога.

Не взгляд,
Не жест,
Не малый звук,
Не ветер встречный –
Полёт поверх земных разлук.
Струенье речи...

Вернулся снег...

Как тихо в этой сказочной стране!
В такие дни легко начать сначала.
Мы ждали солнца – а вернулся снег.
И музыка родная зазвучала...

Как хорошо, что что-то не сбылось!
Не нужно утешать себя обманом.
Вернулся снег, как растеряха-гость
Приходит за забытым чемоданом.

Открой его! Под крышкой – столько тайн.
(А горести? Кому какое дело!)
Под этим снегом с чистого листа
Начнём, пока дышать не надоело.

Всё замерло. Навытяжку стоят
И тонут в белом радужные царства.
Ты – радость долгожданная моя!
Мой добрый друг, мой снег апрельский

– Здравствуй...

Снег научит...

Научи меня летать.
Снег меня научит падать.
Песня с чистого листа
Льётся в небо – а не надо...

Научи меня терпеть.
Снег меня научит видеть.

В этой сказочной стране
Нету места для обиды.

Научи меня молчать.
Снег мелодиям научит.
Что-то скажешь сгоряча.
Тишина – светлей и лучше.

Снег не ведает хлопот:
Покружится – и растает.
Посмотри, как мне идёт
Мантия из горносталя!

От смешных земных забот
Не старайтесь, не лечите!
Грустно, медленно идёт
Снег – непризнанный учитель.

Эскимо на морозе

...Так и живи. Так и жуй этот Божий пломбир.
(Как это весело: есть эскимо на морозе!)
И успокойся: не найден ещё эликсир,
Что превращает в жемчужины женские слёзы...

Солнце янтарное прыгает детским мячом.
Танец его простодушен: закаты-рассветы.
Да, мы бессмертны, но здесь даже Бог – ни при чём:
Кто-то свой крест бережёт, ну, а кто – кастаньеты.

Пар изо рта, примерзает к железу рука.
Этим пером даже слова «любовь» не напишешь!
Если тебя и услышу, то издалека.
Здесь – только крыши, покатые скользкие крыши.

Пусть превращается в шёпот отчаянный крик.
Я уж давно – не участница пылких сражений.
...И ускользает гигантский акулий плавник.
И превращается в воду расплавленный жемчуг.

Отъезд

Вот и настало время
Ехать куда-нибудь,
Мчаться вослед за теми,
Коиx нельзя вернуть.

Знай: напоследок много
Лишнего говорят.
Карта моя – дорога
В вотчину декабря.

Танец огня несложен:
Тёплый янтарь – глаза.
Пуст, молчалив, ничтожен
Зимний глухой вокзал.

Скарб? Да кому он нужен?
Сны, рюкзаки, узлы.
Сто голубых жемчужин
Из подресничной мглы.

А за окном туманно.
Проводы-провода...
Может, весной нежданно
Снова вернусь сюда?

Из свежей прозы

Игорь МАЛЫШЕВ

Ногинск, Московская область

«ШУТКА»

Она музыкант, флейтистка. Он инженер. Просто инженер, даже не на заводе, в фирме, проектирует кухни. Она вечно на гастролях. Раньше выступала с одной очень известной группой с Украины, теперь, после начала войны, она, москвичка, играет с российскими музыкантами. Бардами в основном. И это не те старорежимные барды в свитерах, обсыпанных перхотью, с лысынами, обрамлёнными длинными, редкими прядями. Нет, это высокие, статные хлопцы, собирающие клубы по всей стране, а иногда и за её пределами. У них красивые голоса, хорошие тексты, все, кто лучше, кто хуже, но не без виртуозности владеют гитарой. У каждого толпа поклонниц. И вот с ними он отпускает её на гастроли. Гастроли длятся когда две недели, когда два месяца. С ней постоянно рядом парни, на которых западают девочки по всей стране, а он тут, дома, скромный инженер-расчётчик. Рассчитывает кухни. Не умеет ни петь, ни играть на гитаре, ни зарифмовать толком две строки.

Он просто сидит вечерами на кухне, не зажигая света, много курит в форточку, кормит рыбок и попугая. Рыбки – самые обычные гуппи и меченосцы, попугайчик тоже самый обычный – волнистый. Кеша. Детей у них нет.

Он сидит, смотрит в тёмное окно, за ним россыпь огней. Это окраина, но даже московская окраина полна света.

Её нет неделю, месяц, два месяца. Потом она возвращается. И этого мига он боится хуже смерти. Потому что не так страшна смерть, как то, что ей предшествует. Он боится, что она войдёт, волоча за собой чемодан на колёсиках, ядовитой кислотно-зелёной расцветки, стянет с рук перчатки, посмотрит на него из-под ресниц, на которых висят растаявшие снежинки, и он вдруг поймёт, что она была ему неверна. Он не знал как, но знал точно, что поймёт, если она была ему неверна.

Боялся, что она положит перчатки, сшитые из самой тонкой кожи, других она не признавала, а перчатки носила постоянно, с сентября по май, положит их на столик справа от двери, где вечно навалена всякая всячина – помада, ключи, карты магазинов, жвачки, таблетки от боли, зубные нити, монеты, расчёски, липкий валик для снятия ворсинок, он боялся, что она кинет поверх всего этого свои бежевые перчатки, протянет ему руки, скажет «я приехала», он возьмёт её пальцы в свои ладони, куда более холодные, чем у неё, пришедшей с холода, и он вдруг почувствует, что она была ему неверна. Он не знал, как он переживёт этот миг, может, тут же бросит её руки, или вернётся на кухню, встанет, скинув тапочки, на стол, откроет окно и выйдет в темноту с девятого этажа, а может, не покажет виду, а ночью задушит её собственными, холодными, как декабрь, руками.

Он не знал, он боялся, но он ей верил. И никогда ещё он не чувствовал в её пальцах, тонких пальцах музыканта, и следа неверности.

И тогда он вспыхивал, снимал с неё короткую, чуть ниже пояса, тёмно-зелёную шубку из искусственного меха, снимал с её ног сапожки. Она, опираясь о стенку и чуть задрав голову, со смесью удовольствия и стеснения позволяла разуть её.

Потом вёл её в ванную. Там, присев на край ванны, в то время как она по самые скулы лежала погружённая в воду, подкрашенную солью бомбочек в самые экзотические цвета, расспрашивал её, как прошли гастроли, много ли

было зрителей, хорош ли был звук, как встречали, как провожали.

Она, погружённая полностью, так что чуть выше уровня воды оставались лишь лицо да уши, маленькие, сложные, как раковины устриц, розовые от горячей воды, отвечала ему. Рассказывала подробно, с деталями, то смеясь, так что расходились по ванной покатые, казавшиеся очень женственными волны, то с отвращением, и тогда он не удивился бы, если б поверхность воды заволокло льдом, но чаще без особых эмоций: там хорошо, там лучше, там совсем безобразно. Её радость или гнев могли вызвать зрители, звук на сцене, жёсткая кровать в гостинице, проводница в поезде.

Он опускал кончики пальцев в воду, трогал, слушал и убеждался, нет, она не изменяла ему. И после этого мысль о неверности покидала его окончательно.

Он вытирал её, распаренную, пахнущую то корицей, то апельсином, то лавандой, размягчённую, сбросившую напряжение гастролей. Промокал полотенцем, толстым, пушистым, отмечал, что за время лежания в подсоленной бомбочками воде у неё исчезли следы от трусов и лифчика и она стоит перед ним чистая, как ребёнок. Он закутывал её в халат, толстый, будто хвост персидского кота, и нёс на кухню. Там он варил для неё кофе.

– Это новый, гондурасский, – говорил он.

– Гондурасский?

– Да, из Гондураса.

– Я думала, это ругательство, оказывается, страна.

Он ставил на газ гейзерную кофеварку, загруженную свежемолотыми гондурасскими кофейными зёрнами, говорил:

– Слушай, сейчас пойдёт запах.

Они сидели в молчании слушали запах редкого сорта растений из центральной Америки.

– Это прекрасно, – говорила она. – Настолько, что надо прекратить этот карнавал запахов, чтобы не успеть утомиться от него.

Он открывал форточку, по кухне, змеясь, распространялись сквозняки. Она куталась в халат, а он приносил ей

носки из шерсти альпаки, которые они купили где-то в нашем Черноземье, на ферме, где разводили лам.

Нырнув в толстые, как валенки, носки, она разом веселела.

– Ну, а ты тут как жил?

– Скучал.

– И всё?

– И всё.

– Ты дико скучный, – говорила она с той интонацией, с какой произносят комплименты.

– Точно, – согласился он. – Я люблю тебя только потому, что мне никогда не стать такой, как ты.

– Брось ты, я просто флейта, подыгрывающий инструмент. Персонаж второго плана.

– Разве ты можешь быть персонажем второго плана? – глядя чуть исподлобья, радуясь и не веря, говорил он.

Потом робко, будто школьник на первом свидании, накрывал её ладонь своей.

– Ты солнце, вокруг тебя мир кружится, – шепча и тут же неловко смеясь над своим шёпотом, говорил он.

– Ты надолго? – спрашивал.

За окном блуждала неверная московская ночь, вздрагивала электрическими разрядами, словно одна огромная, подсвеченная в кинофильме спецэффектами нервная система. Электрические огни пробежали по карте города, небо колыхалось.

– Я тебе верю, как никому не верил, – говорил он ей. – Я боюсь, я чудовищный трус, но я верю тебе.

Он никогда не произносил этого «я люблю тебя». Мне кажется, человек, не сумевший выразить свою любовь глазами, руками, поступками, и не любит вовсе. И все эти признания – шелест, шорох и пустота на ветру.

Если нужно говорить, то не нужно говорить.

– Когда уезжаешь? – спрашивал он.

– Завтра.

Он поначалу хотел что-то возразить, но лишь молчаливо кивнул.

– Это всего две недели, а потом я буду дома целый месяц, – сжимала она его руку.

Он кивнул. Невесело соглашаясь, и вспомнил, как только что в ванной она, нырнув в малиновую воду и снова вынырнув, попросила его:

– Прислони ухо и слушай.

Он опустил ухо ко всё ещё горячей, пахнувшей сладкой смесью чабреца, цитруса и соли воде.

Она влажной ладонью погрузила его ухо в воду.

– Слу-ушай, – раздельно произнесла.

Нырнула, и он услышал, как она поёт ли, насвистывает «Шутку» Баха.

Она выныривала, глубоко вдыхала и погружалась снова, а он слушал, слушал, слушал... Даже если бы «Шутка» Баха длилась тысячу лет, он не сдвинулся бы с места.

О НЕПОЗНАВАЕМОСТИ МИРА

В старых «Икарусах» двери были электро-пневматические. То есть водитель нажимал на кнопку, красивую, мягко и упруго щёлкающую под пальцем, светящуюся в тёмное время суток, отчего по вечерам в кабине «Икаруса» создавалось ощущение, будто сидишь внутри новогодней ёлки, срабатывал клапан, и двери открывались.

В наших ЛИАЗах, «скотовозах» на жаргоне, двери управлялись чистой пневматикой, поворачиваешь кран, двери открываются, поворачиваешь в другую сторону, закрываются. А вот в «Икарусах» эта система была чуть сложнее и оттого ненадёжнее.

В нашем электроцехе при автоколонне № 1783 работал парнишка по прозвищу Огрызок. Прозвали его так, понятное дело, за то, что любил иной раз огрызнуться. Пацан, впрочем, неплохой, но с чудовищным ветром в голове. Из тех, за кем нужен глаза да глаз.

И вот Огрызка отправляют чинить стоп-сигналы на «Икарусе»-гармошке. Это такой автобус из двух частей, соединённых резиновой секцией, облегчающей маневрирование.

Починить стоп-сигнал – большого ума не надо. Это, наверное, первое, чему нас, юных автоэлектриков, не имеющих образования, учили.

Но тут всё оказалось не так просто. Огрызок чуть помучился, но в итоге победил, стоп-сигнал заработал. По крайней мере Огрызок решил, что поломка устранена.

Не знаю, проверил ли водитель работу нашего «специалиста», а может, Огрызок уже после проверки добавил какие-то последние штрихи рукой мастера, но...

Водитель выехал из ангара и отправился в рейс. Перед этим он должен был отметить путёвку в будочке на выезде из автоколонны. Водитель подъезжает к будочке, жмёт на тормоз и... У него с шумом, дружно распахиваются все четыре секции дверей. Водила не просто изумлён, водила ошарашен мгновенным осознанием факта, что если б такое случилось с ним в рейсе на скорости, из салона вполне мог бы выпасть пассажир, и тогда... Даже не хочется думать, что могло бы случиться тогда.

Автобус немедленно возвращается в бокс, Огрызка чуть ли не за ухо тащат к машине и под присмотром бригадира заставляют всё переделать.

Оказалось, наш маленький «гений» умудрился соединить каким-то образом провода, идущие к стоп-сигналам и клапанам, открывающим двери.

К чему это я... Иногда мне кажется, что мир, в основе своей устроенный правильно, красиво и гармонично, местами тоже испытал прикосновение рук бестолковых, неумелых и потому опасных. Такое ощущение, что главный демиург, создававший несущие конструкции нашего мира, мелочи оставил на откуп подмастерьям и те, то ли по недомыслию, то ли по озорству, внесли какие-то несовместимые с логикой правки в проект.

...Водитель нажимает на тормоз, загораются стоп-сигналы над задним бампером нашего мироздания, распахиваются двери, и кто-то, не ожидавший от мира подобной подлости, на всём ходу падает на асфальт, где мчатся другие автомобили.

СМС

У каждого из нас, кто более-менее пожил в этом мире, есть в телефоне некоторое количество номеров мёртвых людей. У кого больше, у кого меньше. У тех, кто помладше, – поменьше, у старших – побольше. Мне кажется, когда мне стукнет сто лет, в моём телефоне будут только мёртвые люди и номер скорой помощи.

За свои семьдесят семь я накопил изрядное количество номеров неживых людей.

Я человек нерелигиозный, я вообще атеист. Мне претит церковь, я терпеть не могу попов, евхаристия, помазание для меня не просто пустые звуки, они вызывают отторжение.

И поэтому я не знаю, что это был за праздник по православному или католическому календарю. Помню только, что пятница.

В этот день ожили все мои «мёртвые» номера.

Первой пришла СМС от Леры.

«Два аборта от тебя. Теперь я знаю, какие прекрасные это могли бы быть мальчик и девочка! Ненавижу тебя».

Лера... Семь сумасшедших лет моей жизни.

Я набрал её номер.

– Номер не обслуживается, – сказал бесстрастный неживой голос, из-за шума крови в ушах в первое мгновение показавшийся мне Лериным.

«Не звони мне. Я тебя ненавижу. Мне плохо, но я верю, что тебе будет ещё хуже».

Лера умерла десять лет назад. Десять... В памяти остались её невероятно нежные руки. Не пальцы, лепестки шиповника. Когда она трогала мои щёки или просто

брала мою ладонь в свою, меня охватывало состояние невесомости.

«Идиотская шутка», – набрал я трясущимися пальцами, но сеть не смогла отправить сообщение.

Я сел в кресло-качалку, оттолкнулся, комната перед моими глазами, строгая, я аккуратист, пришла в движение.

– Это просто шутят дебилы, – прошептал я онемевшими губами.

Снял со спинки кресла толстый, как казачья бурка, плед, укрыл ноги. Дрожь, колотившая меня, понемногу утихла.

Телефон вздрогнул и булькнул в моей едва начавшей успокаиваться руке.

«Ты украл мой сюжет. Ты выставил меня мелким завистливым хамом. Но скоро тебе станет страшно».

Платон.

– Идиот! – закричал я. – Я не воровал твою идею. Это расхожий сюжет. Таких произведений в мировой литературе сотни. И то, что твою бездарную повесть я превратил в безупречный рассказ, всего лишь свидетельство твоей немощи и моего таланта.

«Гори в аду, бездарь», – задыхаясь от гнева, ответил я.

«Нас много, и мы тебя ждём», – пришло сообщение от Платона.

Я нажал вызов, и снова ответом мне было сообщение, что этот номер не обслуживается.

– Суки... Суки...

Язык мой метался в полуоткрытом рту. Я судорожно вдыхал воздух, пытаюсь скривить рот в ухмылке.

«В твоих рассказах ты ни разу не выставил меня человеком, достойным сочувствия. А я любил тебя, как никого никогда не любил».

– Это неправда! – закричал я.

По батарее ударили один раз. Соседи сверху. Не терпят шума, сразу сигнализируют.

«Я всегда любил тебя», – написал я.

«Сообщение не доставлено», – пришёл ответ.

– Да что ж сегодня происходит?! – скривившись в мучительной гримасе, произнёс я. – В загробном мире раздали мобильники?

– Папа, я любил тебя! – крикнул я.

По батарее ударили три раза.

– Папа... Папа... Папа... Ну, ты то что? Папа, не надо. Не надо!

Я замер. В комнате застыла кубом чёрного мрамора тишина, и её в одно мгновение разрушил звук СМС в моём телефоне.

«Ты ведь спал с ней, с Лерой?».

Это от друга детства, Максима. Лера была его женой. Но ведь это она сама предложила мне стать любовниками! Нет, я не хотел. Я сопротивлялся почти год. Но я не мог, встречаясь с Максом, не видеть её. Да, мы пили, постоянно, много, но я не хотел спать с ней. Меня пугала эта перспектива. Нет, нет... Я не хотел спать с ней.

«Тварь ты. Тварь, тварь, тварь».

Нет, в аду раздали мобильники.

«Я верила тебе, а ты, оказывается, в это время крутил с Лерой. Здесь тебе будет плохо».

Это от Юльки. У нас с ней и не было почти ничего. Но она, похоже, на многое рассчитывала.

– Юля, я спал с тобой по пьяни. У тебя была отвисшая грудь, – крикнул я.

«Мразь», – пришла СМС.

«То, как ты выкинул меня из группы, убило меня на целый год. Я только пил и спал».

Это от бывшего басиста нашей группы. Он был плохим басистом и к тому же ленивым. Да, хороший собутыльник, щедрый, добрый, но как басист – никакой. И да, я выгнал его. Я не знал, что он запил тогда. Наоборот, слышал, что женился и обзавёлся ребёнком.

«Ты не знаешь, как переживал Женя. Я бы хотела пожелать тебе чего-нибудь очень плохого и, наверное, я действительно желаю этого».

Это хоть кто? Хочется кричать от бессилия. Но я тут же вспоминаю, что это телефон той, что стала женой нашего бывшего басиста.

«В семьдесят первом году ты раздевал меня, пятилетнюю, в развалинах дома на Морской, 2. Я не вышла замуж. Я терпеть не могу мужчин».

Мироздание! Этого номера нет в моём телефоне. Пусть я и помню девочку-соседку Лариску в развалинах на Морской, 2. Мне семь, ей пять, всё так и было.

«Ты сказал генеральному, что тебе никто не поручал составить список замечаний к контракту. Меня понизили без объяснения причин. А ведь работа была моей жизнью».

Мой бывший начальник. Умер через полгода после тех событий. Инсульт. Из хорошего в этой истории только то, что он не стал «овощем».

Не реагирую. Сажу, закрыв лицо руками.

«Ты кинул нас на половину цены. Я тебя не простил».

Это Рахим, бригадир гастарбайтеров на даче. Я не знал, что он умер. Он выглядел раза в два младше меня. Впрочем, азиаты стареют как-то по особому...

Они ставили ворота и поставили их чуть криво. Можно было принять, а можно было и зарубиться. Я зарубился и не выплатил им половину стоимости работы. Тогда мне казалось это хорошим способом сэкономить. С деньгами было не очень. Я сэкономил.

Нервы мои превратились в провода под избыточным напряжением. Меня трясло. Я вздрагивал от любого шороха – пролетавшей за окном птицы, сдвинувшейся в часах минутной стрелки, упавшей из крана на кухне капли.

«Надо как-то попробовать выжить», – думал я.

«Я никогда не прощу тебя за то, что ты сдал родителям, что я больше не работаю в министерстве».

Ты тоже умер? Я не знал. Клянусь. Друг детства.

«Зачем ты наврал, будто я что-то принимаю?»

«Если б не ты, мы бы никогда не расстались».

«Да, это была случайность, но ты вошёл очень не вовремя. С тех пор мы ни разу не были наедине».

«Зря ты сказал про Таню, я ему доверяла».

«Ты же соврал тогда? Теперь я знаю это наверняка».

«Ты врал мне всегда. Ты врал мне всегда, всегда, всегда».

Эсэмэски сыпались одна за другой, я не сразу вспоминал, что это и от кого, но если вспоминал, понимал, что отправитель давно мёртв.

Нет, не ужас, ужас быстро схлынул, отупение накатило на меня. Я смотрел на экран телефона, где вспыхивали

всё новые и новые сообщения от самых разных абонентов, единственным их общим свойством было то, что все они были мертвы.

«Зачем?»

«Ненавижу».

«Скоро».

«Страшно тебе?»

«Близко».

«Я рядом».

«Мы ждём».

«Не выключай телефон»...

Сергей КРИВОРОТОВ

Астрахань

ЗЕЛЁНАЯ ВИШНЯ У МОЕГО ОКНА

(Тяжёлый случай дендрофилии)

Осенний ветер, всё больше наглей от собственной безнаказанности, рвёт жёлтые пожухлые листья с покорно мёрзнувших деревьев. Всё вокруг поблекло, будто выцвело. И небо посерело, обещая скорые неизбежные дожди. Люди одеваются теплее, с каждым днём всё больше скамеек пустует в скверах и парках. Нет тех прежних весёлых птиц, лишь чёрные вороны мерзко кричат в сплетённых ветвях сада, кое-где увидишь суматошных воробьёв, да голуби, наохлившись, прячутся под карнизами. Крадучись, торопливо пробежит озабоченная кошка, да собаки провожают прохожих по-человечески грустными глазами. Редко где увидишь не побуревшие ещё листья, одинокие ели, завезённые с севера, выглядят в своей тусклой хвое чужеродно и неестественно для здешних мест. Неуютно стало на улице.

А у моего окна стоит вишня с не по времени ярко-зелеными ветвями. Она молода, и я чувствую, как сок жизни бежит по её стволу к ветвям, достигая маленьких, припылённых проходящими автомобилями листочков. Словно деревце бросает смелый вызов окружающей серой действительности. Вишня смотрится на блеклом фоне осени кусочком минувшего лета, но не жаркого, полного иссушающего и слепящего солнца, а напоённого вечерней

прохладой и августовской свежестью на грани сентября. Посмотришь на её упрямо не сдающиеся осени ветви и словно зачерпнёшь силы, выпьешь глоток живой воды из неведомого чудесного источника.

Я помню весну, когда она стояла под моим окном, счастливо разукрашенная белыми цветами, словно невеста, обручённая с солнцем. Затем весенние дожди смыли этот впечатляющий наряд, и в зелени юной листвы зарделись красные упругие вишенки. Я видел тех, кто гнул, ломал целые ветки, стараясь сорвать всего лишь несколько ягод, и тогда боль дерева, его немой крик достигали меня, срывали с места. Мне становилось больно вместе с ней. Я торопился на помощь, прогоняя её бездушных мучителей. Среди них оказывались не только дети, но и взрослые, даже женщины. Никогда до этого они не видели плодоносящее дерево в центре нашего городка, это оказалось для них подлинным чудом, и, обнаружив подобную небывальщину, эти бедные одичавшие люди испытывали необоримое желание сорвать и отправить себе в рот хоть несколько красных, ещё не доспевших мелких ягод. Словно подобное действие в один момент могло сделать их счастливыми, и в этой спешке наплевать им было на нечаянно оборванные листья и заодно поломанные ветви. Не всегда я оказывался подле в такие моменты, не всегда успевал выручить лишённое возможности дать отпор безответное зелёное существо. И когда, всякий раз, обнаруживал безжизненно поникшую увядающую ветку, я чувствовал её ничем не проявляющуюся внешне боль, и бессильная ярость, смешанная с обидой за бессмысленно испорченную красоту живого, охватывала меня.

Чтобы избавить дерево от дальнейших нападений дикарей, приманенных соблазнительными для них ягодами, я встал однажды задолго до восхода солнца, взял приставную лестницу и снял с дерева два ведра вишен. Ягода оказалась с горьковато-кислым вкусом, но варенье из неё получилось замечательно вкусное, вобрав в себя весь аромат раннего вишнёвого лета. Несчастную плодоносицу у моего окна оставили в покое, а у соседней кто-то переломил неокрепший ствол пополам...

А ведь задумано было неплохо: любому живущему в городке должно показаться чудесным – плодородящие деревья среди асфальта и пыли улиц. Мимо идут автобусы, фуры, снуют легковые, выбрасывая в воздух клубы ядовитых выхлопов, а у моего окна, как ни в чём не бывало, гордо зеленеет вишня.

Куда бы я ни уезжал, всюду перед моими глазами стояла она – стройная, с ещё не успевшим искривиться побеленным стволом, взметнувшая вверх, как в молитве, свои ветви-руки. И всякий раз, возвращаясь, я испытывал тёплое чувство, завидев её издали, словно встречал старого, близкого сердцу друга. Более того, мне начинало казаться, что и она, как бы неслышно смеясь, тянет ко мне навстречу листья на гибких красноватых ветвях.

Она прочно вошла в мою жизнь, и без неё всё выглядело бы теперь иначе. Любой пасмурный день не кажется сейчас таким унылым, стоит лишь взглянуть на её неизменный силуэт в окне. Все шедевры икебаны ничто по сравнению с этим видением. А ночью в жёстком свете люминесцентных фонарей это вообще непревзойдённый шедевр, недоступный виртуозам сюрреализма.

Вокруг давно уже царит глубокая осень. Дворники и пронизывающий ветер сметают по утрам непривлекательные остатки опавшего летнего убранства. Дожди явно уже на подходе, свинцовые тучи никак не разродятся то ли кислотными, то ли радиоактивными осадками. Но меня не покидает уверенность, что вишня у окна будет так же прямо стоять под их косыми безжалостно холодными струями, как недавно стояла под иссушающими лучами неумолимого солнца. Полный неоправданного идиотического оптимизма (сегодня лучше, чем вчера, а завтра станет лучше, чем сегодня!), внушённого мне с детских лет коммунистическим воспитанием, каждое утро я выглядывал в окно, чтобы поздороваться с моей молчаливой подругой. Привет, привет, и я спешу по своим делам, уверенный, что и вечером это необычное создание беззвучно пожелает мне спокойной ночи в ответ на моё легкомысленное пожелание ей того же.

Но однажды утром я проснулся от резкого визга тормозов на улице и сильного глухого удара с последующим

страшным треском, проникшим ко мне сквозь недавно установленные оконные стеклопакеты.

Невнятный шум голосов, неуместная для такого раннего часа суматоха за окном, жестокая действительность безжалостно подняли меня с постели. Я с тревогой выглянул наружу и в мути рассветного тумана различил лишь силуэты толпящихся зевак. Наскоро одевшись, выбежал наружу, чтобы убедиться в ужасной значимости происшедшего.

Туман действительно накрыл всё вокруг, в двух-трёх метрах от фигур и предметов оставались одни лишь очертания. Он казался таким плотным – вырежи из него кусок, и в этом месте надолго останется зияющая пустота. Прямо у моего окна столпились семь-восемь прохожих, откуда они только взялись спозаранку? Подойдя ближе, я различил в темнеющей массе хлебный фургон, наехавший передними колёсами на тротуар. В двух метрах рядом валялся оторванный передний бампер, а в стороне, чуть поодаль, бесформенная жалкая масса корявых невзрачных веток, недавно бывших моей вишней. Жалкая культяпка, словно аккуратно срубленная гильотиной, торчала из зарешёченной лунки на прохожей части.

Все присутствующие ротозеи с нетерпением ждали приезда гаишников, все, кроме наполовину вылезшего из кабины расхристанного водителя. Его бессмысленный взгляд блуждал по собравшимся справа налево и назад, как вентилятор-подхалим. С разбитых губ срывались невнятные фразы, в которых можно было разобрать только матерные вставки. Дело было, скорее всего, не столько в полученном шоке от удара, сколько в недавних алкогольных возлияниях. Я подошёл ближе и машинально потрогал останки убитого дерева.

– Что же ты сделал, гад! – пробормотал я, как оказалось, достаточно громко, чтобы меня услышали.

– Вы посмотрите на него только! – возмутилась какая-то сердобольная женщина, неведомо как затесавшаяся среди зрителей. – Ему дерево жалко, а на человека наплевать!

Я ещё раз взглянул на не вызывавшего жалости или капли сочувствия пьяного, никак не трезвеющего водилу,

на осуждающе повернувшихся ко мне враждебных зрителей, плюнул и ушёл. Что я мог предпринять?

– Хорошо хоть никого не задавил! – рассудительно изрёк кто-то за спиной, трезвый глас народа, так сказать. Но мою вишню было уже ничем не вернуть.

Когда много позже рабочие городского муниципалитета сровняли обломок дерева бензопилой «Дружба» и без особого труда выкорчевали неглубокие корни, я поинтересовался у них о дальнейших действиях мэрии.

– А что, на будущий год посадят здесь, наверное, тополя. В зелентресте ничего больше сейчас и нет. Так что не волнуйтесь. Вот и весь сказ! – авторитетно заверил меня один из них.

Тополь не вишня, разве сможет он заменить ставшее мне странно близким за столь короткое время деревце? Я дал себе слово: как только пригреет весеннее солнце, найду на рынке вишнёвый саженец и саморучно высажу у своего окна. Ничего иного мне теперь просто не оставалось.

Лариса ЕСИНА

Краснодар

КРАСНЫЕ ЛИНИИ ГЛУБОКОГО ТЫЛА

Веру разбудила бодрая трель входного звонка. Девочка приоткрыла один глаз, залюбовалась игрой солнечного лучика на зеркальном циферблате электронных часов, в котором немного тускнели светящиеся зелёным цифры – 09:12... Чуть не проспала! Готовилась к долгожданному событию всю ночь – на письменном столе у окна, распятая самыми толстыми учебниками по углам, подсыхала стенгазета с яркими мультяшными рисунками, фото из семейного альбома и сканами фрагментов писем отца с фронта. Стенгазета, по замыслу Веры, должна была сразу со стены в коридоре рассказать папе, что он, хоть и находился далеко, был всё это время как будто рядом, потому что о нём здесь думали постоянно... Трель прозвучала ещё раз, дольше и настойчивее. Её прервал щелчок открывающегося дверного замка, а следом раздался громкий радостный возглас и всхлипывания мамы:

– Серёжа...

– Привет, родная! Наконец-то я дома! – ответил ей хрипловатый мужской голос.

– Это папа уже приехал! – догадалась соня и, как была, в пижаме, со спутанной после сна копной рыжих волос выскочила в коридор встречать долгожданного гостя, напроць позабыв о том, что планировала к этому моменту нарядиться и заплести модную косу.

Вера окончательно проснулась в крепких объятиях отца, от которого пахло чем-то незнакомо горьковато-терпким и в то же время невероятно знакомым и родным.

– Как ты за эти полгода выросла, принцесса, – отец загорелой рукой гладил рыжую лохматую голову дочери, а та прижималась к нему, пряча вдруг хлынувшие слёзы – как когда-то, когда была совсем-совсем маленькой.

– Скоро тринадцать. Трудный переходный возраст во всей красе, – с материнской гордостью, но иронично уточнила Елена.

– И не пожаловалась, а понять дала, как же она со мной, бедная, намучилась, – Веру последнее время раздражало многое из того, что мама говорила и делала. – Сама же просила меня не дерзить и вести себя прилично. Мол, папа после серьёзного ранения, ему нельзя волноваться. А сама первая заговорила о трудностях.

– Да брось ты! Какие такие трудности? Вера – ещё ребёнок. Ну, посмотри на неё! Такая же кнопка. Те же пухлые щёчки, любопытные глазки и хорошенькая рыжая головка, – Сергей взлохматил распущенные длинные волосы дочери.

– Дождался наш Верунчик главного своего защитника! А где же то секретное, что ты для папы всю ночь готовила?

– У меня на столе. Идём покажу, – Вера потянула отца за рукав, приглашая в свою комнату.

– Это всё ты сама придумала и сделала? – творчество дочери тронуло сурового офицера до глубины души.

– Конечно. Сначала вечером маме помогала на кухне, потом стенгазету делала. Почти до утра! Вот и проспала... Ты на меня не обижаешься?

– Что ты, принцесса?! Разве на такое обижаются? Наоборот!

Вера просияла:

– Я так рада, что тебе понравилось!

– Может же быть идеальной, когда захочет! – Елена своеобразно, с подтекстом, похвалила дочь. – Предлагаю повесить эту красоту в зале, чтобы вечером все гости смогли оценить её по достоинству. Но сначала – в душ и на кухню! Давно пора завтракать.

После завтрака она отправила дорогого гостя отдыхать и набираться сил. В этом небольшом провинциальном городке, куда его перевели незадолго до отправки в зону СВО, Дунаевы не успели обзавестись большим количеством знакомых. Елена устроилась учителем английского языка в гимназию в военном городке. Веру оформили сюда же. Выяснилось, что в сельской школе, где она училась ранее, не было такого предмета, как информатика, – просто некому было его вести, вот и приняли её из седьмого в седьмой класс. Расстраивалась Вера недолго: детский коллектив, куда её распределили, оказался очень непростым, ершистым, но очень дружным. Её единодушно приняли как свою. На учёбе никто из её одноклассников не заикливался, а самое интересное всегда начиналось после школы: прогулки на самокатах, квесты, кафе... Но главное, Вера не скрывала, что была влюблена – как практически все её одноклассницы. Дунаевы часто переезжали, и первая школьная любовь, не успев зародиться в душе девочки-подростка, осложнилась вынужденным расставанием. Дома об этом и не догадывались.

Отец подписал контракт и уехал воевать в зону СВО. Говорит, что не может иначе. Не имеет права отсиживаться в тылу, когда там его друзья, бывшие сослуживцы и одноклассники. Ему не до сантиментов. Мать всецело занята своими переживаниями и обустройством быта в новой служебной квартире. Вера помогала маме распаковывать чемоданы и тюки с вещами, наводить порядок в комнатах. Не время разговаривать по душам. После она попыталась рассказать ей о своих первых настоящих чувствах, но услышала в ответ то, что никак не ожидала услышать:

– Мне бы твоё горе, девочка моя... У тебя ещё столько таких Максов будет – со счёту собьёшься. Вон какая ты у нас яркая, миниатюрная, красивая – мимо не пройдёшь, обязательно обернёшься, чтобы такую красоту лучше рассмотреть.

– Да не нужны мне другие такие Максы! Мне нужен один! Единственный! Умеешь ты выслушать и успокоить! Больше никогда тебе ни о чём не расскажу!

С тех пор так и жили – каждая в своём коконе личных переживаний. Объединяло их одно – любовь к мужу

и отцу, беспокойство за него и надежда, что ничего непоправимо-страшного не случится. Поэтому приезд главы семьи принёс мир и гармонию в семью Дунаевых.

– Пап, мы сегодня после уроков с ребятами на квест идём. Ты за мной заедешь?

– Когда и куда нужно подъехать? – по-военному строго уточнил Сергей.

– Часам к семи вечера. Игра на полтора часа рассчитана. Мы к полшестого туда идём, сразу после внеурочки.

– Куда – туда?

– Ой... Ну да... В центре города есть бар «Романтика». Квесты там в цокольном этаже проводят, – хлопнув себя по лбу, пояснила Вера.

– Улица? Номер дома? Центр города – понятие абстрактное.

– Заедем вместе. Я там неподалеку торт на ужин заказывала. Всё равно ехать в ту сторону.

– Отлично! – огрызнулась Вера. – Вы меня вдвоём даже из детсада не забирали.

К бару чета Дунаевых подъехала чуть раньше обозначенного времени. Елена припарковалась у окошка цокольного этажа с торца здания. Сергей любовался огнями вечернего города.

– А я и забыл, что может быть так красиво. Научился видеть в темноте, кажется, не хуже кошек и летучих мышей.

– Полезный навык в наше время. Электричество стали часто отключать. Во всём городе сразу. Люди шепчутся – диверсии. Брешут, как обычно. Но близость с русско-украинской границей наверняка сказывается. Здесь вся эта красота периодически гаснет, и наш городок тоже погружается во мрак, – посетовала Елена.

– Пули над головой не свистят, снаряды не летают – это главное.

– Пока тихо. Даже громкие хлопки в воздухе прекратились.

– Вот и славно.

Реплику офицера прервали детский визг и громкая реплика с многоэтажными матюками, вылетевшие из окошка цокольного этажа:

– Руки за спину, ..! Вы мои заложники, и только от вас зависит, выйдете вы отсюда или нет, суки, твари продажные....

Реакция Сергея оказалась молниеносной. Он выпрыгнул из машины и, сделав несколько прыжков по тротуару, нырнул в освещённый неоновым тёмным омут полуподвала.

– Сергей, это игра, – объяснения жены фатально опоздали, и Елена помчалась за мужем.

Когда она через несколько минут вбежала в тесное фойе «Романтики», увидела перевёрнутый стол, под которым пытался прийти в себя то ли швейцар, то ли охранник.

– Как ты смеешь произносить такие слова при детях? – рычал побагровевший от возмущения и злости Сергей, тряся за грудки побелевшего от ужаса «пирата». – Кто дал тебе право пытаться их электрошокером, лупить резиновыми дубинками и надевать на них наручники? Это же дети!

– Папа, папа, это игра такая, – всхлипывая, Вера предприняла неудачную попытку успокоить отца.

– Вот именно... это игра такая... всё по сценарию, – оправдывался «преступник».

– Ах, игра? Ты хоть знаешь, насколько опасна вот эта игрушка? – офицер разрядил электрошокер у носа «злодея». – Если кто-нибудь когда-нибудь, не приведи господи, не выдержит таких «игр», как ты родителям это объяснишь? А, игрок?

– Сергей, оставь его! Это актёр. С детьми всё в порядке. Их никто не брал в заложники. Это действительно такая игра...

– И ты разрешаешь нашей дочери в такое играть? – негодование офицера, видевшего детей в подвалах, запертых там не понарошку, освобождавшего их от реальных, а не костюмированных преступников, переключилось с «пирата» на супругу. Он отпустил актёра.

– А что в этом такого? Это популярное развлечение среди молодёжи. В это все дети их возраста сейчас играют... – эмоционально оправдывалась Елена.

– Кроме моей дочери! Дочь русского офицера не имеет морального права добровольно подвергаться унижениям и побоям этих вот завуалированных садистов!

– Вы всё неправильно поняли... это сценарий... я просто исполнял свою роль, – актёр предпринял ещё одну попытку оправдаться.

– Да всё я правильно понял! Писал этот сценарий настоящий псих, а играют с детьми в такие игры только преступники.

– Кто вас сюда пустил? Кто вы такой? Немедленно покиньте помещение! – в мрачную каморку с решётками на окнах вбежала, цокая высоченными каблуками, брюнетка в черных кожаных брюках и лиловой облегающей блузке с глубоким декольте.

– А вы кто такая? Порноактриса для следующего этапа этого дурацкого квеста для нынешних детишек?

– Хам! – дамочка с размаху ударила Сергея ладонью по лицу, поцарапав щёку длинными хищно-кровоаво-красными ноготками.

– В зеркало на себя посмотри. Осталось ценник на лоб налепить...

– Я сейчас вызову полицию... (Набрав номер и поднимаясь по лестнице.) Служба спасения?

– Сергей, угомонись. Это администратор квеста. Оксаночка, милая девушка. Поехали домой... – от отчаянья и стыда за поведение мужа Елена едва не плакала. – Извините, он после тяжёлого ранения. Сам не свой...

– Это я-то сам не свой? Это ты сама не своя! Калечишь психику нашей дочери. На популярные игры она ребёнка возит! И дебилов таких, как я посмотрю, полгорода...

Бурные прения прервал наряд полиции, приглашённый девушкой-администратором в вызывающем наряде. Праздничный ужин пришлось перенести, так как Дунаевы вместе с остальными участниками потасовки полночи провели в обезьяннике. Сергеем сделали внушение и отпустили, учитывая его заслуги на фронте. Администратору тоже разъяснили, что реакция отца участницы не лишена оснований, поскольку далеко не ко всем квестам допускаются дети, что есть такое понятие, как возрастной ценз. Уходя, Оксаночка оглянулась и окинула Сергея злым колючим взглядом, в котором было столько ненависти, что в ней, казалось, можно было утопить всё отделение полиции сразу.

– Вот это взгляд, – хохотнул Степаныч, начальник полицейского участка.

– Видел я такие взгляды, и не раз. Когда нациков в плен брали. Слышь, гражданин начальник, не мешало бы службам пробить эту дамочку на предмет благонадёжности, – полушутя, полусерьёзно предложил виновник недавнего переполоха.

– Может быть, может быть, – согласился Степаныч, – ты, боец, здесь с такими аккуратнее. В тылу к ним особый подход требуется.

Сергей иронично улыбнулся:

– Ты мне, коллега, сообщи, будь добр, если наши с тобой подозрения подтвердятся.

– Обязательно. Бывай!

Елена выдохнула – обошлось. Но Сергей ещё долго не мог успокоиться:

– Пока я там, рискуя жизнью, вывожу из-под обстрелов, из подвалов и разрушенных зданий детей и взрослых – нередко раненых, моя дочь, дочь русского офицера, добровольно соглашается крыть себя десятиэтажным матом, пытаться электрошокером и лупить резиновой дубинкой... Адреналина не хватает? Может, тебя с собой туда взять, чтобы мозги на место встали и навсегда отпало желание играть в такие «игры»?!

– Ничего ты не понимаешь! Это нас закаляет и к взрослой жизни готовит, – всхлипывая, спорила с отцом Вера.

– Как? Стоять на коленях? Терпеть унижения и побои?

– Без ключа снять наручникиииии... – рыдала Вера.

– Из-под ареста бежать готовишься, что ли? Может, вы преступление всем классом готовите? Нет? Чтобы больше ни ногой ни в этот подвал, ни в другие, где такие «игры» проводят! Я сказал! Приказ старшего по званию не обсуждается!

– Ты не у себя в казарме... С принцессами так не обращаются, – Елена неожиданно вступилась за дочь.

– Ещё как обращаются! Этой принцессе это даже нравится! А с тобой мы потом поговорим. Хватит с меня на сегодня сильных эмоций.

Степаныч сработал оперативно. Он позвонил следующим утром, когда Дунаевы завтракали.

– Ага! Вон оно как? Повтори это ещё раз, пожалуйста. Я на громкую связь поставлю, чтобы мои от компетентного специалиста это своими ушами слышали, – клацнув указательным пальцем по монитору, Сергей положил смартфон на середину стола, жестом приглашая прослушать сообщение полицейского.

– Оксана эта по фамилии Кравчук действительно оказалась прелюбопытной особой, – шипел динамик телефона. – В прошлом гражданка Украины. Российское гражданство год назад получила. Наши прошерстили её страницы в соцсетях, а там сплошь «слава Україні», «русские убийцы» и прочее в том же духе. То же самое – на страницах матери и несовершеннолетнего брата. Решено проверить транзакции членов этой семейки на предмет перевода денежных средств ВСУ. Есть информация, что старший брат этой Оксаны в ВСУ служит. На административку и штраф за дискредитацию российской армии они, считай, уже напустили. Плюс незаконная предпринимательская деятельность. Разрешительных документов на проведение каких-либо игр у неё нет.

– Благодарю! Вы мне очень помогли объяснить моим, кто есть кто на самом деле.

Вера с матерью отложили ложки. Аппетит пропал. Они переваривали услышанное. Молчание прервал глава семьи:

– Что молчим? Сказать нечего? Елена, я к тебе в первую очередь обращаюсь! Вера – ребёнок. Ты-то куда смотрела? Я, значит, перевожу тебе деньги, заработанные потом и кровью на СВО – буквально потом и кровью! А ты их относишь тем, кто нас там убивает?

– Это ещё не доказано...

– Доказательства – дело времени, поверь мне. По крайней мере, своей гражданской позиции организаторы этих квестов не скрывают.

– Откуда я могла это знать? Лично мне она подобного никогда не говорила.

– Как минимум заглянуть на её страничку в какой-нибудь соцсети.

– Наверняка страница закрыта, раз такое постит.

– Ладно... Надеюсь, с квестами с этого дня покончено? – строго обратился отец к дочери.

Вера мрачно кивнула:

– А на другие квесты можно?

– Где так же кроют десятиэтажным матом и бьют резиновыми дубинками?

– Есть и детские квесты...

– Да-а-а? А почему же ты на них не ходишь, а?

– Потому что они неинтересные...

– Так, разговор окончен! Если детские квесты неинтересные, на взрослые лично я как отец ходить тебе запрещаю. Понятно?

– Есть... – огрызнулась Вера и ушла в свою комнату.

Елена зло принялась мыть посуду. Сергей вышел на балкон освежиться.

Жили Дунаевы на пятнадцатом этаже нового шестнадцатиэтажного дома. Вид с балкона открывался фантастический. Зелёный массив парка культуры и отдыха, словно подарок для горожан, перевязан блестящей лентой речки. На фоне серого однообразия улиц выделяются яркие пятна облицовки торговых центров и большие рекламные щиты на фасадах высоток. Люди, сверху похожие на хлопотливых муравьёв, неспешно шли по своим делам – открыто, не опасаясь вражеских пуль, прилётов дрона или ракеты. Однако война идёт и здесь – незримая и оттого ещё более опасная, чем там, на передовой. Там понятно, кто враг. А здесь – вроде бы все свои. Вроде бы...

От мрачных мыслей Сергея отвлекла песня:

Я вообще делаю что хочу
Хочу импланты – звоню врачу (алё)
Кто меня не любит, я вас не слышу (чё?)
Вы просто мне завидуете, я молчу

Сергей презрительно ухмыльнулся:

– Какие идиоты слушают такое? Да ещё на полной громкости.

Голос дочери вырвался из открытого окна её комнаты, выходящей на ту же сторону, что и балкон. Сергей прислушался.

Я не молчу, когда я хочу
 Я не продаюсь, но за деньги – да (да)
 Мой продюсер говорит: – Ты поп-звезда–
 И, кстати, мой продюсер – это мой муж, да,

– голосила Вера, специфически пританцовывая тазом, не заметив, что в комнату вошёл отец,

Не завожу подруг, но за деньги – да
 Я не делаю фиты даже за деньги, да
 И я подумаю потом, но скажу сразу – да–
 За деньги – да, за деньги – да...

– Что это? – строго спросил Сергей, и в его серых глазах сверкнуло недовольство.

– Ой, – осеклась Вера и выключила умную колонку.

– Это – популярная молодёжная певица. Её даже в Кремлёвский дворец выступить приглашали, – услышав крики, на выручку дочери примчалась Елена.

– А ты вообще молчи! Распустила дочь...

– Между прочим, эта певица – теперь официальное лицо Минцифры и Минобразования, – Елена пожертвовала козырным тузом в раскладе своих аргументов за дочь.

Однако супруг легко его отбил своими козырными – шестёрками:

– Мне достаточно куплета этой так называемой песни, чтобы понять, что детям такое слушать категорически нельзя, а адекватные взрослые и сами подобного слушать не станут!

– Все слушают... – заикнулась было юная меломанка.

– Молчать! Моя дочь не все! Я никому не позволю воспитать из чистого светлого ребёнка, какой ты появилась на этот свет, проститутку и продажную тварь!

Вера расплакалась.

– За деньги – да, так ведь поётся? Что ещё, скажи, может воспитать такая песня?! Это – гимн Иуды, который тоже – за деньги – да!

На этот аргумент мужа Елена не нашлась, что ответить.

– Значит, так. Если ты не справляешься с воспитанием дочери, им займётся моя мама. Завтра же я отправлю Веру к бабушке Наде.

– Паааап...

– Сергей, Вера наконец-то учится в городе в престижной гимназии... А ты её снова – в деревню?

– Это не обсуждается! Если в городе для подростка слишком много опасных соблазнов, то она уедет в деревню. Каникулы скоро. А к осени посмотрим на ваше поведение.

Наутро Сергей посадил жену и дочь на поезд до Новосибирска, от которого им предстояло ещё пару часов добираться на автобусе до села, где жили его родители.

Вера была мрачнее тучи. Переживала она совсем не о том, что уезжает в сибирскую глушь. В этот приезд папы сразу всё пошло не так, как она планировала, начиная со стенгазеты. Это они с мамой должны были провожать папу на Донбасс сегодня вечером. А вышло наоборот.

– Пап, ты извини, пожалуйста, что я тебя проводить не смогу. Но... ты же сам так решил. Я очень тебя люблю

– Я тоже тебя люблю, принцесса! У тебя сейчас возраст такой, ты ещё не понимаешь, что хорошо, что плохо. А объяснить, получается, некому. Я – далеко. Мама всецело занята работой и бытом.

– По-твоему, я совсем ничего не понимаю, – обиженно проронила Елена.

– Понимаешь. Прекрасно понимаешь. Иначе бы я тебя в жёны не выбрал, а вот дочери объяснить не можешь почему-то.

– Сергей, сейчас другое время... Вера должна быть современной девочкой...

– Времена всегда одинаковы. Я знаю точно, есть незыблемые ценности – гордость, мудрость, доброта, честность, порядочность, которые никогда не выйдут из моды. Меня так воспитывали, и я буду воспитывать свою дочь именно так. Я понимаю, ты была занята переездом. Когда ты одна в незнакомом городе, это действительно трудно. Ты прекрасно справилась! Дома фантастически уютно. Но... Мы там рискуем своими жизнями ради чего? Ради

того, чтобы дома без единого выстрела были развращены души наших детей, которых ненавязчиво учат – «за деньги да»? Ради того, чтобы их неокрепшая психика была окончательно сломлена участием в полулегальных, а то и вовсе в незаконных квестах?

– Бабушка обрадовалась, что мы приедем. Пишет, руки нужны маскировочные сети плести для фронта. Она нас ждёт.

– Ну, вот и славно, – Сергей впервые за несколько дней широко улыбнулся. – Пойми, против русских в мире развёрнута настоящая война – явная на Донбассе, скрытая – здесь. Наша мужская задача – ликвидировать врага там, за красной линией фронта, ваша женская – воспитать здоровое поколение здесь. Дети – наше будущее, и сейчас именно от нас зависит, каким оно будет.

– Обещаю тебе, я научусь и сети плести, свечи окопные заливать, вязать носки... Только возвращайся живым! Я очень тебя люблю!

– Обязательно вернусь!

Иван КОБЕРНИЦКИЙ

Санкт-Петербург

ДЕЛИТЬ ШКУРУ МЕДВЕДИЦЫ

По тротуару шумного проспекта брёл третьекурсник Гавриил Иезуитов, попросту – Гавря, в меру симпатичный светловолосый парень. За его спиной висел гитарный футляр, как водится, чёрный. Иезуитов свернул налево и поднялся по ступеням на невысокую площадку. Там, за плотным кустарником, скрывалась настоящая достопримечательность Литейного. Декоративную стену будто вывезли из китайской глубинки в первозданном виде и поставили в этот закуток. Сразу и не понять, что стена искусственно состаренная. Венчавшую её покатую черепицу с трещинками, потёртостями щекотали ветви-ёршики рослых лиственниц. На голубой поверхности стены красовались девять – Гавря пересчитал – объёмных драконов, каждый в свой цвет.

Всё бы ничего, но эстетический вкус студента творческого вуза, безусловно человека искусства, коробила плитка под ногами. Одни квадраты шахматного порядка угрюмые, серые и плоские, а другие – изящные и выпуклые, из продолговатых гладких камешков. Полное несовпадение двух характеров! Что ещё хуже, напольные светильники вмонтировали в пристенный ряд без соблюдения всякой симметрии.

Иезуитов задумался и замер. Если бы рядом стоял кто-то кроме него, то наблюдатель бы подумал, что парень уснул с открытыми глазами. Но Гавря всего лишь концентрировался, глядя на драконьи когти и шнуровидные усы, напоминавшие шлейф соплей на ветру.

– Так, поменьше соплей... Прости меня! Давай начнём нашу историю заново! – чётко артикулируя, произнёс он вслух, словно на пробах перед приёмной комиссией. – Я виноват. Виноват? Пусть будет «виноват». Так, дальше... Оступился, но кто не безгрешен?! Всякое в жизни бывает.

По плану, вкупе с извинениями шла серенада на сносном итальянском. На дворе выходной, день – соседи не должны, как выражается мастер-хореограф, ерепениться. Да и этих соседей там – раз-два и обчёлся. Придётся долго ждать у парадной входящих или выходящих, чтобы попасть к её квартире без звонка в домофон. Впрочем, песня под окном даже романтичнее. Надо лишь докричаться до тлеющих угольков в сердце Алёны, пошерудить кочергой в камине – и пламя чувств вспыхнет вновь. Гавриилу представилось, как его прощают, а он осыпает щёки бывшей поцелуями.

Отказавшись от идеи достать гитару и отрепетировать, Иезуитов в азартном предвкушении направился воплощать задумку. Нагло влетевший на перекрёсток с Кирочной улицы мотоциклист вызвал каскад автосигналов. Из-за шума настрой Гаври совершенно сбился. Нахлынули сомнения. Алёна Медведева своенравна, а иногда и вовсе непробивной кремьень. Даже полтора года отношений не помогают предугадать её реакцию на извинения. Иезуитов решил для себя: если сегодня ничего не выгорит, лучше заявиться с букетом через недельку-другую. Но при условии, что не подвернётся муза получше.

В напряжённые моменты Гавре всегда хотелось курить. Он выудил из кармана ветровки вожделенную пачку, открыл её, посмотрел внутрь, с неудовлетворением захлопнул и тотчас же выкинул в урну. Двор бывшей в двух шагах, только вот ближайший магазинчик не по пути. К счастью курильщика, неподалёку, возле полукруглой арки на том же проспекте, переминался с ноги на ногу какой-то парень.

Кажется, и драконистая стена, и арка, официально называемая картами Пагодой, – части единого подарка из далёкого Шанхая. Два льва на постаменте, плохо читаемая табличка на китайском, бочонки, явно для прыжков

по ним во время тренировок с сенсеем, – Гавря пробежал мимо этого всего.

– Прости, у тебя не найдётся сигаретки? – спросил он.

– Не курю, – спокойно ответил гладколиций паренёк с неровными усиками и перевёл взгляд на охристую стену дома.

– Понятно, – протянул Иезуитов, попутно недоумевая: «И чего высматривает? Там же ни одного окошка!»

Незнакомец резко повернулся к нему, будто тоже захотел что-то спросить. Гавря пригляделся, а затем ненадолго уставился на некурящего, как на рыбку в аквариуме.

Двое узнали друг друга, хотя очно виделись впервые.

«Почему этот сморчок выглядит знакомо, а?» – спросил себя Гавриил, отводя взгляд и уходя прочь. Пришлось отместить самый очевидный вариант – нет, точно не учился с ним в одном университете. К тому же, с таким невыразительным лицом и зажатой мимикой к ним не возьмут.

Догадка всё же появилась. На истории Иезуитова заходят человек десять-одиннадцать, ну максимум – пятнадцать. Гавря пересчитывает, а ещё проверяет, кто именно, заглядывая в чужие аккаунты. Точно, пару дней назад сморчок заходил к нему. В подписках у того была Медведева... А вот другая зацепка: одноклассница выдала по секрету, что Алёна ходила с кем-то на свидание, но ей не понравилось.

«Неужели с ним? Станный выбор!»

Продолжая раздумья, Иезуитов вернулся к идее купить сигарет. Только вдруг назойливый воздыхатель ждёт не просто так и назначил встречу Алёне? Тогда уходить нельзя, надо устроить сцену! Нет, сморчок попросту сталкерит – девяносто девять процентов из ста. Видимо, до дома провожал. Или откуда-то знает адрес. Но в таком случае у Пагоды тереться бессмысленно...

Один процент вероятности не давал покоя. Лучше не медлить! Гавря направился под окна Медведевой. Судя по звуку пошаркивающих шагов, сморчок увязался за ним. Зрители? Хорошо! Профессионалы любят толпу. Гавря сбавил ход – ему вновь стало не по себе. Бог с ней, с серенадой, пусть сталкерюга слушает и развивает вкус. Просто

Алёна могла что-то разболтать о его «проступке» – любит она делиться сокровенным с кем попало, есть такой грешок. Однако извинения касаются только их двоих. А соседи? Ну, соседи не в счёт. Пусть гадают, за что раскаялся.

Иезуитов обернулся. Сморчок неумело дёрнулся и покраснел. Не вести ему наружное наблюдение.

– Чего-то хотел? – спросил Иезуитов.

– Эмм... нет. Точнее – да. Слушай, ты же Алёнин бывший?

Детское лицо «шпиона», контрастировавшее с грубым голосом, усиливало презрение человека искусства к нему. Явная дисгармония! Гавря надменно хмыкнул. Швырнуть бы на землю дуэльную перчатку – не зря же блистал на сценическом фехтовании.

– У тебя устаревшая информация, дружок.

В ту же секунду Иезуитов возомнил себя самым ловким охотником, который достоин получить шкуру побеждённой медведицы и ни с кем не делить её. Он ускорился, как японский синий ёж, и занырнул в ворота. Нужный двор... Перед открытием изнутри дверь нужной парадной запиликала. Гавря придержал её. Удача! Спеть можно и на лестничной клетке, а сморчок пусть глотает пыль.

– Ба! Вот это встреча! – слышался ехидный мужской возглас. Иезуитов встрепенулся: ему вообще показалось, из дома выходит бабушка.

Теперь бабушка превратилась в его одноклассника Дамира. Талант, три года переносит тяготы общаги, любимчик преподав, только фехтует так себе. Приятные черты, острые скулы, густой светло-каштановый волос, аккуратная борода после барбершопа. Внешне похож на Иисуса с европейских картин. Или же на Чезаре Борджиа. Ух, бесячие узкие штаны, на белую футболку надета чёрная кожанка с лацканами, как у смокинга...

– А ты что тут забыл? – с надрывом вскрикнул Иезуитов.

– Рёпали, – обыденно сократил слово «репетировали» довольный Дамир.

Елена АБАЛИХИНА

Москва

ОТПУСТИ, ЧТОБ Я ОСТАЛСЯ

– Ты взял бинокль?! – удивилась она. Она сидела на краю дивана в тёмной соседней комнате. Его тихая тень иногда проходила мимо.

– Да, – ответил он рассеянно.

– А почему его вообще тебе подарил отец? Ведь ты ни разу его не использовал.

– Не знаю. Может, потому что в детстве мечтал. Все равно я был рад ему на своё тридцатидвухлетие.

– Да, забавно вышло. Помню, мы ещё все не понимали, для каких нужд тебе детская игрушка.

– Ты была в бежевой юбке. Длинной, расширенной книзу. Она очень шла твоей утонченной фигуре, – он опустил-ся на другой край дивана.

– Помнишь? Забавно, – ухмыльнулась она.

– Всё помню.

– А помнишь, как мы перепутали электрички и уехали в незнакомый город?

– Так ещё и остались там на три дня, – перебил он её.

– Да. Почти не спали, всё искали какие-то развлечения или, может, ответы.

– Помню, как ты визжала на карусели, когда она только начала подниматься и умоляла остановить её, – достал он следующее воспоминание.

– Это был другой город, – нахмурилась она.

– Я знаю. Это не мешает мне не забывать об этом.

– А как ты переглядел всех котов, которые липли к тебе, когда мы были на море, помнишь? Один такой любвеобильный утащил твою порцию сосисок, – засмеялась она, и в комнате повеяло морским бризом, послышался крик чаек.

– Ты опять? Мы обсуждали это, – немного сурово произнёс он.

– Да, прости, – помещение вновь наполнил запах обычной, одинокой квартиры.

– У твоих родителей был прекрасный сад, – он вновь начал копать в прошлом. – Помнишь, как мы хотели помочь и вместо сорняков вырвали всю морковь?

– И цветы мамыны уничтожили. Помню, конечно. Мне будет... – начала она, но не договорила.

– Мне тоже. Ты знаешь. А теперь, самое главное – ты обещала положить кольцо.

– Я знаю. Оно здесь, – указала она на карман брюк, которые были на ней.

– Оно давно там. Уже десять лет, – спокойно ответил он.

– Почему все эти десять лет ты просишь меня его выбросить? Почему ты хочешь уйти? – вспыхнувшие глаза рассеяли темноту.

– Потому что хочу остаться. Перестань, – он прикрыл глаза ладонью.

– А вещи? – забеспокоилась она, когда он подошёл к выходу.

– Только бинокль. Он всегда со мной был, хоть и без применения. Остальное выброси, пожалуйста.

Она погасила свет глаз. Протёрла с подоконника соль, залежи которой ежедневно пополнялись в течение десяти лет. Открыла окно и выбросила в него кольцо. Он ушёл, но остался с ней навсегда.

Михаил РОЩИН

Касимов

ПОПУТЧИК

Василий уже несколько минут слушал звук двигателя. Прогревал. Мыслей в голове почти не было.

Он глянул по зеркалам – чисто. Выехал на дорогу, щёлкнув предварительно поворотником. Но ввиду полного отсутствия движения этот манёвр никто не оценил, а поворотник, пытаясь показать свою важность, продолжал моргать, и моргать, и моргать.

«Пакет отвёз, пакет забрал. Теперь домой», – с облегчением подумал Василий. Это первая вмятина и, главное, радостная мысль, которая появилась за последние несколько часов. Вместе с ней пришло ожидание семейного ужина вместе с Мариной, он вспомнил про приготовленные ему в дорогу котлету и кусок хлеба в неплотно закрытом контейнере в глубинах портфеля, которые так и не успел съесть. Про полупустой термос с крепким чаем. И про предстоящую дорогу сквозь февральскую лесную мглу.

Сейчас поесть – не главное. Сейчас главное – соблюдать осторожность. Короткая дневная оттепель разморозила весь город, но к ночи должно опять заохладеть и есть риск гололедицы. Успокаивало, что трасса находилась в приличном состоянии – по пути Василий видел, как пескочув исправно сыпал подмёрзший асфальт песчано-солевой смесью.

На самом выезде из города он притормозил на перекрёстке. Обметённый ледяным дождём светофор устало моргал жёлтым глазом, передавая все свои обязанности

одинокому белому треугольнику в красной окантовке. «Уступи дорогу».

Василий послушно посмотрел в одну сторону, потом в другую. Кругом ни души. Одинокими казались даже уличные фонари, горящие через один. Время тоже замёрзло в этом ветреном вечере.

«Семёрка» послушно набрала скорость, завернула в нужную сторону и всё-таки отщёлкнула поворотником, который до этого момента продолжал моргать оранжевым сигналом. Как будто прощаясь с этим светофором и этим крохотным городишком.

Фары внезапно выхватили из сумерек чью-то фигуру. Мужчина в тонком пальто и старомодной заячьей шапке стоял на обочине с развёрнутым плакатом. С такими ещё выходят на разные митинги и шествия. Здесь же значилось только одно слово – «Касимов».

Что-то кольнуло внутри. Человек не на митинге и не протестует против всякой глобализации и сохранения лесов. Он просто хочет добраться до нужного места, а сделать это не на чем. Может, такой же командированный, просто подготовился заранее. Намалевал здоровенный плакат из половинки ватмана – так всяко удобнее, чем просто рукой махать. Хорошее решение, рациональное.

Василий притормозил, прижался к обочине. Посмотрел по зеркалам – мужичок не заставил себя долго ждать, развернулся и потрусил к машине. Распахнул, наклонился внутрь, выдыхая пары, перегретые алкоголем.

– Подбросишь, земляк?

А потом, не дожидаясь ответа, быстренько сложил плакат четверо, засунул его в свой потёртый кожаный портфель. Запрыгнул на переднее сиденье, поставил портфель в ноги, споро пристегнулся и, как прилежный школьник, сложил руки на коленях. Сияющее розовое лицо повернулось к водителю, выражая полную готовность к путешествию.

Василий лишь пожал плечами и выехал на дорогу. Такая дурашливая манера поведения его если не раздражала, то казалась странной. Вроде бы взрослый мужчина, а ведёт себя как ребёнок.

Попутчик расслабился, сел поудобнее и довольно потёр замёрзшие руки.

– Ох и хорошо, что ты остановился. Я уже час тут торчу, хоть бы кто притормозил.

Василий окинул его взглядом и вновь уставился на дорогу.

– Не самое удачное время для попутков.

– Да до города надо добраться, а своей машины нет.

– Командировка, что ли?

Попутчик пожал плечами, на мгновенье замер.

– Да вроде того. А теперь смотри, ты остановился. Это ж радость какая! Ты не против, если я выпью чутка? А то никак не согреюсь.

И, опять же, не дожидаясь ответа, наклонился к портфелю и достал початую бутылку коньяку. Приложился прямо к горлышку, сделал большой глоток.

– Коньяк в таком случае – это лучше всего. Будешь?

А потом, спохватившись, начал сам себе объяснять.

– А, ты ж за рулём. За рулём никак нельзя. Наверное, поэтому у меня и машины нет – коньяк просто люблю.

Он спрятал бутылку обратно, но горлышко с завинченной пробкой вызывающе торчало наружу. Сколько на этикетке было звёзд, Василий не рассмотрел.

– Это вы хорошо придумали – плакат написать.

Мужичок стянул меховую шапку с торчащим правым ухом – отвязался шнурок – и положил её на колени.

– Да, это давний способ. Когда ещё по снабжению работал, часто в командировки мотались с коллегой. У него и подсмотрел.

Потом попутчик расстегнул верхнюю пуговицу пальто, достал из внутреннего кармана платок и вытер шею. Василий ожидал ощутить запах застарелого пота, но ошибся.

– Эх и хорошо же у тебя печка греет! – радостно выпалил мужичок и наклонился поближе к приборной панели. – Прямо Ташкент!

– Что есть, то есть.

– А курить у тебя в машине можно?

Мужичок распаялся после алкоголя, и душа требовала продолжения праздника.

Василий ещё раз мельком окинул его взглядом. На курящего он был совсем не похож. Слишком жизнерадостный, слишком розовощёкий. Да и застарелым табаком от него не пахло. Оно ведь как обычно бывает – у курильщиков пальцы жёлтые, зубы жёлтые, кожа тоже. Одежда и волосы пахнут смолой и никотином. Опять же, подмокшая шапка должна была впитывать запахи похлеще любой губки.

И тут до него дошло. Попутчик намекал на остановку, хотя проехали совсем недалеко. А останавливаться на пустой дороге по просьбе незнакомого человека, который, возможно, не совсем тот, за кого себя выдаёт... Зимой, вечером, когда никто уже не ездит. Это было странно.

– Пока не остановлю. Домой надо побыстрее.

Попутчик сделал понимающее лицо и несколько раз глубокомысленно кивнул.

– Хорошо, когда дома ждут. Да?

* * *

Ночь опустилась окончательно. Редкие попутные деревеньки радовали столь же редкими фонарями, которые окрашивали зиму в желтизну. Сами деревеньки уже давно отдыхали от дневного света, уступившего призрачному мерцанию звёзд.

Когда оставили позади очередной посёлок, попутчик вдруг заёрзал. До этого сидел спокойно, вслушиваясь в магнитола с «попсой из девяностых», как её окрестил Василий. А теперь, словно очнувшись от пьяного забвения, потёр пальцами запотевшее стекло и жалобно посмотрел на водителя.

– Остановиться бы где, если не против.

Василий был против. Очень против. Причин было всего две. Первая – его ждала дома беременная Марина. Ждала уже час назад, а он задержался на последней точке маршрута. Задержался, надо сказать, не по своей вине – кому-то вдруг удалось потерять документы, приготовленные для курьера. Для Василия. И этот кто-то потратил долгие минуты, заново распечатывая бумаги, потом заверяя их у начальства и разыскивая круглую печать. Ведь всем из-

вестно, что бумага без круглой печати – филькина грамота. Василий только успел позвонить супруге и сказать, что задерживается, как телефон недовольно крикнул и предложил «немного подкрепиться». Зарядного устройства в машине не было. Был портативный аккумулятор, который всегда лежал в бардачке на подобный случай. Вот только случай возник не впервые, и заряда в пауэрбанке совсем не осталось. И поэтому телефон время от времени издавал плачущие звуки, взывая к хозяину. А тот не спешил тратить последние проценты энергии на звонок – вдруг возникнет какой-то крайний случай, а будет уже поздно.

Вторая же причина была глубже и важнее. Недоверие. Попутчик на пустынной трассе не внушал спокойствия, чувство собственной безопасности шептало Василию на ухо: «Нельзя останавливаться по просьбе. Вдруг там кто-то поджидает? Нельзя, слышишь!»

И Василий продолжал давить на педаль акселератора.

Попутчик же повторил просьбу. Тихо, настойчиво, положив для наглядности руку себе на пах и демонстративно сжав колени.

Василий сдался. «Ну какая тут, к чёрту, засада? Он ведь не знает, где я планирую остановиться».

Через километр он, включив поворотник, прижался к обочине и остановился у автобусной остановки, рядом с покосившимся указателем.

Попутчик широко улыбнулся. Достал бутылку ещё раз, сделал большой глоток. Потом натянул шапку и выбрался на улицу.

Свет фар желтил всё вокруг. Василий ждал, вцепившись в руль, то и дело поглядывая по зеркалам. Тревога в мыслях нарастала в геометрической прогрессии.

Совершенно пустая трасса, полусгнившая автобусная остановка возле поворота на заброшенную деревеньку да неизвестный пьяный попутчик, исчезнувший где-то в полумраке.

Минуты растянулись слишком сильно. Василий достал мобильник, посмотрел на время. Заряд аккумулятора предательски уменьшался, сигнал едва пробивался, и шанс спасительного звонка была чуть больше невозможности.

Дверь внезапно распахнулась и попутчик, пыхтя, забрался на сиденье. От него тянуло свежим табачным дымом и коньяком, вперемежку с холодным и почему-то сырым воздухом. Тем самым, который заставляет одежду и волосы впитывать все запахи, превращая их в вонь.

– Ну и каток там! Ты только представь, скользко, как по зеркалу ходить.

И только сейчас Василий обратил внимание на ненормальный блеск асфальта. Отражался свет фар, искорки снега и звёздного света. Весь лес вокруг впитывал эту трепетную иллюзию.

Попутчик пристегнулся, вновь стащил с себя шапку и вопросительно повернул голову: «Поедем?»

Василий попробовал тронуться. Сказывались нервы – он нажал на педаль слишком резко. Машину дёрнуло вперёд, а потом начало тащить боком. Только выровняв рулевое колесо, удалось дать правильное направление и медленно набрать скорость.

– Надо аккуратнее быть. Резина-то у тебя, похоже, не новая, – пробубнил попутчик себе под нос.

И тут мимо них на большой скорости пронеслась какая-то шальная машина, обдавая гулом и солёными брызгами песчаной смеси.

* * *

– Ну, так а ты зачем в Касимов едешь?

Попутчик при этих словах вновь откупорил бутылку и присосался к горлышку. Ёмкость опустошилась уже на треть.

– Я из командировки. Документы забирал. Начальство велело, – Василий сделал паузу. Нужно ли говорить, что под «начальством» он подразумевал бывшего одноклассника. Тот быстро поднялся после школы, а его взял к себе программистом. Но прямых обязанностей у Василия не было. Так, мальчик на побегушках. Принеси, подай, отвези, забери.

Попутчик понимающе закивал головой, не отводя взгляд от дороги. Хотя Василию показалось, что он вдруг проник в его мысли.

«Может, и правда чего выжидает?»

– А дома жена. Беременная, – осторожно добавил он. Будто стыдясь чего-то. То ли своего страха, то ли просто хотел казаться кем-то другим. Вроде как маленьким человеком, с которого и брать нечего, и дома такая ситуация, что вот, мол, рожать и кормить надо, самим едва хватает.

А попутчик знай себе в стекло глядит. Иногда в зеркало заднего вида. И, совсем уж редко, поглядывает на Василия. Может, оценивает.

– А вы чем занимаетесь?

– Да так, всякое разное. Тоже, считай, с людьми. Страховки всякие, риски. Поддержка иногда. Мура и тоска. Одна радость – коньячку в хорошей компании выпить. Будешь?

И вроде бы забыв, что Василий за рулём, протянул в его сторону бутылку.

Тот же, отвлекшись на этот жест, едва успел заметить приближающиеся в ночи габаритные огни. Красные огоньки мелькнули и выросли в большую фуру.

Кабина торчала в кювете, а сам прицеп опасно накренился вправо. Ещё чуть-чуть, и ляжет набок. А тогда уже либо вытягивать другим грузовиком, либо охранять от мародёров. Или и то и другое сразу.

Василий сам не понял, зачем, но сбавил скорость и остановился чуть поодаль. Включил аварийку и вышел из салона, предварительно заглушив двигатель и забрав ключи с собой. Лучше быть уверенным, что сможешь уехать на своей же машине, а не ловить попутку где-то посреди лесов, на пару с водителем грузовика.

Тот стоял возле переднего колеса и изучал сложившуюся ситуацию. Светил фонарём под тягач, обходил то с одной стороны, то с другой. Куртка поверх тонкой майки намекала, что он только совсем недавно выскочил из салона.

Василий подошёл ближе и получил пучком света прямо в лицо.

– Нужна помощь?

Водитель застыл, потом мотнул головой. Коротко, не сводя взгляда.

– Ко мне уже выехали, с минуты на минуту будут здесь.

– Ну, если такое дело...

Василий поправил куртку и сделал ещё шаг, приглядываясь к грузовику.

Хозяин фуры отступил к водительской двери, открыл её и достал из-под сиденья обрез. Взял курок и недвусмысленно повернул ствол в сторону незваного гостя.

– Не подходи.

Гость застыл. Теперь его взгляд был прикован к тёмным отверстиям двух стволов. Он не знал, что делать дальше, – на прицеле находился впервые в жизни.

И тут со стороны машины раздался голос попутчика, который даже не удосужился выйти, а лишь только опустил стекло на своей дверце.

– Поехали! Он и без нас разберётся, – потом выглянул изнутри, всмотрелся в дальнобойщика: – Правильно, Серёга?

Тот вздрогнул, потом поднял обрез на уровень груди, застыл изваянием. Прицел ствола плавал между Василием и попутчиком.

– Кто послал? Говори!

Василий не нашёлся что сказать. Он только поднял руки с раскрытыми ладонями да так и застыл, боясь выдохнуть. Но пар спазмами вырывался наружу и туманился в свете фар.

– Серёг! Ну брось пороть горячку. Ты ребят вызвал, но они пока ещё до тебя доберутся. Это же сколько времени пройдёт? – попутчик на секунду замолчал. – Сорок семь минут примерно. Ты лучше забирайся в кабину и погрейся, а то холодно нынче. Заболеешь.

– Откуда ты меня знаешь?! – крикнул мужик. Дуло предательски задрожало.

Попутчик соизволил, наконец, открыть дверь и вылезти наполовину из машины. Было слышно, как он сделал шумный глоток из своей бутылки, потом чиркнул зажигалкой и выдохнул табачный дым.

– Работа у меня такая – знать то, что никому не дано. Ты послушай меня, ладно? Тебе же нужно до дому добраться через два дня, так не порть себе жизнь. А мы поедem, не будем тебя нервировать.

И потом, после очередной затяжки.

– Да, Вась? Мы ведь поедem?

Василий медленно попятился назад, к машине. На ощупь достал из кармана ключи, открыл дверцу и забрался на сиденье. Всё это – под прицелом самодельного обреза двенадцатого калибра.

Завёл двигатель, включил поворотник и медленно выполз на трассу.

А водитель фуры отражался в зеркале, удаляясь из виду и продолжая держать машину на мушке. Через минуту он исчез в ночной мгле.

* * *

Василий вцепился в руль, сросся с ним, боясь выпустить из виду дорогу. Он автоматически, не думая, переключал передачи, нажимал на педали, а в мыслях застыло нацеленное в грудь ружьё. Обычное, охотничье – таким ещё пользовался отец, когда ходил на охоту. В памяти осталось, что «пятёрка – это на уток». Старые весы, которыми отец отвешивал порцию пороха, мерный стаканчик для дроби, пыжи и капсули. Отец всегда тщательно готовился к этим двум дням открытия охоты, а маленький Вася сновал рядом и внимательно наблюдал за процессом заряжания.

Это потом стало немодным изготавливать патроны самому. Они появились в продаже, любого калибра, содержимого и назначения. А отец перестал ходить на охоту вообще.

– Да чего ты так напрягся? – попутчик отхлебнул из бутылки. Странно, но она всё никак не кончалась, а разговорчивый пассажир не превращался в упившееся до состояния валенка существо. Всё так же трезво рассуждал, не переставая, однако, дышать на весь салон коньяком.

– Это ружьё было. Не шутки, – ответил Василий, продолжая следить за дорогой. Мнение попутчика ему было не важно.

– Он бы всё равно не выстрелил. Обрез не заряжен.

– А ты-то откуда знаешь? – огрызнулся Василий, незаметно для себя перейдя на «ты». Хотя дружеских эмоций к попутчику не испытывал совсем.

– По глазам видел, – ответил пассажир, а потом многозначительно добавил: – Очень многое о человеке могут сказать глаза.

Машина въехала в небольшую деревеньку, вновь появились редкие блёклые фонари и свет в окнах занесённых снегом домишек.

– И что же ещё можно сказать о том дальнобойщике?

Попутчик спрятал бутылку в портфель и уставился за окно.

– Да не о нём разговор. Он – дело прошлое, и вы больше никогда не встретитесь. А вот за будущее надо подумать.

– В смысле?

– В смысле остановиться и перекурить. Мы же не очень спешим, по такому-то гололёду? Да и тебе не лишним будет ноги размять, а то вон напрягся весь, чуть только пальцы не сводит.

Василий только сейчас ощутил, насколько сильно он сжимает рулевое колесо. Вдохнул, расслабился, потом включил поворотник и съехал с дороги к маленькому сельскому магазину.

– Только давай недолго. Меня дома ждут.

Попутчик достал из кармана пачку сигарет, щелчком выбил одну и с улыбкой, выбираясь на улицу, ответил:

– Знаю.

На пустой дороге, аккуратно над старым пешеходным переходом, висел и моргал жёлтым глазом светофор. Само его наличие здесь казалось странным. В заброшенной деревеньке, где даже обычной разметки не осталось, – и вдруг работающий светофор.

Василий тоже выбрался наружу и начал ходить возле машины. Глядя то себе под ноги, то на лобовое стекло, а иногда поднимая глаза на попутчика.

Он же стоял, застыв, и изучал мигающий жёлтый. Неспешно курил, выпуская в замёрзший воздух струйки белёсого дыма. Иногда поднимал голову и застывал, всматриваясь в звёзды.

– Ну, не всё ещё?

Василий начал терять терпение.

«Ехать ещё почти час, а дома Марина одна, и завтра на работу опять».

– Подожди. Ещё тридцать секунд.

«Тридцать секунд? Что они изменят?»

Попутчик отправил окурок в темноту, а сам двинулся на проезжую часть. Точно в этот момент из-за поворота выскочила машина.

Водитель гнал быстро, намного превышая любые ограничения. Двигатель ревел, но звук его терялся среди холодной ночи.

И только теперь Василию стало понятно, что должно случиться в следующие секунды.

Попутчик развернулся лицом к мчащейся машине, раскинул руки в стороны, будто повис на распяты, и закрыл глаза от режущего света.

Визг тормозов. Звонкий шлепок, торчащее зеркало цепляет стоящего посреди дороги мужчину по ладони, потом машина виляет, едва не вылетая с трассы, выравнивает ход и исчезает в темноте.

– Ну вот и славно. Может, что-то переключится... – пробормотал он себе под нос.

Потом начал сжимать кулак, разминая пальцы правой руки. Пьяно добавил:

– Хорошо, что не сломал.

Развернулся к Василию, широко и добродушно улыбнулся.

– Ну что, поехали дальше?

* * *

Далеко они уехать не смогли. В конце деревни, под фонарём, стоял человек и отчаянно махал руками. И, стоя, он вполне явно раскачивался из стороны в сторону.

Василий взял было влево, чтобы объехать это живое препятствие. Мало ли что может случиться? Если кому-то нужна помощь, то вполне можно постучаться в любой дом этой забытой богом деревушки. А останавливаться посреди ночи совсем не хотелось.

Но попутчик едва заметно тронул его за плечо.

– Мне кажется, им надо помочь.

– Им? Кому? Я вижу только одного, – возразил Василий. Но тем не менее прижался к обочине, включил сигнал аварийной остановки. Потом, не выходя из машины, повернулся к пассажиру.

– Может, сам хочешь разузнать? С меня хватит того мужика с ружьём.

Попутчик пожал плечами, потом отхлебнул глоток из своей бесконечной бутылки и выбрался наружу. Ушёл за машину, слегка пошатываясь.

Василий сидел и ждал. Время тянулось бесконечно, гораздо медленнее, чем во время предыдущей остановки. Мысли мешались с желанием включить первую скорость и оставить всё позади.

«Притащит сейчас страждущих, а мне потом разгребать».

Он выжал педаль сцепления, медленно передвинул рычаг. Подумал, борясь с собой и соблазном. Вернул нейтралку. Вновь поставил в первое положение. И только собрался тронуться, как пассажирская дверь распахнулась.

Внутри ворвался запах перегара, а потом уже голос.

– Там помощь нужна. Человека сбили, надо в больницу отвезти.

«Блин!»

Попутчик пристально посмотрел Василию в глаза, а через долгую секунду улыбнулся и исчез.

Минуту спустя он уже затаскивал на заднее сиденье пострадавшего.

От него несло перегаром намного сильнее, и совсем не коньячным, а каким-то дешёвым спиртным. Мужик стонал, держась за ногу, и деланно закатывал глаза. А оставшийся снаружи – тот, что ловил попутку, – давал спешные указания. До Василия доносились отдельные слова и фразы.

– Там через два километра поворот... потом направо сверните, больница будет... В травмпункте врач должен быть... Мне нельзя туда...

Попутчик забрался на пассажирское сиденье.

– Слышал? Через два километра свернём, там начинается местный райцентр. На краю больница, за деревьями. Сбоку приёмный покой и травмпункт. Давай отвезём, тяжесть с души снимем. А?

Последнюю фразу он говорил уже с нотками прошения в голосе.

«Ему-то что? Его никто дома не ждёт, наверное».

Василий чертыхнулся и включил передачу. Выбрался на скользкую дорогу, пристально вглядываясь в ночь. На больницу наверняка должен быть указатель.

* * *

Вдвоём они затащили пострадавшего в коридор, усадили на деревянную лавку возле стены. Листочек, распечатанный на принтере, был приклеен клейкой лентой к двери и сообщал, что «Травмпункт» здесь. Василий постучал.

Кто-то засопел за дверью, потом она распахнулась, и немолодая медсестра выглянула в коридор.

– Чего ломитесь?

– Да тут это, – растерялся Василий, – человека сбили на дороге.

– Живой, ходить может? – быстро сориентировалась медсестра. Василий уставился на страдальца. Поношенный мужик с пьяными глазами развалился на скамейке и почти заснул. Вытянутые джинсы, грязные промокшие кроссовки и потёртая куртка. Явно не по погоде одет. Попутчик уже был возле выхода, возился с пачкой сигарет, явно намереваясь покурить на улице.

– Ну вроде не помирает.

Женщина махнула рукой: заводи.

Василий растолкал пьянчугу. Тот осоловело разлепил глаза, потом поднялся и, опираясь на косяк, вошёл в кабинет.

– И ты тоже заходи. Сейчас данные запишем.

– Но я его даже не знаю! На дороге подобрали.

Медсестра насупилась.

– Если что, то я ментам так и скажу – сбил, привёз и уехал. Вмиг отыщут.

- Да не я его сбил. Говорю же, на дороге подобрали.
- Давай-давай, заходи.

Беседа получилась недолгой. Мужик сам рассказал, как всё случилось, с Василия для порядку вытребовали номер мобильного, а после уже пришёл доктор. Устало посмотрел, пощупал ногу. Согнул несколько раз, постучал по коленке. Потом вынес вердикт: «Простой ушиб», – да и был таков. Ушёл досматривать очередной беспокойный сон.

Медсестра выдала справку об обращении, выставила их в коридор и вновь заперлась внутри.

Мужичок уже почти проснулся и теперь, оставшись с Василием в коридоре один на один, как-то замедленно поднял глаза. После чего привычным жестом щёлкнул себя пальцами по шее, вопросительно подняв брови.

– Не, я не пью. За рулём, – ответил он и направился к выходу. Мужичок потрусил следом.

Выйдя на улицу, они обнаружили попутчика, курящего и мирно попивающего коньяк прямо на ступенях больницы. Он дружелюбно протянул мужичку бутылку, тот запрокинул её вверх, вливая в горло ароматный алкоголь. Потом крикнул, вернул бутылку и, довольный, двинулся в темноту.

– Всё? Всех спасли? – пробурчал Василий, забираясь в машину.

– Ну ладно тебе. Человеку же помогли. Это нужно иногда делать, знаешь ли.

– Меня жена дома ждёт, а я тут алкашей по больницам развожу. Ты считаешь, это нормально?

Попутчик спрятал бутылку в портфель, посерьёзnel и пристегнул ремень.

– Ну, а теперь поехали. Жена твоя в порядке, не сомневайся. А тебе самому ещё кое-что предстоит. Так что соберись.

Василий развернулся к нему, всмотрелся в тёмные очертания лица.

- Т-т-ты что-то про неё з-з-знаешь?

Попутчик сдержанно улыбнулся. Теперь на лице и в повадках не было и следа пьяного человека.

- А я ведь совсем забыл, что ты начинаешь заикаться, когда нервничаешь. Давай, заводи и поехали. Время не ждёт.

* * *

Василий достал телефон, мельком глянул на экран. Батареи осталось два процента, а связи не было вовсе. Звонить бесполезно.

Краем глаза посмотрел на попутчика. Тот с серьёзным лицом следил за дорогой, время от времени отхлёбывая из бутылки. Та, наконец, почти опустела.

Сделал последний глоток, после чего закрутил крышку и убрал тару в портфель. Повернулся к водителю и долго смотрел в упор.

Василий кожей ощутил внимание, но не отреагировал. «Лучше не подавать виду, что нервничаешь». Он слышал такое по телевизору: когда попал в экстренную ситуацию, нельзя волноваться и паниковать. А как иначе, когда какой-то неизвестный человек напрямую указывает тебе, что делать? Причём, происходит это не где-то в общественном месте, а в машине, на пустой дороге, ночью посреди зимы. И что нужно этому человеку – до сих пор неведомо. Одно ясно – командировка была отговоркой.

Попутчик тем временем присмотрелся к дороге, потом поднял руку и каким-то вялым жестом указал в сторону.

- Сейчас будет остановка. Нужно подождать.

– Да какое, на хрен, подождать?! – не выдержал Василий. – Мне домой надо, у меня жена б-б-беременная! Я тебя отвезу, куда скажешь, и расходимся.

- Мы останавливаемся.

Он сказал это тихо, беззлобно. Но с той интонацией, против которой спорить бесполезно. А в довершение своих слов дёрнул рычаг переключения передач.

Автомобиль захрипел, дёрнулся и заглох, скатившись к обочине. Попутчик выдернул ключи из замка зажигания и вышел на улицу. Встал возле открытой двери, достал сигареты и прикурил.

Василий выбрался следом. Свет фар был тусклым, и аккумулятору надолго не хватит.

– Ну послушай. Давай уже поедem, а? Мне действительно надо быстрее, я даже позвонить не могу.

В дополнение к его словам телефон в салоне последний раз жалобно пропищал и отключился, моргнув на прощание картинкой разряженной батареи.

Попутчик кивнул, выпуская дым в морозный воздух. Потом отвлёкся от созерцания черноты леса и уставился на Василия.

– Я лучше знаю, что тебе нужно, поверь. С женой всё будет в порядке, вот увидишь. А тебе нужно подождать.

Мимо них на большой скорости промчался автомобиль. Может, и показалось, но Василий был почти уверен – эта же машина обгоняла их в деревне, когда сбили несчастного пьяницу. И тогда же у неё отвалилось правое зеркало заднего вида, зацепив попутчика по руке.

Водитель ненадолго притормозил, всматриваясь. Но останавливаться не стал, исчез в ночи.

Попутчик докурил, щелчком отправил окурок в сугроб, а потом спокойно протянул ключи.

– Давай, заводи. Его надо было пропустить – спешка до добра не доводит. А теперь поехали.

Совсем сбитый с толку Василий забрался на сиденье. Попробовал переключить скорость – вроде работает. Двигатель завёлся легко.

Попутчик тоже уселся, пристегнулся.

– Ты, главное, меня слушайся. Тогда доедешь без происшествий.

* * *

Они двигались вперёд. Аккуратно входили в повороты, ускорялись на прямых участках и притормаживали на сомнительных. Впереди оставалась ещё пара деревень, а после уже – пост ГИБДД и родной город.

Попутчик молча и бесстрастно смотрел вперёд. Не говорил ни слова, напялил свою старомодную шапку и почти не источал запаха перегара.

Вдруг впереди, после очередного поворота, показалась машина, одним краем съехавшая с дороги. Моргала пово-

ротниками, освещая дорогу вокруг себя вспышками жёлтого света. Правое зеркало действительно было отломано, передние двери распахнуты, а водитель отчаянно махал им, держа в правой руке маленький фонарик.

Василий начал было притормаживать, машину едва заметно повело в сторону, как вдруг попутчик нарушил молчание:

– Даже не думай.

Голос был преисполнен металла и впивался в мозги похлеще дрели. Педаль вновь ушла в пол, машина набрала скорость, напоследок вильнув багажником.

– Почему это? То помогаем всем подряд, а теперь – мимо.

– Это не тот человек, который сбил меня в деревне. Тот – уже мёртв.

Следующие десять минут ехали молча. Показались огни города, фонарные столбы с каждым метром освещали зимнюю дорогу всё лучше.

И тут, на разъезде перед городом, их ждал сюрприз. Кордон из полицейских УАЗов почти полностью перекрывал трассу, оставляя для проезда лишь узкую полосу асфальта. Останавливали каждую машину.

Василий подъехал к посту. Сотрудник с полосатой палкой наклонился к водительскому окошку, постучал. Позади него тёмным пятном маячил омоновец в полном облачении и с автоматом наперевес.

– Проверка документов.

Василий потянулся к бардачку, чтобы достать права, а попутчик вдруг распахнул дверь и вышел наружу. Тотчас на него нацелилось дуло автомата, а полицейский скомандовал: «Живо на место!»

Но случилось обратное. Попутчик полез в карман и шустро достал удостоверение в красной обложке. Предъявил его полицейскому, тот поспешно отдал честь, и они обменялись несколькими фразами. Затем он забрался обратно, стянул шапку и, довольный, расстегнул верх своего пальто.

– Ну, теперь можно ехать. Всё в порядке.

Василий не решался тронуться, пока ему явно не указали направление полосатой палкой. Он свернул в сторону города, совершенно сбитый с толку увиденной сценой.

– Может, объяснишь, что происходит? Ты кто вообще такой?

Попутчик довольно хохотнул.

– Конечно. Ты только до вокзала меня довези, а я тебе расскажу.

* * *

Василий ехал медленно. И с каждой минутой понимал, что верит всё меньше, а верить хочется всё больше.

– Вот прикинь, работа, да? Всё страхую людей, страхую, а они никак не понимают. Знаков не видят. На тебя тоже заказ пришёл. Я вообще сюда редко спускаюсь, всё больше на удалёнке. Но никак не мог отказать себе в хорошем коньяке – у нас наверху такого не держат. Попросили за тебя, знаешь ли. Хорошо попросили, от души. Редко такое бывает. Ну и отправили вниз, работать в полевых условиях, так сказать. Я ведь и дистанционно всё могу сделать, только время растягивать не умею. И никто не умеет, знаешь ли.

Окна в машине начали запотевать, несмотря на работающую печку. Вся трёхчасовая поездка пронеслась перед ним заново. А попутчик всё говорил, и говорил, и говорил...

– Тебя притормозить надо было. Если не задержать, то вместо той фуры ты бы с дороги вылетел. Есть, знаешь ли, на пути опасные участки. Там энергетика плохая, или ещё как ни назови. Не моё ведомство, точнее не скажу. Но одна из машин там бы вылетела, и, окажись твой черёд – висеть тебе, упокойному, головой в дереве. Или вообще без головы. Дальше – больше. Пьяниц этих пришлось привлечь, чтобы малой кровью отделаться. Он ногу ушиб, я с ним коньяком расплатился, а иначе вы бы с той иномаркой зацепились. А на льду это опасно, жена бы тебя опять не дождалась. И травматологу в той больничке пришлось бы ох как несладко. И ему, и реанимации, и всем остальным. Тому-то, другому водителю, терять уже нечего было. Рассказать про него?

Василий медленно кивнул, не сводя взгляд с дороги. Мыслями он был совсем в другом месте.

– Вот представь, каково ему было – живой, здоровый мужик, а узнаёт, что осталось ему всего пару недель на этом свете. Расстроился очень, гнать начал, чтобы ум в норму привести. Да посадил ещё невесть кого по пути. Цели-то он своей добился – влетел со всего размаху в дерево. За него не просил никто просто, а без просьб наше ведомство не работает.

Попутчик замолчал на секунду, набрал воздуха в грудь, потом шумно выдохнул. Окна запотели ещё сильнее.

– А вот пассажир его – с ним-то и не следовало встречаться. Он по всем раскладам должен был тебе достаться. Посадил бы ты его, а потом он тебя где-нибудь по пути прирезал, машину забрал, да и гнал на севера, покуда бензину хватит. Ты ведь радио не слушаешь, всё у тебя попса твоя любимая играет. А так знал бы, что не следует случайных пассажиров брать. Опасно это очень... Колония тут рядом.

Он опять шумно вдохнул.

– А его поймают теперь, я ориентировку дал. Пусть менты думают, что я действительно полковник, хе-хе.

Он довольно засмеялся, и Василию привиделось, что на мгновение пальто превратилось в форму с погонами, а заячья шапка с повисшим ухом – в самую настоящую фуражку.

Попутчик махнул рукой.

– Останови мне вон там, за перекрёстком. Пойду я. Покурю ещё разок и обратно в контору. Работа моя здесь закончена.

Он указал на автобусную остановку, потом шумно выбрался из салона, захватив портфель с собой. Заглянул напоследок сквозь раскрытую дверь, дружелюбно подмигнул Василию.

– Жене привет передавай. Считай, это она тебя спасла.

И громко захлопнул дверцу.

Только позже Василий заметил, что попутчик забыл на сиденье свою старую меховую шапку.

* * *

Они сидели на кухне и пили чай. Василий рассказывал жене о своих приключениях, а она молча слушала, погложивая выступающий из-под халата живот.

– А ещё он сказал, что это ты меня спасла.

Марина прикрыла глаза, и по щеке скатилась одинокая слеза. Василий отставил чашку.

– Ну ты чего? Всё ведь обошлось. Не реви, тебе нельзя нервничать.

Она встала и подошла к нему ближе. Прижала голову к своему животу, обняла руками.

– Мне сон плохой приснился. Что ты обратно едешь, и что-то страшное происходит. Я не помню что, но ты тогда не вернулся. И я молиться начала. Прямо там же, во сне. Он ко мне пришёл. Темноволосый такой, с розовым лицом. Пальто надевает и говорит: «Помогу я твоему Василию». Потом портфель взял и исчез. А там уже и я проснулась. Начала тебе звонить, чтобы не ехал в ночь, остался там переночевать, да не дозвонилась. Маялась, маялась, а потом задремала. И тут ты приехал.

Василий слушал молча. Жена никогда не была религиозной, и вдруг такое.

– Знаешь, а ведь меня, наверное, шапка подкупила. Как что-то из детства всплыло – отец в такой же ходил, я помню. И он точно так же выглядел.

Он лихо нахлобучил шапку себе на голову, улыбнулся – чего не делал уже долгое время.

Она засмеялась, утёрла слёзы и шутливо толкнула его в плечо.

– А ещё знаешь, что он мне во сне сказал? Чтобы ты работу поменял – нечего за гроши горбатиться. Ты же программист толковый, сможешь своё дело поднять. А он обещал подстраховать...

Илья КРИШТУЛ

Москва

КАРТИНКА НА ШКАФЧИКЕ

Жизнь Лепёшкина была predetermined картинкой на его шкафчике в детском саду.

Что бы он ни делал, куда бы ни стремился – он всегда утыкался в этот яркий наклеенный рисунок. На занятиях по мелкой моторике дети лепили из пластилина то, что было нарисовано на их шкафчиках, и Лепёшкин с ненавистью ваял свой дурацкий овощ, который воспитательница потом отдавала умилённым родителям. Сок из него он с отвращением пил на полдниках в садике и на завтраках дома, на детсадовских грядках ему всегда доставалась грядочка с этим овощем, а про праздники и говорить нечего – ни один маскарад и Новый год не обходился без Лепёшкина в уже очень подержанном костюмчике картинки со шкафчика. Лепёшкин пытался бунтовать – там, в садике, он ещё не знал, что с судьбой спорить бесполезно. Однажды перед прогулкой он подошёл к шкафчику с фиником, где лежали вещи Леночки Кругловой, и нагло надел на себя её платье, колготки и туфельки. Был скандал, стояние в углу, и потом Лепёшкина ещё долго водили к детскому психологу, опасаясь за его ориентацию. Психолог отклонений не нашёл, но посоветовал развесить дома такие же картинки, как и на шкафчике, «чтобы мальчик не путался в овощах и фруктах». И Лепёшкин смирился...

Все школьные годы он сидел на задней парте, в учебники не заглядывал, с одноклассниками не дружил, а постоянно

и задумчиво глядел в окно на гастроном по соседству со школой. «Куда ты всё смотришь, Лепёшкин?» – иногда спрашивали учителя, и Лепёшкин отвечал: «Вон, в гастроном овощи привезли, разгружают...» «Хоть бы книжку какую прочитал, так и вырастешь овощем...» – пророчили учителя, ставя ему тройку. И прозвище в школе у Лепёшкина было соответствующее.

После школы Лепёшкин не стал никуда поступать, отслужил в армии и, вернувшись, устроился в гастроном грузчиком. Там он познакомился с будущей женой, продавщицей из овощного отдела Наташей. Искра между ними пробежала за бутылочкой вина, когда оказалось, что Наташа ходила в тот же садик, что и Лепёшкин. И шкафчик у неё был тот же, с овощем. Они поженились, Лепёшкин даже предпринял попытку вырваться из овощного круга и пойти учиться на какого-нибудь машиниста, но проспал собеседование. Он не расстроился, он понял, что всё в его жизни предопределено.

Иногда после смены они с женой брали семечки, пару бутылок недорого вина, приходили к своему детскому саду и садились на лавочку неподалёку. Им нравилось мечтать, что бы было, если бы картинка на их шкафчике была другой. «Вот у Ленки Кругловой был финик нарисован, и она в Израиль уехала, к евреям и пальмам... Повезло дуре... Был бы у меня на шкафчике финик, я бы тоже у евреев жил...» – говорил Лепёшкин. «А у нас у Ольги Ивановой две дыни были нарисованы, и у неё грудь пятого размера выросла. Её депутат замуж взял, сучку такую. Я так хотела с ней шкафчиками поменяться, как чувствовала!» – отвечала Наташа. И Лепёшкин наливал вина.

А потом гастроном превратился в сетевой супермаркет, в него пришли грузчики из далёких стран, а Наташу повысили до менеджера торгового зала. Но Лепёшкина не выгнали. Ему выдали костюм овоща, и он ещё долго раздавал в этом костюме всякие бумажки про акции.

Он и умер там, внутри этого костюма.

Так что это был за овощ?

«Сидит девица в темнице, а коса на улице, что это, дети?» – спрашивала воспитательница. «Морковка!» –

хором кричали дети, и на сцену выходил трёхлетний Ванечка Лепёшкин в костюме морковки. С этой сцены, не снимая костюма, он и шагнул в свою длинную сумрачную жизнь...

Интересно, а какая картинка была на моём шкафчике в садике? Мама говорит, что белоснежный морской парусник с полными весёлого ветра парусами, а тёща – что серое и унылое здание Бутырской тюрьмы.

Я больше верю маме...

Ирина МИЛЧЕВСКАЯ

Москва

НОВОГОДНЯЯ ИСТОРИЯ

Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на диеты, жадных мужчин и плохое настроение.

Фаина Раневская, советская актриса театра и кино

Марина была польщена, когда на неё обратил внимание Антон, партнёр по танцевальной студии, которую она нерегулярно посещала, а в последнее время и вовсе забросила из-за работы. Антон учился в студии более десяти лет, не пропуская ни единого занятия, иногда даже заменял преподавателя. Танцевать с ним было одно удовольствие – отличная пластика, чувство ритма, отточенные движения в сочетании с темпераментом, делали его партнёрство в танце лёгким и приятным. Они оба одинаково чувствовали музыку, на ходу импровизируя движения, и смотрелись в паре очень гармонично, несмотря на то что ростом Антон был не выше стройной и худощавой партнёрши. Марина давно выделила его из всех учеников. И не только она. Всем женщинам в студии нравился Антон, и его приглашение на танец расценивалось за честь.

После танца с ним даже самая невзрачная дама, толком ещё не умеющая танцевать, была уверена в том, что на небольшой дискотеке, всегда следовавшей за уроком, она не простоит у стенки, её охотно будут приглашать и другие ученики студии. Симпатичный, образованный и харизматичный холостяк, не так давно освободившийся от не-

прочных уз гражданского брака, больше похожего на воскресный, Антон охотно общался с Мариной. Давал советы по разным хозяйским мелочам, будь то замена искрящей розетки, установка охранной сигнализации или переставшего вдруг работать холодильника. Как вечно колеблющиеся Весы Марина советовалась с ним по поводу своего романа, опубликованного на литературном сайте в интернете и в печатном варианте известного журнала. Первым читателем, цензором и критиком был Антон, мнению которого она полностью доверяла. В знак благодарности за такое участие, незадолго до Рождества, Марина, умеющая вкусно готовить, а главное – угощать гостей, впервые пригласила его на домашний обед. Вскоре Антон предложил ей встретить Новый год вместе у него дома.

По телефону обсуждались детали предстоящего праздника:

– Марина, так как мы живём в разных концах Москвы, я тебя встречу на машине у метро, только позвони мне, когда будешь выезжать из дома.

– Хорошо, спасибо, Антон.

– Я вот думаю, что украсить мою холостяцкую квартиру смогут только женские руки. У меня есть серебристый иней, сосновые ветки, гирлянды цветных фонариков, нужно только красиво их развесить. Вряд ли я сам сумею...

– Нет проблем, сделаем это вместе. Решила холодец сварить к новогоднему столу, как ты на это смотришь?

– Холодец у тебя получается отменный, до сих пор помню его восхитительный вкус. А я приготовлю селедку под шубой.

– Я тоже пару салатиков привезу.

– Договорились. Только нужно сначала мою маму захватить поздравить с Новым годом, она недалеко от меня живёт. Ты не против?

– Конечно же нет, Антон. Какой ты внимательный сын, молодец!

– Тогда прихвати ещё одну тарелку холодца для мамы. Кстати, а что ты будешь пить?

– Традиционное шампанское под бой курантов. Или вино.

– А я буду пить, как всегда, чай. Если хочешь, привези для себя бутылочку лёгкого спиртного. Мама тоже пьёт некрепкие напитки и с удовольствием составит тебе компанию.

– Хорошо.

– Ну сколько вы с ней выпьете? По паре бокалов шампанского, к примеру, а остальное заберём, когда поедем ко мне, и ты допьёшь его сама. Я трезвенник, ни разу в жизни не выпил ни капли спиртного и пить никогда не буду.

После этого разговора Марине стало как-то не по себе. Ей не жалко было вина с шампанским, которые были всегда у неё припасены для гостей, а холодец и салаты она с радостью бы приготовила для новогоднего застолья. Это даже напомнило ей студенческие годы, когда отмечали праздники в общежитии и накрывали стол все вместе. Но везти спиртное в дом мужчины, к которому впервые едешь в гости по приглашению?

На Северном Кавказе, в небольшом курортном городке, откуда несколько лет назад приехала Марина, такого кавалера высмеяли бы подруги. А самая прямолинейная и циничная из них, Люська, ещё и съязвила бы, но уже в адрес Марины: «Припрёшь мужику жратву, выпивон и себя в подарок! Какие же мы, бабы, дуры! Женщина не должна готовить и на себе тащить, это мужчина должен все организовать для неё, если уж в гости пригласил!»

«Неужели в Москве так принято, или это, скорее, элементарная скупость – не поставить на праздничный стол бутылку вина для своей мамы и гостя? – недоумевала она. – Интересно, какие чувства испытывает ко мне Антон? Похоже, что интересую его не столько я, сколько мои кулинарные способности... А нужно ли мне по-прежнему внимание этого скупого и далеко не рыцаря?»

На следующий день обсуждение встречи Нового года с Антоном продолжилось.

– Привет, Марина! Я тебе звонил пару часов назад, но ты почему-то не ответила.

– Видимо, просто не услышала звонок. В «Подружке» шумно было, а на рынке – тем более.

– На рынке – понятно, а почему тебя в магазин занесло, знала же, что сейчас там предпраздничная толчея?

– Покупала, как всегда, в канун Нового года маленькие подарки для подруг и друзей.

– Нам с мамой никаких подарков не надо, да и тебе дарить я ничего не собираюсь. Ну разве что новую зубную щётку, чтобы ты свою не везла.

Сетуя на себя за то, что невольно проговорила, Марина была неприятно удивлена. Будучи воспитанным человеком, она не понимала, как можно прийти первый раз в гости без подарка, тем более в самый главный праздник года. Это было бы просто кощунственно! Ведь важен не сам подарок, а внимание, уважение к человеку. Тем более когда впервые идёшь к нему в гости...

Она любила устраивать сюрпризы и делать небольшие подарки дорогим и симпатичным ей людям гораздо больше, чем получать их самой. И немного смущалась, когда дарили ей. Но зубная щётка в качестве новогоднего подарка выглядела просто как унижение, насмешка.

Получив приглашение в гости, Марина сразу приготовила для новогоднего вечера пару изящных свечей в виде цветков лотоса, привезённых из Таиланда. Для мамы Антона аккуратно упаковала новую дивной красоты шаль с колоритным цветочным узором в русском народном стиле, что купила летом на экскурсии в Павловском Посаде. Такую шаль Марина когда-то мечтала подарить своей маме, да не успела...

Ехать в гости вдруг расхотелось, несмотря на то что ещё несколько дней назад она рада была встретить домашний праздник с совсем недавно нравившимся ей мужчиной. Да и с его матерью познакомилась бы с удовольствием – Марине всегда было интересно общаться с пожилыми людьми. Глядя на пожилых женщин, Марина вспоминала маму, горечь утраты которой давала о себе знать и сейчас, спустя много лет после её ухода...

Накануне праздничного дня, не привыкшая лгать и не успев придумать какую-либо убедительную причину для отказа от приглашения так, чтобы не обидеть Антона, Марина вновь услышала звонок и взяла трубку:

– Я решил сегодня помыть свой автомобиль, и пачкать его потом не хотелось бы. Сама видишь, какая нынче

слякотная зима, а в районе метро, куда ты завтра приедешь, всегда лужи. Может быть, ты доберёшься ко мне сама? Ехать на маршрутке недалеко, минут двадцать, а я встречу тебя около своего дома, и мы сразу поедem к маме на моей машине.

Это новое заявление Антона стало вишенкой на торте или той последней каплей в чаше Маринино терпения, после которой остатки доброго расположения, уважения и интереса к мужчине пропадают напрочь.

– Извини, но я не приеду... мне что-то нездоровится, кажется, я заболела.

– А вдруг у тебя ковид? Не хватало ещё, чтобы ты заразила нас с мамой. Сиди дома. И с наступающим тебя Новым годом!

Трудно сказать, какие эмоции возникли у Марины после этого разговора. Но самым сильным было внезапно появившееся чувство лёгкости, словно она сбросила с ног свинцовые грузила и вынырнула из глубокого, мутного и холодного омута, в котором задыхалась и промёрзла до самых костей. Она чувствовала, что Антон не поверил ей и понял истинную причину её внезапной «болезни». Но ни малейшего стыда за вынужденную ложь и сожаления по поводу несостоявшейся встречи она не испытала.

В новогодний вечер Марина накрыла праздничный стол, заставила себя надеть красивое платье, которое совсем недавно покупала с радостью и предвкушением счастья. С грустью глядя на свое отражение в зеркале, сделала незамысловатую причёску и легкий макияж. Водрузила на новогодний стол бутылку своего любимого брyта и поставила пару хрустальных бокалов для шампанского.

«Дожилась, буду пить в одиночестве словно алкоголичка, чокаясь с пустым бокалом», – с горькой усмешкой подумала она.

Раньше Марина с приятельницами встречала Новый год в доме отдыха или на южных морях, но в этом году не сложилось. В ноябре она, как и многие москвичи, работающие по удалёнке, выезжала за рубеж с твёрдым намерением перезимовать вдали от Москвы. Но спустя всего лишь месяц ей вдруг стало очень тоскливо и одиноко в чужой

стране. Новогодняя ёлка на песчаном пляже выглядела так нелепо, а южное солнце пекло так невыносимо, что она вернулась домой инкогнито в двадцатых числах декабря, когда все её приятельницы уже определились с компанией и местом встречи Нового года. Может быть, ещё и поэтому она с радостью приняла приглашение Антона...

Стрелки часов приближались к полуночи, приглушенно работал телевизор, в углу слабо освещённой гостиной сверкала разноцветными мигающими фонариками пушистая ёлочка. Подойдя к окну и наблюдая за каскадом праздничных фейерверков в ночном небе, Марина задумалась.

Она давно не верила в новогодние чудеса, и только в самом заветном уголке её души всё ещё жила робкая надежда: а вдруг именно в этот Новый год сбудется самое главное чудо её жизни и подарится самый волшебный подарок?

– Как же быстро промелькнули годы! – с тоской прошептала женщина, прижавшись лбом к оконному стеклу и глядя на праздничные огни в окнах соседских домов напротив. – Вот и очередной Новый год, замечательный семейный праздник, а я встречаю его в гордом одиночестве.

Она досадливо смахнула с щеки слезинку, не позволяя жалеть себя.

Давно расставшись с мужем и его страной в силу межнационального конфликта, долгие годы Марина не искала встреч с мужчинами. С сожалением сознавала, что не обладает ни кокетством, ни талантом обольщения мужчин, да и некогда было устраивать личную жизнь. Сначала развал страны, война в Чечне, до которой было рукой подать, безработица. Потом болезни, старость и немощ родителей, подрастающий и требующий неустанного внимания и заботы ребёнок, огромный дом, огород и работа, работа, работа...

Их с мужем мечта о воссоединении семьи так и не осуществилась. Несмотря на то что он часто приезжал к ним в первые годы после их вынужденного расставания, жить в России не хотел, о чём предупреждал её ещё до свадьбы.

А она не могла бросить на произвол судьбы родителей. В тяжёлые девяностые годы это было бы предательством,

а о переезде не могло быть и речи: расставание с родным домом и страной стало бы для них фатальным.

Осиротев в начале нового века и узнав, что бывший муж вновь женился, Марина с уже подростком сыном переехала в Москву. Личной жизни по-прежнему уделяла внимания мало – нужно было выживать в жестоком городе и надеяться только на себя.

Крайне редко случались мимолётные романы, зато было предложение выйти замуж от достойного и одинокого мужчины. Но подросток-сын, несмотря на дружеские и доверительные отношения с матерью, был категорически против её замужества:

– Нам что, вдвоём плохо живётся? Зачем тебе чужой дядька, а мне отчим? Если выйдешь замуж – сбеги из дома.

И Марина, прекрасно понимая проблемы переходного возраста и не веря, что чужой мужчина может стать настоящим отцом её ребёнку, запретила себе даже думать о перспективе создания новой семьи в ближайшие годы.

Когда сын повзрослел и осознал свой эгоизм, Марине было уже поздно обрести своё женское счастье, как ей казалось...

Из грустных воспоминаний женщину вывел телефонный звонок. Выслушав поздравления сына из солнечной Валенсии, куда он не так давно перебрался на постоянное жительство, и тоже поздравив его, Марина наконец-то села за праздничный стол, как вдруг в дверь позвонили.

«Кто бы это мог быть? – с удивлением и лёгкой досадой подумала она. – Наверное, доставка», – и направилась к входной двери.

На пороге стоял Дед Мороз в красном бархатном наряде, с серебристым посохом в руках и мешком за плечами.

«Какой все же славный у меня сын, всегда присылает мне подарки в праздники, вот и сегодня заказал на фирме по интернету поздравление Деда Мороза, словно я маленький ребёнок», – с благодарностью подумала Марина. Но тут же молнией пронзила мысль: «А вдруг это вор, сейчас оглушит или убьёт меня и ограбит квартиру?».

И тут же решила: а может быть, это к лучшему? Чем влачить одинокое и безрадостное существование, не лучше ли умереть сразу, сейчас, без болезней и мучений?

С этой мыслью она повесила на место брелок с тревожной кнопкой сигнализации, которой, как всегда, взяла в руки, перед тем как открыть входную дверь. Дед Мороз был словно настоящий, румяный с мороза, с доброй улыбкой в седой бороде и хитрым прищуром умных голубых глаз, которые вдруг показались женщине удивительно знакомыми и не внушающими опасений.

– Здесь ли живёт девочка по имени Марина?

– Здесь, Дедушка Мороз. Проходите, пожалуйста!

– Мариночка споёт мне песенку или расскажет стишок? – пробасил Дед Мороз, войдя в квартиру и сразу наполнив её морозной свежестью, атмосферой праздника и веселья. От него исходили флюиды добродушия и давно забытого Мариной ощущения детского счастья, когда родители прятали новогодние подарки для неё под ёлкой. Она подсматривала за ними в щёлку приоткрытой двери детской, а на следующее утро изображала удивление и восторг, понимая, как приятно родителям, что она всё ещё верит в Деда Мороза!

– Давайте петь вместе, я уже давным-давно слова забыла, – с улыбкой предложила Марина.

Спев вместе «В лесу родилась ёлочка», оба расхохотались, глядя друг на друга. Страх, напряжение, плохое настроение у Марины исчезли, она наконец-то почувствовала то особенное состояние души и ожидание чуда в виде запоздавшего счастья, что бывает только в канун Нового года. Тем временем Дед Мороз достал из своего мешка коробку шоколадных конфет и букет из полураспустившихся алых роз и вручил их «девочке».

– Спасибо, дедушка! И за веселье, и за подарки. Особенно за эти прекрасные цветы.

– На здоровье, внученька! Чтобы всегда в твоей душе цвели такие розы, а главное – чтобы тебе их дарил любимый мужчина!

Окинув взглядом по-новогоднему украшенную гостиную, нарядную ёлочку и накрытый праздничный стол, Дед Мороз задержал взгляд на двух пустых бокалах и спросил:

– Шампанское будет кому открыть? Гость запаздывает?

– Нет, бабушка, шампанское буду пить я одна, как и встречать Новый год, – с грустью ответила Марина, бережно ставя цветы в вазу и вдыхая их тонкий аромат.

– Какое совпадение, Снегурочку я отпустил сегодня на бал Снежинок и тоже остаюсь в праздник один-одинёшенек.

– Думаю, в наш век, дефицитный на мужчин, всегда найдётся женщина, мечтающая встретить Новый год даже с Дедом Морозом.

– Есть одна симпатичная мне дама. Но она и не смотрит в мою сторону, только здоровается из вежливости. Марина, вы меня не узнали?

– Конечно узнала, вы – Бабушка Мороз из снежной Лапландии, – машинально ответила Марина, не поняв истинного смысла последних слов и думая совсем о другом. – Хотите, я в вашу фирму благодарность напишу по интернету за отличное обслуживание клиентов. Как она называется?

– Фирма называется «Ваш сосед», а благодарность в виде поцелуя я могу принять лично и сию минуту! – с этими словами Дед Мороз снял накладную бороду с усами и парик с красной шапкой.

– Ой, Аркадий Дмитриевич, это вы? – удивлённо воскликнула Марина, наконец-то узнав соседа. – Вы так замечательно сыграли свою роль! Настоящий артист! Так вы же собирались встречать Новый год в семье дочери, с внуками?

– Внуков поздравил, и они давно спят, а их родителям я не особенно-то и нужен, особенно в праздник, поэтому вернулся домой. Мне кажется, что в новогодний вечер такая милая и приятная женщина, как вы, Мариночка, не должна скучать в одиночестве! Поэтому я здесь. Хотя бы для того, чтобы открыть вам шампанское, ведь скоро будут бить кремлёвские куранты!

– Это вы верно заметили, шампанское мне действительно некому открыть и встречать новогодний праздник приходится одной, к сожалению... Но когда встречаются два одиноких человека, одиночество куда-то уходит. Прошу вас к столу, Аркадий Дмитриевич, скорее открывайте шампанское и разливайте его по бокалам! Будем встречать Новый год вместе!

Лирический портрет

Евгений СЕМИЧЕВ

Новокуйбышевск, Самарская область

И НЕТУ ВЫШЕ ФЛАГА...

* * *

Всю ночь до самого утра,
Чтоб не прорвались фрицы-твари,
Зенитные прожектора
По небосводу зорко шарят.

Москва военная во мгле,
Непобеждённая витает.
Генералиссимус в кремле
Стихи Есенина читает.

В окопы мёрзлые войны,
Как света солнечного вспышки,
Их затащили шалуны –
Десятиклассники мальчишки.

Пред тем, как в снег кровавый лечь
И стать навек земной рудою,
Они решились пренебречь
Своею жизнью молодою.

В окопах на передовой
Они погибли не напрасно.

В продрогшей роще под Москвой
«Горит костёр рябины красной».

Их погубил свинцовый дождь –
Взбешённых «мессершмиттов» стая...
Не спит в кремле народный вождь,
Стихи Есенина читая.

Не осуждают на войне
Всех смертью праведно крещённых.
Есенин был в своей стране
Среди поэтов запрещённых.

Мальчишки, мамины сынки,
В метельном крошewe уснули.
...К утру пришли сибиряки
И с бруствера снежок смахнули.

Флаг Родины

Мы русские.
Мы знаем.
Что русских нас роднит.
Флаг Родины над нами,
Взлетающий в зенит.

Какой восторг, смотрите!
Какой в душе простор.
Сияет на орбите
Наш русский триколор.

И доблесть, и отвага
Живут у нас в крови...
И нету выше флага
Для счастья и любви.

Лёд вековечный тает.
А гордый русский флаг

Под небосвод взлетает,
Рассеивая мрак.

И зреет в поле колос.
И ласточки парят.
И русский мир и космос
По-русски говорят.

* * *

Взвыла бешено сирена.
Где-то заложили мину.
Господи! Какого хрена
Не живётся людям мирно.

Смерть всё время где-то рядом,
В каждый дом заходит в гости.
А в заряде у снаряда
Иисусовские гвозди.

Мы живём, как на Голгофе.
Так всё это наболело.
Допиваю нервно кофе.
Озираюсь ошалело.

Невесёлая планида
У всемирного рассвета.
Смертным поясом шахида
Опоясана планета.

Во всемирной катастрофе
Все распутья, как распутья...
Допиваю нервно кофе.
Озверели люди-братья.

В кулаки сжимаю горсти
От досады и обиды.
За окном рябины гроздь
В небосвод кровавый вбиты.

В мрачных пропастях вселенной
 Мать-земля – большая мина.
 Ну, какого людям хрена
 Не живётся в мире мирно.

* * *

О, эта самовластная луна!
 Стареющей бывает и растущей.
 Как девочка влюблённая, она
 Подглядывает из небесных кущей.

То не скрывает свой лукавый взгляд,
 То прячет взор за облачной вуалью.
 Который год, который век подряд,
 Влюблённые, она следит за вами.

То серебрит осеннее жнивье,
 То крону наклонённой к речке ивы,
 И в нашем мире только от неё
 Зависят чувств приливы и отливы.

И по весне хотя бы раз в году,
 Её вселенским похождениям рады,
 И волк в лесу, и соловей в саду
 Поют о ней любовные рулады.

* * *

Над Россией, стеная в голос,
 В небе мечется птичий клин.
 Косит жатву Холера Морбус...
 Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

Просыпается бодр и весел,
 И здоров. Ай да сукин сын! –
 Отправляет письмо невесте...

Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

В том письме свой поклон для тёщи
 Шлёт, как истовый семьянин.
 Облетает лучинник в роще...

Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

Он работает, как вельможа.
 Призирая тоску и сплин.
 Сочиняет и пишет лёжа...

Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

Что задумано между строчек,
 Знает в мире лишь он один
 Да крылатый искристый росчерк...

Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

Дописав свой шедевр до точки,
 Сей сиятельный господин
 С визгом плещется в банной бочке...

Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

На коне златогривом скачет
 Вдоль родных золотых куртин.
 И восторга любви не прячет...

Пушкин.
 Болдино.
 Карантин.

Татьяна ТУНГУСОВА

г. Советск, Кировская область

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Дедушкин урок

Как будто бы я не старалась!
 Платок весь от пота промок.
 Коса моя в землю втыкалась,
 И криво ложился валок.
 Торчали вокруг непрокосы,
 Как клочья последних волос.
 Туман поднимался белёсый.
 Рассвет. Сеностав. Сенокос.
 Дед Паша улыбку упрятал
 В пушистой, как дым, бороде
 И время от времени крикал,
 Дивясь на мучения те.
 – Ровнее, не дергай, – кричал он,
 А сам далеко уходил.
 Таким оно было, начало.
 И коршун над нами парил.
 Хоть дедушка не был суровым,
 Урок навсегда преподал.
 Пусть точно не купим корову,
 Но сеном забит сеновал.

Старухи

По глухой по сторонке по шадринской,
 Где старухи векуют одни,

Не престольные катятся праздники –
 Календарные красные дни.
 И божницы, и души порушены,
 Под зерно под колхозное храм.
 Только кисти рябины засушенной,
 Бытие согревая старушечье,
 Огоньками горят между рам.
 Грамот выцветших лики по стеночкам,
 А в комодке медалей не счесть
 И ударника красная ленточка –
 Вся от Родины слава и честь.
 Деревенское пиво тягучее,
 И заправка протяжно низка.
 – По какому вы, бабоньки, случаю?
 – Просто чтоб отпустила тоска!

Жениховы

«Вы откуда, Жениховы,
 Из каких таких краев?» –
 «Там Молома, как подкова,
 Улеглась меж берегов.
 На холме умелец зодчий
 Храм поставил как шутя.
 Он сработан, между прочим,
 Без единого гвоздя.
 И для нас совсем не ново
 (С удивленьем не смотри):
 Вся деревня – Жениховы
 И еще соседних три.
 То ли воздух виноватый,
 То ли ноченьки темны,
 Но рождались пацанята
 У какой ни глянь жены.
 Васьки, Петьки, Мишки, Левы –
 Вспомнить всех не хватит дня.
 Все писались Жениховы –
 Значит, все они родня».

По деревне едут сваты –
 Кони, ленты, бубенцы...
 Жениховы не богаты,
 Но зато ума палата
 И в работе молодцы.
 Тут любая согласится
 Стать законною женой:
 Жениховых молодцы –
 Как за каменной стеной.
 Заселили пол-России –
 Где-то сват, а где-то брат.
 Жениховы – это сила,
 Если вместе их собрать!

Добрые люди

Здесь все мне до боли знакомо,
 Здесь каждый второй мне родня.
 Шуршит пересохшей соломой
 Трава под ногой у меня.
 Кивает мне тетка Анисья,
 К себе зазывает на чай.
 И первые желтые листья
 Слетают с берез невзначай.
 Душица заварена с мятой,
 Добавлен туда зверобой.
 И этим густым ароматом
 Накроет меня, как волной.
 Спасибо вам, добрые люди,
 За то, что живете в глуши,
 Где утром петух вас разбудит,
 А в речке отменны ерши,
 Где что ни сезон, то работа:
 Дрова, сенокос, огород.
 ...Пока есть дела у народа,
 Деревня – она не умрет.

Виталий ГОЛЬНЕВ

МНЕ ВЗГЛЯДА НЕ БЫЛО И СЛОВА...

Жара

Исчезает прошлое... Так всегда
 с ним бывает: сперва исчезает будущее,
 за ним сегодняшнее – туда
 в забытое, свежее, чистое, утрешнее,
 откуда молочница под окном
 кричит: «Молоко! Свежее молоко!
 Кому молока?» – и
 пропадает.
 Солнечный зайчик с котом
 обрывает игру под яркими облаками.

День пролетает – в нём был раздрай,
 мир и веер солнечных струй –
 и завершается криком: – Федя, давай,
 прясуй!

В нём ни криво, ни косо, а лишь тепло
 было и – мало какой опеки,
 и бельё постельное на крыло
 встало бы, если бы не прищепки.

Пустые вёдра, мусорные, по домам
 расходятся, и начинается вечер.
 Он длится тягучий, как мёд, и нам
 в нём хорошо и – ему. Он – вечен.

Но нельзя научиться – последних лет
совсем не знать, не ловить мышей
и верить сказочкам, на обед
под «Мишел» разламывая вермишель.

И мне жаль, что теперешнее лишено
прошлого так, что, на сердце положа
руку, под солнечный за крыльцо
веер уже не подставить лицо
ни моё, ни твоё... И – жара! жара!..

Холод

Чёрная кепочка, белые щёчки,
тенькает, сидя в лимонной ливрее,
«Зинь!» – выдаёт потихоньку звоночки,
«Зинь!» – и не вызнать печальнее трели,

«Зинь!» – всё кого-то зовёт и зовёт, и
не дозовётся никак, видно, этот
кто-то не знает, как долгие вёрсты
преодолеть, или просто не верит

этому «Зинь!», что любого анданте
много пронзительней – и не оспоришь.
Что занесло тебя, кроха, сюда, где
в зимнюю пору повсюду – простор лишь?

Зимний простор, он такой, что не просто
в нём отыскаться, гораздо ведь проще
не отзываться – мол, поздно, и поздно
горло лечить изумительной понши.

Кроха сидит в снегопаде, как в пончо
возле окна. И заносится в двери
с улицы холод такой, что мне точно
не отогреться напитком с Мадейры.

* * *

Мне взгляда не было и слова
мне не нашлось, верней, моим
словам отторгнутым, и снова
никто не повернётся к ним.

Они сложились, но не звонко.
И дай мне Бог, чтобы с утра
молилась тихо в них бронзовка
и не сходил никто с ума.

* * *

Ковылём запели степи.
Звёзды сбились на табло.
Волн взволнованные гребни
встали в небе на крыло.

Солнца на небо из крепки
плохо едет колесо.
Ясный жаворонок в небе
кучевое свил гнездо.

Спит. Ни голоса, ни взмаха.
Воет ветер на луну.
Утекает Волноваха.
Спят ромашки на лугу.

Видят солнечные дали,
но сказать им не с руки,
что им пули нагадали,
посшибав с них лепестки.

Из будущих книг

Осип БЕС (ФУФАЧЕВ)

ДАЛЕКО, НО СЛЫШНО, КАК ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ

Было тихо, и слышно, как падают листья. Деревья трогали ветвями, словно пальцами, рыжий, мхом покрытый шифер крыши, а листья ложились на подоконник и скапывались в траву. Лес притих за окном, слушая листопад. И далеко, и близко, повсюду, где только можно представить, летели, осыпались листья и оставались лежать на земле.

Толстый щенок завозился у ног, заворчал и, зевая, проснулся. Проследовал косолапо к миске, ткнулся в нее носом, фыркнул и вернулся обратно.

У маленького щенка была своя маленькая история. Сергей взял его недавно и, поскольку ничего не понимал в собаках, твердо решил, что приютил овчарку мужского пола, назвав щенка Гармом в честь мифического скандинавского пса. Точнее сказать, псом Гарма посчитала знакомая Сергея, в чем клятвенно его заверила. Именно она, не сумев пройти мимо оставленного в подъезде подкидыша, забрала щенка домой.

Вскоре знакомая разместила объявление в социальных сетях о поиске нового хозяина для своего питомца, его и увидел, вернувшись под утро из бара, Сергей. И вместо того чтобы, по своему обыкновению, рухнуть, не разде-

ваясь, в кровать, Сергей уже через час ехал в маршрутке, прижимая к себе кошачью переноску, из которой торчал любопытный нос.

Оказавшись в квартире, щенок повел себя соответственно своему грозному имени: отгрыз кабель интернета, уничтожил мышку и разорвал в клочья конкурента – игрушечную собаку, подарок бывшей девушки. Уходя на работу, Сергей оставил щенка дожидаться его в прихожей, плотно закрыв в квартире все двери, а когда вернулся, наткнулся на внушительную лужу, в которой плавали остатки его тапочек. Ночью щенок скулил, плакал и просился в комнату, но утром скулить и плакать хотелось уже Сергею. Проснувшись, он обнаружил, что его подопечный каким-то чудом выгрыз дыры в линолеуме съёмной квартиры, исцарапал двери и даже покусал углы стен там, куда смог дотянуться. На полу он устроил настоящее болото, из которого поднимались ароматные островки.

Квартиру Сергей нашел с трудом пару месяцев назад, вернувшись в этот город из столицы разбитым и во всем разочарованным. Того, что оставалось в карманах, едва хватало, чтобы внести залог за первую неделю аренды. Но он твердо пообещал хозяйке, строгой женщине в годах, что, как только появятся деньги, он тут же заплатит ей за несколько месяцев вперед. Хозяйка, с неприязнью оглядев его помятую физиономию, предупредила, что никаких пьянок и баб она не потерпит. А о домашних животных речь даже не шла.

Совсем недавно Сергею удалось наконец погасить долг за квартиру, даже частично соблюсти табу касаясь женского пола и других увеселений, и вот теперь он наблюдал, как щенок, ликуя от появления хозяина, радостно увеличивает свое болотце.

– И что же нам теперь с тобой делать? Куда мы пойдём? – пробормотал растерянно Сергей.

Щенок тем временем доверчиво прижался к ногам хозяина и облизывал шнурок.

Когда-то, очень давно, у Сергея уже была собака. Маленький, вредный песик размером чуть больше кошки.

В детстве он притащил его домой, и мать решила, что уход за собакой приучит сына к дисциплине. Она милостиво разрешила оставить песика дома, но союз пса и Сергея не принес ничего хорошего. Было непонятно, кто на кого из них дурно влияет, однако портиться начали оба. Сергей совсем перестал слушать мать, своевольничал и грубил. Песик же не слушал вообще никого, убегал из дома, сутками проводя время в стаях бродячих собак.

Мать только качала головой.

Результат не заставил себя долго ждать. После очередного побега песик вернулся домой сам. Обычно Сергею подолгу приходилось разыскивать его на местных свалках, гоняться и ловить, но в этот раз, собираясь выйти на улицу, он обнаружил рыжее тельце на коврик у двери. Песик скулил и часто дышал. Когда его подняли, что-то черное и густое капало из-под хвоста.

Он жил еще два дня. Под ним натекла вязкая черная лужа, испачкав подстилку, слюна свисала из открытой пасти, высыхая липкой кляксой на полу. Он умирал, а Сергею было неловко смотреть на его клочьями выпадающую шерсть, местами все еще рыжую, живую. Он знал, что должен погладить пса, побыть с ним, и не мог себя заставить. Он перестал заходить в комнату, где умирала собака. Винил себя, но ничего не мог с собой поделать. Последние дни с псом проводила мать.

Вместе с ней они похоронили своего питомца в березовой роще рядом с железной дорогой. Взяв за горлышко две, найденные там же, бутылки из-под водки, Сергей молча разбил их над рыхло вскопанной землей. Из практических целей, для того, чтобы недавние друзья пса по бродячей жизни не раскопали его могилу. И поезд, прогрохавший мимо, долго и протяжно прогудел, уходя.

«Далеко»

Мать умерла через два года после этого случая, и подроска Сергея отправили к тетке на Урал.

Тетка жила в поселке городского типа, но в деревянном доме. У нее был огород и корова Мурка, пьяница муж и

очень консервативные взгляды на жизнь, которых Сергей поначалу не заметил.

Его, мальчишку, что вырос в маленьком, но все же городе, удивлял поселковый быт. Удивляло, что прямо за огородом протекала маленькая речушка, в которой водились мелкие, но вполне съедобные пескари. Удивляла теплая и бодливая корова Мурка и ее совсем нетипичное для коровы имя. Удивительно было то, что если собрать на подсолнечном поле достаточно подсолнухов, то взамен можно получить трехлитровую банку терпко пахнущего, янтарного масла. Что масло вот так получается, а не продается в магазине.

Тетка вообще мало ходила в магазин. Жила своим хозяйством. Молоком и сметаной бесперебойно снабжала рогатая Мурка, сметана тоже получалась при помощи непонятного аппарата – сепаратора. Огород кормил овощами. Даже хлеб тетка пекла сама, вязкий и сероватый внутри.

Сергея отдали в новую школу, где он выгодно отличался от местных ребят. Отличалось его поведение, образ мыслей и манера одеваться; из дому Сергей приволок ворох футболок с рок-группами, искренне считая их основным своим сокровищем. Вопреки сложившемуся мнению о новичках-изгоях, Сергей изгоем не стал, а напротив, занял одно из лидирующих мест в классе, уступив его лишь паре главных хулиганов и заводил, с которыми вскоре сдружился.

Ощувив себя в своей тарелке, своевольный, привыкший к безнаказанности, Сергей немедленно начал вести себя соответственно. Сев за привычную последнюю парту, ощутив спиной надежную опору стены, сразу повеселел.

Надо сказать, что галерку он выбирал вовсе не из-за статуса сидящих на ней плохишей и разгильдяев, просто терпеть не мог, когда кто-нибудь смотрит ему в спину. Всегда старался, чтобы спина была закрыта, а обзор впереди максимальным. Он предпочитал рюкзак всем другим видам сумок, брал его даже тогда, когда в нем не было никакой необходимости, и со временем привык к нему настолько, что без него чувствовал себя неуверенно.

Мелкие пакости сходили ему с рук, хотя тетка уже начала к ним присматриваться, и контроль над Сергеем угрожающе возрос. Но приближался тот роковой случай, по вине которого Сергей был вынужден оставить навсегда корову Мурку, речку с пескарями и отправиться далеко, в огромный, казалось ему, неизведанный волжский город.

Это был теплый и солнечный день красно-зеленой, оранжевой осени. Листья бесшумно ложились на воду, не оставляя следов за собой, скользили прочь, влекомые слабым течением.

Один из них, словно живой, коснулся ее плеча, притих и притаился в складках одежды. Она осторожно сняла с себя листок, улыбнувшись, опустила на воду, и он, кружась и покачиваясь, унес с собой ее прикосновение.

А он смотрел на нее во все глаза, и голова кружилась, и лес за ее спиной и вокруг цвел красно-зеленым узором. Он будто оглох, не слышал ни голосов, ни смеха. С усилием все же отвел глаза, взглянул на огонь, услышал, наконец, как трещат угольки и искры скачут по сухим еловым веткам. Заметил, что картошка в золе уже запеклась и стала трескаться.

Сергей снова перевел взгляд на девушку напротив; она стояла, прислонившись спиной к шершавому, грубой корой покрытому стволу дерева. Костер разделял их, и она тоже смотрела в огонь задумчиво. Пламя осторожно принюхалось к предложенному ему хворосту, фыркнуло, облизывая подношение, и радостно бросилось вверх, отгоняя дымом и искрами собравшихся вокруг него людей.

Сергей сбросил с себя оцепенение и отряхнул от пепла штаны. Подошел одноклассник Вадим, хлопнул его по плечу.

– Ты чего залип? Где там твое винище?

– А, да, в рюкзаке, ща достану. Слышь, Водич, а может сэму?

– Не вопрос! – Вадим вытащил из-за пазухи пластиковую бутылку с самогоном. Там же откопал два мятых стаканчика, разлил самогон, подумал и плеснул в стаканы еще по чуть-чуть в каждый.

Сергей тем временем силился достать палкой из присмиревшего огня круглые, обугленные клубни. Наконец, ему это удалось, и он, обжигаясь, начал подкидывать их в руках, будто бывалый фокусник:

– Держи, горячая!

– Погоди, – Вадим, ухватив один стакан зубами, сорвал с ветки зеленый листок тополя и накрыл им свободную ладонь, – клади!

– Век живи – век учись, – процедил Сергей, глядя на свои обожженные, грязные от сажи руки.

– Чего? – отвлекся Вадим от картофелины, которую ловко, со знанием дела, чистил.

– Да ничего! Слушай, Водич, а это кто такая? Почему я ее раньше не видел? – Сергей кивнул на девушку, которая, отойдя от огня, шепталась о чем-то с подругами. Иногда он слышал ее звонкий смех, и его взгляд скакал по округе в ее поисках, помимо воли Сергея.

– А, это Гордеева. Из «А» класса, – пожал плечами Вадим. – Почему я знаю? Ее первое время не было, может, болела. Давай выпьем уже?

«Гордеева», – повторил про себя Сергей. Он снова нашел ее глазами, а она вдруг серьезно и вопросительно посмотрела на него. Дыхание перехватило, он отвернулся и молча выпил, не чокнувшись с Вадимом. Забытая в руке, так и не очищенная картофелина дымилась жаром из желтой раны-трещины на спекшейся от пламени коже.

Когда они всем классом собрались в поход, Сергей быстро сообразил, что следует сделать. Уже давно исследуя огород, он обнаружил за баней припрятанную дядькой бутылку вина. Объемная, литров на двадцать, стеклянная бутылка притаилась за срубом в желтой опавшей листве. Призывно блестела в ней красноватая жидкость. До этого дня Сергей бутылку не трогал, только разок понюхал, не ошибся ли? Нет, не ошибся.

Он верно хранил дядькин секрет, так как волей случая секрет автоматически становился и его, Сергея. Хранил секрет и от дядьки в том числе.

Проснувшись пораньше и накидав в рюкзак немудреной огородной снеди, Сергей прокрался за баню с пустой пластиковой бутылкой в руках.

Слить из тяжелой бутылки литр вина оказалось делом непростым, добрые пол-литра Сергей пролил в листву и себе на руки, но, в конце концов, справившись с непослушной заначкой, он тщательно закупорил бутылку, кинул на дно рюкзака свою пластиковую тару и проложил сверху сорванными наскоро огурцами. Выбравшись из-за бани, Сергей бросил рюкзак на крыльцо и отправился в огород мыть руки в поливальной бочке. Когда он вернулся, тетка копалась в его рюкзаке.

Сергей застыл на месте. Если ему уже влетало даже за неудовлетворительные оценки в школе, страшно было представить, что будет за литровину ворованного вина. Тетка застегнула рюкзак и разогнулась, лицо ее не выражало ничего хорошего, впрочем, как и всегда.

– Ты почему хлеб и яйца не взял? – сердито поинтересовалась она. – Я с вечера тебе приготовила.

– Забыл, – с облегчением выдохнул Сергей, – сейчас возьму.

– Я положила уже, – проворчала тетка и добавила, когда он подхватил рюкзак: – Чтобы дома был затемно!

– Хорошо! – весело откликнулся Сергей, выскакивая за калитку. Маскировка бутылки с вином огурцами, на счастье, удалась.

Все, что тогда получилось принести или стащить пацанам из дома, девочки аккуратно раскладывали на газетах. К вину прибавились еще две бутылки самогона, и, выпив по рюмке, парни принялись разводить костер.

Погода была чудесная, самый разгар бабьего лета. Лес вспыхивал на солнце яркими красками, желтыми листьями кленов, красными пятнами рябин. Листья шуршали под ногами, срываясь с ветвей, едва слышно опускались вокруг. Вадим нагреб их огромную кучу и под всеобщее одобрение с удовольствием в ней извальялся.

Сергей тем временем поджаривал на костре кусок краковской колбасы, насаженной на заточенную ножом ветку,

наслаждаясь запахом и наблюдая, как капли прозрачного жира, шипя, падают в огонь.

Пыльный, с листьями в рыжей шевелюре, рядом подсел Водич. На его прутике красовались сразу несколько кружков колбасы, ломоть хлеба и помидор. Все это он, не скупясь, полил кетчупом.

– Че, как тетка твоя? Слышал, лютует? – Вадим довольно жмурился, глядя на свой «шашлык». – В школу недавно приходила.

– Да блин! – Сергей поморщился. – Она туда просто так таскается, просто узнать, как я учусь.

– Хреново! – Вадим подвинул свою ветку ближе к огню.

– Да вообще. Я тут на дневник наклеил наклейку мэйдановскую, заставила чистить дневник и обещала все мои футболки сжечь.

– Какую наклейку?

– Мэйдановскую, группа такая есть, «Айрон Мэйдэн» называется.

– Есть у тебя? Дай послушать? – Тут прутик Вадима, вспыхнув, надломился, и весь его «шашлык», отчаянно шипя, полетел в угли. – Вот сука! – зашипел в тон «шашлыку» Вадим и полез было пятерней вслед за ним прямо в угли, но вовремя одумался, схватил обломок своего прутика, с силой воткнул его в помидор и выудил из огня изрядно почерневшее лакомство.

– Жадность фраера погубит, – заметил, улыбнувшись, Сергей, – Слушай, а как эту Гордееву зовут?

– Жадность и тонкие прутики, – Вадим подул на пузырившийся соком помидор. – Надя зовут, а тебе зачем? Запал, что ли? Пошли, познакомлю.

И, не дожидаясь возражений Сергея, поднялся и направился в сторону девушек, стоящих в отдалении.

– Сеньорина Гордеева, – укусив помидор, важно начал Водич, подойдя, – простите меня великодушно, но мой спутник, право слово, весь вечер не сводит с вас глаз.

Стоявшие стайкой девушки прыснули, а густо-красный Сергей смог только выругаться про себя и отвернуться. Зная идиотские повадки одноклассника, он все же не был готов к такому повороту событий. К тому, что

этот болван вот так запросто и при всех ляпнет нечто подобное.

– Вадим, прекрати кривляться! – засмеялась Надя, бросив через плечо Вадима на сконфуженного Сергея заинтересованный взгляд.

А Вадим продолжал:

– Драгоценная Надежда, не разбивайте его восплавленного сердца, но скрасьте ему угасающий вечер своим вниманием и добротой.

– Иди к черту, Водич! – Сергей сплюнул и направился обратно к костру, где, ни с кем не разговаривая, налил себе стакан самогона, выпил его и угрюмо уселся на бревно отдельно ото всех.

– Вот идиот! – процедил он сквозь зубы, сам про себя. – Нашел кому сказать! Не удастся обойтись в школе без насмешек. Конец репутации.

– Ну почему идиот? – Надя тихо присела рядом, так, что Сергей ее не заметил. – Отнюдь! Вот пришла составлять компанию.

Вокруг костра все примолкли и уставились на них.

– Пойдем, погуляем? – Надежда запросто взяла за руку несколько обомлевшего Сергея. – Здесь ушей скоро будет больше, чем грибов.

Они долго петляли по замысловатым лесным тропинкам. Надежда, собрав букетик из кленовых листьев и помахивая им, легко шла впереди, Сергей шагал следом, не сводя с нее глаз, отчего поминутно спотыкался о корни. Река лучилась между деревьев, солнце играло в золотистых волосах девушки, искрящимися ручьями опадая ей на плечи. Когда она, улыбаясь, оглядывалась на него, солнце смотрело из ее синих глаз, и обещало, звало за собой.

Вся его былая самоуверенность съезживалась и пряталась в темные уголки подсознания, ища защиты от ее смеющегося взгляда. Он опускал глаза, но тут же поднимал их, боясь упустить ее из виду, боясь того, что она вдруг растворится в солнечном свете и ослепительных красках осеннего леса, а он останется один, и солнечные зайчики будут смеяться над ним, прыгая вокруг. Но она по-преж-

нему шла впереди, а он шагал следом, любуясь ее легкой походкой.

Наконец они вышли к реке. В этом месте половодье обвалило часть песчаного берега и унесло его за собой. Нависая над образовавшимся обрывом, на самом его краю рос огромный старый дуб. Вода подмыла его корни, и они, обнаженные, казались теперь лапами, на которые опирается старый гигант. Несмотря на это, дерево было вполне живо, там, куда дотянулась его широкая крона, великана полукругом опоясывал целый лес молодых дубков. Очевидно, именно туда падали его желуди, давая жизнь новому поколению могучих деревьев.

Они присели у дуба, прислонившись к стволу.

– Значит, ты новенький, и тебя зовут Сергей? – Надежда прикрыла глаза ладонью. Солнечные зайчики, сновавшие всюду, резвились в реке так, что на воду было больно смотреть.

– Именно так. – Сергей тоже зажмурился от искрящейся водной ряби.

– Не люблю это имя.

– Почему? Обычное имя.

– Так звали маминого друга, я его не любила.

– А что с твоим?.. – Сергей не договорил, поняв свою неучтивую глупость.

– Он ушел, – просто, без тени сожаления ответила Надя.

– Прости.

– Ничего. Я тогда совсем ребенком была. Не помню его.

– Мой тоже ушел. – Сергею вдруг сразу странно полегчало, словно он аннулировал свой бестактный вопрос.

Надежда рассмеялась.

– Смотри, как красиво! Солнце, река блестит. Тихо совсем стало. Слышно, как каждый листочек падает. А мы сидим тут с тобой, две сиротинушки, и наш неспешный разговор идет о наших нерадивых папашах. Ну что, будешь рассказывать мне о своем обделенном отцовской любовью детстве?

– Пожалуй, что нет. – Сергей тоже улыбнулся, – Подожди, я кое-что вспомнил.

Он потянулся к своему извечному рюкзаку, который валялся здесь же, рядом, под деревом. Высыпал ненужные

уже огурцы в траву и выудил оттуда бутылку вина, о которой совсем успел позабыть.

– А ты запасливый! – Надежда одарила его лукавой улыбкой. – Тоже следствие сиротского детства? Вино с огурцами, ты знаешь, как удивить девушку! – добавила она, делая первый глоток.

– Огурцы нам, положим, есть не обязательно. Это... ммм... камуфляж.

– Камуфляж? – Надя удивленно округлила глаза.

– Да, я в огурцах вино прячу. Вот это уже следствие сиротского детства.

Вечерело, они пили вино маленькими глотками, едва пригубив, только чтобы почувствовать его вкус, и разговор их тек плавно, не мешая притихшим вокруг деревьям. Пламя леса не угасло, оно становилось задумчивым, подомашнему уютным и немножечко грустным, словно прощалось с последним своим уходящим теплом. Солнечные зайчики тоже присмирели, не плясали вокруг, а искали в траве укромные норки и прятались в них до утра.

Только листья продолжали тихо падать, словно кто-то невидимый осторожно ступал по лесу, и лес слушал его шаги. И Сергей тоже вслушивался в эту мягкую поступь осени. Маленький желудь подкатился к самым его пальцам, чуть коснувшись их блестящим боком. Сергей поднял его, решив оставить на память, сунул в карман. В его краях дубы встречались редко, и такое их обилие здесь удивляло его.

– Ты ведь не отсюда? – Надя передала ему бутылку и поежилась, становилось прохладно. – А откуда ты?

– Издалека. – Сергей покрутил бутылку в руках и сунул ее с оставшимся в ней вином обратно в рюкзак.

Они поднялись. Пора было возвращаться к костру.

– А помнишь те листья на воде? Я все гадала сегодня, куда они плывут? Где это «Далеко»? И хотела уплыть с ними.

– А я бы хотел остаться здесь, – тихо обронил Сергей, глядя в глаза девушке, и чуть не добавил: «С тобою».

Он провожал ее до дома, молчаливую и задумчивую, и сам думал, где это «Далеко», куда плывут листья?

И выходило так, что «Далеко» бывает очень разным, что оно измеряется не только километрами, но и временем. Значит, может быть не только «где далеко», но и «когда далеко»?

Надя, выезжавшая из дома лишь до областного центра, тратила на поездку туда и обратно несколько часов. Желудь, свалившись с родной ветки и упавший в родную же землю, тратит на это от силы секунду. Весь его полет от «далеко» до «близко» ограничен одной секундой и несколькими метрами. Тут все понятно, для них было только «где Далеко».

Если смотреть с точки зрения «где», то выходило, что «Далеко» Сергея находилось примерно на расстоянии в три тысячи километров от этого места, там, где он садился в поезд. А если смотреть с точки зрения «когда», то «Далеко» находилось намного дальше. Оно было у порога родного дома и ждало, когда он в последний раз переступит через него. Холодок пробежал по спине Сергея. Он вдруг сообразил, что «когда Далеко» может быть дальше даже самой жизни.

– Мы пришли, – отвлек его от странных мыслей мягкий голос Нади. – Тебе отсюда до дома недалеко?

– Не знаю, – честно признался он, чем привел ее в растерянность. И вдруг, не дав ей опомниться и сам себе удивляясь, Сергей обнял Надежду и привлек к себе, чувствуя легкий вкус вина на губах девушки. Она не противилась, лишь чуть отпрянув, тут же притихла в его объятиях.

– Не надо тебе хотеть туда, куда уплывают листья, – Сергей внимательно посмотрел на нее, – неизвестно, что происходит с ними за поворотом.

Она промолчала, взглянула ему в глаза и нежно коснулась пальцами его щеки. Скрипнула калитка, и Надежда исчезла из виду. А он все стоял, чувствуя ее прикосновение на своем лице.

Пыхтя, поезд переваливался через Уральские горы или петлял между ними, и осень с востока на запад гналась вслед за ним.

«Далеко» – могло зависеть и от событий. Это Сергей понял еще вчера, когда вернулся к тетке домой.

Он второй раз за день забыл о чертовой бутылке с вином, притаившейся на дне его рюкзака. Именно она в тот вечер стала катализатором процессов, что пустили его жизнь по одному из возможных сценариев и вели его к той точке, в которой, в итоге, он должен был оказаться.

Сергей часто потом задумывался над тем, что, казалось бы, пустяковая мелочь, незначительная деталь способна изменить целую жизнь, и почти перестал сомневаться в той силе, что именовалась Судьбой. Даже спустя двадцать лет на то, кем он стал и где находился, оказывала влияние полупустая пластиковая бутылка с недопитым вином. Трудно сказать, была ли она отправной точкой, но поворотным моментом стала именно она.

Дядька дожидался его, стоя рядом с домом, и когда Сергей подошел, страшный удар в челюсть свалил его с ног.

– Мать, в рюкзаке у него посмотри!

Тетка схватила за ляжку легко соскользнувший с плеча Сергея рюкзак и открыла его.

– Вот, полюбуйся! – Она брезгливо, двумя пальцами, словно гадюку, потянула за горлышко пластиковую бутылку.

– Это не мое, – попытался выкрутиться Сергей, – пацаны попросили спрятать.

– Пацаны, говоришь? – Дядька отобрав бутылку и свинтив с нее крышку, сделал большой глоток, кадык его прыгнул вверх на худой шее, задержался там на пару секунд и плавно опустился вниз. – Ты чё, гаденыш, думаешь, я своего вина не узнаю?

К тому же наверняка наметанный глаз забулдыги без труда определил еще утром пропажу из заначки целого литра жидкости. Отпираться было бесполезно.

– Вот что мы решили, – тетка стояла над ним, подбоченившись, – вору, вуну и алкоголику в нашем доме не место. Завтра ноги твоей здесь не будет, уедешь к братцу своего папаши. Вот уж правду говорят, яблоко от яблони... иди собирайся, – добавила она с железом в голосе.

Собственно, собирать ему было нечего. Почти все уместилось в его рюкзаке, когда он уходил, покидая этот дом. За спиной оставалась речка с пескарями и бодливая корова

Мурка. События дня и события вечера привели к тому, что «когда Далеко» принялось стремительно разворачиваться перед его ногами.

Осенний лес, в котором слышно, как падают листья, он забирал с собой. Огромный дуб, блеск реки и солнечных зайчиков. Все это лежало в кармане Сергея под тонкой скорлупой маленького желудя.

Он крутил желудь в пальцах, сидя за столом в плацкартном вагоне.

Недавно поезд, громыхая, пролетел мимо пограничного столба, символизирующего границу между Европой и Азией, беспокойные горы за окном прекратили громоздиться друг на друга, сдались, стусевались, а после исчезли вовсе, уступив место серому, однообразному горизонту и вгрызшимся в него силуэтам зубастых елей.

– Не думал, дружок, что упадешь так далеко? – обратился Сергей к желудю и покатал его по столу. – Теперь твой дом в моем кармане, где-нибудь да остановимся.

Желудь согласно подпрыгнул и продолжил переваливаться с боку на бок в такт ритму колес.

А еще Сергей мучительно понял, что если тебя, как листок, гоняет ветром из стороны в сторону – «Далеко» может продолжаться бесконечно долго. Если тебе некуда прийти и некуда вернуться – «Далеко» всегда с тобой.

* * *

Щенок зевнул и завозился на своей подстилке. Старая шуба, брошенная возле кровати, приятно щекотала шерстью его голое брюхо. Тогда он попробовал лизнуть шерсть, но, к сожалению, она не ответила ему взаимностью. А раньше могла, он это прекрасно помнил. А еще раньше шерсть была теплой. Тем не менее, зарывшись в нее до ушей, щенок чувствовал себя в безопасности.

Там, за мягкими ее пределами, начинался опасный, хотя и небезынтересный мир. Щенок уже сталкивался с ним, и теперь был страшно благодарен хозяину за то, что тот, наконец, вернул его в надежное укрытие.

Хозяин тоже был теплый, но шерсть росла на нем мстами и не каждый день. Обычно, заметил щенок, она вырастала, когда становилось особенно холодно. Когда же становилось тепло, хозяин шерсть сбрасывал. Он называл ее «свитер» и вечно заманчиво кидал где попало, но щенку валяться на ней все равно не разрешал.

Щенок всегда знал, что у него должен быть дом. У каждой уважающей себя собаки должен быть дом. Дело осложнялось тем, что он не имел ни малейшего понятия, что это такое. Попробуй найти то, не знаю что, когда даже не знаешь, где искать. Он смутно припоминал, что дом у него когда-то был, но он уже столько пережил за свою длинную щенячью жизнь, что совершенно не помнил, как он выглядел. Дом приходил к нему в странных тревожных снах, тогда он скулил, и плакал, и прятал нос в шерсть своей подстилки. Тогда приходил хозяин. «Ну что, Гармошка, опять кошмар приснился?» – говорил он тихо и трепал щенка за ухом. Щенок шумно вздыхал и прятался под его большой теплой ладонью.

* * *

Гармошкой Гарм стал вследствие безграмотности и беспомощности своих спасителей в вопросах идентификации щенячьего пола. Сергею, например, сказали, что Гарм – пес, и он считал, что Гарм – пес. А подруга, забравшая щенка из подъезда и с ходу определившая его половую принадлежность, была заядлой кошатницей и в собачьих вопросах ничего не понимала.

Вдобавок начались нестыковки и с овчарочьей родословной.

В один из пасмурных осенних дней, еще до полного уничтожения съемной квартиры, по совету той же подруги-кошатницы, Сергей решил отнести щенка в ветеринарку, проставить ему необходимые прививки и заручиться документами, что прививки у щенка есть.

Позже Сергей подозревал, не месть ли за болезненные уколы та собачья ярость, обрушившаяся в ту ночь на квартиру.

Разыскав в углу свитер, а вместе с ним и щенка, – Гарм по какой-то причине старался устроиться спать именно на нем, – Сергей стряхнул узурпатора с одежды, натянул свитер, сунул щенка под куртку и отправился в путь.

В ветеринарной клинике Гарм высунул из-под куртки нос, язык и уши и принялся радостно разглядывать собравшуюся вдоль стен собачью братию. Сергей тоже разглядывал собак, а заодно и людей в очереди.

Не зря говорят о схожести хозяев и их питомцев. Сильно перекрашенная блондинка с какой-то стриженной шавкой на руках стояла у стены. Мрачный камуфляжный мужик присел на корточки, а рядом с ним устроилось такое же хмурое мохнатое чудовище. Девушка с веснушками, с рыжими кудряшками и легкомысленным шарфиком, небрежно брошенным через плечо, улыбнулась в ответ на взгляд Сергея, а в ногах у нее прыгал небольшой, полный счастья песик. Дальше в очереди тоже стояли похожие друг на друга типажи.

Сергей примерил этот стереотип и на них с Гармом. Нет, они похожи не были, по крайней мере пока. Впрочем, ударная доза алкоголя, которая заставит Сергея спать, высунув язык, пожалуй, все же внесет нечто общее в их внешний вид.

– Вы на прививку? Как собачку зовут? – доктор глянул на них, отрываясь от своих бумаг.

– Гарм.

– Хммм... оригинально.

– Что здесь оригинального? – буркнул Сергей, которому надоело стоять в очереди, и он хотел скорее со всем покончить.

– Гарм – это ведь скандинавский пес?

– Совершенно верно.

– Так у вас сука.

– Кто сука?

Доктор рассмеялся:

– Собачка ваша, кто же еще?

Сергей оторопел, известие не укладывалось в мироустройство последних дней. Он не то чтобы был против, он просто Гарма по-другому и не воспринимал.

Гарм – он, щенок – он. А тут вот те здарсьте, Гарм – это она!

И тут в голову Сергея закралась смутные сомнения:

– Скажите, доктор, а каких он... эээ... она кровей?

Доктор взял щенка на руки и внимательно рассмотрел:

– Один родитель, скорее всего, овчарка, про другого так сразу сказать ничего не смогу. Где вы ее взяли?

– Это не я... это... в общем, в подъезде. – Сергей только сейчас заметил, что кончик левого уха у щенка чуть свисает совсем не по-овчарочьи. Раньше он этого не замечал.

– Что ж, это ожидаемо в таких случаях. Хорошо, что не на помойке нашли со сломанной шеей.

После уколов бывший Гарм заметно погрузился. Они стояли на крыльце ветклиники, и Сергей обдумывал слова доктора.

«На помойке со сломанной шеей...» Да-а-а, дела его питомца могли пойти действительно худо. Но что теперь делать ему, Сергею? Пес еще ладно, а тут? А если щенки? «Сам как перекасти-поле, ни кола, ни двора... куда я их дену? На помойку со сломанной шеей?» – Сергей закурил, и тут его посетило смутное ощущение предрешиенности происходящего. Если бы щенок попал не в тот подъезд, если бы его подруга не питала нездорового чувства любви к любому живому существу, если бы Сергей не встретил случайно старого друга и они бы не напились как черти в баре – все могло бы случиться совсем по-другому, но случилось именно так.

– Знаешь? – развеселился Сергей и взъерошил щенку холку. – Мы и сами не голубых кровей. Будешь Гармошкой? Смотри, ну есть же Александры, Евгении, есть и Гармошки!

Дверь за спиной хлопнула, на улицу вышла рыженькая девушка с кудряшками, ее веселый песик скакал вокруг хозяйки.

– А она у вас молодчина! Даже не пикнула! – Девушка потрепала Гармошку за свесившееся ухо.

– Откуда вы знаете, что это она?

– Ну как же? Мордочка девчачья, – улыбнулась девушка. – До свидания!

– До свидания, – задумчиво ответил Сергей.

Дом в старой части города

Он жил в этом городе уже несколько лет, и это было, пожалуй, самое счастливое время в жизни Сергея.

Брат отца или просто «дядя Вова», здоровый бородатый сибирский мужик, перебрался сюда еще в девяностые из Красноярска и был здесь, в городе, достаточно известным художником. Он получил малюсенькую мастерскую, но в центре города, где и обосновался. Все это сыграло роль в выборе Сергеем профессии.

Здесь Сергей закончил последний год школы, здесь же поступил в местное художественное училище. В детстве он ходил в художку, а под чутким руководством дяди Вовы легко прошел вступительные экзамены, несмотря на немалый конкурс.

Жизнь в мастерской оказалась спартанской. Все помещение состояло из одной комнаты и совмещенной с ней кухни. Туалет и ванная были общие, две остальные комнаты занимал крайне вредный и ворчливый дед по фамилии Петухов.

Понятно, что и без того небольшое пространство стесняла громоздившиеся друг на друга холсты, банки с красками, подрамники и прочий художественный скарб. Горячей воды в мастерской не было, и приходилось греть воду в ведре, которое, в свою очередь, тоже использовалось для различных технических и хозяйственных надобностей, поэтому перед тем, как помыться, ведро необходимо было тщательно почистить.

Дядя Вова спал в комнате на продавленном диване, а Сергей на кухне. Там в углу за столом располагался небольшой самодельный топчан. Ноги Сергея находились под раковиной, и на них постоянно капала вода из проржавевшей трубы. Стол был неправильной формы, один угол его был срезан обвалившимся когда-то потолком. Да и кухня была совмещена с комнатой исключительно в принудительном порядке. Когда дядя Вова заехал сюда, то обнаружил, что кухня и комната связаны друг с другом огромной пробитой в стене дырой, нанесенной предположительно кувалдой. Кое-как он дыру облагородил, и теперь

помещения связывала между собой более-менее аккуратная арка.

Вдобавок мастерские принадлежали городу и являлись нежилым фондом, то есть жить в них запрещалось. В них частенько наведывались разношерстные муниципальные комиссии с целью обнаружить, аки тараканов, незаконных жильцов, и мастерские отобрать. Поэтому предпринимались все меры, чтобы скрыть следы жизнедеятельности постояльцев. Прятали посуду, продукты, одежду, а холсты и этюдники нарочито разбрасывали у всех на виду, и в мастерских всегда царил жуткий кавардак.

Сергей же во время проверок и вовсе был вынужден битый час кружить по округе в ожидании того, когда очередная докучливая комиссия мастерскую покинет и он сможет туда вернуться.

В общем, положение их в те годы было крайне шатким, и они в любой момент могли вылететь на улицу.

Но после того, как Сергей поступил в художественное, жить так дальше стало уже невозможно. Если один раскидывал на полу свои холсты, для другого уже не оставалась места.

А еще в жизни Сергея появилась Настя, неся с собой то самое счастье упомянутых лет.

Точнее, Настя появилась не сразу, да и Сергей не сразу стал оказывать знаки внимания длинноногой, высокой девушке, его сокурснице.

Но шло время, Сергей все больше и больше начинал глядеть в ее сторону, и, проснувшись однажды утром, он внезапно осознал, что жизнь без нее ему больше не в радость.

Настя же отвечала на все его нехитрые ухаживания холодно или же вообще откровенно враждебно. Разгоралась затяжная борьба двух волей.

Сергей понял, что сходит с ума. Он таскался за ней по пятам по училищу, стал ночевать у ее двери и трясся от холода в бесперспективном желании проводить ее утром. Делал все возможное, чтобы хотя бы пару минут побыть с нею рядом. Но все было без толку.

Случались, правда, и удачные моменты. Однажды Сергей решил удивить Настю, прислав ей домой букет цветов,

а проще говоря, пустить пыль в глаза. На «пыль» денег у него не оказалось, и пришлось выкручиваться, обходясь обычной смекалкой.

Один из товарищей Сергея какими-то полумафиозными махинациями раздобыл букет роз. Букет действительно был шикарным. Второй же согласился побыть подставным курьером службы доставки. Друзья распечатали липовые бланки, подписали какую-то не очень вменяемую открытку, и все втроем, радуясь своей гениальной выдумке, отправились доставлять подарок.

Подставной курьер вручил букет обалдевшей от неожиданности матери Насти, сурово проследил, чтобы та расписалась в липовых бланках, и хмуро затопал по лестнице вниз. На улице друзья встретили его вопросом:

– Ну, что сказала?

– Нет ее дома, матери отдал.

– Слушай, а в округе там никого не было? – допытывался Сергей.

– Девахи какие-то стояли у подъезда.

– Как выглядели?

– Да откуда я знаю, – обиженно шмыгнул носом курьер, – я занят был!

Какое-то время они шли к остановке молча, как вдруг второй товарищ Сергея, он видел Настю и знал, как она выглядит, пихнул Сергея в бок и зашипел ему в ухо:

– Бля, она сзади идет.

Сергей похолодел. Он резко обернулся и нос к носу столкнулся с Настей.

– За цветы спасибо! – улыбнулась девушка. – А ваш план, скажем так, почти удался.

В тот день лед, сковавший ее сердце, все-таки дал трещину.

Но битва на истощение продолжилась. Примерно полгода длился уже этот нелепый поединок. И все же она сдалась.

Однажды Сергей, по своему обыкновению, притаился к ней в подъезд и готовился к холодной, безрадостной ночи, как вдруг за спиной скрипнула дверь, и на пороге появилась Настя.

– Ну что ты тут сидишь? Заходи. Родителей нет. Я тебе на диване постелю.

И Сергей вошел. Послушно лег спать на диване. И спокойно проспал всю ночь. А проснувшись, увидел, что Настя сидит рядом и молча его разглядывает.

А она поняла, что он из ее жизни просто так никуда не денется. Что его не выкинешь, а если выкинешь, то он вернется, словно мячик, отскакивая от любых бетонных стен.

Напряжение, копившееся между ними столько времени, сменив полярность, швырнуло их навстречу. Они целовались, кусая губы, трахались, словно животные, разрывая ногтями друг на друге одежду, оставляли на спинах глубокие красные борозды.

Напряжение не ослабело и через несколько лет и держало их цепкими лапами до последнего мгновения их вынужденного расставания, но сейчас нужно было решать, что им делать дальше. Встречи у нее дома были редки, а случайный секс у друзей и знакомых, а то и вообще в туалетах кафе и других, мало подходящих для этого местах, не мог утолить их желания. Им нужен был дом.

И два молодых художника без гроша в кармане вскоре его нашли. Настя, к слову, всегда поправляляла, если кто-то называл ее художницей. «Слово художник не склоняется по половому признаку», – говорила она. Дом они нашли совершенно случайно в старой части города.

Однажды они пошли туда на этюды, и Сергей обнаружил, что потерял зажигалку. Покрутив головой из стороны в сторону, он заметил молодого, длинноволосого парня, который курил на крыльце деревянного двухэтажного дома.

– Друг, прикурить не будет? – спросил Сергей и склонился над огоньком, не выпуская из ладони Настинной руки. Теперь они везде ходили, только держась за руки.

– А вы художники? – поинтересовался парень, косясь на их грязные, все перепачканные в краске этюдники и не менее грязные руки.

– Ага, нищие, бездомные художники, как полагается. – Сергей выпустил изо рта струйку дыма и огляделся. – У вас тут жилье поблизости никто не сдает?

– Ну, – парень задумался, – вообще-то у нас скоро комната освободится. Соседи съехать должны.

– В этом доме?

– Да, вон видите, на первом этаже окна за черемухой?

– Ух ты! – обрадовалась Настя. – А сколько стоит?

– Парни шесть рублей платили, но их три штуки жило, вам, наверное, подешевше будет.

Распознавшись с парнем, будущим соседом, задумчивый Сергей и счастливая Настя отправились собирать деньги.

Они сидели на полу своей маленькой комнатки, рядом стояла бутылка вина, и свечка бесшумно плавилась на столе. За окном моросил дождь, шурша по листьям черемухи, и мелкие его капли залетали в открытое окно. Дурманящий запах мокрой земли, травы, листьев наполнял комнату, сумерки плыли в саду, или домик дрейфовал в них, потерявшись в вечерних туманах сентября. Хотелось сесть сейчас на подоконник, свесить ноги в сумеречную дымку и болтать там ими, невидимыми, чувствуя на коже дождливую, влажную прохладу. Хотелось, чтобы домик никто никогда не нашел.

– Темно становится оттого, что загорелись фонари. – Настя прижалась к нему и посмотрела в распахнутое окно. – Ты замечал, что фонари загораются раньше, чем стало темно?

– Замечал, и гаснут они тоже перед самым рассветом.

– Ты ведь приедешь ко мне?

– Конечно.

Сергей устало опустил спину на синий мохнатый ковер, увлекая Настю за собой.

Он вспомнил, как притащил этот ковер сюда, как выкрал его со склада, где в то время работал грузчиком, и невольно улыбнулся.

Ковер валялся в углу склада, и они с водителем, ушлым деревенским парнем, давно заметили, что никто им не интересуется. Тогда, собирая очередной заказ, они скрутили ковер в рулон, обмотали мешками и грязными тряпками и, вместе со всем остальным, забросили в машину.

Потом они решали, кому он достанется, сидя в парке с пивом и подкидывая монетку. Победил Сергей, и водитель, вздыхая, повез ковер к нему.

Сергей и Настя оценили трофей по достоинству сразу же, как расстелили его на полу. Ковер заблестел под ногами синим мохнатым ворсом. Ступни буквально утопали в нем, и Настя, сбросив тапочки, смеясь, закружилась по комнате. Ковер решал проблему многочисленных щелей в полу старого дома, из которых зимой жутко дуло. Друзья, оставаясь у них ночевать, теперь запросто спали прямо на нем.

Друзья и прозвали ковер «шкурой Зелибобы», персонажа дурацкой детской передачи. Зелибоба был синего цвета и покрыт такой же мохнатой шерстью.

Еще одной достопримечательностью в их комнате стала входная дверь. Обычная советская дверь, покрытая множеством слоев облупившейся белой эмали. Ничего особенного в ней самой, конечно, не было, но однажды товарищ, помогая с переездом, маркером написал на ее краске: «С Новосельем!» – и размашисто на двери расписался. Шло время, и на ней появлялись все новые и новые пожелания, поздравления, цитаты из книг и песен, просто мысли и просто подписи. Они перекрывали друг друга, не найдя свободного места, теснились, изгибались, постепенно превратив дверь в пеструю мозаику из сотен мыслей людей. Настя иногда задумчиво произносила, глядя на нее: «Знаешь, а ведь это одно из лучших коллективных произведений искусства, которые я в последнее время видела». Тогда Сергей обнимал ее и говорил: «Произведение в нашей коллекции».

Благодаря друзьям здесь появилось и большинство окружавшей их мебели. Кто-то из знакомых отдал им вполне сносный, почти новый диван. Старый был уничтожен въехавшими хозяевами в первую же ночь. Под жалобный скрип у бедняги отвалились две ножки и вылазила половина пружин. Стол с массивной столешницей был найден на свалке, и после тщательной очистки Сергей обнаружил на нем клеймо с непонятными вензелями. Было здесь несколько венских стульев, их он приволок из

мастерской дяди Вовы, а Настя сшила к ним яркие, мягкие подушки.

Сергей мастерил и вешал на стены бесчисленные полочки, пространство которых Анастасия тут же заполняла книгами, подарками и сувенирами, из которых немало изготовила сама. Там на полках нашел временное пристанище и желудь Сергея. Сергею очень хотелось, чтобы пристанище его стало здесь постоянным.

Появился у них и домашний питомец, лягушонок по имени Николай. Жил Николай в аквариуме из скрепленных между собой пластиковых банок. Питомца однажды изловили в саду, с тех пор кормили мухами и жуками, а он тарачил на хозяев желто-зеленые, круглые глаза.

Но главное их приобретение находилось за пределами комнаты. Прямо за окном расположился маленький запущенный садик, скорее даже палисадник по своим габаритам, но в нем росли черемуха и вишня, которые весной сводили с ума их обоих своим цветением и ароматом. Стоило открыть рамы, как сад мгновенно оказывался прямо в их комнате, и тяжелые от цветов ветви нависали над их постелью. Ягод одичавшие деревья почти не давали: вишня – лишь пару сморщенных шариков, а вот черемуха была более благосклонна. Они ели ее черные ягодки прямо из окна и, дурачась, показывали друг другу зеленые языки.

За садиком разбегались улочки старого города с деревянными домами и сотнями засыпанных листвой тропинок в осенних заброшенных скверах, о которых знали только они. Сотни этюдов тащили они в художественное училище, которые писали, даже не отходя от дома.

– А давай, – Настя резко встала, – сделаем наш совместный прощальный рисунок?

– Как это? – Сергей приподнялся на локте.

– Я сейчас покажу. – Она быстро подхватила лист ватмана, бросила его на стол, прижала рукой, а потом обвела ручкой свою ладонь. – Иди сюда и сделай то же самое, только с другой стороны.

Сергей послушно обвел свою пятерню, и две ладони потянулись на листе друг к другу.

– Готово? – Он вопросительно посмотрел на нее.

– Теперь давай расскажем на этом листе все-все о нас. Все, что мы помним, что чувствуем. – Она грустно улыбнулась в ответ. – Что мы жили здесь, что Мы были. Не думай, просто рисуй.

Сергей пожал плечами и зачем-то нарисовал в своем углу фонарь, затем вспомнил, как только что она говорила о фонарях, что гаснут по утрам, не дождавшись рассвета. Пририсовал лезвие отцовского ножа, с треснувшей, перемотанной изолентой рукояткой. И вдруг его точно по голове ударили, и все вокруг помутнело и перемешалось. Горечь от предстоящей утраты, дом, который они покидают, сад, что расплылся дождем за окном, грохот поезда, уносящего ее далеко... туда, «когда Далеко».

В беспорядочной сетке штрихов проступали города, холодные кирпичные стены, чужие квартиры и зарешеченные окна появлялись на листе. Он давил бумагу ручкой, оставляя борозды на массивной столешнице. Он перестал обращать внимание на то, что у него выходило... куски колючей проволоки, указатель на трассе М-7, гриф бас-гитары, которой у него никогда не было.

В дверь постучали, и в комнату заглянул озадаченный сосед.

– Такси приехало.

– Пойдем? – выдавил он из себя.

– Пойдем, – тихо согласилась Настя.

Дверь за ними закрылась, а незаконченный рисунок остался лежать на столе.

Когда Сергей вернулся и устало опустился на пол, он все еще продолжал там лежать.

По дороге на вокзал оба молчали, и потом в тамбуре поезда он обнимал ее не проронив ни звука. Они могли быть рядом без слов, давно научились без них друг друга слышать. И сейчас, закрыв глаза, Сергей слушал ее дыхание, прощальное тепло которого чувствовал на своей щеке.

В этом городе они были счастливы столько лет. И город, казалось, был рад за них. Делился всем, что было нужно, а им на двоих нужно было так мало. Они жили друг дру-

гом, друг другом питались, как два аккумулятора, и никогда не могли друг от друга устать, не могли друг другом насытиться. А теперь усталость навалилась на него. Сергей чувствовал, как плечи его ссутулились, а руки вот-вот плетью повиснут вдоль тела. А ее и без того хрупкая фигура истончалась, становясь почти прозрачной.

Это были не объятия, это два раненых человека вцепились друг в друга, чтобы не упасть.

Влекомый ветром, в комнату влетел лист черемухи и бесшумно приземлился рядом с Сергеем. Сергей посмотрел на него, затем с усилием поднялся и подошел к аквариуму, в котором сидел Николай.

– Ну что, пора и нам, дружище?

Лягушонок недоуменно тарачил на него желто-зеленые глаза.

– Ну что ты смотришь? Куда? Да откуда я знаю, куда.

Он открыл крышку, перевесился через подоконник, осторожно опустил аквариум в траву и огляделся.

Дождь усилился. Сентябрь обрывал листья с деревьев и разгонял по округе. Лепил их к мокрому асфальту, на крыши машин и домов, и гнал дальше, неведомо куда. «А тот одинокий листок, что влетел сюда, останется теперь здесь вместо меня», – пробормотал задумчиво Сергей.

Его дорожная сумка и рюкзак дожидались его у расписанной двери. Сергей закрыл окно, пошарив на полке и найдя свой желудь, сунул его в карман. Затем выключил свет, закрыв дверь, отдал ключ соседу.

Он вышел на улицу, поежившись, поднял воротник и перекинул через плечо дорожную сумку.

Сергей соврал лягушонку. Куда ему ехать, он уже знал, но как далеко унесет его ветер от этого дома, даже гадать не хотелось. Когда вот так срывает с ветки, не стоит шибко мечтать об открытом рядом окне.

До поезда оставалась еще пара часов, но быть в комнате, где каждая вещь искажилась и, кривляясь, гадко шипела: «Посмотри на меня, я была твоим счастьем», – он больше не мог.

Он выбрал одну из сотен засыпанных листвою тропинок и зашагал по ней прочь.

* * *

«Гармошка, меня зовут Гармошка», – думал щенок.

Что такое гармошка, он не знал, но слово ему нравилось. Особенно звук «арм» в нем, грозный, будто кусаешь кого-то и одновременно рычишь. Он даже старался изображать его, нападая на тапочки хозяина, отчего хозяин смеялся и передразнивал щенка.

Раньше щенка никак не звали, в том далеком «раньше», когда он еще возился между собратьев, слыша только их слабый писк. Разумеется, что собратьев он видеть не мог, он тогда вообще ничего не видел. Но зато он чувствовал большое спокойное тепло рядом и всем своим новорожденным чутьем тянулся к нему. Тепло давало защиту и пищу, тепло охраняло и согревало его, оно было его слепым миром, его домом.

Но однажды в уютной темноте стало светлее, а потом еще светлее, и вдруг ослепительный, пугающий, настоящий мир ворвался в жизнь щенка.

«Нет, вы их не продадите», – услышал щенок. Его подняли и внимательно рассмотрели. Было страшно и жутко холодно, и когда его наконец опустили вниз, он пополз что было сил обратно в тепло, зарылся в него, но все еще слышал: «Подрастут немного, попробуйте раздать, если получится».

Делать было нечего, и щенок немного подрос, а потом еще чуть-чуть. Собратьев его не осталось, их забирали одного за другим, и мать, теперь он знал, что теплом была мать, беспокойно провожала каждого из них.

«Теперь у них будет дом, – думал щенок, оставшись один, – чего тут переживать?» И терпеливо дожидался своей очереди.

И, наконец, в один прекрасный день его посадили в коробку и вынесли на свет и ветер, в шум человеческого города. Щенок, прижав уши, боязливо выглядывал из коробки. Высокие дома спального района окружили его, между ними, в такт шагам, качалось небо, и вокруг было очень много людей, и машин, и много-много всего еще. На

впервые увиденное многообразие у щенка долго поглазеть не вышло. Его коробку поставили возле мусоропровода в одном из подъездов, и он слышал удаляющиеся шаги.

«Что ж, наверное, так и выглядит дом. Хорошо, что на цепь не посадили», – рассудил щенок, свернулся калачиком и мгновенно уснул. Энергия его маленького тела моментально кончилась от столь ярких впечатлений.

Он проснулся от холода, вокруг было темно. Откуда-то донеслись смех и топот, и голоса отразились от холодных стен. Непонятные скрипы и шорохи слышались щенку, ветер кружил вокруг его коробки, залетая в разбитое окно. Неясные, враждебные звуки и запахи наполнили огромный гулкой подъезд. Огромный, пустой и страшный, как замок великана, где за мусоропроводом четвертого этажа дрожал от страха в углу коробки маленький перепуганный щенок.

Он зажмурился и заскулил от ужаса и беспомощности.

Где же его хозяин? У собаки он должен быть, и если это его, щенка, дом, то где же его хозяин?

Ночь не спешила кончаться. Мимо проплывали огромные косматые тени. Он их не видел, но запах волочился за ними по ступеням и, клубясь, рисовал кошмарные образы. Моторы лифтов гудели в невообразимой вышине, лебедки стальными змеями шипели совсем рядом за стеной. И не было от них никакой защиты, кроме его хрупкой картонной коробки.

Так он пролежал всю ночь, ни жив ни мертв, не открывая глаз и мелко вздрагивая. Только скулил от страха и обиды, все глубже забиваясь в гофрированный угол своего угла убежища.

А утром его мягко коснулась чья-то рука. Щенок записал что было сил, собрав последнее щенячье мужество для решительного отпора или, на худой конец, бегства, но вместо того, чтобы причинять ему вред, неведомая рука лишь ласково погладила его по макушке.

– Ты же весь дрожишь, маленький! – услышал щенок приятный женский голос.

* * *

– Где ты взял это чудовище? Как его хоть зовут?

– Вообще-то это она, а взял я ее у Наташки, после нашей с тобой пьянки. Гармошка всех Наташиных котов на люстры загнала. Зовут Гармошкой, в честь пса Гарма, хранителя мира мертвых.

– Фантазия у тебя нездоровая, – Влад скептически скрипил губы, – я твою Гармошку на ночь в ванной запру, имей в виду. Она мне тут не нагадит?

– Сходила вроде на улице, – пожал плечами Сергей.

– Смотри, а то мне потом по приезде жена за такие проделки прямо в мозг нагадит, – ухмыльнулся Влад и уже без сомнений добавил: – Сейчас-то пусть бегаёт, пока спать не ляжем. Пойдем на кухню, и этого... колобка прихвати.

– Ну, рассказывай, как вы докатились до жизни такой? – Влад разлил водку и силился выудить соленый огурец из трехлитровой банки. – Я так понимаю, во всем виноват этот комок шерсти?

– Правильно понимаешь, – Сергей грустно посмотрел на Гармошку. Щенок катал по полу кухни обрезок колбасы, никак не мог его ухватить, ворчал и иногда тявкал. – Пришел я тогда домой, в интернет полез зачем-то, а там Наташа хнычет, что, мол, подобрала потеряшку, а он теперь ее кошек терроризирует, и сладу с ним никакого. Я и решил щенка себе взять, до сих пор не могу понять, зачем я это сделал.

– Пьяное дело – нехитрое...

– Именно так. Через несколько дней и моя квартира превратилась в труднопроходимую болотистую местность.

– И жить вам теперь негде, – подытожил Влад.

– Ага. Я еще хозяйке должен остался за погрызенную мебель и неповторимый запах.

– Ну, – рассудительно протянул Влад, он выловил, наконец, огурец из банки и стал нарезать его кружочками на тарелке, – пили мы тогда с тобой вместе, вместе будем и проблему решать. С деньгами у меня сейчас туго, но есть вот такой вариант. У жены бабка померла, и от нее дом

остался в области. Ты по удаленке работаешь? В город мотаться каждый день не надо?

– Да мне сюда вообще можно не мотаться и не сильно хочется.

– Отлично. – Влад поднял рюмку. – Давай выпьем, покурим, и я тебе дальше диспозицию обрисую.

Они выпили и вышли на балкон, щенок, переваливаясь с лапы на лапу, проследовал за ними, обнюхал носок Сергея и шумно плюхнулся на бок рядом с его ногой.

– Дом еще крепкий, – Влад размял сигарету в пальцах и закурил, – электричество, обогреватели, даже печь русская есть. Спал хоть раз на печи?

– Блин, где я только не спал! – Сергей тоже закурил. – Давай ближе к делу.

– Удобства на улице, есть баня по-черному, вода из колодца. Он такой, знаешь, с бревном таким, на противовесе работает...

– Журавль, – подсказал Сергей.

– Точно, – Влад затыкнулся и закашлялся, – я ума не приложу, что с этим домом делать. Я же в хозяйстве ничего не понимаю, у меня и огорода никогда не было.

– Не знаю, продай.

– Да кому он нужен? – Влад щелчком отбросил от себя окурок и проследил за его падением. – Живи, в общем, сколько хочешь, и твоему Хранителю мертвых, – Влад покосился на Гармошку, – там будет хорошо.

Общага, черный пес и чахлое деревце

Сергей сидел за столом в комнате общежития и катал по столешнице свой желудь. Видимо, стол был чуть-чуть под наклоном, и желудь постоянно норовил укатиться в один из дальних углов. Сергей пытался запустить его по разным замысловатым траекториям, но тот упорно стремился именно в свой угол, огибая разбросанный на столе мусор, сигареты и карандаши.

Здесь же громоздился недоделанный макет театральной сцены и валялись куски миниатюрных декораций. Стол и крошечные стулья, буфет, этажерка и другие предметы

интерьера стилизованного деревенского дома из эскизов Сергея, одобренных для дипломной работы.

Сергей вздохнул, взял покрытыми коркой клея пальцами сигарету и выглянул в окно. За окном было темно и моросил дождь, впрочем, здесь всегда было темно и дождливо, а из-за скудной растительности город казался Сергею замшелым и сырым лабиринтом.

Во дворе общежития находилась круглая клумба, стиснутая со всех сторон серыми громадами стен, в середине клумбы торчало чахлое деревце, и каждый вечер Сергей наблюдал из окна один и тот же тоскливый ритуал.

Во двор входила женщина, а за ней семенил, понуро опустив морду, огромный черный пес. Подойдя к клумбе, женщина снимала с пса поводок и пряталась от дождя в ближайшей арке. Пес, постояв пару минут, глядя на дерево, осторожно ступал на черную землю клумбы, а затем медленно обходил дерево вокруг. Останавливался и, опять взглянув на него, делал еще круг. Затем еще и еще, пока не возвращалась хозяйка. Нацепив на пса поводок, она уводила его, а тот, поминутно оглядываясь, уходить не хотел.

Порой Сергей сравнивал себя с этой усталой собакой. Ему бы такое же дерево, вместившее все чаяния собачьей души. Сергей так же кружил в каменных коридорах города на Неве от академии в общежитие и обратно и совсем потерял смысл того, что привело его на этот нелепый кольцевидный маршрут. У черного пса было его дерево, а у Сергея не было ничего.

Он подрабатывал грузчиком в неучебное время и грузчиком же в учебное. Тащил в общежитие пачки картона и пластика, рулоны ткани, ватмана и прочий хлам. Обрато волок планшеты с эскизами костюмов или же декораций, хрупкий макет или взъерошенную стопку набросков. Безразлично выслушивал критику или похвалу и плелся обратно. Шел в душ, если тот был свободен, шлепая резиновыми тапочками по бетонному полу, без аппетита съедал порцию дежурных пельменей и падал в казенную кровать, скрипя панцирной сеткой, чтобы утром все повторилось снова.

Сергей давно не замечал дворцов и храмов вокруг, студенческие пьянки первых курсов осточертели, и сокурсники приелись друг другу. Жажда творчества притупилась. Сергей часто вспоминал домик в старой части города, с черемухой за окном, с наивными пейзажами на стенах и счастьем в вечернем тумане сентября. Теперь дом далеко за спиной, за сотни километров и часов от него. Ему уже не найти той заветной, засыпанной разноцветной листвой, ведущей к дому тропинки.

Иногда Сергей заходил в Михайловский сад, бродил среди деревьев, но листья с них почти облетели и кляксами растеклись под подошвами. Крючковатые, голые деревья застыли безучастными истуканами, и Сергей, следуя их примеру, тоже становился безучастен ко всему вокруг.

Единственное, что его беспокоило, так это никогда не покидавшая его в этом городе неясная тревога. Знакомый объяснил ее тем, что весь город стоит на костях. «Любой город стоит на костях», – отвечал ему Сергей, но в других городах это Сергея не волновало.

Там глубоко под ногами хлюпало и пузырилось болото, а низко, у самой его макушки, хлюпало и пузырилось дождем небо, а между небом и трясинной торчало чахлое деревце с облетевшими листьями, и вокруг него ходил черный пес. Дерево не могло уйти, а псу уйти было некуда, под его лапами и над головой – бескрайняя топь, и за тридевять земель ни одного человеческого дома. Отсюда и тревога, нет здесь никакого города, только ширма и декорация.

Деревце высохнет, пес умрет от собачьей тоски, странный ритуал закончится, и Сергею незачем будет оставаться. Здесь нет его дома, здесь не его земля.

Макет тем временем продолжал обретать форму. Подгонялись друг к другу грубо тесаные брусья, полати прилепились к прокопченной печи, бумажные обои мигали цветочным орнаментом на неровных стенах, над кроватью со множеством подушек повис извечный «олений» ковер.

Сергей восстанавливал в памяти детали обстановки. Скрипящие половицы, низкая дверь, кружевная салфетка

на телевизоре, корова Мурка, солнечные зайчики в осеннем лесу.

А вокруг общага жила своей обычной жизнью. Запах красок перемешался с запахом еды, ацетона и сандаловых палочек. В коридорах приходилось лавировать между сохнувшим на веревках бельем и валяющимися там же беспорядочной кучей холстами, какими-то коробками, недоделанными инсталляциями, раскиданными конечностями кукол из кукольного театра. Все это покрывал густой табачный дым, из недр которого доносились возгласы студентов актерского отделения.

Сергей давно смекнул, что неряшливость людей искусства обусловлена прежде всего нехваткой времени. Или творчество – или все остальное. Первокурсницы, например, разительно отличались от своих более старших подруг. Только что поступившие девушки старались следить за своим внешним видом, тогда как однокурсницам Сергея подобные глупости были до фонаря. Кокетство плохо сочетается с перепачканными краской джинсами, когда меняешь сумочку на этюдник и на блеск одержимости в глазах.

Сосед Сергея по комнате пропадал у подружки уже две недели, и Сергей, наконец, мог заняться работой. Процесс требовал покоя и немалой выдержки, и то, что соседа-балагура не было поблизости, приходилось очень кстати. Когда возишься с подобными мелочами, от нервного напряжения порой буквально скрипят зубы. Не раз и не два Сергей собирался запустить несговорчивую конструкцию в стену и едва себя сдерживал. Механизм смены декораций отказывался работать, поворотный круг не крутился совсем, а проклятый шифоньер, с которым Сергей возился несколько часов, десятый раз разваливался в руках. Ко всему прочему, механика сцены требовала недюжинных технических способностей, которыми Сергей похвастаться не мог, и приходилось выезжать на простой смекалке.

Взъерошенный и небритый, нередко с перекошенным злобой лицом, Сергей лишь изредка выбирался из комнаты, чтобы купить готовой еды и пополнить запасы кофе и сигарет, пугая обитателей общаги своим диким видом.

Но с непослушными механизмами все же удалось справиться, и настало время деталей. К тому времени Сергей настолько погрузился в работу, что ему стало мерещиться: он строит свой собственный дом. Он давно забыл о сюжете и о самой пьесе, где главным художником этой маленькой сцены являлся именно он. Ему чудилось, что где-то там, в полутьме игрушечной комнаты, проходит его настоящая жизнь.

Он все больше отходил от первоначальных эскизов. Добавлял детали, которые понравились бы лично ему. Умывальник переместился, а потом и вовсе исчез, обычная лампочка, болтающаяся под потолком, приобрела очертания вполне современной люстры, и в конце концов Сергей одернул себя, сообразив, что пытается устроить ремонт в им же придуманном доме.

Когда все было закончено, он оглушительно напился и продолжал в том же духе еще несколько дней.

Проснувшись в пропахшей табаком и женскими духами одежде у себя в кровати, Сергей с усилием открыл один глаз и уставился на макет, стоящий на подоконнике. Перевернувшись на спину и открыв второй глаз, он погрозил макету кулаком. Наконец, он сполз на пол, расшнуровал ботинки и, надев тапочки, поплелся к холодильнику. Обнаружив в нем пару бутылок пива, Сергей удовлетворенно крякнул, сел на стул и, рассматривая макет, почесал небритую щеку.

Конструкция представляла собой фантазию не совсем здорового человека. Нет, первый ярус декораций выглядел, как вполне вменяемая деревенская комната. Русская печь, мебель, полосатые дорожки, веник у двери. Но дальше предметы начинали деформироваться. Матицы потолка вздыбились, ломая доски и извиваясь, сплелись в чудовищную косу, устремленную вверх. Выше видимого пространства сцены, выше колосников, специального настила над ней, сквозь крышу предполагаемого театра, постепенно обретая очертания гигантского дерева.

Судя по всему, по задумке автора, деформации подвергалось не только пространство, но и время. Вплетенные в косу и в ствол дерева, искривленные и вывернутые

наизнанку, здесь встречались предметы разных эпох. Колесо от телеги ошетинилось спицами наружу, холодильник ЗИЛ, подпоясанный собственным кабелем, подобно ремню, скалился решеткой компрессора. Контуры его расплывались и таяли, этого эффекта Сергей добился, собрав холодильник из прозрачного пластика. Шифоньер, пробитый матицей насквозь, вывалил свои тряпичные внутренности, а дверца его болталась на одной петле.

Кое-где из общей конструкции торчали ржавые обломки рельсов, шпалы в пятнах мазута, рычаги путевой блокировки железнодорожных путей.

Если отбросить все безобразие, что творилось в верхней части макета, и вернуться в его нижнюю часть, то и здесь, в деревенской комнате нашлось бы немало странностей. Быт крестьянской избы делил пространство с советскими и вполне современными предметами и интерьером. Рядом с зыбкой, подвесной колыбелью к стене прислонилась бас-гитара, из-под сундука торчал угол синего мохнатого ковра, а среди крынок на столе притаилась крохотная пластиковая бутылка с темно-красной жидкостью. И если судить по эскизам и некоторым незначительным деталям, вроде вороха листьев, валявшихся прямо на полу комнаты, над всей сценой, не прекращаясь, шел листопад.

Сергей потянулся за сигаретой, но пачка оказалась пуста. Он нехотя поднялся, порылся в карманах куртки и, обнаружив несколько смятых бумажек, закрыв дверь, затопал по лестнице.

Когда Сергей вышел на улицу, пес сидел на прежнем месте, возле своей клумбы, но вид его был пугающим. Он весь словно сгорбился, сжался, вытянул шею и уткнул морду в черную землю. Мокрая шерсть иглами топорщилась на загривке, передние лапы были широко расставлены и слегка подрагивали, уши прижаты, хвост лежал в луже, но пес, похоже, этого не замечал. Но хуже всего был его взгляд.

Пес посмотрел на него, и Сергей отвернулся, не держав немого вопроса в собачьих глазах. Да и ответить Сергею было нечего, что случилось, он не знал. Пес вновь уставился в центр клумбы, где из земли торчал свежий

обрубок, и только щепки да пара жухлых листьев лежали вокруг него.

* * *

Невиданный рыжий зверь, сидя на спинке дивана, лениво наблюдал за щенком. Щенок дружелюбно завил хвостиком, и зверь в ответ тоже дернул хвостом, но дружелюбия в этом жесте не было, скорее раздражение. Щенок тявкнул и подполз на брюхе к дивану, незнакомец напрягся и издал глухое предупредительное урчание.

Кошек щенок еще никогда не видел. Да и где ему было на них посмотреть? В этом доме, щенок тут же решил, что это и есть его дом, жило целых три кошки.

Вначале он их сторонился, косолапо кружил вокруг и принохивался, но любопытство брало вверх, и круги его опасно сокращались. И вот, когда он вылакал у них все молоко и принялся за корм, рыжий кот Пыжик, что наблюдал за действиями щенка с самого появления того в доме, показал, наконец, щенку свой кошачий характер.

Пыжик налетел на него в процессе поглощения последних кусочков корма. Взрослому коту ничего не стоило опрокинуть собачьего недоросля, но щенок, имея форму, приближенную к шару, кувыркнулся пару раз по полу и вновь встал на разъезжающиеся лапы. Честно говоря, он даже не понял, что произошло, и испугаться не успел. Скорее он решил, что это какая-то новая для него игра.

Пыжик же, считая себя хозяином дома и единственным мужчиной в нем, что было безусловной истиной, угрозы не оценил. Собак он тоже видел впервые, и этот неуклюжий карапуз не вызывал у него ничего, кроме раздражения.

Кот, выгнув дугой спину и продолжая угрожающе урчать, попытался обойти щенка и зайти с тыла, но тот, отступая в обратном направлении, стал боком приближаться к коту.

Еще секунду, и Пыжик не выдержал, с воем он бросился на щенка, и пестрый клубок, разбрасывая шерсть в разные стороны, с лаем и мяуканьем, покатился по полу. Так продолжалось какое-то время, пока Пыжик, наконец,

вырвавшись из неожиданно острых, как иголки, зубов щенка, шипя и роняя посуду, не взлетел на кухонный шкаф. Щенок было погнался за ним, но вынужден был остановиться перед неприступной преградой. Тяжело дыша и облизывая исцарапанную морду, он только снизу мог облаивать шипевшего на него сверху кота.

Щенок страшно гордился своей первой победой, а победив однажды, принялся совершенно безнаказанно гонять кошек по всему дому уже каждый день. Особой вражды он к ним не испытывал, и если бы они не улепетывали от него, забавно изогнув хвосты, то и гоняться за ними было бы скучно. Но кошки удирали от него без оглядки, наполняя счастьем погони щенячье сердце. Лишь рыжий кот Пыжик злобно шипел и сверкал глазами с недоступной для щенка высоты.

Кошки, убегая, роняли цветочные горшки с подоконников, книги и сувениры с полок. Все вокруг весело гремело и рассыпалось, а счастливый щенок мячиком катался из угла в угол, наполняя квартиру восторженным тьяканьем.

Конечно, это не могло остаться незамеченным, и вскоре щенка постигла суровая кара. Хозяйке, его спасительнице из подъезда, надоели подобные безобразия, разбитые горшки и испорченные книги, и, посоветовавшись с подругой, девушка решила отправить возмутителя спокойствия в карцер, в пластмассовую кошачью переноску, с пластмассовой же решетчатой дверкой. В карцере девушка постелила для щенка теплый шерстяной шарф и положила мягкого игрушечного зайца, которому щенок, свернувшись на шарфе и с грустью глядя сквозь прутья решетки, принялся флегматично отгрызать ухо.

Но долгой отсидки у щенка не случилось, потому что утром за ним пришел хозяин. Его настоящий хозяин. Щенок почему-то сразу его узнал.

От хозяина пахло табаком и кожаной курткой, у него были теплые руки, тихий, чуть хрипловатый голос и карие глаза.

А еще щенку вдруг стало удивительно спокойно, и он бы обязательно рассказал об этом, если бы мог. Но он не мог и поэтому, высунув язык, старался улыбаться всем

вокруг: и кошкам, и девушке-спасительнице, и хозяину, и всему большущему миру за окном, сквозь прутья своей переноски.

* * *

От станции до деревни было примерно четыре километра ходу по проселочной дороге, и если на станции, по словам Влада, цивилизация была, то в деревне от нее осталось лишь пепелище – от пару лет назад сгоревшего магазина. Поэтому Сергей, подхватив одной рукой Гармошку и взяв в другую пластмассовую корзину, поспешил в торговый зал ближайшего супермаркета.

Он бродил между рядами, придиричиво оглядывая стеллажи с консервами, корзина постепенно наполнялась и, несмотря на ее, казалось бы, скромный рацион, вполне могла удовлетворить на какое-то время аппетиты и Сергея, и Щенка. В своих скитаниях Сергей прекрасно научился разбираться в сочетаниях цены и качества продуктов. Он не хватал с полок что попало, соблазнившись яркой упаковкой или брендом, а вдумчиво читал состав и, как правило, успешно забивал свой холодильник, обходясь сравнительно небольшой суммой. Это был очень полезный навык в преимущественно холостяцкой жизни Сергея, он в буквальном смысле умел сварить кашу из топора, и эта каша получалась вполне удобоваримой, если не сказать больше.

Когда он подходил к кассам, щенок начал сползать из-под согнутой в локте руки Сергея, смешно болтая в пустоте короткими лапами, чем вызвал улыбку умиления у молоденькой продавщицы. Сергей перехватил Гармошку поудобнее, поставил корзину и улыбнулся в ответ:

– Нравится?

– Да, он такой хорошенький! А как зовут?

– Меня? – глупо пошутил Сергей.

– Его.

– Эх, ну так всегда! – Сергей деланно вздохнул. – Его зовут Гармошка.

Он уже не раз замечал, что его питомец привнес немалый процент удачи в знакомства Сергея с противоположным

полом. Вид похожего на игрушку, ушастого и криволапого собачьего карапуза почти никого не мог оставить равнодушным. Естественно, что женщины смотрели вначале на щенка, а потом уже на Сергея, но большой роли это не играло.

Выйдя из магазина, Сергей поправил рюкзак, сунул в карман салфетку с номером телефона продавщицы и посмотрел на грунтовую дорогу, уходящую в сторону леса.

– Ну что, кажется, нам туда.

Щенок наострил уши, хитро поглядел на хозяина и согласен зевнул.

– Нет! Нести я тебя не собираюсь! – Сергей опустил Гармошку на теплую от осеннего солнца дорогу и отстегнул поводок. – Пойдешь ты сама!

День действительно был теплым и солнечным завершением бабьего лета. Идти было легко и весело, и щенок то радостно прыгал вокруг Сергея, то забегал далеко вперед, рылся там в траве и шуршал листьями, выслеживая невидимых грызунов.

По обочинам росли молодые березки, за ними вставал темной, густой стеной сосновый бор, встречались уютные лесные полянки, то тут, то там из травы торчали яркие шляпки мухоморов. Попался и шелестящий по камням ручеек, и щенок обляял его, намочив в нем свое брюхо.

Когда входили в деревню, уже вечерело. Во дворах домов неспешно копошились куры, где-то мерно постукивал молоток да лениво блеяли козы. Щенка вновь пришлось нести на руках. Детская косолапость совсем его измотала, к тому же из-за каждого угла настороженно выглядывали местные собаки, опасно брнчали цепями, провожая хмурым взглядом подозрительных прохожих. Щенок же, похоже, ничуть их не боялся, гордо смотрел по сторонам, храбро высунув язык.

Мимо прошел мужик, и Сергей поздоровался с ним согласно деревенским обычаям, мужик приподнял козырек выцветшей кепки, оглядывая незнакомого городского приезжего.

Вот показался колодец-журавль и его зависший в небе шест, а за ним и нужный им дом.

Он стоял на самом краю деревни и врезался покосившимся забором прямо в окруживший его со всех сторон, молчаливо насупившийся лес. И дом, и лес казались единым целым, эдаким монолитом чего-то проросшего здесь сквозь землю очень-очень давно. Темный сруб из грубо тесанных бревен, маленькие окошки еле выглядывали из травы в запущенном палисаднике, косое, с намеком на былое изящество, крыльцо. Рыжую, от облепившего ее мха, крышу лес укрыл сплетавшимися над ней ветвями деревьев. За домом торчал черный силуэт бани, а засыпанный листьями двор так же терялся в лесу.

– Грибы, видать, тоже прямо в огороде растут. Вместо огурцов! – буркнул Сергей и толкнул калитку.

Висячий замок на двери, на удивление, поддался сразу. Сергея обдало запахом сырости давно не отапливаемого деревянного помещения. Он провел рукой по стене в поисках выключателя, но его там не оказалось. Тогда Сергей достал телефон и, включив фонарик, осмотрелся вокруг.

Луч выхватывал из темноты старую мебель, которой были заставлены сени. Веники, висящие на веревках пучки трав, широкие охотничьи лыжи, какой-то огородный инструмент, прочая утварь. Все было покрыто толстым слоем пыли. Дверь справа вела в сарай и дровницу, а двери слева в остальную, так называемую чистую часть дома.

Сергей протопал по приятно скрипнувшему половицам и дернул за ручку первую дверь. Она оказалась на удивление тяжелой, из толстых досок, обитая утеплителем. Чтобы войти, Сергею пришлось пригнуться. Он знал, что низкие двери ставили в домах не только из-за практических соображений сохранения тепла, но и с неким религиозным подтекстом. Напротив входа, где-то в темноте, должен был быть «красный угол» с иконой, и входящему, волей-неволей, приходилось ей кланяться.

Сергей, наконец, нашел выключатель, безрезультатно пощелкав им, обругал сам себя: «Какой дурак оставит электричество в нежилом доме?» Он осторожно опустил Гармошку на пол, поводил фонарем по сторонам и, найдя счетчик и чуть покопавшись в нем, включил свет.

Щенок сидел у его ног на полосатом коврикe и озирался, Сергей последовал его примеру. Комната оказалась довольно просторной, с низким потолком и тремя маленькими окошками, что тоже являлось следствием теплосбережения. Слева у стены располагалась железная советская кровать послевоенного времени, не казенная койка, на которых так часто приходилось спать Сергею; кровать была явно старше. Об этом говорили декоративные излишества, витые ножки и набалдашники в форме еловых шишек. Над ней, Сергей улыбнулся, висел извечный оленин ковер.

Далее стоял массивный стол, вокруг которого столпилось несколько табуреток и один венский стул. Телевизор на тумбочке был, конечно, накрыт потускневшей кружевной салфеткой. К удивлению Сергея, в углу, рядом с советским холодильником ЗИЛ, притаилась новенькая бас-гитара, видимо, ее приволок сюда Влад. Но самым главным атрибутом комнаты являлась, естественно, русская печь. Она венчала собой весь интерьер. Огромная, привалившись к правой стене, она серым массивным уступом нависала над остальными предметами в комнате.

Сергей погладил ладонью ее неровные, в трещинах, бока, заглянул в подпечье, распрямился и уважительно крикнул. Печник действительно сложил печку на славу. И, хотя ее давно не протапливали, а из темной глубины тянуло сыростью, функционировать печь должна была без нареканий, а если подкинуть достаточно дров, то такой агрегат легко высушит любую влагу вокруг себя. И сделать это было необходимо в ближайшее время: Сергей повел носом, чувствуя легкий запах плесени и гнили, обычный, впрочем, для одиноких, покинутых домов.

Бегло осмотрев вторую комнату и сочтя ее скорее вспомогательной, Сергей присел на корточки возле топки, любяясь мельтешащими сквозь щели заслонки языками огня и прислушиваясь, как в жаркой утробе с воем разгорается пламя.

Щенок подходить к печи поостерегся и поглядывал на нее из-под стола, а в глазах его отражались веселые оранжевые огоньки.

Ветер, что гонит листья

Синяя иконка Фотошопа предательски мерцала на мониторе ноутбука, напоминая о скором дедлайне. Сергей недовольно покосился на нее и, оттягивая момент, решил для начала налить себе кофе. Но кипятка в чайнике не оказалось, как, впрочем, и воды в жестяном ведре, которое Сергей приспособил для этой цели.

– Что ж, Гармошка, – вздохнул он, внутренне радуясь этому обстоятельству, – придется за водой опять топтать.

Сергей накинул выдавшуюся виды куртку, которую нашел здесь же (его походная «горка» незаметно превратилась в выходной костюм), подхватил ведро и вышел на улицу. Щенок радостно выскочил следом.

Ветра не было, и низкие тучи маялись в небе, не зная куда им податься. Оттого они лишь меняли цвета – от совсем белесых до угрожающе темных оттенков. Лес громоздился под самым их брюхом, норovia вспороть его острыми пиками многочисленных елей, и время от времени отправлял на землю десант из опадающих листьев.

Сергей крепче ухватил звенья тяжелой цепи и осторожно стал опускать ведро в гулкую темноту колодца. Он всегда боялся, что случайно выпустит цепь из рук, шест взмоет вверх, словно рычаг катапульты, а ведро повиснет там, где его будет уже не достать. Поэтому, ожидая подвоха от этого чуда техники, Сергей осторожно начал с процессом добычи воды, опасаясь стать для деревенских городских посмешищем.

Но на этот раз процесс прошел без приключений, и Сергей, обильно расплескивая воду себе на штаны, потащил ведро домой. Там, наконец, заварив кофе, нехотя сел за ноутбук.

Курсор застыл на нужной рабочей иконке, затем неопределенно покругил по экрану и обреченно сполз в угол на значок социальной сети. Сергей щелкнул по нему мышкой и откинулся на спинку осуждающе заскрипевшего венского стула.

Работа никак не клеилась, и он, потягивая кофе, принялся лениво крутить скроллом ленту новостей.

Перед глазами плыли скучные заметки политических событий, не менее скучные фотографии с летних отпусков друзей и знакомых, назойливо-яркие пятна рекламы. На одной из фотографий Сергей задержался. Было странным, что фото вообще попало в его ленту; Сергей знал, что после расставания с Анной он прочно висел у нее в «черном списке» и никак не мог просматривать ее новости, даже если бы хотел. Но он не хотел. И все же невольно взгляделся в знакомые, казалось, черты.

Красная помада, жеманно приоткрытые губы, вычурно ярко накрашенные глаза. Этот ее образ разительно отличался от той скромной девушки, которой он хотел ее помнить, когда они познакомились на вечеринке после сдачи проекта на его тогдашней работе.

Это было в столице, куда Сергея занесло после города на Неве. Столица приняла его холодно, и в прямом, и в переносном смысле. Промозглая, залитая дождями, которые, как казалось Сергею, тянулись сюда вслед за фурами и поездами по трассам и железным дорогам со всей страны.

Сергей стоял под дождем на ступенях вокзала и жевал пирожок, раздумывая над тем, куда держать путь. Дело в том, что в столице Сергей никого не знал. То есть совсем никого, не было у него здесь ни родственников, ни друзей, ни даже отдаленных знакомых.

В сущности, это было не страшно. Тысячи людей заносит сюда ветер надежд в поисках счастья, чтобы затем погнать их, как дворник метлой, кувыркаясь, обратно в их родной угол.

Сергей доел пирожок, неопределенно хмыкнул и зашагал к метро.

Ночлег он нашел в хостеле на окраине города. Ну как в хостеле? Скорее в ночлежке, где был представлен решительно весь интернационал бывшего Союза. Здесь ютились мигранты всех мастей, шабашники, мелкий криминальный элемент, просто забулдыги. Да кого здесь только не было, был даже одинокий, молчаливый дед, лет ста с виду. Дед целыми днями сидел в углу, на своей шконке, молчал и улыбался в длинную седую бороду. Совсем вет-

хий, в старом протертом пиджаке и трико, он сидел на месте, опираясь на клюку, на все вопросы отвечал молчанием и лишь улыбался в ответ. Позже Сергей выяснил, что деда кинули на квартиру его собственные внуки и запихали старика в этот гадюшник с глаз долой. Никто не знал, как его зовут, и называли просто Дед.

«Хостел» представлял из себя три комнаты, в которых в два яруса стояли кровати. И в каждой комнате спали, бодрствовали, играли в карты, листали газеты в поисках работы, примерно тридцать мужиков, от простых вахтовиков до форменных жуликов и воров. Общее настроение помещений ночлежки весьма напоминало обстановку камер общего режима, и даже на окнах висела грубая, в клетку, решетка.

Владельцу нижнего койко-места полагалась тумбочка, а тому, кто оказался «на пальме», то есть на втором этаже, приходилось довольствоваться только своей койкой.

Была и душевая: две душевых кабинки на почти девятью человек. Горячей воды в кабинках не было, потому туда все равно никто не ходил. За душевой располагалась кухня, помещение, облепленное грязной, некогда белой плиткой, вотчина тараканов и местных синяков.

Это, пожалуй, было самое опасное место в «хостеле». Бухали там круглосуточно. Бухали, дебоширили, дрались, били посуду, нередко о голову собутыльников. Получить пером под ребро там было проще некуда. И Сергей заглядывал туда только в самых крайних случаях.

В воздухе плавало, переплетаясь, множество самых неповторимых ароматов. Они сливались в итоге в вязкую, густую, ощутимую кожей поволоку, которая висела повсюду подобно туману.

Но проживание в хостеле стоило сущие копейки, и для Сергея, в данный момент, это было решающим фактором. Он согласился с суммой, заплатил за неделю и зашагал к своему месту.

Кинув сумку и куртку вслед за ней, Сергей уже собрался лезть на «пальму», как вдруг из полумрака нижнего яруса показалась белобрысая голова, а за ней, повозившись, вылез и сел на койку худощавый паренек, ее владелец.

– Здорово, сосед, – паренек протянул руку, – будем знакомы?

– Ну, будем... – несколько замешкался Сергей, озадаченный такой прямолинейной манерой знакомиться.

– Тебя как звать-величать?

– Сергей, – ответил Сергей, пожимая неожиданно крепкую руку.

– Серега, значит. А меня Белый. Саша, – зачем-то добавил паренек и ощерился. Переднего зуба у Белого не было.

– Ты откуда, Серега?

– Издалека, – нехотя ответил Сергей.

– И я издалека! – обрадовался Белый. – Земляки, значит!

С этого момента начался в жизни Сергея его столичный период. С Сашей Белым они вскоре сблизились, и, хотя для обоих это была скорее вынужденная мера, стали хорошими друзьями.

Белый был из маленького городка у черта на куличках, откуда давным-давно сбежал, помотался по стране от Байкала до Питера и, наконец, осел в столице. Он сменил огромное количество случайных работ и подработок, и его опыт был сейчас очень на руку Сергею.

Ко всему прочему, Белый и теперь был в поисках подработки, и, покурив, они решили искать ее вместе.

– Не, – объяснял Белый, сидя на подоконнике в коридоре и царапая ногтем по страницам газеты «Работа», – это лохотрон! Агентство, короче. Они тебя заманивают хорошей зарплатой и теплым местом. А когда придешь, то там будет сидеть хмырь в кабинете, из сортира переделанном, впаривая всякую дичь. Таких контор сотни, если не тысячи.

– А если грузчиками куда? – неуверенно предложил Сергей, которому и думать было нечего о том, чтобы вот так с ходу устроиться в столице на работу по специальности. А деньги в кармане угрожающе кончались, и не просто кончались, а грозили уйти в минус.

– Так... поглядим. Ну, во всякие «Пятерки» не советую. Ты там сдохнешь. Я один раз попробовал и на следующий день сбежал, лучше кирпичи на стройке весь день таскать.

Кстати, о стройках! – Белый почесал свою белобрысую голову, перевернул несколько страниц и промурлыкал: – «Москва не сразу строилась».

– Но на стройках одни узбеки, – засомневался Сергей.

– Везде одни узбеки, – задумчиво протянул Белый, – а мы будем искать русскую бригаду. Желательно профессиональную.

Он снова полистал страницы, что-то подчеркнул ручкой и, отложив газету, посмотрел на Сергея и весело пропел:

– А мы монтажники-высотники, и с высоты вас шлем...!

Конечно, в монтажники их никто не взял, никакого допуска на высоту у них не было, но работа и без того была опасной. Заключалась она в следующем.

Суровые мужики, болтаясь на ветру вдоль стен высотных домов нового столичного района, заделывали герметиком межпанельные швы, в обязанности же Сергея и Белого входило этот самый герметик им вовремя подавать. Для этого приходилось вывешиваться из окон и с балконов на головокружительной высоте и бегать по перекрытиям без всякой страховки с тяжелыми ведрами в руках. Правда, платили им за это более чем хорошо, и через какое-то время парням удалось выбраться из проклятого хостела, сняв на двоих небольшую комнатку. Начиналась эра коммуналок.

Для незнакомого с бытом коммунальных квартир Сергея вскоре стало ясно, что в полутемных коридорах, общих кухнях, за дверьми малюсеньких комнат люди сходят с ума целыми семьями. Это было немудрено, если живешь с женой и двумя детьми на двенадцати квадратных метрах, ведешь непрерывно войну с такими же озлобленными соседями за каждый глоток воздуха и понимаешь, что тебе никогда не выбраться из этих стен. Что тебе до конца жизни предстоит чистить плиту, загаженную соседским супом, и этот обшарпанный потолок и есть потолок твоей скудной жизни.

Куда бы ни заезжали во время их совместного проживания Белый с Сергеем, везде они встречали пять типов людей, обитающих в коммуналках. Первым типом была семья, включающая в себя апатичного, опустошенного

мужика-работягу, остервеневшую, как правило, толстую тетку-жену и несколько неопрятных, малолетних спинок-ризов. Вторым обязательным постояльцем была одинокая старая дева, тихая, с маленькой собачкой или с кучей кошек, которые везде постоянно ссали. Должна была присутствовать вредная бабка, разной степени адекватности. Самым нормальным типом жильцов считались студенты или такие же, как они, рабочие, для которых коммуналка являлась лишь временным пристанищем. Еще имелся местный алкаш, неустанно писающий мимо унитаза и какой-нибудь странный, но колоритный мужик, живущий за творником. Два последних типа могли совмещаться.

Однажды соседом Сергея и Белого оказался моряк дальнего плавания. Он проживал в коридоре и спал в его полутемном углу. По какой-то причине его престарелая мать не пускала сына в свою комнату, и моряку приходилось жить в углу между тумбочкой с общим телефоном и старым, непонятно чьим велосипедом. Иногда он заходил к парням посмотреть старый телевизор и потравить свои моряцкие байки.

Тем временем дорожки Сергея и Белого начали расширяться. Случилось это, прежде всего, из-за того, что социальный статус парней постепенно начал расти, и им больше незачем было ютиться в одной комнате. Вдобавок Белый решил остаться в строительной сфере и принялся упорно карабкаться к ее высотам, тогда как Сергей не оставлял попыток найти работу по специальности и начал добиваться в этом некоторых успехов. Вскоре парни разъехались, обзавелись более-менее комфортабельным жильем, но общаться не прекратили. Собирались за рюмочкой-другой, вспоминая свою бродяжью жизнь и путешествия по маргинальным окраинам столицы.

Некоторые успехи Сергея на тот момент выглядели примерно следующим образом. Вначале ему стали попадаться небольшие, частные заказы, связанные с версткой и графическим дизайном. Они давались ему сравнительно легко, и Сергей увеличил их численность, а вместе с ней трудоемкость в их исполнении. Он старался брать заказы все сложнее и сложнее, что было необходимо для собст-

венного развития. Постепенно он обзавелся необходимой техникой, создав в своей комнате маленькую графическую студию. А собрав довольно увесистое портфолио, решил устроиться на работу официально.

Вскоре, впрочем, Сергей об этом пожалел. С его опытом работы его готова была принять теперь любая контора. От доморощенных девочек-дизайнеров он отличался тем, что имел настоящие художественное образование, мог что угодно отрисовать просто от руки, а не гнуть линии на мониторе.

Но радость Сергея была преждевременной. Работа в офисе оказалась обычным конвейером по производству бесконечных примитивных этикеток, дурацких буклетов, календарей и логотипов для никому не известных фирм по продаже, например, унитазов. А еще Сергей все чаще с тоскою вспоминал мужиков-строителей, их искренность и простоту, сравнивая с лицемерием и подлостью офисных работников.

В один прекрасный день Сергей набрел в интернете на объявление о том, что в студию «Арт-макет» требуется макетчик, и решил позвонить, даже не подозревая, что злополучный звонок перевернет все его планы на жизнь. Станет тревожным звонком перед ураганом, который вновь унесет его далеко-далеко от этих мест. Именно там Сергей встретил Анну.

К тому моменту он уже около полугода работал в «Арт-макете» и, имея, в связи со своей специальностью, колоссальный опыт, считался ценным сотрудником. Сказать, что работа ему нравилась, значит не сказать ничего.

Сергей был абсолютно свободен, распоряжался своим временем, как ему было угодно, ни перед кем не отчитываясь, а заработанные деньги он попросту не знал, куда девать. В конце концов он снял приличную, если не сказать больше, квартиру недалеко от центра и основательно пополнил гардероб.

Анну он заметил сразу, как только она появилась в их студии. Хрупкая, стройная, светловолосая девушка с голубыми глазами. Почти девочка, намного младше Сергея, она была студенткой-первокурсницей политехнического

университета, а здесь лишь иногда подрабатывала, когда позволяло время, выполняя разные несложные поручения, связанные с покраской незначительных деталей макетов.

Не сказать, что она сразу вскружила Сергею голову, да и он уже давно перестал быть восторженным юнцом, но он все чаще отрывал глаза от своего заваленного грудями пластика рабочего стола, чтобы найти ее взглядом среди работников.

Но вот, после сдачи очередного коммерческого макета, над которым вся мастерская корпела уже несколько месяцев, было принято справедливое решение вознаградить сотрудников за труды совместной попойкой в теплом домашнем кругу. Смели со столов картонные и пластиковые обрезки, сдвинули их вместе, сбегали в магазин.

Вокруг на стеллажах громоздились друг на друга миниатюрные домики, мосты, аллеи с фонарями и даже целые улицы, между бутылками и рюмками стояли маленькие автомобили, кареты и лошади, которые в спешке забыли убрать. Все это, вместе с неярким светом настольных ламп, добавляло уюта.

Сергей изрядно захмелел, на что, как он сам считал, имел полное право, так как львиная доля работ над макетом была выполнена как раз им, и все с большим интересом поглядывал на Анну. Но подсесть к девушке он осмелился только ближе к вечеру, когда все коллеги в изрядном подпитии разбрелись по мастерской, и на них никто не обращал внимания.

Задав пару дежурных вопросов, узнав, что ее зовут Анной, и представившись сам, Сергей приумолк. Разговорить девушку оказалось делом не простым. Она лишь застенчиво улыбалась, глядя в сторону. Складывалось впечатление, что Анна стесняется того, что ей оказали внимание. Как позже выяснилось, так оно и было.

Анна росла тихим домашним ребенком. С детства она предпочитала шуму города каникулы в деревне у бабушки, где целыми днями могла возиться с цыплятами, курами и любимой козой. Школьная популярность также обошла ее стороной, да она ее и не искала, ей вполне хватало единственной лучшей подруги, мамы, бабушки и козы для того,

чтобы ее мир был самодостаточным. Там она пряталась, все чаще сталкиваясь с непониманием в окружающем ее большом, настоящем мире, в котором Анна чувствовала себя гадким утенком. Приехав же учиться из провинции в столицу, столкнувшись с ее бескомпромиссными законами, она вдруг осознала, что прятаться больше некуда, и замкнулась окончательно. Опыта общения с противоположным полом Анна не имела совсем, оттого растерялась, когда Сергей уселся рядом с ней.

Позже эти черты ее характера больше других вызывали в Сергее нежность, граничащую порой со странной, почти братской любовью. Ее незащищенность, доверчивость, даже детскость (мнение Сергея, на которое Анна очень обижалась, стараясь выглядеть для него старше, чем она есть), не оставили бесчувственной его запылившуюся душу, и Сергей однажды, в раздумьях катая по столу свой желудь-талисман, решил, что нынешняя его жизнь более всего подходит под описание того метафизического дома, который ему так долго не удавалась найти.

Но все это было позже, а в тот день Сергей был рад уже тем, что выцыганил у Анны телефон и координаты ее социальных сетей.

Дальше их отношения развивались легко и непринужденно, сами собой. Они встречались в маленьких, уютных кофейнях, гуляли по засыпанным листвой аллеям, а через какое-то время Анна переехала к нему.

«Быть может, то самое пресловутое “Далеко” кончается именно здесь?» – все чаще думал Сергей, подходя вечером к дому.

«Дуб, с которого скатился мой желудь, дом в старой части города, общаги, хостелы и коммуналки – все это действительно далеко за спиной. – Сергей смотрел на теплые окна их с Анной квартиры. – А наши окна близко, вот они, окна!»

Он звонил в дверь, и Анна бежала ему открывать, помогала снять куртку, сетовала, что хотела пожарить к ужину котлеты, но сожгла их. Сама себя обвиняла в том, что она ужасная хозяйка, и сама же норовила от этого разрыдаться, уткнувшись лицом в его плечо. Он гладил ее по голове

и думал, что счастлив, если бы не относился с подозрени-ем к таковому явлению, как это самое счастье.

Анна училась и реже появлялась в мастерских «Арт-макета». Сергей работал, устраивая себе по желанию выходные дни. Квартира позволяла им жить, не стесняя друг друга, и хронически уставший от общего жилья Сергей мог спокойно поработать над своими творческими проектами в отдельной комнате. На его письменном столе, рядом с ноутбуком, сидела игрушечная собачка, подарок Анны, хитро поглядывая на него.

Жизнь казалась безоблачной, но столичный дворник уже вышел на улицу, чтобы вынести лишний мусор из города.

Анна стала меняться. Сергей не обратил на перемены внимания, списав их на обычную акклиматизацию к большому городу. Да и перемены происходили изначально незначительные, но вскоре их уже нельзя было не замечать. Все чаще по вечерам, когда он приходил домой, Анны там не оказывалось. Она появлялась много позже, покрасневшая, веселая, объясняя свое отсутствие встречей с подругами. Встречи эти порой растягивались и на всю ночь, но пока она, по крайней мере, его предупреждала.

Сергей всегда был рад подарить Анне новое платье, косметику или другие женские мелочи, и она заказывала их, как правило, в интернет-магазинах. Но в последнее время поток доставляемых товаров вдруг стал стремительно расти. Сергей, конечно, знал, что у Анны есть собственные деньги, и это его ничуть не волновало, есть и есть, его настораживало другое. Косметика уже заполнила собой все шкафчики и полки в ванной, оттеснив скромный мыльнорыльный набор Сергея на периферию, а позже принялась распознаться из ванной и в другие комнаты. Что касается новых платьев Анны, то их Сергей не видел вовсе. При нем она платьев не надевала, а уходила в них только гулять с подругами.

После работы Сергея теперь ждал пустой дом, гора грязной посуды в раковине и надкусанные куски пиццы по всей квартире. Сергей поймал себя на мысли, что не хочет возвращаться домой. Он так и поступил, засидев-

шись на работе почти до утра, а вскоре это вошло у него в привычку.

Первый скандал разразился как раз из-за немытой посуды. Вернувшись домой раньше, он застал Анну в кровати и с телефоном в руках; последнее время, когда он приходил, она уже спала.

– Быть может, ты начнешь за собой посуду мыть? – спросил устало Сергей. – Об уборке я уже не прошу. Почему я должен мыть ее за тебя?

– Там и твоя посуда есть. – Анна даже не оторвалась от телефона.

– Нет, Аня, там нет моей посуды. Если ты не заметила, я завтракаю, обедаю и ужинаю на работе.

– Хорошо, помою. – Анна продолжала улыбаться в экран.

– Вот иди и помой. – Сергей почувствовал, как из глубины поднимается, пузырясь, темная волна бешенства.

– Сказала, помою. Отстань! – Она все же вскинула на него глаза, но не двинулась с места.

Тогда Сергей шагнул к ней, ухватил за запястье и выдернул из-под одеяла.

– Живо. – Он закрипел зубами, едва сдерживая себя, чтобы не потащить ее на кухню за шиворот пижамы.

Но он тут же в изумлении отпустил ее. Невероятно, но Анна стояла перед ним и улыбалась. Улыбалась холодно и мстительно. Такой он ее никогда не видел. Она развернулась и молча вышла на кухню, а Сергей сел на краешек кровати, перевел дух и успокоился. Затем он достал телефон и набрал номер Белого:

– Сань, привет! Ты дома? Я заеду?

У Белого он провел двое суток. Время прошло, как в тумане. Друзья просыпались, шли на кухню, выпивали, о чем-то спорили или договаривались и опять валились спать. Наконец, отведав душу, Сергей отправился домой.

Дома его встретила притихшая Анна. В квартире было прибрано, из кухни чем-то приятно пахло. Сергей прошел в ванную, умылся и почистил зубы, после двухдневной пьянки во рту будто кошки насрали. Он посмотрел в зеркало: оттуда на него уставился небритый тип

с всклокоченными волосами. Сергей криво ухмыльнулся, открыл шкафчик в поисках пены для бритья и тут заметил, что Анна стоит в дверях, прислонившись плечом к косяку.

– Прости меня! – едва слышно попросила она.

Сергей уже простил. Он обнял ее и прижал к себе.

Но идиллии хватило ровно на пару дней, и все началось с новой силой. Скандалы, придирки, все чаще Анна ночевала у подруг, или не у подруг, Сергей не знал, трубку она уже не брала. Сам Сергей, оставаясь один, все чаще стал прикладываться к бутылке. Сон никак не шел, и он бродил по ночам из угла в угол по пустой квартире. Финал стремительно приближался.

Проспав весь день после бессонной ночи, Сергей проснулся уже под вечер. Сквозь приоткрытую дверь своей комнаты, Сергей ночевал здесь на диване, с Анной они уже давно не спали вместе, он услышал, что она только что пришла и собирается куда-то вночь.

Сергей вышел в прихожую и присел на корточки:

– Аня, нам надо поговорить.

– Говори. – Она красилась перед зеркалом.

– Так больше продолжаться не может.

– А что тебя не устраивает? – спросила Анна, подводя карандашом глаза.

Сергей почувствовал, как внутри вночь начинает бурлить, закипая, черная волна. Но вдруг, к его изумлению, кто-то выключил газ, пинком разбросал костер под котлом, и волна мгновенно остыла, наступил полный штиль.

Дальше он наблюдал все как будто со стороны.

– Уходишь? – буднично спросил он.

– Да.

– Совсем?

– А тебе бы хотелось? – язвительно спросила Анна.

– Ну, я думаю, что тебе есть куда и к кому пойти. – Сергей посмотрел на свою висящую на вешалке куртку и отметил, что замок на правом рукаве начал заедать.

– Есть. Конечно, есть! – Анна резко повернулась, на ее лицо напознала прежняя злобная улыбка.

Сергей с изумлением заметил, что глаза ее потемнели, зрачки сузились, а лицо будто бы вытянулось вперед.

– Ты меня не замечаешь, с работы своей не вылезает, а мне мужик нужен! – продолжала шипеть Анна.

«Мышь!» – чуть было вслух не выпалил Сергей. Она сейчас была похожа на маленькую злую мышь. Глазки уменьшились и потемнели до черноты, мордочка вытянулась, во рту стучали мелкие острые зубы. Того и гляди покусает.

Анна замолкла и с удивлением посмотрела на Сергея, который, в свою очередь, ошарашенно глядел на нее. По всему было видно, что ошарашен он вовсе не сказанным ею, а чем-то другим, ей незаметным. Она потопталась в нерешительности, но, так и не дождавшись ответа, взяла сумочку и открыла дверь. В дверях Анна обернулась.

– Я за вещами позже заеду, – сказала она и вышла в подъезд.

Сергей еще немного посидел в прихожей, затем прошел в комнату, достал из шкафа бутылку виски, налил рюмку и выпил, подумал и выпил еще. Затем он взял телефон, набрал номер «Арт-макета» и сказал, что увольняется, объяснив происходящее семейными проблемами. На вопрос, куда ему перечислить остатки зарплаты, он назвал номер Анны. С минуту постояв в раздумьях, Сергей достал свою дорожную сумку, запихал на дно ноутбук, накрыл его ворохом одежды, покосился на игрушечную собачку на столе, поразмыслил и запихал следом и ее.

Через час Сергей курил на тех же ступенях вокзала, что и год назад. Дождь еще не начался, но воздух уже стремительно сырел.

– И далеко ты теперь? – спросил Белый, тоже закуривая.

– Далеко.

– Понятно, – понимающе кивнул тот.

Сергей отдал ему ключи, чтобы друг забрал вещи, которые еще оставались в его бывшей квартире.

– Ну что, пока, бродяга? – Сергей выбросил окуроч. – Приедешь в гости?

– Туда, «где далеко»?

– Туда, «когда далеко»!

Друзья рассмеялись и обнялись.

Подходя к вагону, Сергей, вместе с билетом, выудил из кармана остатки своей наличности и пересчитал. Оставалось негусто, но все же Сергей надеялся, что ему удастся арендовать себе угол хотя бы на неделю вперед.

* * *

Щенок сидел под деревом во дворе, задрав голову и высунув язык, он следил за тем, как с веток один за другим срываются листья и, падая, кружатся в воздухе. Дерево было очень высокое для маленького щенка, и вскоре у него затекла шея. Тогда он встал и по-хозяйски обошел периметр огорода. Так он делал каждый день, считая патрулирование территории своей прямой собачьей обязанностью. Он и чувствовал себя теперь взрослой и грозной сторожевой собакой и, несмотря на то что трава во дворе скрывала щенка вместе с ушами, старался идти с гордо поднятой головой. Нарушителей спокойствия он почти не встречал, попадались, конечно, ящерицы, но поймать их не удавалось, реже попадались лягушки. Однажды на перекладину забора уселась большущая ворона и закаркала на щенка. Щенок разозлился и какое-то время бегал вдоль забора, отчаянно тьявка. Ворона же продолжала каркать и насмехаться над бестолковыми щенячьими потугами, пока ей не стало скучно и она не улетела.

Тьявкать тоже было обязанностью щенка. Но тьявкать во дворе, кроме как на ворон и лягушек, было решительно не на кого. Если же подойти к забору, отделяющему огород от улицы, протиснуть зад под штакетником и расположиться на крыльце, то для щенка открывались богатые перспективы.

По улице бродили, озабоченно кудахтая, куры, козы задумчиво жевали траву, иногда пробегали разноцветные кошки, а под вечер с пастбища возвращались большие и рогатые коровы. Коров маленький щенок опасался и лаял на них только издали, но за курами и козами гонялся без стеснения. Правда, однажды соседский козел Борька, которому уже поперек горла встал косолапый и шумный

нахал, угрожающе опустил рогатую голову и шагнул в направлении щенка. Ударяя от козла, щенок застрял под забором, оцарапал спину, оставив на штакетнике пару клочков шерсти, и больше Борьку не задирали. Когда ему надоедало бегать за курами, щенок принимался валяться в пыли на дороге. Тогда хозяин ворчал на него и на кровать щенка не пускал.

Однажды к хозяину приехал его друг Влад, тогда щенок, улучшив момент, украл у Влада кроссовку и спрятал за баней в кустах. Влад и хозяин долго ругались, но кроссовку так и не нашли, сегодня щенок проверил кусты, и кроссовка была по-прежнему там.

Иногда они с хозяином ездили на электричке в город, в непонятное место, которое хозяин именовал работой. Там хозяин куда-то уходил, оставляя щенка с местными девушками, которые тискали его и кормили неизвестными лакомствами. Щенку нравились такие поездки, нравилось внимание людей «на работе» и просто в городе. Электрички он тоже любил. Забравшись на колени к хозяину, он ставил передние лапы на резиновую окантовку окна и наблюдал, как мимо плывут деревни и полустанки, поля и речушки, желтые, сыплющие листьями, леса.

Но больше всего он любил их с хозяином деревенские вечера. Хозяин топил печку, огонь весело трещал в ее кирпичном брюхе, и становилось тепло. Тогда хозяин открывал заслонку и подолгу смотрел на огонь, задумавшись, а щенок подползал под его руку и тыкался в нее мокрым носом. Хозяин отвлекался и, улыбаясь, гладил щенка, а щенок старался перевернуться на спину, чтобы ему почесали живот.

Дверь скрипнула, и хозяин, достав сигарету, присел рядом на крыльце.

– Ну что, Гармошка, нравится тебе здесь?

Конечно, щенку здесь нравилось. О чем тут спрашивать? У него был настоящий хозяин, самый настоящий дом, своя миска и подстилка из старой шубы. Была даже старый резиновая тапка, которую ему разрешалось безнаказанно грызть. Время его недавних тревог уходило, и наступало нехитрое собачье благополучие.

* * *

На улице было зябко, и моросил мелкий дождь. Сергей взерошил мокрые волосы и огляделся. Серый перрон станции, редкие пассажиры будничной послеобеденной электрички, Гармошка спряталась под лавкой от дождя.

Интернет в деревне пропал еще вчера, заказы повисли в воздухе, и необходимо было ехать в город, чтобы решить этот вопрос. Вчера же Сергей побродил по дому, маясь от безделья, достал из угла бас-гитару и, сыграв пару партий, которые помнил, убрал инструмент на место, решив, что басист из него никакой. Тогда он вышел в огород, закурил, и взгляд его упал на приземистую, черную от копоти постройку. В баню Сергей еще не заходил, но это упущение давно пора было исправлять, учитывая то, что импровизированный летний душ, собранный Сергеем из всякого хлама, совсем перестал отвечать сезонным требованиям.

Некоторый опыт в банном деле у Сергея имелся, но с баней по-черному он сталкивался впервые. Строение оказалось совсем крошечным и освещалось огарком свечи в граненом стакане. Решительно все здесь покрывал толстый слой сажи. Стены, потолок, единственное окошко — сажка была везде. Хлопьями она висела на паутине по углам.

— Как здесь мыться-то вообще? — недоуменно пробормотал Сергей, заглядывая в котел для горячей воды. Но внутри котел оказался чистым, только чуть тронутым ржавчиной. Лавочки тоже нуждались лишь в незначительной уборке.

Сергей позвонил Владу и, пользуясь его сомнительной инструкцией, натаскал в баню воды, наколот дров и, запахав их в топку, чиркнул спичкой. Когда дрова разгорелись, Сергей прикрыл дверь и уселся в огороде, со стороны наблюдая за происходящим.

Через какое-то время из бани повалил дым. Дым выходил не через трубу дымохода, которой не было в принципе, а сочился прямо через крышу и через все доступные ему проемы. Сергей не на шутку перепугался: создавалось

впечатление, что баня внутри уже вся объята пламенем, и вот-вот оно вслед за дымом вырвется наружу. Но, прильнув к мутному стеклу маленького окошка, сквозь плотную пелену он увидел, что огонь не пожирает лавочки и стены, а мирно подмигивает из топки печи.

Через какое-то время задымление сошло на нет, последние угли вспыхнули и погасли, а Сергей, раздевшись, решил наконец войти в парилку. Дыма внутри действительно не было, температура стояла вполне сносная, и Сергей, зачерпнув из котла горячей воды, с размаху опрокинул полный ковшик на камни печурки. Печь буквально взорвалась облаком обжигающего пара, плюнув в ответ брызгами кипятка. Парилка мгновенно наполнилась раскаленным туманом, который заставил Сергея, согнувшись пополам, пулей вылететь в крохотный предбанник, хлопнув за собой дверь.

Немного отсидевшись там, растирая обожженные уши, Сергей наконец осмелился опять сунуть нос в парилку. Температура там немного упала, а туман рассеялся. Тогда Сергей, прихватив припасенное заранее ведро колодезной воды и все так же пригибая голову, снова полез внутрь.

Экспериментов с печью он больше не проводил, а напротив, время от времени, выливая на голову ковш ледяной воды, радостно матерясь и фыркая, приступил к непростому, в данных условиях, процессу соблюдения личной гигиены. И хотя он больше перемазался в вездусущей сажке, чем вымылся, Сергей все же решил, что в бане по-черному куда больше обаяния, чем в обычной, а если приноровиться, то и некоторые неприятные особенности вполне можно пережить.

В ту ночь он спал как убитый, а проснувшись и позавтракав молоком и вареными яйцами, купленными у соседей, Сергей и Гармошка засобирались в город.

Дожидааясь электрички под уныло моросящим дождем, Сергей совсем заскучал, предвкушая впереди час дороги, в которой нечем будет заняться, кроме изучения тоскливых осенних пейзажей, но внезапно он услышал за спиной голос и слово «Здравствуйте», а Гармошка потянула поводок куда-то назад.

Обернувшись, он лицом к лицу столкнулся с рыжей де-вушкой, той самой, которую не так давно видел в ветери-нарной клинике.

– Здравствуйте! – еще раз повторила она и улыбнулась. – Я почему-то знала, что еще раз вас встречу. Вы меня помните?

– Здравствуйте, – удивленно уставился на нее Сергей, – да, я вас помню, откуда вы здесь?

– У нас здесь бабушка живет, ездили навещать. Меня Тася зовут, – девушка по-мальчишечьи протянула Сергею руку, – а это Матвей, Мотя, – кивнула она на песика, кото-рый старательно обнюхивал Гармошку. – Вы здесь по де-лам? Грибов я у вас не вижу. – Нет, мы с Гармошкой здесь живем, – Сергей мельком взглянул на грунтовую дорогу, по которой они недавно пришли, и добавил: – недалеко.

– Недалеко, – задумчиво повторила Тася, а затем встре-пенулась, – недалеко – это хорошо, можно будет чаще встречаться. Какое интересное имя у вашей красавицы, расскажете по дороге мне историю его происхождения?

Электричка неслась в сторону города, но путь больше не казался долгим. Он стал слишком близким, всего лишь час. Совсем близко, совсем не далеко.

Девушка напротив смеялась над его историей и исто-рией Гармошки, а под их ногами возились щенок и ее ма-ленький песик.

Своя земля

Сергей погладил желудь пальцами, опустил в ямку у за-бора, присыпал землей и повернулся к дому. Сгушались ранние осенние сумерки, и вокруг стояла удивительная тишина, от которой внутри становилось спокойно. Было слышно, как с веток падает каждый листок и ложится в траву, шурша, словно кто-то невидимый бродит рядом.

Так было когда-то очень далеко в осеннем лесу, где Сер-гей пил вино, и желудь с огромного дуба скатился к нему в ладонь. И только теперь нашел свою землю.

Сергей смотрел на дом, на тускнеющую за ним полоску заката и думал над тем, что, быть может, случайностей не

происходит вовсе. Все заранее известно, как концовка в старой, прочитанной когда-то книге. И сколько бы ты ни вырывал из нее страниц, ни переписывал сюжет, конец всегда будет одним и тем же. Потом, дальше будут новые главы и новые тома, но это будут уже другие книги, до ко-торых пока далеко. В этой осталась последняя глава, проч-тешь ее, захлопнешь обложку, и старая книга рассыплет-ся в руках, а пожелтевшие листья ее страниц разлетятся по ветру.

Запомнится только финал, а пути, приведшие к нему, не так и важны. Буквы и слова, события и поступки ав-тор волен менять местами на свое усмотрение, но в конце концов ему придется поставить точку. И к этой финальной точке стремится все повествование.

Сергей вспомнил, как желудь упорно катился в один из дальних углов столешницы, невзирая на препятствия, ока-завшиеся у него на пути, и криво усмехнулся.

Где-то за лесом прощально прогудел поезд, Сергей во-шел в дом и сел на кровать. Щенок мирно спал у его ног на своей подстилке из старой шубы, но, когда вернулся хо-зяин, заворчал и, зевая, проснулся. Он косолапо подошел к своей миске, обнюхал ее и, вернувшись обратно, снова уселся у ног.

Сергей посмотрел на щенка, раздумывая над тем, что и он приложил лапу к тому, что сейчас они оба оказались в маленьком доме на краю леса среди листопада. Не устрой щенок кавардак в съемной квартире – ничего бы не случилось. Ничего бы не произошло, если бы Сергей не встретил Влада, выходя из вокзала. Если бы не вер-нулся в этот город из столицы. Можно сколько угодно во-рошить события в памяти, искать в ней первую страницу книги, с которой все началось, но ее давно унес ветер да-леко-далеко отсюда, и неясно, где теперь этот изначаль-ный листок.

Влад говорил, что желающие приобрести этот дом не выстраиваются перед ним в очередь. Постепенно мысли Сергея из абстрактного потекли в более прагматичное русло. Да, место для дачников не слишком удобное, сле-довательно, друг не заломит цену за эту избушку, и, хотя

денег у Сергея пока не было, с Владом они всегда смогут договориться.

Сергей выглянул в окно: единственный фонарь на их улице погас – на ночь их выключали, и вместо него рассыпались по небу близкие осенние звезды. Лес притих, молчаливо и загадочно деревья обступили их затерявшееся в темноте жилище, ветвями, словно пальцами, касались они шифера крыши и рыжего мха на нем.

– Гармошка, а давай купим этот дом? – Сергей вопросительно посмотрел на щенка, как будто ожидая ответа. Но щенок не ответил, он только радостно смотрел на хозяина и вилял хвостом, безмерно ему доверяя.

Сергей замолчал, взял щенка на руки и потрепал за ухом. В доме было тепло, в печи уютно потрескивали дрова, неяркая лампа мягко светилась под потолком. У окна сидели щенок и его хозяин, а за окном, и далеко, и близко, все так же падали листья и оставались лежать на земле.

Олег СУХОНИН НА БОЛОТАХ

(Из романа «Неисповедимы пути твои...»)

Этот его бриллиант

Этот его бриллиант не давал мне покоя. Ни есть, ни спать не мог – всё думал о нём.

Знать, что в лашманском болоте лежит Игорь Скромный с алмазом в ноге, и продолжать заниматься всякой ерундой...

Покойная Гошина жёнушка уверяла, что он получил в наследство от тётки **КРУПНЫЙ КРАСНЫЙ БРИЛЛИАНТ**. Я погулил: такой камушек тянет на несколько миллионов долларов. Десятки миллионов!

Думаете, раскатал губищу? Как бы не так! Я проверил.

Самые дешёвые – белые, серые и коричневые алмазы: «все-го-то» пять тыщ баксов за карат. Если кто не знает, карат – это пятая часть грамма.

Жёлтые бриллианты стоят примерно пятнадцать тысяч «зелёных» за карат. Цена оранжевых стартует от шестидесяти штук бакинских.

Розовые камушки торгуются уже от полутораста косарей гринов, а голубые или синие алмазы – от ста шестидесяти тысяч долларов за карат.

Самые дорогие – чистые зелёные бриллианты: три лимона за ту же меру. Но и красные отстали недалеко – полтора-два миллиона зелени за карат. А ещё, говорят, они невероятно редки...

Поэтому, если жена Игоря ничего не напутала и он действительно получил в наследство от тётки красный

алмаз, – то это целое состояние! Крупный розовый – тоже деньги, но если и вправду красный... Надо искать!

Хотя – чего тут искать? Игоря убили и бросили в болото на моих глазах. Трое других свидетелей и участников преступления вряд ли уже живы. Да если ещё и топчут землю, всё равно ж никто из них не знал, что Гоша ходил с вшитым в бедро алмазом. Знали бы – ощупали и обыскали б его, прежде чем топить...

Света, жена его, точно мертва – до сих пор снится... Так что про этот его бриллиант в болоте знаю теперь только я. Значит, мне и карты в руки.

Но каков стервец! Приезжал ко мне домой, падал в ноги, ныл, скулил, умолял помочь – и ни словом не обмолвился про этот свой алмаз! Ну не скотина?.. Правильно его убили.

Теперь-то, задним числом, я вспоминал, как Игорь всё повторял, что хочет рвануть за границу. А про бриллиант – ни слова. Про что угодно рассказывал: про свои грёбаные командировки, как пил с урками в поездах, как кувыркался с бабами в гостиницах, а про алмаз – ни-ни! Говнюк! И ведь был уверен, что пока камушек у него под кожей, можно без опаски продолжать разгульную жизнь – никто и не догадается! А то и верно: носить в карманах – рискуешь потерять или обворуют-ограбят, дома оставлять – квартиру обчистят. А из ноги можно только выковырять. Классно придумал!

Хотя – как придумал... Света говорила, что Гоша где-то вычитал, как один раб-индеец вынес с рудников Голконды крупный алмаз, спрятав его в надрезе на бедре и прикрыв повязкой из листьев. Но тому индусу это не помогло: то ли умер от заражения крови, то ли его поймала охрана, бросив в наказание на съедение акулам...

Вот и Игорь плохо кончил: кара за скрытность и беспутство настигла его в лашманских болотах, где он до сих пор и лежит...

Впрочем, лежит ли? С того момента, как ему свернули шею и бросили в топь, прошло уже около трёх лет. Три года, Карл, не к ночи будь помянут!..

«Болотные мертвецы»

Хотя, с другой стороны, в болотах тела сохраняются долго – общеизвестный факт. По телеку часто крутят фильмы про «болотных людей», которых находят неразложившимися спустя столетия: человек из Толлунда, девочка из Иде, женщина с болота Хюлдре – всех не перечислишь...

Правда, это касается торфяных болот. В их мхе содержится сфагнол, препятствующий гниению. Плюс такие болота практически не пропускают кислород: в их трясине люди и животные могут не разлагаться десятилетиями и даже веками.

Эвенки, к примеру, специально погружают в болотную топь туши северных оленей, чтобы через год получить из них кашеное мясо – «копальхен». Серьёзно! Для приготовления копальхена они берут крупного жирного оленя. Несколько дней не кормят его, чтобы очистить кишечник. Потом душат, не повреждая шкуры. После чего погружают в болото, присыпают торфом, закладывают ветками и камнями и оставляют на несколько месяцев. По истечении срока труп извлекают и едят протухшее мясо. Такое блюдо предназначено для привычных желудков северных народов, обычный человек с гнилого мяса очочурится.

Сам я такой деликатес не пробовал, да и Игоря есть не собираюсь: мне нужен только его алмаз – он-то точно не протухнет.

Но вот незадача: там, где утопили Игоря, болота, насколько помню, были не торфяными... Тогда всё происходило как в тумане: меня везли в Лашман накаченным наркотой и таблетками, но картина в целом на подкорке отложилась. Мы ехали туда по заросшей лесной дороге на месте бывшей узкоколейки. Потом Игоря заманили в лес, где было по колено воды. Там в зарослях ему свернули шею, напихали камней за пазуху и бросили в болото. Отчётливо помню пузыри на воде... Это место сразу закидали ветками. Там он наверняка и лежит до сих пор, если не сгнил.

Другое дело – то лето было очень дождливым: что ни день – лило как из ведра. Теперь меня терзали смутные сомнения: точно ли там были болота, или всё происходило в залитой ливнями низине? Посмотрел по картам: в тех местах – сплошь лесные озера да пруды...

Как бы то ни было, по всем криминальным сводкам тело Игоря так и не нашли, и он до сих пор числится пропавшим без вести. А значит – должен лежать на том же месте, где мы его и оставили.

И даже если сам Гоша и сгнил – алмаз-то от этого никак не пострадал. Так что нечего тут рассусоливать: ноги в руки – и в путь, пока кто-нибудь не нашёл этот его бриллиант раньше меня. Красный! Большой! В десятки миллионов долларов!

Знакомой дорогой

Возвращался в Россию через Казахстан: с моими документами так было сподручнее. На границе немного понервничал, но в итоге всё обошлось, и дальше без приключений добрался до Нижнего Новгорода.

К тому времени я успел отрастить усы и бороду, патлы до плеч – шишига шишигой. В родном городе таким меня никто никогда не видел, а потому вряд ли бы узнал. Да я нигде и не светился.

Купил велосипед покрепче, болотные сапоги, наколенник для багра, собрал рюкзак, взяв только самое необходимое: продукты, спички, фонарь, пару охотничьих ножей...

В Вознесенское в этот раз не заезжал. Автобусами через Ардатов добрался до Чупалейки, а там сел на велосипед и докатил до Димары. Дальше пришлось спешиться: путь в Лашман лежал по бывшей узкоколейке – крутить педали по сплошь заросшей подлеском и кустарником «лесной дороге» стало невозможно.

И на джипе-то в последний раз мы ползли от Димары до Лашмана битый час. Теперь же, спустя три года, от той дороги осталось одно название. Узкоколейка ещё угадывалась: колдобины шпал по-прежнему торчали из земли, но заросли стали непроходимыми. Чаща! Даже старые колеи

от колёс машин скрылись от глаз под высокой травой и кустами. Какой уж тут велосипед...

Это и немудрено: три года назад в Лашмане ещё жили шесть человек. Как сейчас помню: дед и бабка Авдошины, два каких-то алкаша да ещё лежащая старуха, за которой за её пенсию ухаживал безработный армянин. Григорян, кажется... Теперь же посёлок официально значился опустевшим. Перед поездкой я глянул статистику: население Лашмана – ноль жителей. Зеро! Лашманцы вымерли как мамонты. На карте России появился ещё один мёртвый посёлок. Не осталось никого, даже чёрта самого...

Но это и к лучшему: лишние глаза в моём деле ни к чему...

Пока, волоча за собой велик, я продирался сквозь чащобу и бурелом, в сознании сполохами вставали картины нашей давешней экспедиции в эти края. Когда убили Игоря.

До Лашмана оставалось километров десять. Даже чуть меньше. Пару раз путь мне преграждала начинавшаяся у Димары речка Луктос. Здесь она была похожа на ручей – глубиной ниже колена. Это потом уже, километров через тридцать, набрав силу, она впадёт в Варнаву, та в свою очередь – в Мокшу, а Мокша ниже Касимова полноводной рекой вольётся в Оку.

Здесь же Луктос петлял мелкой змейкой. Да ещё речка Кумовая где-то недалеко... Но лес был сухим. В сравнении с прошлым разом, когда мы на джипе ехали по лужам, залитым водой рытвинам и канавам, форсируя на брюхе машины мелкие водоёмы, нынче был полный сушняк. О воде напоминала только узкая речка, которую мы с великом легко переходили вброд.

В берёзово-осиновом лесу и подлеске перед глазами узнаваемо выстроились россыпи перезревших подосиновиков. Теперь я безжалостно сшибал их ногами: как и тогда, они сплошь были червивыми.

Пару раз чуть не споткнулся о шпалы – некоторые из них почти совсем ушли в землю, заросли травой и кустарником. Люди, видимо, хаживали здесь нечасто: свежих тропок на глаза не попадалось.

Зато сколько птиц сопровождало мой путь! В прошлую экспедицию в машине я и не замечал их. Теперь же повсюду вокруг меня стрекотали сороки, каркали вороны,

визжали дрозды, кикали дятлы, верещали сойки и прочая пернатая живность. Гомон стоял сумасшедший – о нашем с велосипедом продвижении по лесу все его обитатели унавали далеко наперёд.

Этот несмолкаемый галдёж сопровождал нас до самого Лашмана. И когда наконец я выбрался из чащобы на открытое, некогда обжитое людьми место, глазам предстала жутковатая картина.

В прошлый раз, помню, на шум моторов из избышек повыползали местные аборигены. Сейчас же, несмотря на непрекращающийся птичий гвалт, навстречу мне никто не вышел.

Пусть по бумагам Лашман числился опустевшим, всё же я допускал, что в заброшенках могут жить бомжи или прятаться беглые... Даже охотничий нож из рюкзака достал. Мало ли...

Но нет – ни единой души...

И три-то года назад этот издыхающий посёлок выглядел удручающе: зияющие пустыми глазницами полуразрушенные бараки из почерневшего от времени бруса, покосившиеся избы без крыш и дверей, уныло торчащие из земли остовы домов и печные трубы. Кто-то, помню, сказал тогда, что более подходящей природы для съёмок кино о разрухе и не найти.

Но в прошлый раз в Лашмане я был с людьми, а сейчас – совершенно один...

Вдобавок теперь всё здесь заросло борщевиком и золотарником, и не просматривалось ни малейших признаков жизни – как в фильмах про зомби-апокалипсис.

Мне даже почудилось, что из разбросанных вокруг могил вот-вот повылазят похороненные здесь пленные владовцы и прочая мёртвая нечисть...

И с ними – Гоша Скромный со своим алмазом...

Вот они уже окружают меня со всех сторон. Тянут ко мне руки, норовя схватить растопыренными костяшками пальцев.

Жуть!.. До мурашек...

А и вправду – будто чья-то тень мелькнула за дальней избой!

И тут же громко закаркал ворон – тот, что сидит на печной трубе...

Кажется, кто-то следит за мной сквозь пустые глазницы окон?..

Мороз по коже...

Чтобы подавить нарастающий страх, я хотел было крикнуть на всю округу: «Есть тут кто-нибудь?!» Но, взяв себя в руки, решил не заходить в посёлок, а по его окраине сразу пробраться туда, где Игоря заманили в глушь и убили.

Так и сделал. Визуально ориентируясь на пригорок, где в прошлую экспедицию ставили армейскую палатку и откуда меня самого тогда волокли к лесу, я снова нырнул в заросли с западной стороны Лашмана.

«Где теперь искать тебя, пропащий?»

Тут я немного растерялся. Если три года назад в моём представлении здесь была густая чаща, то теперь я и вовсе очутился в непролазных дебрях. С трудом продираясь сквозь опутанную липкой паутиной сплошную стену разросшейся поросли молодых деревьев и цепкого кустарника, перелезая через поваленные стволы, уклоняясь от острых сучьев и нависших ветвей, обходя коряги и трухлявые пни, я едва узнавал эти места.

В год, когда убили Игоря, лето выдалось рекордным на осадки и эта низина выглядела заболоченной. Мы шли здесь тогда под проливным дождём по щиколотку в воде, проваливались по колено в ямы, и кругом зеленели ряской небольшие болотца...

Нынешним летом дождей в этих местах почти не было, и я ступал по сухой земле. Местность здесь неровная, и то, что три года назад я принимал за озера и болотца, в засуху превратилось в высохшие водоёмы или еле заполненные водой ложбины. С них и решил начать.

Мысленно по памяти очертил участок, где произошло преступление. Плохо, что не осталось никаких меток: зарубок на дереве или ещё чего. Но я прекрасно помнил, что Игорю свернули шею на пригорке, где не было воды. А потом рядом померили палкой водоёмы и утопили там, где поглубже...

Оглядевшись по сторонам, я срезал ножом подходящую молодую осинку, достал из рюкзака и закрепил на её конце

металлический крюк багра. Все мои действия по-прежнему сопровождались непрекращающимся птичьим гамом. Громче всех рассерженно каркали потревоженные вороны и трещали любопытные сороки: где-то рядом были их гнёзда. Я старался не обращать на птиц внимания.

Прислонив велосипед к берёзе, снова надел на плечи рюкзак и с багром наперевес двинулся исследовать разбросанные вокруг водоёмы.

Как уже говорил, в такую сушь их оставалось здесь немного. Но сколько же я повинытаскивал из них разного дерьма! Банки, бутылки, пакеты, канистры, сгнившие тряпки – чего только не являл на свет божий мой багор в качестве следов жизнедеятельности прежних поколений лашманцев! Попался даже ржавый автомат. А сколько всякой дохлятины... Останки лис, ежей, птиц и прочей мертвечины...

Но трупа Скромного не было. Не было! А, значит, и алмаза тоже!..

Прощупав багром дно всех ближайших рытвин и канав, я понял, что пора остановиться. Дальше искать не было смысла – я и так давно уже вышел за границы примерного места убийства Игора.

Но куда он мог деться? Не испарился же!

Я понимал, что труп Скромного нужно искать не только в воде: лужа, в которую его бросили, могла в такую жару полностью высохнуть.

Но продолжать поиски было уже поздно: начинало смеркаться. И мало того, что меня вконец одолели комары, мошки да слепни, так вдобавок, пока носился с багром по лесу, страшно проголодался: маковой росинки за день в рту не было.

Как же обидно, что не удалось завершить поиски одним днём!

Ночью в лесу делать было нечего – разжечь костёр в такую сушь я не решался. Поневоле пришлось возвращаться в Лашман: найду какую-нибудь брошенную избу попримечнее, там перекушу, переночую, а как рассветёт – снова за поиски...

Я не мог заблудиться: кругом был разбросан весь этот хлам, который я за день вытащил багром. Но где вело-

сипед? Где мой чёртов велосипед?.. Я же оставлял его у берёзы... Вот у этой самой берёзы! Куда же подевался мой велосипед?!

Как я ругался матом! В голос! На весь лес! Думаю, меня было слышно и в Лашмане. Значит, мне не показалось, что кто-то следил за мной... И тени в посёлке – тоже не померещились...

Но что же делать? Может, я ошибся в сумерках? Может, оставил велик у другого дерева? Судорожно наворачивая круги по лесу в поисках велосипеда, многократно спотыкаясь и падая, я натурально запаниковал. Вот тебе и бриллиант, блин! Красный, блин! В десятки миллионов долларов! Поехал за алмазом, а остался без велосипеда!

Вокруг меня снова затрещали сороки. Не сдержавшись, в сердцах я метнул багор в первое же попавшееся на глаза гнездо. Но промазал: отскочив от дерева, «копье» бумерангом чуть не разбило мне голову, вонзившись остриём в землю. Птичий ор стал ещё громче, а мне от этой картины вдруг вспомнилось старое поверье, что в сорок нельзя кидать камнями и палками, а то руки отсохнут...

Что ж, нужно было и вправду брать себя в руки. Что ещё оставалось? В лесу уже совсем стемнело, заухали совы. Снова вооружившись багром и заткнув за пояс охотничьи ножи, я зажёл фонарь и сквозь непроглядную чащу стал продираться обратно к Лашману.

Отчаяние

Еле выбрался из этих дебрей.

Было страшно... Пока шёл, больше для того чтобы приободрить себя, нежели напугать других, горланил во всю глотку:

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Пей, и дьявол тебя доведёт до конца.

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Бедные птицы. Вряд ли до меня они видели в этом лесу таких дураков.

Когда наконец вышел к посёлку, легче не стало. Тот, кто стирал мой велосипед, наверняка продолжал следить за мной...

Но кто он? И что у него на уме?

Беспрестанно оглядываясь и вздрагивая от каждого шороха, с высоко поднятым фонарём, я медленно шагал по Лашману вдоль апокалиптического вида строений и зарослей борщевика в человеческий рост, отбрасывавших при свете луны зловещие тени.

Где-то недалеко громко заухал филин...

Мне снова стали мерещиться выползающие из могил мёртвые власовцы и прочие ходячие мертвецы...

Хрипло и тревожно закаркал ворон – тот, что сидит на печной трубе...

А вон – зомби пялятся на меня из окон барачков...

Что это – лязгнула цепь?! Или велосипедный звонок?..

И что за дьявольские тени шарахаются в кусты от света моего фонаря?..

В этот момент в зарослях рядом со мной что-то отчётливо зашебуршало, резко хрустнуло, громко взвизгнуло, и от испуга я во всё горло крикнул враждебному мне ночью посёлку: «Кто здесь?! Выходи!»

Лашман отозвался эхом, похожим на жуткое уханье филина: «Ух-ходи!.. Ух-ходи!.. Ух-ходи!..»

Нервы мои совсем сдали, и в смятении я бросился к ближайшей покосившейся избе. Оставаться под открытым зловещим небом в поисках жилья попримичнее было выше моих сил.

Вбежав в дом, я готов был встретить здесь кого угодно, лишь бы укрыться от нависшего снаружи всепожирающего вселенского ужаса. Лучше уж конкретная опасность – бандиты, убийцы, черти, упыри, нежели таинственная, давящая, парализующая силы и дух неизвестность! Проще говоря: лучше уж ужасный конец, чем ужас без конца...

Наяву и во сне

В заброшенном доме никого не было, и я сразу забился в угол. Меня било крупной дрожью, я долго не мог успокоиться...

Когда паника немного улеглась, я осторожно поднялся и осмотрелся. В грязной пустой избе совсем не было мебели. Только старая почерневшая лавка вдоль стены да брошенная перед ней на пол сорванная с петель дверь. На них, судя по всему, ели и спали прежде обитавшие здесь бомжи.

Через выбитые окна в дом проникали все зловещие звуки внешнего мира: шум гнущихся под ветром деревьев и сорняков, уханье и карканье птиц, странные шорохи и завыванья.

Мне снова стало страшно одному... Где мой велосипед?!

Я опять забился в угол, пододвинув туда лежавшую на полу дверь. Голод начал перебарывать страх – за день я так ничего и не ел. Достал из рюкзака взятые про запас продукты: бутерброды, варёные яйца да банку мясных консервов. Пластиковую бутылку газировки и фляжку со спиртом. Её я брал для дезинфекции, но сейчас лучше выпить...

Выпил. Закусил. Страхи немного улеглись.

Выпил ещё – мир стал казаться не таким уж враждебным. Но за окном явно кто-то шарахался...

Падлы, где мой велосипед?!

Снова выпил для храбрости и хотел уже пойти на улицу, чтобы разобраться со всей этой грёбаной нечистью, но там опять что-то так громко и зловеще лязгнуло, что я передумал...

А потом провалился в сон... От усталости. И от нервов. И от выпивки, конечно...

Снились кошмары – все эти зомби, скелеты, упыри и прочая нечисть. И среди них – Гоша Скромный. Сначала они скопом окружили меня, пытаюсь утащить в свои могилы. Но я увёртывался как мог, ускользая из их костлявых пальцев...

Потом Игорь отделился от них, взял меня за руку и подвёл к краю бездонной пропасти. Я посмотрел вниз – оттуда подымались чёрные клубы дыма... И ещё часто и громко каркал ворон...

Вдруг рядом со мной появилась распухшая утопленница. Я узнал её – это Эльвира Улябина. Я хотел заговорить с ней, но подошла Водянова и толкнула её в пропасть. Эля канула в клубы дыма без единого звука. Не успел я возмутиться,

как стоявший рядом со мной Игорь столкнул туда же и саму Водянову. И снова – ни звука... Только громко заухал филин...

Я ничего не понимал и хотел было спросить приятеля: «Что происходит?» Но в это время к краю обрыва неожиданно подошёл яйцеголовый человек в галстуке и вслед за ним – мужик с петлёй на шее, безо всяких разговоров также скинувший его вниз.

Всё происходящее совсем мне не нравилось, и я уже открыл рот, чтобы высказать Игорю свои претензии, но тут появился brutальный красавец в сопровождении рыжего лохматого бородача и мэна с раскосыми глазами и сбросил моего приятеля в пропасть.

Тут уж я не мог сдерживать возмущения и, дождавшись, когда к этим наглецам присоединится группа полуобнажённых мужчин и женщин, чиркнул спичкой и поджжёт их всех. Они вспыхнули и сгорели в одну секунду, осыпавшись в бездну хлопьями пепла жжённой бумаги...

Не успел я взглядом проводить их полёт, как рядом со мной на краю преисподней уселась на шпагат стройная балерина. И только она раскинула руки, как откуда ни возьмись выскочил без штанов жилистый худыш с бегающими глазками, спихнул её вниз и убежал.

А потом явилась жена Игоря Скромного – её я и сам столкнул в бездну...

Когда бросать в пропасть стало больше некого, и я уже подумывал: а не прыгнуть ли мне туда самому, – из бездны вдруг выкарабкался скелет и лёг у моих ног. По застрывшему в его костях алмазу я догадался, что это Гоша Скромный, и в ужасе проснулся...

Последний лашманец

В том, что сон был вещим, я не сомневался ни секунды. Тут и расшифровывать было нечего – настолько отчётливо все образы и символы говорили сами за себя.

Пропасть – это смерть, куда убийцы сбрасывают своих жертв. Все они уже канули в Лету – так или иначе погребены и утилизированы.

Но! Один лишь Скромный вылез из пропасти обратно! Что это, если не знак? Говорящий о том, что Игорь до сих пор не похоронен, а всё ещё лежит в лесу. А скелет с алмазом означает: труп сгнил, но бриллиант, как я и предполагал, в целостности и сохранности! Только вот во сне я толком так и не рассмотрел: красный он или розовый?..

Так что – долой все глупые ночные страхи! Срочно возобновляю поиски!

Но где же всё-таки мой велосипед?..

Этот вопрос душил мой энтузиазм на корню. Кто-то ведь всё же украл мой велик! Значит, следил здесь за мной... Может, и продолжает следить?..

С другой стороны, ночью, когда я спал, никто ко мне не сунулся...

Я осторожно выглянул в окно, но никого не увидел. Пока доедал бутерброды – размышлял: если отбросить всю эту хрень про зомби и привидения, кто реально мог стырить у меня велосипед в лесу?

На мой крик ночью в посёлке так никто и не вышел. И до сих пор не объявился. Так что вряд ли это бомжи...

Представить, что в Лашмане до сих пор живёт армянин Григорян, три года назад ухаживавший здесь за умиравшей старухой, у меня тоже не получалось...

Остаётся – кто? Беглые преступники, дезертиры? Эти, скорее всего, прирезали бы меня ночью... Уклонисты, скрывающиеся от армии? Вряд ли: они разбежались по заграницам или отсиживаются у бабушек в деревнях.

Неужели и впрямь Григорян? Последний лашманец, блин...

Как бы то ни было, с велосипедом я или без него, цель моя остаётся прежней: отыскать труп Игоря с бриллиантом в ноге. Хрен с ним, с этим великом, главное – найти алмаз.

Собрав свои нехитрые пожитки, я снова отправился в лес, на прежнее место. Утром в посёлке ничто не напоминало мне о моих ночных страхах, но всё равно двигался я очень осторожно, внимательно присматриваясь к каждому строению и постоянно оглядываясь по сторонам. Придирчиво пытался обнаружить хоть какие-то следы недавнего пребывания здесь человека. Всё надеялся: вдруг увижу брошенным свой велик... Но нет – ничего такого не было.

Люди и птицы

На этот раз всё же попробовал отыскать в лесу тот самый пригорок, на котором убили Игоря. Когда увидел похожий холмик повыше, начал планомерно обследовать все соседние овражки, рытвины, ямы и буераки.

Не обращая внимания на привычно поднявшийся птичий гам, терпеливо и осторожно, опасаясь змей, шаг за шагом разгребал багром и руками нагромождения валежника, все эти слежавшиеся сучья, ветви, прутья и прочий сор. Пернатые окружали меня всё теснее, поскольку из развороченных мною куч лесного мусора полчищами разбегались насекомые.

На то, что осталось от Игоря, наткнулся не сразу – только в пятой или шестой по счёту яме. Пока орудовал багром под неусыпным надзором птиц, ожидал обнаружить что-то в роде пушкинского «Утопленника»:

Безобразно труп ужасный
Посинел и весь распух...

И в распухнувшее тело
Раки чёрные впились...

Но нашёл только обглоданные кости да полуистлевшие куски Гошиной одежды и обуви. По ним и узнал...

За годы, пока труп Скромного лежал брошенным здесь, его почти полностью съели и обглодали местные лесные падальщики – лисы, ежи, вороны и другие божьи твари, не брезгающие мертвечиной. Насекомые довершили дело...

Даже сейчас, разгребая кучу, боковым зрением я видел, как в кусты шмыгнула лиса с тёмной полоской на хребте. Да и сидевшие рядом вороны не спускали с меня глаз...

Теперь-то задним умом я понимал, что нужно сразу было начать поиски, ориентируясь на пригорок, а не на залитые водой впадины. Тогда мог бы обернуться одним днём. Я же, дурак, зачем-то с ходу полез в воду... Думаю, виной тому – те самые пузыри на поверхности болотца, когда утопили Игоря. Они так врезались в мою память, что я бессознательно решил, что Гоша до сих пор лежит в воде.

Но об этом я размышлял недолго – алмаза-то не было!.. По десятому разу копошась в трупной слизи на найденных мною костях скелета, разгребая зловонную грязь вокруг них, я всё более убеждался, что никакого бриллианта нет!..

Достал охотничьи ножи и ещё раз внимательно отсортировал, перебрал по крупницам всю эту мерзость. И опять – ничего...

Ни-че-го!..
НИ-ЧЕ-ГО!!!

Вопль нечеловеческого отчаяния потряс лашманскую чашобу. Такого воя не смогли бы издать хором и сотни мертвецов, захороненных в этих лесах!

Все мои надежды, планы, усилия и мечты вмиг обратились в труху. В пыль! В прах! В пепел! В ничто...

Я сидел на коленях согнувшись, низко склонив голову, уткнувшись лицом в зловонную слизь, в которой мечтал найти, но так и не нашёл вожака бриллианта. Красного... В десятки миллионов долларов...

А тут ещё нестерпимо каркают и верещат вокруг меня эти адские птицы! Это они, падлы, склевали Игоря! А заодно – и мой бриллиант!

Я поднял голову, чтобы посмотреть на них, и тут же мне на лицо смачно шлёпнулись сразу несколько птичьих какашек. И это считают счастливой приметой? Ни хрена себе счастье!

Сжечь к чёрту всех этих сраных птиц вместе с их грёбаным лесом! И Лашман тоже сжечь! И все эти поганые места! Где спички?

Я поднялся и, шатаясь, направился к рюкзаку – достать коробок и поджечь этот чёртов лес. Представляю, как запыхает он в такую жару! В эту минуту я даже не думал о том, что, подпалив чашу, наверняка сожгу здесь и себя самого.

И вот когда уже достал спичку, собираясь чиркнуть ею о коробок, в гнезде прямо над моей головой, оглушив меня, громко заверещала сорока. Она кинулась на меня, распахнув крылья, норовя клюнуть в лицо. На помощь к ней бросились и другие её сородичи, подняв нестерпимый

ор и пытаюсь заклевать меня, так что я, отбиваясь руками, рассыпал спички на землю.

– Ах вы твари! – заорал я. – Сейчас я вам покажу!

И схватив лежавший рядом багор, с размаху метнул его в нависшее надо мной гнездо. В этот раз попал! Да ещё как попал! Все содержимое гнезда вместе с багром посыпалось мне на голову, я инстинктивно прикрывлся руками и припал на колени.

Когда открыл глаза, сверху на мой затылок продолжал ещё сыпаться всякий хлам, но прямо передо мной в сухой траве, в лучах пробивавшегося сквозь кроны деревьев солнца сверкнул крупный красный бриллиант...

Этот мой бриллиант

Я охренел, очумел, оторопел, сошёл с ума – называйте это как хотите, поскольку сам я в этот момент потерял дар речи...

Не помню, сколько времени просидел на коленях, тупо уставившись на бриллиант. Потом, чуть дыша, осторожно взял его пальцами и поднёс к самым глазам. Камушек королевской огранки был крупным – в несколько карат. Я внимательно осмотрел его, визуалью не обнаружив никаких дефектов.

Ноги мои так затекли, что стало нестерпимо больно, но я не смог подняться, а только повалился на бок. Потом перевернулся на спину и, так же держа алмаз перед глазами, стал ловить через него солнце, любуясь блеском и игрой света внутри камня, его цветом и чистотой.

Как же он был прекрасен! Как же он был совершенен, этот мой бриллиант! Красный! Крупный! И теперь уже нет никаких сомнений – в десятки миллионов долларов!

Тут на лицо мне с брызгами снова упало птичье говно, и я подумал, что эти какашки – и впрямь к добру!

Кругом по-прежнему громко каркали вороны, тархтели сороки-воровки, и весь остальной неугомонный птичий люд трещал, верещал и безбожно срал на меня с неба, но я был благодарен им. Я больше уже не хотел сжечь их вместе с этим лесом и соседним Лашманом. Я теперь очень

хотел домой вместе со своим алмазом. А там, дальше – я знаю, что делать...

Я быстро поднялся – оставаться здесь не хотелось ни секунды. Нужно выбираться из этого чёртова леса! Но... Ноги снова подкосились: а где ж мой велосипед?..

Крепко прижав кулак с алмазом к груди и тревожно оглядываясь по сторонам, я судорожно соображал: если тот, кто украл мой велик, продолжает следить за мной, то наверняка видел, что я нашёл что-то ценное...

Куда спрятать бриллиант? Чтобы не потерять и не отняли... Под кожу, как Скромный? Я с отвращением посмотрел на свои грязные ножи...

Поразмыслив, подошёл к рюкзаку, вынул оттуда фляжку со спиртом и тщательно промыл в нём драгоценный камушек. Потом скатал большой мякиш хлеба, всунул в него алмаз, положил в рот и с усилием проглотил, запив неразбавленным спиртом, и чуть погодя – водой... Ух-х!..

Сразу закружилась голова: и от спирта, и от голода, и от счастья, конечно...

Выбираясь по заросшей узкоколейке обратно, всё думал: может, никто и не крал мой велосипед, а я сам, дурень, потерял его в лесу – не запомнил точно, где оставил...

Что бы там ни было, но как только уткнулся в речку, решил больше не шараться в зарослях, озираясь на каждый звук, а идти по воде. Луктос здесь как ручей – глубиной по колено. По нему и выйду к Димаре, а оттуда на попутках и на автобусах – домой...

«Не торопись, а то успеешь», – уговаривал я себя.

Главное – донести до горшка этот мой бриллиант...

Красный! Крупный! В десятки миллионов долларов!..

Юбилеи

Николай СИМОНОВ

Нашему земляку Николаю Симонову исполняется 75 лет. Поздравляем замечательного поэта и нашего постоянного автора с юбилеем и желаем ему новых ярких стихов и остроумных пародий.

ИГУМЕН ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Поэма о преподобном Сергии Радонежском

Внимайте себе, братие. Прежде имейте страх Божий, чистоту душевную и любовь нелицемерную.

Преподобный Сергий Радонежский

I. Отрок Варфоломей*

Лугом в день светлый, яркий,
Шёл поискать коней
Маленький сын боярский –
Отрок Варфоломей.

Брёл средь цветов, былинки,
В самом конце весны...
Видит, пред ним светлый инок,
Молится у сосны.

Мальчик подумал: – Кто же
В наши юдоли вхож?
Видно, посланец Божий, –
Так на него похож.

Ясным окинув взглядом
Инок спросил его:
– Что ты взыскуешь, чадо?
Иль потерял чего?

– Я не напрасно, отче,
Встал на твоём пути.
Может, поможешь, до ночи,
Мне жеребят найти.

– Странные вы ребята...
Времени зря не трать.
Вон твои жеребята,
Можешь пересчитать.

Отрок стоит и хочет,
Новый вопрос задать:
Ты помоги мне, отче,
Бремя наук поднять.

Сколько душа не бьётся,
Сколько не морщит чело,
Грамота не даётся, –
Знать, туповат зело.

– Вижу, ты славный отрок,
Может быть, скоро, как знать,
Будешь разумом острым
Вечное постигать.

А горевать не надо,
И на себя пенять,
Даст Господь тебе, чадо,
Больше иных узнать...

* Варфоломей – имя данное Сергию Радонежскому при рождении.

Инок в молитве истов...
 Рядом, молитве сей
 Детской душою чистой
 Вторил Варфоломей...

Инок поднялся в гору,
 Мальчика перекрестил,
 Взял из сумы просфору,
 Отрок её вкусил.

Старец исчез, как не был...
 Чудный и день, и час...
 И в то же время, с неба
 Громкий раздался глас:

«Будешь силён и умен,
 Грамоту разумей,
 Будешь Руси игумен,
 Отрок Варфоломей!

Монастыря начальник,
 Знай всё и всё умеи,
 Будешь Руси печальник,
 Отрок Варфоломей!

Чистым будь и свободным,
 Всё и предвидь, и смей,
 Будешь вождём народным,
 Отрок Варфоломей!

II. Троицкая обитель

На вершине высокой горы,
 Что в краю Маковицей зовётся,
 Равномерно стучат топоры
 И жужжанье пилы раздаётся.

Здесь шалаш из еловых ветвей,
 И работа кипит неустанно.

Рубит церковку с братом Стефаном
 Добрый юноша Варфоломей.

Тяжко толстые брёвна таскать,
 А наверх поднимать их тем боле...
 Здесь обители Троицы встать
 Суждено по божественной воле.

Божье слово, – людские дела...
 А пока рубят церковь два брата,
 Чтоб обитель жила и росла,
 Чтоб была и славна, и богата.

Чтоб вставал за собором собор,
 Чтобы все колокольни звенели,
 Где шумел зачарованный бор,
 Где стояли лишь сосны да ели,

Год за годом хлестали коней: -
 За дождями летят белы снега...
 Славный юноша Варфоломей
 Стал монахом по имени Сергей.

Отвечали, кого ни спроси,
 В Радонежье, в те мрачные годы:
 – Кто отец и заступник народа?
 – Святой Сергей – игумен Руси!

III. Святые и герои

Нам тайны летопись откроет,
 Сказанья о делах былых...
 То было время для героев.
 То было время для святых.

И лихолетья, и невзгоды...
 В любое время жди беды.
 Вот участь русского народа
 Во дни владычества Орды.

Но ты живи, но ты не трусь,
 Когда с врагом сразиться надо!
 Когда Мамай привёл на Русь
 Свои безбожные отряды!

И этой сумрачной порою,
 Когда всех бед не разгрести,
 Нашлись святые и герои,
 Чтобы свободу обрести.

Наш православный люд – таковский,
 За правду жизни отдадим!
 Героем Дмитрий стал Московский,
 Игумен Сергей стал святым.

Герой с копьём, святой с молитвой.
 С оружием – от мечей до вил...
 Герой собрал полки на битву.
 Святой – на бой благословил.

«Идите, соколы, без страха,
 На праведный, на смертный бой!..»
 И с ними отпустил монахов
 Своей обители святой.

Отправил он парней неслабых,
 А слабых в «чёрной сотне» нет.
 И в бой пошли Андрей Ослябя
 И Александр Пересвет.

IV. Пересвет

Когда на поле Куликово
 Рванулся чёрный Челубей
 И крикнул яростное слово,
 А слово, брат, – не воробей!

Орал он: – Лапти, мразь, солома!
 Попробуй, выйди – растопчу!

Я отрублю башку любому
 И вашу рать предам мечу!

Все города предам проклятью!
 Вся Русь изведает огня!
 Так он орал пред нашей ратью
 И шпарил шпорами коня!

Не смог на вызов басурмана
 Ответить ни один герой,
 Опасна схватка с великаном,
 Что на коне сидит горой.

Красна при людях смерть в сраженье.
 Погибнут многие в бою,
 Но в поединке пораженьем
 Ты опозоришь рать свою.

Не лучше ли в строю с друзьями
 Встречать последний свой рассвет...
 Но тут внезапно пред полками
 Явился светлый Пересвет.

Пред великаном не робей,
 Подняв копьё над головой,
 Он громко крикнул Челубею:
 – Я принимаю вызов твой!

Отбросил щит, откинул латы,
 И белый конь, как белый свет,
 Взлетел небесно и крылато,
 И в бой рванулся Пересвет

Врагу навстречу. Сшиблись оба,
 И Челубей упал во прах
 С копьём в груди, с застывшей злобой
 И удивлением в глазах.

И в русском воинстве утрата –
 Померкнул свет, героя нет!

Как сокол, пал на супостата
За Русь погибший Пересвет.

И белым облаком взлетела
Его бессмертная душа...
Сошлись два войска, закипела
Лихая сеча, всё круша.

Как ветер конница летела,
Коли, руби, дави, не трусь!
От крови поле почернело,
Но в битве устояла Русь.

V. Молитвенник Руси

А в келье Сергей преподобный
Молился Троице Святой.
Он видел этот бесподобный,
Он видел этот страшный бой.

Обозревал степную волю,
Дон и Непрядву – две реки,
Он видел Куликово поле,
Он видел русские полки.

Ряды врагов он видел точно,
И ход сраженья говорил.
В бою присутствуя заочно,
Молитву Господу творил.

И к небу шло святое слово,
И твёрдо я сказать берусь:
Молитвой Сергия Святого,
Спас сохранил Святую Русь!

Бежал Мамай, отряд геройский
В погоню бросился за ним...
А нынче Дмитрий – князь Московский,
Зовётся Дмитрием Донским.

VI. Цинковальный завод

На возрождение Троицкого храма в Копосове,
основанного Сергием Радонежским в 1365 году

Я на храм белоснежный смотрю из окна,
И как явь, представляется мне старина...
Проплывают века, годы быстро летят,
А минуло тому лет шестьсот пятьдесят.

Шёл из Троицы Сергей-игумен пешком,
Шёл вдоль Волги в лаптях и с дорожным мешком,
В Нижний шёл, чтобы братьев-князей помирить,
А в делах примиренья не надобна прыть.

Чтоб ночлег отыскать, стал стучаться в дома
И узнал, что в округе гуляет чума,
Вот тогда Чудотворец сказал мужикам:
– Чтоб беду одолеть, нужно выстроить храм.

Мы не помним строителей тех имена,
Кто принёс из дубравы четыре бревна.
Их Святой освятил и ушёл по делам.
Вскоре встал здесь красивый, бревенчатый храм.

Много лет друг за другом прошло по пятам...
Вот и начали строить здесь каменный храм.
Закипела работа, свершились дела:
Поднялась колокольня, блестят купола.

Только грянула новая эра борьбы,
Стали шибко идейными божьи рабы,
Колокольню разрушили в трам-тарарам.
Превратили в завод этот каменный храм.

Номер десять автобус дорогою мчит...
– Тормозните у церкви! – старушка кричит.
– Ну какая здесь церковь, бабуленька, вот –
Перед вами стоит цинковальный завод.

В первом классе – экскурсия, словно поход,
Хоть у школы стоял цинковальный завод.
Пелагея Петровна весь класс привела,
Намекнув нам, что раньше здесь церковь была.

Мы пришли и увидели громкий процесс:
Звонко штампы стучат и работает пресс.
Здесь работа кипит, посмотреть – красота:
Как здесь плавится цинк и бурлит кислота!

Пусть нам ведра нужны, но я силюсь понять:
Как же можно нам Веру на ведра менять,
Как же можно нам храмы менять на тазы
Иль на ванны, ведь ванны побольше в разы.

Эра цинковых ванн безвозвратно ушла...
Поднялась колокольня, блестят купола,
И стоит в белом храме с молитвой народ
Здесь, где в Бозе почил цинковальный завод.

Храм сияет, весь светом святым залитой,
А со сводов и стен смотрит Сергей Святой.
Православных наставник, кого ни спроси:
– Покровитель, заступник, игумен Руси.

Стихи по кругу

Наталья СТРУЧКОВА

Кстово, Нижегородская область

* * *

Да как возможно это –
Бросать свою страну?!
Отец мой здесь и деда,
Прошедшие войну.
Здесь рядом, на погосте,
И бабушка моя...

Война в Солнечногорске,
А с нею сыновья.

Ведь жили не тужили:
Борису – шесть едва.
Володеньке – четыре,
А Юре было два.
Суровою зимою –
Попробуй прокорми,
Когда снаряды воют,
А ты – одна с детьми.
Когда до отступленья,
Делили с немцем дом.
Хватило бы терпенья –
В одной избе с врагом.

А где-то муж воюет
На дальнем рубеже,
И пять сыночку Юре
Исполнилось уже.

Ведь так же, как когда-то
Зовёт Отчизна-мать.
И главное, ребята,
Нам память не предать!

Никому не отнять

В нас хорошее – родом из детства,
Потому «никому не отнять»
У лесов – колдовского соседства,
У цветущих лугов – благодать.

На носу – озорные веснушки.
Меж палаток – костров огоньки.
Нам всю ночь подпевали лягушки
У дрожащей в ознобе реки.

Вновь прочту мои детские книжки,
Их хранила заботливо мать,
И, как тайну, открою детишкам,
Почему «никому не отнять».

Будет сердце стучать, беспокоясь,
В эту ночь не уснуть мне уже
Потому, что советская совесть –
И в моей воспалённой душе.

Ярослав КАУРОВ

Отцу Валерию Витальевичу Каурову

Отец! Хоть так тебя при жизни
Я никогда не называл.
Пусть солнца свет на камни брызнет
И смерти осветит провал!

Ты был умён, красив и ярок,
Мог охватить небес простор,
В любой компании – подарок,
В любой работе – режиссёр.

А мог быть очень ироничен,
Академичен, молчалив,
Сентиментален и лиричен...
И снова дьявольски красив!

Нет! Ты не щеголял во фраке,
Зато один учиться смог
Одновременно на физфаке
И в театральном. Видит бог!

Ты дома не читал нотаций,
Но видел я твой интерес,
Азарт наукой заниматься,
Смакуя поиска процесс!

Ты жил в безумно ярком мире
Полей, фотонов и частиц,
Как снайпер в безграничном тире,
Как букинист среди страниц.

Пример – как много это значит!
Ты подарил мне взгляд и статью,
Ты научил решать задачи
И вальс с мазуркой танцевать!

С любым из гениев на равных!
Но вместе с виденьем начал,
Людей настолько не тщеславных,
Я в этом мире не встречал.

Как щедро ты дарил идеи,
Как много ты отдал другим!
Тебя любили лицедеи,
И не скрывал величья грим.

В Театре нашем – первый зритель,
Помощник в замысле лихом
И добрый критик, и учитель –
Всё изменить одним штрихом!

Ты заражал своим примером,
Оригинальнейшим весьма,
Священной верой в НООСФЕРУ
И во всеилие ума!

Блистателен и независим,
И на язык всегда остёр,
Ловец неуловимых истин,
Всё вместе – Физик и Актёр!

Не зная перед смертью страха,
Под рокоты весенних гроз,
Частицу дорогого праха
На «Холм поэтов» я отнёс!

Туда, где мы с тобой гуляли,
И шли спектакли в вышине,
Где на земле лежат скрижали,
И птица счастья – на стене.

Где над широкою рекою
Звонит поэтов шумный хор,
Вослед за яркою строкою
Ведётся тихий разговор.

Там, где дожди и суховеи,
Где наши протекли года,
Горсть праха твоего развеял,
Чтоб ты присутствовал ВСЕГДА.

Мы – гении! Пусть нас немного, –
Но на везенье и расчёт.
Над Волгой русская дорога!
Я верю, встретимся ещё!

Иван НЕЧИПОРУК

г. Горловка, Донбасс

* * *

Время сфинксом терриконным
Стынет на семи ветрах.
Город мой почти иконный,
Новым светом обагрённый,
Воскресает по утрам,
Чтобы звук золотозвонный
Разлетался по дворам.

Полетят по небу знаки,
Руки-реки задрожат,
Город, отдирая накипь,
Не желая жить во мраке,
Верит в славный урожай...
Из воронок рвутся маки
В руки добрых горожан.

Пусть

Пусть река искрится
Просинью весны...
Пусть тебе приснится,
Будто нет войны.

Рыжею куницей
Промелькнёт рассвет...
Пусть тебе приснится,
Будто смерти нет.

Пусть звенит синица
Над сосной седой...
Пусть тебе приснится,
Будто я живой.

Алексей САКОВ*Москва***Фрески**

Чисты, как снег, прозрачны, как листва,
У мира Божьего заимствуя оттенок,
Ложатся красками священные слова
На купола и каменные стены.

И кисточкой, как солнечным лучом,
Рука художника высвечивает образ,
Рассказывая молча обо всём,
Что не затронул самый звонкий голос.

Промолчать...

Благословите промолчать,
Оставив праздность без ответа.
И даже ценного совета,
Пока не просят, не давать.

Произнесённые слова
Лишь тяготят напрасно душу.
Благословите больше слушать,
Сказав немного едва.

Елена ЛЕБЕДЕВА**СНЫ**

Не бессонница неуютная
В полный диск голубой луны –
Извели меня мои мутные,
Беспощадно-дурные сны.

То мне снится, что мчится конница,
На пути всё сметая в дым.
Не укроешься, не схоронишься,
И заходишься криком немым.

То другое вдруг сновидение:
Чёрный дом, скрип гнилых половиц.
И глядит на меня наваждение
Из окошек пустых глазниц.

То приснятся палаты больничные,
Едким кварцем залит коридор.
Чьим-то голосом безразличным
Мне читается приговор.

Кровь из сердца ушла до донышка
И колотит в тугие виски.
А душа моя – красно солнышко,
Разрывается на куски.

Или вот ещё сон с повторением:
Сыплет снег – ледяной порошок –
И следы на снегу сиреневом –
Это ты от меня ушёл...

Аркадий ГОНТОВСКИЙ*Прокопьевск, Кемеровская область*

* * *

Представь на минуту: есть кто-то иной
На очень далёкой планете,
Нашедший однажды стихии земной
Стихи, залетевшие в сети.

Он их оглядел: «Как забавны на вид»,
Поставил под звёзды в оконце,

И тут зашептали стихи о любви,
О чьём-то единственном солнце.

В них искры дрожали, и сумрак алел
Над ними чуть слышную песней
О мире, затерянном где-то во мгле,
И не было звуков небесней.

Он слушал и слушал, и в небо глядел.
И верил (как веруют дети),
Что есть во вселенной счастливый предел,
Есть лучшая участь на свете.

* * *

На закате время идёт нежней,
Небо ласково плещет во тьму зрачков,
Слышишь музыку эту? – иди за ней
По волнам оранжевых облаков.

А когда внизу зажгутся огни
И туманная в ночь потечёт река,
Отголоски музыки соедини
Тишиной летящего мотылька.

Публицистика

Анатолий АБРАШКИН

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛИ СЛАВЯНЕ?

Русские – люди доверчивые. Однажды в школе нам сказали, что мы – славяне, и мы приняли это как непреложную истину, как достоверный научный факт. Но все ли в этой формуле верно?

Посмотрим для начала, как родилась она. Все, разумеется, идет от ученых. Филологи и историки договорились, что история русских начинается с периода, когда из общеславянского (праславянского) языка начал выделяться древнерусский язык. По их данным это произошло в VII–VIII веках. С этим моментом, согласно официальной точке зрения, следует связывать начало истории русского народа. Всё же его предшествующее существование – это общая история с другими славянскими народами, которые говорили на праславянском языке. Таким образом, выставляется нижняя граница русской истории. Но это лишь одно из следствий формулы «мы – славяне».

Есть и другое, не менее важное. «Повесть временных лет» свидетельствует, что славяне пришли на Русскую равнину из Центральной Европы. Они были пришельцами. Но это значит, что история этих земель со времен Адама до середины I тысячелетия не имеет к русскому человеку никакого отношения, так что арии, скифы,

сарматы, проживавшие в Восточной Европе до прихода славян, никак не могут считаться нашими предками. Скажем еще больше, нам надо будет отказаться от русских языческих традиций, унаследовавших культуру этих народов, а если еще более резко, то забыть своих языческих богов. Вот куда зовёт академическая наука!

Где же ошибка славянской формулы? Ученые видят в русских один из славянских этносов, подобных тем же чехам, полякам или словакам. Да, эти народы выделялись из общеславянской общности. Но с русскими всё сложнее и куда как глубже! Русские – суперэтнос, способный (в силу своей интернациональной природы) объединять и аккумулировать другие, в том числе, неславянские народы. Русская равнина – наша прародина, мы уже жили здесь до прихода славян и потому выступаем наследниками исторических народов, проживавших на ней. Если произносить: «Мы – славяне», то следует к этому добавлять: «Мы – арии, мы – скифы».

В редакции, к которой принадлежит академический список Русской Правды (свод законов эпохи Ярослава Мудрого, XI в.), в первой статье сказано:

Аще не будет кто мстят, то 80 гривен за голову, аще будет русин, любо гридень, любо купчина, любо ябетник, любо мечник; аще изгой будет, любо словенин, то 40 гривен положить за нь.

Как видно, русин и славянин в то время еще не были уравнены в правах.

Правда, такая позиция по отношению к новым гражданам активно критиковалась, так что в Троицком (более позднем) списке уже стоит:

...Положити за голову 80 гривен, аче будет княж муж, или тиун княж; аще ли будет русин, или гридь, любо купец, любо тиун боярск, любо мечник, любо изгой, ли словенин, то 40 гривен положить за нь.

Историки не один век спорят: к германской или славянской семье относить русов. Наша позиция заключается в

том, что русские являются отдельной от тех и других семьей (хотя вошли в качестве составных частей и к тем и другим). В античные времена они носили имена антов и венетов, и не один историк не смешивал их ни с германцами, ни со славянами.

В древнерусском государстве русины и славяне смешивались. Некоторые авторы используют название славяно-русы. Но процессы их объединения происходили во второй половине I – II тысячелетиях. Для нас же принципиально важно указать, что до того у славян была своя, отличная от русов (русинов) Русской равнины историческая «тропа». Прояснение вопроса, когда и как разделились пути русов и славян – предмет настоящей статьи.

Но прежде покажем, что различия русских и славян никуда не исчезли и ясно видны при обзоре событий последнего тысячелетия.

Отличия русских от других славян

1) *Численность* русских вкупе с белорусами и малороссами намного больше, чем всех остальных славян вместе взятых. Русь, Россия непрерывно воевала, и ее человеческие потери, очевидно, были пропорциональны общему народонаселению. Расширение державного пространства также требовало значительных человеческих жертв. Поэтому численное превосходство русских над славянами не есть явление недавнего времени, а поддерживалось на протяжении веков.

Обратимся к недавним исследованиям по молекулярной генетике. Учёные выяснили, что наследственный код человека передается по мужской линии с помощью Y – хромосомы. Отдельный ее участок (гаплотип) содержит информацию не только о самом человеке, но и его роде – линии предков, с которыми он связан «кровными узлами». Группа схожих гаплотипов, имеющих общего предка, называется гаплогруппой. Каждый из народов характеризуется конечным набором гаплогрупп.

Гаплогруппы Y-ДНК славянских народов

Народ	Гаплогруппы						
	R1b	R1a	I	E1b1b	J	G	N
Русские	6,8	48,3	15,9	4,8	1,4	1,2	14
Поляки	13,4	55,9	16,1				3,2
Словаки	15,5	43,5	17	6,5	2,5	4	3
Белорусы	4,2	51	17	4,6	3,3		9,5
Украинцы (восточные)	2	54	18	4	6	4	6
Словенцы	21,3	38,7	30,7	2,7	4	2,7	0
Украинцы (западные)	18,9	41,5	24,5	7,5	9,4	0	5,7
Хорваты	15,7	34,3	37	5,6	1,9	0,9	
Босняки	1,4	24,6	42	10,1	0		
Сербы	10,6	15,9	36,3	21,2	8		
Черногорцы	9,5	8,5	29	27	9	2,5	1,5
Македонцы	5,1	15,2	34,2	24,1	12,7	5,1	
Чехи	28	34,2	18,3	5,8	4,7	5,1	1,6
Болгары	11	17,3	27,5	20,5	18,1		

Глядя на представленную таблицу*, можно, апеллируя к конкретным числам, поговорить о родстве славянских народов. Подчеркнем сразу же, что единой славянской гаплогруппы не существует! Объединение славянских народов в некогда существовавшую общую семью с этнической точки зрения неправомерно. Максимальная корреляция (связь) прослеживается по гаплогруппе R1a, затем следует гаплогруппа I, а за ними соответственно R1b и E1b1b. Три остальных гаплогруппы, присутствующие в таблице, дают существенно меньшие вклады, и мы не будем останавливаться на их анализе.

Группа R1a является доминантной для русских (129 млн.), поляков (57,4 млн.), словаков (5,4 млн.), белорусов (10 млн.), украинцев (восточных – 41,9 млн.; западных – 4,8 млн.), словенцев (2,5 млн.) и чехов (12 млн.). Эту гаплогруппу естественно назвать «русским кодом», и по ней определять степень этнического сродства с русскими. Если взять за «средний уровень» долю R1a в русском народе**,

* Таблица составлена по данным, опубликованным в статьях Википедии: «Гаплогруппы Y-ДНК среди народов мира» и «Генофонд славян» Валерием и Ольгой Салфетниковыми («Какие народы являются этническими русскими, что говорит ДНК»).

** В таблице дана усредненная величина (для всех русских). Существуют исследования, дающие в зависимости от географии выборки заведомо большие значения (60–70 %).

то в число этнических русских попадут все упомянутые народы, кроме западных украинцев и словенцев. Общее их число – 243,7 млн. На долю остальных славян тогда приходится (с галичанами, словенцами и чехами) – 53,8 млн. Соотношение приблизительно пять к одному, и это мы еще не стали привлекать западных украинцев, словенцев и чехов.

Мы здесь не обсуждаем фактор враждебности по отношению к нам поляков, словаков, украинцев-галичан, словенцев и чехов, утвердившийся в последние столетия. Его суть становится понятной, если взглянуть на первый столбец таблицы. Современная концентрация группы R1b максимальна в Англии, Уэльсе, Шотландии, Ирландии, Испании, Франции – странах, мягко говоря, по преимуществу русофобствующих. Понятен и максимальный «градус нелюбви» у чехов. Но вторая колонка напоминает нам, что Варшава была русским городом, а подвергшиеся геноциду русины проживали на западе Украины (Закарпатье), востоке Словакии (Пряшевская Русь) и в юго-восточной Польше (Лемковщина).

В свете ДНК – генеалогии называть русских, украинцев (восточных) и белорусов восточными славянами, мягко говоря, неразумно. Это насилие над здравым смыслом. Налицо наличие двух этнических близкородственных групп – русские (коричневые строки в таблице) и славяне (все остальные этносы). Для славян доминантной является гаплогруппа I – «славянский код». Босняков, хорватов, сербов, македонцев, словенцев, черногорцев, болгар и украинцев (западных), имеющих его значение в диапазоне 24–42, следует признать ядром славянской общности, формировавшейся на Балканах.

Чехи, у которых в значительной степени присутствуют гаплогруппы, характерные для русских, славян и западноевропейских народов, являются специфическим этносом, сложившимся в основном в результате слияния трех этнических потоков.

Итак, в древнейшие времена до н.э. была миграция людей с гаплогруппой R1a в Европу. На территории Балканского полуострова они смешивались с праславянами.

Их потомки в середине I тыс. мигрировали на Русскую равнину (к своим былым предкам). По своей численности они составляли незначительную часть по сравнению с коренными русскими.

2) В отличие от остальных славян, русские никогда *не теряли национальное государство*. Здесь, вполне вероятно, кто-то из читателей вспомнит о монголо-татарском нашествии и укажет на него, как на опровергающий пример.

Но тут необходимо разъяснение. Впервые о том, что Русь «свергла варварское иго», упомянул в 1479 году польский хронист, архиепископ львовский Ян Длугош. Термин «монголо-татарское иго» применительно к истории России появился только в 1817 году в атласе всемирной истории, изданном в Лейпциге. Николай Карамзин, выпустивший в этом же году первые тома «Истории государства Российского» ещё не использовал термин «монголо-татарское иго». Но описанное им укладывалось в это понятие. Так, в 4-м томе под 1243–1245 гг. он пишет, что русские князья «торжественно отреклись от прав народа независимого и склонили выю под иго варваров». Далее в этом и следующих двух томах у него встречаются также термины «иго Батыево», «иго татарское», «иго татар», «иго неверных» и неоднократно просто «иго» без всякого уточнения.

Карамзин не просто воспроизвел точку зрения западных авторов, но и насытил текст неоднократным повторением выражения, отражающего ее. При этом живший ранее историка Ломоносов понятия не имел об «иге». «История Российская» Василия Татищева – высшее достижение русской историографии XVIII века, рассказывает о вторжениях татарских ханов, об отношениях зависимости русских князей от Орды. Однако игом это ни разу не названо. Карамзин намеренно и целенаправленно вводит новый термин!

Слово «иго» происходит от латинского «ярмо». Кроме конкретного значения в скотоводстве, это слово имело у римлян еще и символическое значение, обозначающее полную покорность плененных противников. Очевидно,

что ничего подобного на Руси того времени не было, но русофобский миф, запущенный Длугошем и Карамзиным, еще не вытравлен из сознания россиян. Это одна из форм борьбы с русским самосознанием, и мы к этому еще вернемся.

3) *Русские* – единственный причисляемый к славянам *великий народ*. В признании этого факта – нет ни бахвальства, ни национальной гордыни. Это все противно русской душе и тому образу мирозерцания, что называют русскостью. В самом деле, создать государство планетарного масштаба – дорогого стоит! Русские открыли Антарктиду и первыми полетели в Космос. Эти достижения определяют масштаб народа, и включение русских в группу других народов таит угрозу сужения круга приписываемых ему свойств или, как в рассматриваемом нами случае, сокрытие древнейшего периода истории.

Несмотря на внешнее сходство, родство языка и обычаев культурной жизни, есть одно важнейшее и, по всей видимости, неуничтожимое различие между русскими и славянами. Русские стремятся к сплочению с разными народами, созданию «империи», славяне, наоборот, всегда толкуют о своем обособлении, собственном национальном интересе, они «республиканцы». Достаточно напомнить, что расселяясь по Русской равнине, славяне умудрились разделить на множество племен. Не случайно и то, что новгородцы-словене не смогли ужиться с чудью, мерей и весью и призвали русских, чтобы те «управляли ими по праву». Словене-новгородцы не оставляли попыток отделиться от Руси, пока Иван Грозный не расселил их по городам и весям Московского царства. Еще более яркий пример славянского сепаратизма дают Украина и Польша. Из всех южнославянских народов только сербы готовы строить общеславянское государство. Но, удивительное дело, оказывается, что

Римляне называли сербов *рассиане*, некоторые называют их *руссы*, сами они зовут себя *рассане* и *рашане*; у них есть город *Раса*; жупан сербский носил титул *Расский*. Иллирийские сербы даже и вышли из Галицкой или Чарвонной Руси. Одноплеменность сербов

с руссами свидетельствуется и тем, что сербский язык ближе всех к древнему русскому.

(Классен Е. Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до Рюриковского времени в особенности с легким очерком руссов до Рождества Христова.)

Все (или почти все) известные нам «схемы» развития мировой истории рассматривают русских как часть общеславянской общности. При этом совершенно игнорируется, что русские и славяне в геополитическом аспекте принципиально по-другому смотрят на мир. Различие славянского и русского мировоззрений настолько существенно, что они не могли вырасти из общего источника. Про это прекрасно написал Константин Леонтьев в работе «Панславизм и греки»:

Россия знает, что, кроме чехов, болгар и т. д., есть еще румыны, мадьяры и греки: она знает, что две первые не соплеменные ей нации самою природой вещей вставлены, так сказать, в славянскую оправу, принуждены быть инородными островами в этом славянском море... У России будут всегда какие-нибудь частные несогласия с западно- или юго-западным славянским миром... Особенности их (славянской. – А. А.) истории сделали для них магическим слово «свобода»... При образовании того оборонительного союза государств (т. е. всеславянского. – А. А.)... непременно выработается у юго-западных славян такая мысль, что крайнее государственное всеславянство может быть куплено только ослаблением русского единого государства, причем племена, более нас молодые, должны занять первенствующее место не только благодаря своей молодой нетерпимости, своей подавленной жажде жить и властвовать, но и необычайно могучему положению своему между Адриатикой, устьями Дуная и Босфором. Образование одного сплошного и всеславянского государства было бы началом падения Царства Русского. Слияние славян в одно государство было бы кануном разложения России. «Русское море» иссякло бы от слияния в нем «славянских ручьев» (А.С. Пушкин)... Повторяю вам. Россия не была и не будет чисто славянской державой. Чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа... Рос-

сия, при сношениях с этой восточной федерацией независимых государств, неизбежно будет во многом больше сходиться с инородными племенами этого союза, с румынами, греками, даже и мадьярами, чем с юго-западными славянами. Россия будет естественным защитником этих слабейших и отчасти старейших наций против весьма возможных посягательств со стороны славян юго-западных, жадных, упорных и властолюбивых, как все долго, но неискусно подавленные молодые и грубые народности.

Словосочетания «русский дух», «русская душа» – устойчивые обороты нашей речи. Они возникли и прочно укоренились в нашем сознании. Ни у одного народа подобных выражений нет. В философии используют термины «душа нации» или «национальный дух», но они равно применимы к любому народу и сами по себе не несут никакой этнической окраски. С русскими это правило дает сбой. Особо подчеркнем, что нет также отдельных понятий – «славянская душа», «славянский дух». Любопытно, не правда ли?..

4) *Русский язык развивался отдельным путем* от прочих славянских языков, варившихся в общих котлах Германской, Османской, Австрийской империй. Потому многие обыденные слова в нашем языке основаны на иных славянских корнях, а наш язык стоит особняком от прочей славянской родни. Он не имеет такого количества германизмов, как польский, или тюркизмов – как болгарский.

В качестве примера приведем таблицу*:

СНІДАНОК	СНЯДАНАК	SNIADANIE	ЗАВТРАК
ПОДАТОК	ПАДАТАК	PODATEK	НАЛОГ
ВИБУХ	ВЫБУХ	WYBUCH	ВЗРЫВ
РАНОК	РАНИЦА	RANO	УТРО
РУХ	РУХ	RUCH	ДВИЖЕНИЕ
ДОБРЕ	ДОБРА	DOBRE	ХОРОШО
ПРАЦЯ	ПРАЦА	PRACA	ТРУД
КРАЇНА	КРАИНА	KRAJ	СТРАНА

* «Чем и почему русские так отличаются от других славян? Называю 7 главных отличий» (статья в интернете).

В ней собраны слова из языков наиболее «близких по крови» народов, но столбец русских слов расходится с украинскими, белорусскими и польскими столбцами. Оказывается, есть и различия в славянских языках, и довольно существенные. Причина тому – разные пути эволюции, как в пространстве, так и во времени. Обратим внимание на последнюю строку таблицы. Для русских родная земля обозначается словом «страна». Ему родственна «сторона», и сразу же всплывает, что есть четыре стороны света, обозначающие дальнюю даль. А у украинцев, белорусов и поляков «страна» – это «край». И это, действительно, край русского мира, граница общей с русскими страны.

Напомним, что русских причисляют к славянам как раз на том основании, что их язык входит в семью славянских языков. Но русский язык явно не укладывается в их «прокрустово ложе». Найдите в Интернете прекрасную книгу А.Н. Драгункина и А.А. Образцова «В начале было слово. Русское» (СПб.: Андра, 2005). Вот цитата из нее:

Если внимательно и непредвзято посмотреть на языковую картину мира, то становится совершенно ясно, что в очень многих языках существуют разрозненные следы – а скорее, обломки – весьма определенной общей базы, которая когда-то, не очень даже давно, всего несколько тысяч лет назад, была **общим языком**. И есть только один язык, в котором все эти следы являются не разрозненными обломками, а органической составной частью **единого** целого. И этот язык явно и есть тот праязык, из которого образовались, а позднее «черпали» все индоевропейские и иные языки. И этот праязык – **русский!**

Или вот фрагмент аннотации книги Б.Б. Новицкого «Когда Британия не знала английского» (М.: Юстициформ, 2019):

В настоящей монографии предложена оригинальная авторская концепция глубокой древности русского языка и его носителей. Проведя орфографический анализ древних корней английского языка с опорой на законы лингвистики Гримма и Вернера, автор приходит к интересным выводам о происхождении староанглий-

ского языка из языка древних русов. В Приложении приведено более 600 английских слов, наглядно показывающих это.

Вполне понимаю, что большая часть нашей интеллигенции, прочитав такое, замашет руками – нет, нет, нет! Для нее отдельное обращение: не торопитесь, подумайте! Ведь все сразу же встает на свои места, как только вы согласитесь, что Русская равнина – прародина индоевропейцев. Отсюда во все стороны расходились народы, здесь общая языковая площадка. Все очень просто! И когда вы, осознав это, скажете: «Окей», улыбнитесь, ибо данное английское слово происходит от того же праиндоевропейского корня, что и самое знаменитое ненормативное русское восклицание.

Об имени «славяне»

Этноним «славяне» сохранился во всех славянских языках. Правда, его написание в них отличается. У большинства народов используется форма с гласной «о» – «словене». Она считается изначальной (праславянской). Форма с гласной «а» – более поздняя. Происхождение ее от имени «словене» маловероятно. Лингвисты единодушно отмечают, что у этнонима «славяне» независимая история.

Большинство учёных разделяет версию академика О.Н. Трубачёва, согласно которой самоназвание «словен» происходит от «слова». Так наши предки называли говоривших на понятном им языке. Антонимом «словенам» тогда является «немцы» – от слова «немые». На Руси немцами вплоть до XVII века называли всех иностранцев, говоривших на германских языках. Происхождение названия, таким образом, следует относить ко времени распада предковой славяно-германской языковой общности.

По другой версии, выдвинутой академиком Б.А. Рыбаковым, в имени «словене» соединились два корня: «слы» и «вене». Древнейшее известное название славян – венеды, поэтому «сло-венами» прозывались (слы-ли) венеды.

Эта гипотеза, на наш взгляд, является более содержательной, потому что дает конкретную информацию о предках народа.

Но какую бы из гипотез не выбирать, они обнаруживают свою важность, так сказать, исключительно для «внутренних разбирательств». Это не очень интересная проблема. Другое дело – форма «славяне». Начиная с XVI–XVII вв. она стала доминирующей. Именно ее стали использовать в статьях и книгах. Она – визитка славянского мира, и с ней попросту необходимо разобраться. Масса исследователей, говоря о русских, употребляют термин «славяне». Это, как правило, соответствует действительности, если речь идет о событиях относительно недавних времен (начиная примерно с XIII–XIV вв.), но для более ранних времен отождествление русских (или их предков) со славянами нуждается в дополнительном обосновании.

Профессор А. Клесов (гениальный наш соплеменник) считает гаплогруппу R1a – доминирующим маркером славян. Это **не только методическая, но и политическая ошибка**. Вместо имени «славяне», как мы указали выше, ученый должен писать «рус», «русский». Такое переформатирование сразу ставит все на место. Ну, скажите, пожалуйста, понимали ли вы, что обозначает течение славянофильства? Искусственно придуманное, оно фактически апеллировало к тому, что мы называем русскостью. Для тех же хорватов или чехов, например, любой разговор об общности с русскими выглядел смехотворно. Но славянофильские настроения в значительной степени повлияли на вступление России в Первую мировую войну. А защита «братушек» – болгар (нижняя строка в таблице), которые сегодня сносят памятники советским воинам-освободителям?! **Понятия «русские» и «славяне» необходимо разделить(!) и прояснить по отдельности.**

Существуют несколько версий происхождения этнонима «славяне». Гипотеза о том, что «славяне» – это славные, зафиксирована в позднем Средневековье и не рассматривается всерьез. Идея, что название возникло от гипотетического индоевропейского «народ», мало информативна

и выглядит надуманной. Высказывались также версии о связи этнонима с названиями рек, содержащих тот же корень – Славутич, Слава, Славница, но, думается, в силу широкого распространения славян в них не верят даже сами авторы гипотез.

Мы обозначили серьезнейшую нерешенную проблему академического славяноведения. Но не указали еще одну «ниточку», которую неизменно указывают историки. В античных (римских и византийских) письменных памятниках название славян выглядит как «склавины» (греч. Σκλαβηνοί, лат. Sklavīnī), в арабских источниках как «сакалиба». То, что склавины (сакалибы) является названиями славян, общепризнано и ни у кого не вызывает сомнений. Но вторая согласная в этих именах удручает и раздражает. Ее хочется отбросить, и тогда все вроде бы встанет на свои места. Но у лингвистики есть свои законы.

Кроме того, ни греческий, ни латинский язык не проявляют глубинного смысла слов «склавины». Точнее, попытки предпринимались: из древнегреческого выводят, что смысл имени «грабить», «снимать доспех с побежденного воина», а из поздней латыни и современного немецкого – в значении «раб» (sklavus и «склав»). К последнему варианту мы чуть позже вернемся. Но, думаем, что читателя ни та ни другая версии не удовлетворят. Во-первых, это никак не может быть связано с самоназванием народа, во-вторых, это поздние по времени формы, а в-третьих, никто из историков не дал никакого вразумительного объяснения такому названию славян.

Термин «сакалиб», «сакалиба» производят из греческого имени. Вот такой расклад, и кажется, что филологи перепробовали все возможные варианты происхождения этнонима. Как же быть?

А что если арабское имя славян было первичным и только потом пришло в Европу? Если принять эту точку зрения, то следует разобраться с происхождением слова «сакалиб». Такой подход еще никто не предлагал, и это заведомо оригинальный путь. И поскольку ни одно из рассмотренных выше объяснений не представляется нам правильным, стоит пройти его.

Будем исходить из трех положений:

- 1) Это должно быть самоназвание славян;
- 2) Оно происходит из индоевропейских языков. Учтите, что гаплогруппа R1a присуща брахманам (более 50%), это имя должно восстанавливаться из словаря санскрита;
- 3) В арабском языке слова читаются справа налево.

Перейдем к разгадке этнонима. В санскрите есть слово *balaksa*, оно имеет значение «белый» (Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь). Каркас согласных в нем – «бл-к-с». Запишем этот корневой «скелет» справа налево – «с-к-л-б». В арабских (как и в семитских) языках письмо не содержит гласных. При прочтении арабами запись, составленная из этих согласных, звучала как «саклаби» или, как вариант, «сакалиба». Причина именно такого расположения гласных и появление «и», видимо, были связаны с удобством произношения слов. Но в целом, родство санскритского *balaksa* и арабских этнонимов «саклаби» («сакалиба») представляется бесспорным. Итак, сакалиба означает «белый» или, по-другому, «русый» (то есть «рус»), и мы приходим к важнейшему выводу:

Сакалибы – это арабское название русов

Подчеркнем, не славян, а русов! Итак, можно говорить о следующей схеме образования имени «славяне»:

balaksa → сакалиба → *sklavinus* → славяне.

Понятие «сакалиба» обозначало одну из реалий средневекового мусульманского мира и употреблялось в течение нескольких столетий на огромной территории – от Португалии и Марокко на западе до Афганистана на востоке. В связи с этим широкое обсуждение вызвал вопрос, всегда ли упоминаемые сакалибы соответствовали славянам. На этот счет приведем мнение польского историка Т. Левицкого: «Каждый исследователь-востоковед, интересующийся анализом арабских источников по истории Европы, хорошо знает, что термин “сакалиба” и связанные с ним формы означают у ранних арабских авторов (VIII–X вв.) исклю-

чительно славян. Только позднее, причем лишь у некоторых, по большей части второразрядных, арабских авторов понятие “сакалиба” распространяется на иные светловолосые народы Северной и Восточной Европы» (Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье, 2002). Исследователь, понимая, что сакалибов нельзя вписать в прокрустово ложе славянства, ищет сколько-нибудь убедительные **однозначные** соответствия этнониму, но их нет. Термин «славянин» не охватывает всего многообразия известных фактов. А вот слово «рус» (беловолосый и белокожий) оказывается, как нельзя к месту.

Сакалиба в исламском мире предстают либо как военные переселенцы, либо как невольники и слуги. У арабов многие сакалиба были скопцами (евнухами). Русы продавали сакалиба в рабство, но они не оскоряли своих пленников. Отметим это как важное обстоятельство, характеризующее принципиально иное отношение к пленникам у русов (своих) и арабов (чужих).

Как видим, у арабов понятие «сакалиба» ни в коей степени нельзя полностью отождествлять с рабами. Это лишь одно из возможных значений. Точно так же и латинское *sklavinus*! Античные авторы знают народ склавинов (некоторой части русов). Опять-таки заметим, не славян, а русов. Стремление придать этнониму единственное значение «раб» неправомерно. Да, в какой-то момент склавины могли подпасть под власть германцев. Но опять-таки на основе анализа хартий германских королей можно уверенно утверждать, что речь в этих документах идет о «порабощенных славянах», а не «рабах». Западные историки неизменно желали свести истолкование названия народа к наиболее обидному и неприемлемому для него. То же самое относится и к термину «славяне», возникшему из праформы «склавины».

Вместо заключения

Термину «славяне», как мы показали, в современной историографии совершенно неоправданно придано исключительно широкое значение. Сделано это намеренно,

чтобы обрезать русскую историю в древние времена (I тыс. и ранее) и принизить значение русов (пра-русских). Стоит только начать думать об этом, и мгновенно начинают высвечиваться разного рода подтасовки, придумки и мифы, с любовью возвращенные и хранимые в среде ученых.

Так, в «Чешской хронике» Козьмы Пражского начала XII века рассказывается о прибытии в Богемию славянского племени во главе с «праотцом Чехом». Затем в чешском варианте легенды появился и Лех, а в польском варианте легенды также и Рус. По этой легенде русские – младшие братья чехов и поляков. Верно ли это? Да, верно, если в качестве «мерной ложки» взять процент гаплогруппы R1b (смотри таблицу). Но это фактор сродства с западноевропейскими народами. При чем здесь славянские корни? Очевидно, что реальная картина перевернута с ног на голову.

Или вот фрагмент «Великопольской хроники» XIV века:

В древних книгах пишут, что Паннония является матерью и прародительницей всех славянских народов... от этих паннонцев родились три брата, сыновья Пана, владыки паннонцев, из которых первенец имел имя Лех, второй – Рус, третий – Чех. Эти трое, умножась в роде, владели тремя королевствами: лехитов, русских и чехов, называемых также богемцами.

Здесь старшим сыном, и понятно почему, выступает поляк. Но это не главное. Русские вписываются в число славянских народов, и прародиной им устанавливают регион в Центральной Европе. Вы согласны с этим? Я – нет! Хотя большинство профессоров у нас охотно с этим соглашается.

Историк А.В. Пыжиков в книге «Славянский разлом» пишет:

Сегодня укоренено мнение, что будто российская история – это плод усилий германских ученых во главе с Ф. Миллером и Г. Байером, слепивших ее в середине XVIII века при жестком оппонировании М.В. Ломоносова. Однако подобный взгляд нельзя признать правомерным: каркас нашей истории создавался не немцами, а исключительно украинско-польскими деятелями во

второй половине XVII века. Они, а не кто-либо ещё, – создатели всей идеологической архитектуры, включая церковную. Что же касается немецких профессоров, то те лишь корректировали исторические основы, заложенные не ими.

Кстати, М.В. Ломоносов, пошедший на конфликт с «немецкой партией» историков, провел год в тюрьме (пока длилось следствие), а предложением Сената в качестве наказания была – смертная казнь (!). Вот она – цена вопроса! И что самое интересное, «норманнская теория», против которой боролся русский гений, до сих пор служит украшением отечественной академической мысли.

Русофобская «пятая колонна» в исторической науке существует и исправно исподволь делает свое дело. Можно только удивляться, с каким усердием до сих пор критикуется Василий Никитич Татищев – создатель первого труда по русской истории. И это прежде всего потому, что приведенные им сведения портят созданную в академической среде картинку истории Руси. Грешным делом, начинаешь думать, что норманисты разных поколений являются членами какого-нибудь тайного братства, целью которого служит оболванивание русского народа. Кстати, первый критик Татищева – князь М.М. Щербатов, был масоном. Принадлежал к числу «вольных каменщиков» и другой ярый критик Татищева – Н.М. Карамзин.

Для рационально мыслящих исследователей, которые не склонны к разговорам о конспирологии, укажем на одно чрезвычайно интересное обстоятельство. В 1997 году вышла книга выдающегося литературоведа Вадима Валерьяновича Кожинова (1930–2001) «История Руси и русского Слова. Современный взгляд». Это один из лучших русских мыслителей XX века, авторитет его, как ученого, бесспорен. Сторонник академической науки, В.В. Кожинов подробно обосновывает и защищает современный вариант норманнской теории. Но перед тем как говорить собственно об Истории, он отмечает, что время со второй половины XVIII века по первую четверть XIX можно охарактеризовать, как «масонский» период в истории русской культуры. Он пишет:

В связи с темой масонства уместно сделать краткое отступление, или разъяснение, так как, вполне возможно, найдется немало людей, которым придет в голову мысль, что я придаю русскому масонству слишком большое значение. Но, поверьте, такая мысль может возникнуть только от незнания реального положения дел. Масонство – принципиально «тайное» и к тому же мало изучавшееся в России явление. **Роль же его была очень велика** (выд. – А. А.).

Мы далеки от желания обсуждать само это явление и степень его влияния. Нам важно только указать, что взгляды членов братства на русскую историю всегда соответствовали западным стандартам. И у нас нет никаких оснований считать, что ситуация сегодня хоть как-то изменилась. Термин «славяне», несмотря даже на нынешнюю оголтелую русофобию славянского мира, по-прежнему имеет излишне высокий статус, в том числе и в России. И это никак не может радовать.

Далекое – близкое

Владимир РЯПОЛОВ

Воронеж

ОТ «ЯРА» ДО ШТОФНОЙ...

Заведения российского «общепита»

XIX – начала XX века в русской литературе

Часто, беря в руки книгу авторства классиков русской литературы XIX – начала XX века, да и не только классиков, но и писателей второго ряда, которые зачастую были намного даровитее наших пишущих современников, наталкиваемся на слова и выражения совершенно непонятные. Особенно это касается военного дела, одежды, мундира, танцев, медицины, где современные названия заболеваний ни как не соответствуют былым, да и денежная система с полушками, алтынами, гривенниками, «катеньками» и «петеньками» также вызывает недоумение. То, что было понятно раньше каждому, сегодня уже анахронизм. Хорошо если современный редактор, издавая книгу, пояснит, что обозначает в повести Гоголя слово «шинок» или «цибуля», а если нет? Тогда читатель должен сам, исходя из контекста, догадываться о чем идет речь. Мы же в данном очерке попытаемся заглянуть в таинственную сферу российского «общепита» и разобраться в некоторых каверзных названиях, что это было, как это работало, и чем отличалось одно от другого. При рассмотрении, подтвердим наше мнение выдержками из

текстов русских писателей. Итак, начнем с запада России, где наибольшее распространение получили так называемые корчмы и шинки, и которых совсем не было, например, в Сибири.

Корчма. Интересное описание корчмы дал Всеволод Крестовский, известный читателям по роману и его недавней экранизации «Петербургские трущобы». Всеволод Владимирович в 60-е годы XIX века служил в уланском полку в Северо-Западных губерниях России (ныне Белоруссия) и дал замечательные зарисовки местных нравов и быта в книге «Очерки кавалерийской жизни», где, как раз, и описал корчму.

Вот и корчма перед нами – низенькая, маленькая, грязенькая, с черной соломенной кровлей, на которой разросся порыжелый мох, и торчат засохшие стебельки бурьяна. Из низенькой закопченной трубы дым валит. Длинный журавель скрипит над криницей (колодезем. – В. Р.), из которой батрачка тянет бадью. <...> Корчемка, несмотря на свое внешнее убожество, стояла на очень бойком месте и... приносила доход хороший. Сюда обыкновенно в базарные дни наезжают из города перекупщики-евреи и приобретают у крестьян все продукты, которые те везут в город; здесь же обыкновенно и крестьяне пропивают значительную долю своей выручки, и всякий возвращающийся из города останавливается – хоть на минуту – и выпивает «килих» на дорогу.

Здесь хотелось бы добавить, что завсегдатаями корчмы были местные селяне, хуторяне, которых не смущал внешний неряшливый вид заведения. Главным для них было внутреннее его содержание в виде горилки, водки, да и сами они жили в домах, мало чем внешне отличающихся от выше описанной корчмы.

Шинок. Здесь надо сказать, что корчма и шинок были заведениями одного пошиба и практически существовали как синонимы. Да и географически они размещались на территориях современной Беларуси и Украины. Шинок, как и корчма, представлял собой небольшое питейное заведение в дореволюционной России (первоначально на Украине), в котором производилась продажа спиртных напитков. Оно настолько глубоко вошло в быт местного

малоросского населения, что для некоторых людей стало фамилией, например, Шинкарь, Шинкаренко, Шинкарев.

Если говорить о русской литературе XIX столетия, то чаще всего слово «шинок», «шинкарь», «шинкарка» встречается в произведениях Н.В. Гоголя. Будучи малороссом, он глубоко знал культуру, быт и нравы своих земляков, оттого часто и употреблял некоторые местные слова и выражения в своих произведениях. Например, в повести «Вий»: «Впрочем, эти наставления были совершенно напрасны, потому что едва только приблизилась исполинская брика к шинку на Чухрайловской дороге, как все в один голос закричали: «Стой!» Притом лошади Оверка были так уже приучены, что останавливались сами перед каждым шинком». Так же в повести «Ночь перед Рождеством»: «Шел ли набожный мужик или дворянин, как называют себя казаки, одетый в кобеняк с видлогою, в воскресенье в церковь или, если дурная погода, в шинок, – как не зайти к Солохе, не поесть жирных с сметаной вареников...» или «мне покойный шинкарь Зузуля раз привез табаку из Нежина. Эх, табак был!», здесь же «Шинкарка никаким образом не решалась ему верить в долг» и т. д.

Не обошел «шинок» и А.П. Чехов в рассказе «Человек в футляре», но опять же с малоросским акцентом:

Это польстило ей, и она стала рассказывать ему с чувством и убедительно, что в Гадячском уезде у нее есть хутор, а на хуторе живет мамочка, и там такие груши, такие дыни, такие кабаки! У хохлов тыквы называют кабаками, а кабаки шинками, и варят у них борщ с красненькими и с синенькими «такой вкусный, такой вкусный, что просто – ужас!

Трактир. Слово «трактир», наверное, наиболее употребляемое из заведений российского общепита в русской истории и литературе. Да и происхождением своим оно исходит от слова «тракт», что значит дорога. Трактир был не только местом, где можно было вкусно поесть, но и в первой половине XIX в нем можно было остановиться, сняв номер на ночлег. По сути, он играл роль своеобразной гостиницы. Да и не только гостиницы: в трактире

можно было провести время в компании равных тебе по положению людей. Так, пушкинский Петр Гринев из «Капитанской дочки» во время своей поездки в Белогорскую крепость останавливался на ночлег в симбирском трактире, где была бильярдная комната и где проиграл в бильярд сто рублей некоему ротмистру Ивану Зурину. Или в гоголевском «Ревизоре»: «...а по фамилии, говорит, молодой человек, чиновник <...> Иван Александрович Хлестаков <...> другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и ни копейки не хочет платить». Хотя здесь же Николай Васильевич называет заведение, в котором остановился Хлестаков не только трактиром, но и гостиницей, что было в то время примерно одно и то же.

Главным бытописателем старых московских трактиров был, наверное, Владимир Алексеевич Гиляровский. В своем очерке «Трактиры» замечательной книги «Москва и москвичи», он писал:

Для многих москвичей трактир тоже был «первой вещью». Он заменял и биржу для коммерсантов, делавших за чашкой чая тысячные сделки, и столовую для одиноких, и часы отдыха в дружеской беседе для всякого люда, и место деловых свиданий, и разгул для всех – от миллионера до босняка.

В Москве с первой половины XIX века, кроме маленьких трактирчиков, было три основных: «Саратов» Гурина и затем Тестова, «Эрмитаж» и «Славянский базар». Прислуживали в них половые в белых рубахах «из дорогого голландского полотна, выстиранного до блеска». Главными посетителями этих трактиров было старое русское купечество, часто из Сибири, богатейшие, как тогда говорили, «промышленники-миллионщики» – владельцы золотых приисков и даже приезжавшие в Москву великие князья, а подавались в них блюда исключительно русской кухни: щи, каши, пельмени, пироги, различные настойки и наливки. Это была публика, которая, как говорил гоголевский Собакевич, поглощая щи с огромным куском няни: «Мне лягушку хоть сахаром облепи, не возьму ее в рот, и устрицы тоже не возьму, я знаю, на что устрица похожа».

Часто трактиры делились по корпоративному признаку, были и рангом пониже да и победнее. Примером тому – извозчичьи трактиры. Со слов Гиляровского их в Москве было очень много. В них была: «и щековина, и сомовина, и свинина». Как писал автор: «Извозчик с холоду любил, что пожирнее, и калёные яйца, и калачи, и ситнички подовые на отрубях, а потом обязательно гороховый кисель. <...> Извозчик в трактире и питается, и согревается. Другого отдыха, другой еды у него нет. Жизнь в сухоматку. Чай да требуха с огурцами. Изредка стакан водки, но никогда – пьянства».

Интересен был «Охотничий трактир», увешанный клетками с соловьями, куда по вечерам собирались знатоки и любители соловьиного пения, а по воскресениям известные московские охотники. Любимым местом московских актеров был «Трактир С.С. Щербакова», невзрачный на вид, но душевный внутри. Любой актер в самые сложные периоды безденежья находил в лице его владельца Спиридона Степановича истинного друга и покровителя. Актеры никогда не оставались у него в долгу.

Ресторан. Первым рестораном в Москве, со слов В.А. Гиляровского, стал «Славянский базар». Как писал Владимир Алексеевич:

Фешенебельный «Славянский базар» с дорогими номерами, где останавливались петербургские министры, и сибирские золотопромышленники, и степные помещики, владельцы сотен тысяч десятин земли, и... аферисты, и петербургские шулера, устраивавшие картежные игры в двадцатирублевых номерах. Ход из номеров был прямо в ресторан, через коридор отдельных кабинетов.

Загородными ресторанами были «Яр» и «Стрельна», а позже появились и более мелкие ресторанчики, вроде «Италии», «Ливорно», «Палермо», «Татарского» и «Молдавии» в Грузинах. Судя по названию ресторанов, исключительно русской кухней здесь уже посетителей не баловали, а выписывали поваров из Европы – итальянцев или французов. Вместо половых в ресторанах публику обслуживал официант в манишке и белых перчатках, и обращение

к нему было «человек». У входа посетителей встречал метрдотель во фраке и провожал к столику, управляя официантами. Спиртное и блюда в ресторанах, как шампанское, вина, ликеры, соусы, были исключительно заграничные. Даже названия блюд, вместо няни, расстегаев или знаменитой гурьевской каши были: фуа-гра, алиго, бёф бургиньон, вишисуаз и, конечно, устрицы, которых Собакевич ни за что не взял бы в рот. Или, как говорил миллионер И.В. Чижов, обедая в «Большом Патрикеевском трактире» у И.Я. Тестова, в который из Петербурга приезжали великие князья, чтобы съесть тестовского поросенка, раковый суп с расстегаями и знаменитую гурьевскую кашу: «У меня этих разных фоли-жоли да фрикасе-куресе не полагается... По-русски едим – зато брюхо не болит, по докторам не мечемся, полоскаться по границам не шатаемся». Тем не менее, каждый ресторан стремился перещеголять конкурента, разбивая зимние сады, украшая залы иностранными тканями и нанимая оркестры с модными в то время певцами и певичками. Так, в советских фильмах о дореволюционной России московская знать обычно ехала в «Яр» «гулять» и слушать цыган.

Постоялый двор. Нельзя не вспомнить и постоялый двор, часто упоминаемый в нашей литературе. Куда бы ни отправлялся путник и если это было путешествие не пешее, а, как говорится, на гужевом транспорте, в любом случае ему необходимо было найти место для ночлега и для отдыха лошадей. Вот здесь ему и необходим был постоялый двор, представлявший собой тип недорогой крестьянской гостиницы, в которой также размещался и дешевый трактир. Постоялыми дворами пользовались все – и дворяне, и мещане, и духовенство, и крестьяне, особенно в зимнюю непогоду и осенне-весеннюю распутицу, а также во избежание ограбления, что было нередким явлением. Вообще постоялые дворы чаще всего размещались вдоль значительных трактов, на которых постоянно шло движение народа, приносили своим владельцам устойчивую прибыль и за красотой и комфортом, как выше описанные шинки и корчмы, особенно не гнались. Часто их антисанитарное состояние было таково, что исходя из современных реа-

лий, они все решением Роспотребнадзора были бы закрыты. Все они кишели кровососущими паразитами, и борьба с этим злом практически никем и нигде не велась. Все воспринималось как данное и неизбежное зло. Так Иван Федорович Горбунов (1831–1896), известный актер, писатель и историк русского театра, в рассказе «На рыбной ловле» привел такой диалог:

– А что, не заночевать ли нам на посадке? – обратился он к Силантию....

– Да где там?

– А на постоялом дворе?

– Что вы, помилуйте, сударь! Там теперича клоп со всего свету собрался... Съест!

О таком же клопе упоминал и А.П. Чехов путешествуя по Сибири на Сахалин:

А когда придут в деревню, наскоро закусят, напьются кирпичного чая и тотчас же повалятся спать, и тотчас же их облепят клопы – злейший, непобедимый враг тех, кто изнемог и кому страстно хочется спать.

Харчевня. Слово харчевня произошло от русского слова «харч» или «харчи», что значит еда или пища. Вспомним, как Шариков с возмущением обращался к профессору Преображенскому: «Я без пропитания оставаться не могу, где же я буду харчеваться?» Вообще харчевня представляла собой недорогой трактир, где мог вкусно и сытно поужинать за достаточно приемлемую цену простой люд. Хотя единого критерия здесь не существовало. Все зависело от владельца заведения. Это могла быть нищенская забегаловка, уровня той, о которой упоминал В.А. Гиляровский, или вполне приличный небогатый трактир. Самой известной харчевней в русской литературе была, пожалуй, харчевня «Трех пескарей» из всеми любимой сказки Алексея Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», где Буратино спросил «три корочки хлеба», а лиса заказала себе «чудно зажаренного барашка, гусенка, парочку голубей на вертеле, да, пожалуй, еще печёночки»,

а кот – «шесть штук самых жирных карасей», а чуть позже Карабас Барабас с Дуремаром съели зажаренного поросеночка, запивая его вином.

Кабак. Вообще, официально такого названия не существовало. Оно было как-бы нарицательным и часто в нашем понимании ассоциировалось с чем-то асоциальным, имеющим вульгарное, непристойное значение, связанное с пьянством, азартными играми, где в карты проигрывались целые состояния и где преступные люди обстригивали свои темные делишки. Хотя в русской литературе кабаки упоминались, и не раз. Под словом «кабак» мог подразумеваться и трактир, и ресторан, и харчевня, и шинок, и много, что еще...

Так Степан Гаврилович Петров, вошедший в литературу под псевдонимом Скиталец, в рассказе «Сквозь строй» писал:

Мне вспоминается внутренность деревенского кабака: Маленькие окна, бревенчатые стены, грязные сосновые столы и скамьи. За столами сидят мужики и пьют водку большими шкаликами из толстого, зеленого стекла. Высокая стойка отгораживает полки с бутылками и огромную, тридцативедерную бочку с водкой. Около нее на стене висят разного калибра «мерки» – медные ковши, и кабатчик цедит в них из огромного крана бочки пахучую, синеватую водку.

Не забыл упомянуть кабаки и И.С. Тургенев в романе «Новь», и опять же в ассоциации с водкой:

Он потащил Нежданова в кабаки... – Михалыч! – крикнул парень: – нутка – десятикопеечную! Мою любимую стопку! Приятеля угощаю!.. Пей, – обратился он к Нежданову, подавая ему тяжелый, полный, мокрый снаружи, словно потный стакан...

Или А.М. Горький в романе «Мать»:

Иногда парней приводили домой матери, отцы. Они отыскивали их где-нибудь под забором на улице или в кабаках бесчувственно пьяными...

Столовая. Столовая для людей, родившихся в СССР, была самым распространенным заведением общественного питания. Не найти, наверное, человека, который так или иначе не обедал бы в столовой. Столовой любого типа. А ведь их было множество. Можно перечислять, начиная с обыкновенной городской и, заканчивая, например, диетической, заводской, студенческой, школьной, в санатории или в пионерском лагере и т. д. А в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Лиза, Колина жена, проживавшие в общежитии студентов-химиков имени монаха Бертольда Шварца, говорила: «А мы примуса не держим. Зачем? Мы ходим обедать в вегетарианскую столовую, хотя я против вегетарианской столовой». Видимо, были и такие, хотя до революции столовая не была местом общественного питания. Иногда в литературе можно встретить упоминания о столовых. Например, в рассказе «Сара Бернар» Ивана Горбунова: «В одном из петербургских клубов, в столовой, сидят несколько человек и ведут беседу». Трудно себе представить, что в столичном, например, Яхт-клубе могла быть столовая, в которой господа, получив «комплексный обед» из борща, макарон с котлетой и компота, неспешно вели беседу. Вероятнее всего это был буфет или кофейня. Другой вопрос, когда упоминались столовые, где бесплатно или за символическую плату раздавался обед нищим, бездомным, бродягам. Однако это не было постоянным местом общепита, как, впрочем, и сейчас, когда зимой открываются небольшие пункты обогрева и питания для бездомных, где можно согреться, съесть порцию недорогой, но качественной еды и попить чаю. Чаще всего, до революции, столовая представляла собой отдельное помещение в доме или квартире. Так, например, вспомним всем известный обед гоголевского Чичикова в доме Собакевича, когда хозяин и гость «подошедши к столу, где была закуска, выпили, как следует, по рюмке водки, закусили, как закусывает вся пространная Россия по городам и деревням, то есть всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли в столовую; впереди их, как плавный гусь, понеслась хозяйка». Да и профессор Преображенский, проживая не в помещичьей усадьбе,

а в городской квартире, возмущенно заявлял Швондеру и его команде: «Я буду обедать в столовой, а оперировать в операционной!». Столовая была, возможно, иногда и единственным местом в доме, где могла встретиться вся семья, хотя бы на несколько минут, за завтраком. Например, как в романе «Новь» И.С. Тургенева: «С Марианной Нежданов увиделся мельком, в столовой, за завтраком».

Таверна. Слово таверна, а точнее заведение с таким названием, в русской действительности своего места не нашло. Как правило, таверна представляла собой трактир в южной Европе или Средиземноморье, расположенный в порту или вдоль значимых дорог, где путник мог остановиться на ночлег, дать себе отдых и накормить лошадей. С появлением автотранспорта слово «таверна» исчезло, а на смену ему пришел мотель или отель. В русской же литературе оно употреблялось чисто для антуража, когда автор пытался сделать романтическую зарисовку средневекового быта европейского человека. К примеру, А. Грин в романе «Бегущая по волнам» писал: «День был горяч, душен, как воздух над раскаленной плитой. Несколько утомясь, я задержал шаг и вошел под полотняный навес портовой таверны утолить жажду».

Кухмистерская представляла собой второстепенный ресторан или трактир, где всякий желающий мог получить за небольшую плату простой и в то же время вкусный, обед. Вообще заведение с подобным названием широкого распространения в России не имело, но в литературе и жизни оно встречалось. Так, выпускник Воронежского Михайловского кадетского корпуса Анатолий Львович Марков в своей удивительной биографической повести «Кадеты и юнкера» вспоминал, как они проводили время в городе, в том числе и как обедали. События описывали начало XX века. Кадетам запрещалось без сопровождения взрослых посещать рестораны, поэтому

...Вскоре общими усилиями мы в городе отыскали некую кухмистерскую, носившую пышное название «Московской гостиницы», которая предоставляла нам заднюю комнату для завтрака и обеда; кроме кадетов, в нее никого не впускали. В этой сомнитель-

ной харчевне кадеты-воронежцы питались много выпусков подряд, и, положив руку на сердце, впоследствии ни на одном званом обеде мне не случалось проводить время так хорошо и весело, как в этом тайном убежище моей юности.

Здесь надо еще заметить, что в кухмистерских готовили по-домашнему, вкусно, отчего и тянуло туда мальчишек. Особенно, если учитывать, что главным принципом кадетских столовых было «щи да каша – пища наша». Пользовались кухмистерскими в основном мелкие чиновники, студенты, мещане, небогатое купечество. В них можно было заказать обед и на дом, что было удобно холостяку, не имевшему кухарки. Другое удобство кухмистерских – оплата, как бы теперь сказали, «абонемент на месяц», что являлось своеобразным мелким оптом и было дешевле, если оплачивать обеды ежедневно.

Кондитерская. Кондитерская была достаточно распространенным и популярным местом общественного питания в крупных городах. Так, выдающийся российский академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, вспоминая свое дореволюционное петербургское детство, писал о магазинах, в которые он заходил с мамой: «колониальные товары (кофе, корица), бакалея, суровский магазин (ткани, нитки), булочные, кондитерские, писчебумажные». При этом в «кондитерской» не только можно было заказать и купить пирожные или конфеты, как говорится, навынос, но съесть на месте, сидя за столиком, читая газету, с чашкой чая или кофе. Иногда кондитерские называли кофейнями, первая из которых появилась в России еще при царе Петре Алексеевиче, введшем в стране в обиход пить кофе. В кондитерских русская публика впервые, вместо калачей, пирогов и пряников, познакомилась с европейской выпечкой в виде бисквитов, круассанов, эклеров, марципанов, различных пирожных, мороженого, лимонада, шоколада и прочего. Цены в кондитерских были достаточно высокими, и спиртное не подавалось, что гарантировало их от посещения «простой» публикой. Так И.Ф. Горбунов упоминал о кофейне в Грузинах (в Москве) «с правом входа для дворян и купцов» или В.А. Гиляровский, рассказывая

о кофейне известного в России булочника Филиппова упоминал: «Но доступ в кофейню имели не все. На стенах пестрели вывески “Собак не водить” и “Нижним чинам вход воспрещается”». Часто кондитерские были любимым местом встреч московских и питерских писателей, журналистов, интеллигенции, позволявшим за чашкой кофе, поговорить о делах насущных. Да и господа офицеры не брезговали пригласить даму в кофейню и угостить чашкой кофе и вкусным пирожным. Это считалось вполне приличным. Обслуживали посетителей, как правило и в отличие от ресторанов и трактиров, молодые женщины европейского происхождения – немки, швейцарки, в общем, в зависимости от того, кто был владельцем кондитерской.

Как писал М.Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине»: «Зашли в кондитерскую, выпили по чашке шоколада, но молча, словно обоих приводила в смущение непривычная обстановка». Или А.И. Куприн: «Александров идет в кондитерскую Филиппова, съедает пирожок с вареньем и возвращается только что пройденным путем, мимо тех же чудесных гренадеров».

В советское время кондитерские, как бы и сохранились, но чаще всего они представляли собой отделы в гастрономах, где можно было купить конфеты или шоколад, а также небольшие кафе где-нибудь в городском парке с мороженым, кофе и пирожными.

Закусочная. Кроме всего прочего, существовал такой вид заведения, как закусочная. Д.С. Лихачев, вспоминая Петербург 1910-х годов, указывал, что «перейдя Невский – закусочная Смурова». Закусочная, что понятно, произошла от слова «закуска». По мнению В. Даля «закуска» это «в высшем обществе: завтрак до обеда, водка с соленой и другой снедью; иногда ранний обед: именинная закуска; в народе же более употребительно множественное закуски: десерт, заедка, верхосытка, лакомства, сласти, пряники». А потому в России, начиная с XVIII века, в закусочных подавалась еда, не требующая долгого горячего приготовления. Как правило, это были бутерброды с ветчиной, бужениной, рыбой, икрой, сыром, маслом, овощные салаты, дававшие возможность посетителю перекусить, что

называется «на бегу», по дороге на службу или в течение дня, если не было времени на полноценный обед. Пользовалось закусочными, как правило, мещанство и мелкое чиновничество. Люди состоятельные их не посещали.

Чайная. Первые чайные в России появились довольно поздно, около 1882 года. Но затем они стали появляться повсеместно: вдоль трактов, у почтовых станций и железнодорожных вокзалов, на ярмарках и рядом с театрами. Меню здесь было самым безобидным. Украшением чайных были начищенные до блеска самовары. К чаю подавался свежее испеченный хлеб, масло, сливки, сахар, горячие бублики и баранки, а в плетеных корзинках всегда лежали сухари и сушки. А потому посетителями чайных были барышни, мамки с детьми, небогатые торговцы, а зимой те, кому надо было согреться и кто мог обойтись без спиртного. Горький в «Жизни Клим Самгина» писал: «Зайдешь, с холода, в чайную, в трактир, прислушаешься: о чем говорят?». Или Ф.М. Достоевский «В селе Степанчикове»: «В чайной. Там же, где чай изволили давеча кушать». Не забыл чайную и А.И. Куприн в рассказе «Гамбринус», описывая приморский город, правда, к удивлению, поставив ее в один ряд с кабаком, но это было незаслуженное исключение: «Внизу, около моря, в улицах, похожих на темные липкие кишки, совершалась тайная работа. Настежь были открыты всю ночь двери кабаков, чайных и ночлежек».

Буфет. Вообще, слово буфет имеет два значения. В первом случае это предмет кухонной мебели для хранения посуды, столовых приборов, столового белья, некоторых продуктов питания и напитков. И во втором: предприятие общественного питания, расположенное в жилых или общественных зданиях, реализующее ограниченный ассортимент продукции из полуфабрикатов высокой степени готовности, холодные блюда, закуски, горячие, сладкие блюда несложного изготовления, мучные, кулинарные, булочные и кондитерские изделия, а также покупные товары с возможностью съесть их непосредственно в месте приобретения. Нас интересует второй случай и то, как он был изображен в русской литературе. Как теперь, так и раньше

буфеты открывались и работали на вокзалах, в театрах, цирках, в образовательных и медицинских учреждениях, там где человеку хотелось перекусить в ожидании поезда, зрелища или в промежутках между лекциями и работой.

О привокзальном буфете упоминал А.П. Чехов в рассказе «Холодная кровь»: «Как раз против двери стоит пассажирский поезд, а за ним красное здание с навесом – какая-то большая станция с буфетом». А о театральном И.Ф. Горбунов:

– Да ведь вы ходите в итальянскую оперу, а языка не понимаете...

– Так что же! Это я только для семейства порядок соблюдаю. Жене с дочерью требуется, а мне одна тоска. Кабы буфета не было...

В.А. Гиляровский вспоминал, как в «Татьянин день» владелец ресторана «Эрмитаж» отдавал его студентам для гулянки, предварительно сняв дорогие ковры, убрав дорогую мебель, посыпав пол опилками и выставив простые деревянные столы, стулья и табуретки. Вот тогда то и начинал работать буфет. «В буфете и кухне оставались только холодные кушанья, водка, пиво и дешевое вино. Это был народный праздник в буржуазном дворце обжорства».

Не забыл буфет и известный русский поэт А.А. Фет в своих воспоминаниях «Ранние годы моей жизни»:

В конце анфилады находилась зала для ужинов, где в алькове за длинным прилавком торговала услужливая и ловкая еврейка, арендаторша буфета. Там в вазах со льдом торчали соблазнительные горлышки «Редерера», за который в те счастливые времена мы платили три рубля».

Ну и конечно Л.Н. Толстой в «Войне и мире»: «В буфетной и в передней сутились лакеи с винами и яствами».

Штофная. Слово «штофная» произошло от немецкого Stof, что значит большой бокал или чаша. Как указывал том № 62 «Большой советской энциклопедии» (М., 1933) штоф существовал в России еще до введения метрической системы мер и весов и по объему представлял 1/10 часть

ведра или 1,2299 литра. В русском языке в XVIII – начале XX века штофом стал называться четырехгранный сосуд для крепких спиртных напитков с коротким горлышком из зеленого стекла. Оттого и штофными лавками назывались заведения, в которых можно было приобрести спиртное в запечатанных зеленых бутылках, называемых штофами. Конечно, в продаже были не только литровые штофы, но и пол-литровые и, составлявшие четверть штофа. Так, И.Ф. Горбунов в рассказе «Забытый дом» написал: «Кучера благодумствовали, выпивая седьмой полуштоф и закусывая печенкой». А Н.А. Некрасов в своей поэме «Кому на Руси жить хорошо» перечислил различные заведения, ранее упоминаемые нами, в которые и вошла «штофная лавочка»:

Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых дворишков,
Да «ренского погреба»,
Да пары кабаков.

Распивочная. Из всех заведений российского «общепита» распивочная представляла собой самый что ни на есть кабак в худшем понимании этого слова. Прежде всего это было питейное заведение, где распивались спиртные напитки не самого лучшего качества, используя такую же закуску, иногда в виде квашеной капусты или, как писал Ф.М. Достоевский в романе «Преступление и наказание»: «крошенные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба».

Наиболее частое упоминание распивочная нашла именно в творчестве Ф.М. Достоевского, и особенно в вышеуказанном романе, содержание которого, а также описание города и мест, где пребывал Раскольников и другие действующие лица, оставляло гнетущее впечатление. Вероятно, автор, чтобы создать эффект грязи, мрачности, упоминал не кофейни с кондитерскими, а именно распивочные. Даже первые страницы романа начинаются:

Он (Раскольников) шел по тротуару как пьяный, не замечая прохожих и сталкиваясь с ними, и опомнился уже в следующей улице. Оглядевшись, он заметил, что стоит подле распивочной, в которую вход был с тротуара по лестнице вниз, в подвальный этаж. Из дверей, как раз в эту минуту, выходили двое пьяных и, друг друга поддерживая и ругая, взбирались на улицу. Долго не думая, Раскольников тотчас же спустился вниз. Никогда до сих пор не входил он в распивочные, но теперь голова его кружилась, и к тому же палящая жажда томила его. Ему захотелось выпить холодного пива, тем более что внезапную слабость свою он относил и к тому, что был голоден. Он уселся в темном и грязном углу, за липким столиком, спросил пива и с жадностью выпил первый стакан. Тотчас же все отлегло, и мысли его прояснили. <...> Он так устал от целого месяца этой сосредоточенной тоски своей и мрачного возбуждения, что хотя одну минуту хотелось ему вздохнуть в другом мире, хоть бы в каком бы то ни было, и, несмотря на всю грязь обстановки, он с удовольствием оставался теперь в распивочной.

Это было не первое и не единственное описание распивочной в романе.

Погребок. Погребок представлял собой ту же распивочную, с тем отличием что в нем можно было приобрести не водку, а вино навынос. Несколькими строками выше о «ренсковом погребе» упоминал и Н.А. Некрасов, в котором изначально продавались рейнские вина, а затем и пиво, и портер, и мёд. Писал в своих рассказах, упоминая «ренсковые погребки» и И.Ф. Горбунов, в которых

...Широкая натура пила «лиссабон», приводивший человека в неистовство; пила шампанское, приготовлявшееся в городе Кашине, одной бутылки которого достаточно было для того, чтобы привести человека в остервенение...

Хотя А.И. Герцен был немного другого мнения о продававшихся в то время винах. В повести «Доктор Крупов»:

Так, например, прилично употребленное лечение шампанским располагает человека к дружбе, к доблести, к чувствам радостным и объятиям развёрстым. Действуя же бургонским точно таким же

образом, отправляя его через желудок в вены и оттуда в голову, выводит результат совсем иной: человек делается мрачен, несообщителен, более склонен к ревности, нежели к любви, к раскаянию, нежели к наслаждению, к плачу о грехах мира сего, нежели к снисхождению...

Наверное, все зависит не от сорта вина, а от настроения, с которым оно употребляется.

О погребе рассказывал и В.А. Гиляровский в своей знаменитой книге «Москва и москвичи»: «Первые шашлыки появились у Автандилова, державшего в семидесятых годах первый кавказский погребок с кахетинскими винами в подвальчике на Софийке». Или у него же в «Трущобных людях»:

Погребок этот замечательный. Он стоит в укромном уголке бойкой, оживленной ночью и днем разгульной улицы, и в него не заглядывает всевидящее око полиции. В погребе особая жизнь, гармонирующая с обстановкой. Прямо у входа, в первой комнате, стоит буфет, сзади которого на полках красуется коллекция вин и водок. На буфете горой поднялся бочонок... вопреки существующим законам, по неисповедимой воле судеб, доказывающей, что нет правил без исключений, торгует круглые сутки распивочно и навынос...

Автору этого очерка тоже посчастливилось спускаться в замечательный погребок с бочонками с винами, но это было еще в середине 80-х годов прошлого теперь столетия в городе Телави в Грузии. Впечатления остались очень хорошими.

Разносчицы. Владимир Гиляровский, проводя экскурсию Глебу Успенскому по Хитрову рынку, вспоминал торговцев, продававших мясной ливер обитателям ночлежек, которые называли это кушанье «собачья радость»:

– Л-лап-ш-ша-лапшица! Студень свежий коровий! Оголовье! Свининка-рванинка вар-реная! Эй, кавалер, иди, на грош горла отрежу! – хрипит баба со следами ошибок молодости на конопатом лице.

– Горла, говоришь? А нос у тебя где?

- Нос? На кой мне ляд нос?
- И запела на другой голос:
- Печенка-селезенка горячая! Рванинка!
- Ну, давай на семитку!

Торговка поднимается с горшка, открывает толстую сальную покрывку, грязными руками вытаскивает «рванинку» и кладет покупателю на ладонь (т. е. на две копейки. – В. Р.).

Приведем еще два примера. Известный московский купец И.А. Слонов, оставивший нам замечательные мемуары «Из жизни торговой Москвы», впервые увидевшие свет в 1914 году, рассказывая о знаменитой в конце XIX века «толкучке», находившейся между Владимирскими и Ильинскими воротами в Китайгородской стене. Он писал:

Но главным перлом этого почтенного собрания была так называемая царская кухня, она помещалась посредине толкучки и представляла собой следующую картину: десятка два-три здоровых и сильных торговков, с грубыми загорелыми лицами, приносили на толкучку большие горшки, в простонародье называемые корчагами, завернутые в рваные одеяла и разную ветошь.

В этих горшках находились: горячие щи, похлебка, вареный горох и каша; около каждого горшка, на булыжной мостовой, стояла корзина с черным хлебом, деревянными чашками и ложками.

Тут же на площади, под открытым небом, стояли небольшие столы и скамейки, грязные, всегда залитые кушаньем и разными объедками. Здесь целый день происходила кормежка [люмпен-] пролетариата, который за две копейки мог получить миску горячих щей и кусок черного хлеба. Для отдыха торговки садились на свои горшки. Когда подходил желающий есть, торговка вставала с горшка, поднимала с него грязную покрывку и наливала в деревянную чашку горячих щей. Тут же стояло несколько разносчиков с небольшими лотками с лежащими на них вареными рубцами, печенкой, колбасой и обрезками мяса и сала, называемыми «собачьей радостью». Эти продукты [люмпен-]пролетариат покупал для закуски, завертывал в грязную бумагу, клал в карман и шел с ней в кабак.

И воспоминания начала XX века «Московская старина» П.И. Богатырева:

Против «столбов» стоял и теперь стоит памятник князю Пожарскому и гражданину Минину... Между «столбами» толклись пирожники. Пирожки «подовые» – с подливкой, «воробушки» – маленькие пирожки, плавающие в масле в большой корчаге, «жареные» – в железных, обделанных деревом ящиках, блины на лоточках, горячая колбаса, яйца и белый хлеб на лотках были к услугам потребителей. Все это было очень вкусно, и всегда здесь толпился народ, а продавцы еле успевали угождать. Особенно в ходу были «подовые» пирожки, которые пекутся в особо устроенной печи «на поду»; они всегда подавались на блюдечке с подливкой. В скоромные дни пирожки были с мясом и яйцами; в постные дни – с груздями, с семгой и кашей, с кашей и сметками и горохом. Подливка была тоже постная. «Жареные» пирожки, кроме перечисленных начинок, бывали еще с вареньем и яблоками. Ели «в столбах», под открытым небом. Тут же сновали мальчишки с клюквенным квасом в стеклянных кувшинах.

Традиции разносчиц еще долго сохранялись в России. Вспоминаю те времена, когда я, будучи ребенком, уже начинал видеть, запоминать и осознать окружающее, а это конец 60-х годов теперь уже прошлого века. Так вот, в Воронеже еще сохранялся Щепной рынок, снесенный в 70-е годы, бывший свое начало в XIX веке и живший торговыми рядами под открытым небом. На этот рынок, сменяя друг друга, приходили женщины с тележками на колесах, на которых были установлены большие емкости, в которых были необыкновенно вкусные чебуреки, пирожки с повидлом по 5 и с ливером по 4 копейки за штуку. При этом они очень громко зазывали к себе покупателей, часто в стихотворной форме, напоминающей частушку. Не ошибусь, если мои ровесники из разных городов страны вспомнят о своих рынках и расскажут точно о таких же торговках пирожками и вкуснейшими чебуреками, которых теперь уже не попробуешь.

Каждой эпохе соответствуют свои названия. Сейчас ни кухмистерских, ни шинков встретить уже не возможно. Заведения с такими названиями канули, что называется, в Лету. Хотя в первые годы советской власти они еще существовали. Это было связано с тем, что во времена НЭПа

было разрешено хождение частному капиталу, а потому и процветали и частые рестораны, и трактиры, и пр. С огодударствлением экономики, в том числе и в области питания и развлечения, появились заведения с новыми названиями. Это, прежде всего, кафе, столовые, пельменные. В 80-е годы прошлого столетия, горбачевская «перестройка» подарила нам общедоступные бары с импортным оборудованием, изобилием иностранных спиртных напитков и огромным разнообразием таких же коктейлей, которые ранее существовали в стране, но преимущественно в системе «Интуриста». Сегодня в российский общепит к ранее существовавшим заведениям добавились еще и представители национальных кухонь, таких как хинкальные, шавермы, шашлычные, хачапурные, чайханы и пр.

Время идет, жизнь меняется, меняются нравы, вкусы и предпочтения. Возможно, что что-то еще новое ждет нас впереди...

Евгения ОРЕХОВА

НИЖЕГОРОДСКИЕ ИСТОРИИ 2010-х

Маркеры дня

Памяти «города синих заборов»

Как же детстве я бежал в школу! Если «попугайчик на верёвочке» летит впереди, то и ты успеваешь до звонка, и день пройдет хорошо. Он и есть твой признак удачи сегодня.

В позднесоветские годы вся одежда старалась быть немаркой – серой или коричневой, а в лучшем случае – черной. Да ещё в ходу был глубокий синий цвет курток. Этот же малыш был одет в канареечно-жёлтую куртку. Варежки, как водится, – на верёвочке. И он не плелся сзади нога за ногу за отцом, а просто летел в садик, подпрыгивая и вертя варежки, словно пропеллеры. Так и стоит в памяти попугайчиком на верёвочке. Возможно, цвет определял бытие и настроение этого человечка-птички. Моего первого запомнившегося маркера.

Со школы и появилась у меня привычка столбить маркеры по пути – в институт, к другу, на работу и домой. Маркеры эти – люди, звери, вещи.

Идти на работу от метро три автобусные остановки. Это ежедневный будничный променад в любую погоду – почти в любую. Предстоит пройти три подземных перехода (один из них так стар, что помнит, когда твой город был Горьким), и два перекрёстка со светофорами. Ещё один длинный деревянный закрытый коридор за синим забором возле стройки.

Синий забор – это отдельная песня, это вещь перманентная, только переезжает с одного места на другое. В центре города много деревянных двухэтажек начала двадцатого века и более поздних. Состояние, если коротко, – не ахти. Поддержанием таких домов нужно заниматься регулярно и планомерно, удовольствие дорогое. Жильцы сами не потянут нормальный ремонт.

Вот и выходит, что дома постепенно ветшают и, не входя в реестр охраняемых исторических зданий, памятников архитектуры, становятся лакомым куском для предпринимателей, для мегастроек. Многие из них помешали при строительстве метро. Остальные потихоньку сносятся после пожаров или обрушения. Так и получается, что улица постоянно преобразуется, застройка полужилых-полуофисных высоток не прекращается. Да ещё центральную площадь-сквер по пути вдоль огромного торгово-развлекательного центра периодически переделывают. В общем, прямого, спокойного пути до работы нет.

Вот и первый маркер бежит навстречу после первого подземного перехода. Невысокий лысоватый мужчина предпенсионного возраста в одной рубашке в любую погоду, даже зимой, размеренной трусцой спешит, как мне кажется, тоже на работу. Думаю, что он охранник. Крепкий, упорный в своём ежедневном беге. В руках – небольшой кожаный советский коричневый портфель, на вид нетяжёлый. Ему нужно кивнуть. Если встречу этого бегуна не позднее первого перехода, то, значит, иду вовремя.

Сразу после бегуна мне должны встретиться неторопливая бабушка с упитанной пожилой собакой дворянской породы на длинном поводке. Кто из них кого выгуливает, ещё вопрос. Им нужно улыбнуться.

Потом на ходу надо посмотреть налево на рассветное утро. Чистое небо гарантирует очень хороший день. Перистые облака означают спокойствие на службе. Весной и осенью по дороге мне показывают финал рассвета, с розовым отливом и солнечными играми на окнах домов и торгового центра. Летом интереснее смотреть на ближние клумбы и газоны. Зимой – просто под ноги, так как дорога

местами каскадёрного качества, и держаться вертикального положения стоит немалых усилий.

Перед вторым подземным переходом нужно посмотреть направо – там в двух крайних окнах первого этажа стоят соответственно два кактуса и герань. Кактусы взрослые, рослые, всем на зависть, окружённые миллионом деток. Герань пребывает чаще всего в задумчивости. Её хозяин то ли часто уходит в отпуск, то ли просто редко вспоминает о существовании цветка. Герань мужественно терпит даже летнюю жару в тридцать градусов уже с утра на восточном подоконнике. Цвела она за последние четыре года три раза, долго, по месяцу. В общем, терпеливый, спокойный цветок. А прошлым летом она умудрилась не засохнуть окончательно в течение месяца засухи...

Дальше маркер – бабушка в подземном переходе. У столба на ящике сидит непонятного возраста женщина, и летом закутанная в платок и шаль. В переходе всегда сквозняк. Лица не видно. Перед ней – пластиковый стаканчик с мелочью. В руках часто – молитвенник. Чёрная длинная юбка. Я говорю об одной женщине, а на самом деле их, кажется, несколько. Просто в одинаковой одежде и платках, с одинаковой просительной интонацией, они неотличимы друг от друга. Наблюдаю, что многие перед работой кидают мелочь. И думается, это ритуал проходящих мимо – на удачный день.

И последнее – цветочник вышел покурить из киоска со стаканчиком кофе в начале дня. Ему тоже улыбка.

Это обычный путь на работу. Путь перед удачным, спокойным днём. Бегун, бабушка с собачкой, рассвет, цветы, бабушка в переходе, цветочник. Твоя жизнь, связанная с другими невидимыми ниточками. И ты знаешь, что не опоздаешь. Что всё путём. Если же не встречаешь бегуна день, два, неделю, начинаешь беспокоиться. Что-то в жизни меняется. Это выбивает из седла. А он или на больничном, или в отпуске. А потом встречаешь снова – и он как родной. Ты ему благодарен и безмерно рад.

На обратном пути, домой, летом каждый год встречается мужик деревенского вида с собакой. Спит на ступеньках подземного перехода на пальто. Около собаки – миска.

Прохожие оставляют колбасу – собаке, булки и маленькие коробочки с соком или кефиром – мужику.

Однажды подслушал разговор.

– Что ты тут сидишь каждый день? Дела у тебя, что ли, нет? Семьи? Здоровый мужик. Дом-то есть?

– Есть и дом, и дети. Жена померла. Дети уехали в город. Скучно мне в деревне стало. Вот летом сажусь на электричку и еду сюда. Тут, у торгового центра, музыка всегда, молодёжь тусуется. Весело. Да и подают хорошо. На электричку хватает. А в огороде работать – это не моё... Нет. Лучше я комнату на лето дачнику сдам, а сам сюда или ещё куда путешествовать буду. Не могу спокойно дома жить. Душа ноет. Всю зиму ноет по старому житью. Жену-то любил...

Уличные музыканты-студенты «работают» в недавно отстроенных переходах. Рядом общежития, а карманные деньги любому студиозусу нужны. Они обычно группами, по паре гитар. Компании молодых девушек-«аскерок» с шапками бегают от прохожего к прохожему – «аскают». Сам певец старается выдать текст и мелодию поближе к оригиналу, у некоторых иногда получается. Цой и Шевчук – основы репертуара. Флейтист уважает «Одинокого странника», баянист – вальсы, а бабалаечник знает весь народно-застольный репертуар.

В старом переходе – женщина с баяном и чудным сопрано. «Колокольчик звенит» и «Крылатые качели» – её коронные номера. Иногда довольно удачно посягает на «Аве Марию» Шуберта. Часто также поёт распевные народные. Только в самые морозы музыкантов не видно. Руки мёрзнут у гитаристов-балалаечников-баянистов-флейтистов.

Я грущу, когда что-то привычное меняется в моём мире. Перестаёт включаться в шесть утра свет в незнакомом, но знакомом окне (третьем на втором этаже) в доме напротив. Или исчезает раскидистый кактус с другого окна – офисного – по дороге на работу. Или не встречается каждое утро один и тот же бегун, летящий или на работу, или от инфаркта, кто разберёт. Внезапно исчезает кто-то из виртуальных друзей... Радуюсь от души, когда всё возвращается на место. Когда жизнь налаживается.

И я знаю, что делает моя кошка на подоконнике, пялясь в окно: она несёт вахту! Хочет, чтобы у кого-то день стал счастливым. Она тоже чей-то маркер удачи. Знаете, все коты неустанно трудятся над тем, чтобы у самых разных людей было побольше счастливых дней.

Все эти ниточки встреч, или маркеры удачного дня, нужны в жизни. Так спокойнее. И когда работа меняется, и путь меняется – ты столбишь новые маркеры, потому что детали делают твой день. Квалифицированный психолог найдёт в твоём поведении клинику, а внимательный читатель – свои привычки, не так ли?

Эпизод

Памяти Нижполиграфа

Утро для меня слишком раннее, поэтому плетусь на автомате. Входишь внутрь, и – «Поберегись!» – тебя встречают прокуренные крепкие парни, на пустых производственных тележках, словно на самокатах, гоняющиеся друг за другом по металлическим «рельсам» на полу. Лежащие вдоль длинного коридора расхристанные пачки с бракованными книгами.

Ну какой это брак?! Там обложки нет. Тут перевернуто содержание вверх ногами. А в этой цветопередача поехала. И каждый, оглядываясь, украдкой книжку под полу, за пазуху, в пакетик... Потом идёт ещё раз мимо, якобы по делу. Дефицитом были книги (и даже тетради) в середине 2000-х.

На этажах запахи производства. Длинные коридоры и мощные лифты. Пыль, пыль. Рулоны метрового роста в качестве туалетной бумаги в интересных местах.

Мне надо раненько прочитать программу, восемь страниц убористого текста, чтобы сегодня же вёрстка газеты ушла в печать. Владимир Иванович Жильцов, летами подрабатывавший в «Студии НН» выпускающим редактором, вздыхает и, почти не глядя, отмечает пару косяков в программе, после пары сверок подписывает: «В печать», – и верстальщицы отправляют газету по электронке.

(Всполохи из прошлого: когда-то, в 2000-м, небезызвестную газету «Биржа» в тот же Нижполиграф отвозили на плёнках, и, бывало, уже к утру, а последние корректурные правки делались путём вклеивания вырезанных буквонок в строки – те ещё очумелые ручки!)

После отправки в печать Владимир Иванович рассказывает пару историй из жизни Союза писателей и прощается, верстаки расслабленно пьют чай, а я принимаюсь за сортировку писем от читателей с объявлениями «куплю – продам» и поздравлениями с юбилеями и рождениями в следующий номер. К вечеру их придут набирать.

Скоро мне ехать на вторую, основную, работу, ибо денег вечно не хватает, дети растут, а на этой основной работе нескончаемые проблемы с финансированием и разделением полномочий и имущества. Спасибо хоть терпят мою двойную жизнь. И завидуют. Хотя чему тут завидовать, когда с семи до десяти ты работаешь и детей видишь только в темноте и спящими... Зато ты можешь заплатить за садик и затовариться к Первому сентября.

Эта история повторялась пару лет, пока я летом заменила корректора во время продолжительного отпуска, и именно она спасла нашу семью от голодухи в те годы, ибо на второй, основной, работе шёл судебный процесс по разделу имущества после безвременной кончины главного владельца издательства, нам не выдавали трудовики и платили еле-еле, а мы с мужем работали в одном месте. С тех пор держимся за разных работодателей.

Времени с тех пор утекло много. Но Нижполиграф жаль именно как место рождения книг. Впрочем, сейчас у него другая жизнь, не менее интересная.

Вехи памяти

Людмила КАЛИНИНА

БОЛДИНСКИЕ ВСТРЕЧИ

Посвящается знаковым датам 2024 года: 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина и 90-летию Нижегородской писательской организации, созданной по инициативе М. Горького в 1934 году

Слово – завещание писателя

Каждый год в начале июня село Большое Болдино наряжается к празднику – Дню рождения А.С. Пушкина. Улицы окутаны вишневым цветом, повсюду благоухают пионы, розовые пионы, в белоснежный наряд одет яблоневый сад музея-заповедника. Сияют, словно только что умытые, окна каждого, даже самого скромного, домика, за низким штакетником пышно зеленеют грядки. Вечером болдинцы, семьями, доброжелательно улыбаясь прибывшим из разных городов и веселым гостям, спешат в новый культурный центр на праздник поэзии.

Организаторы знали, что постоянный участник пушкинских праздников поэзии писатель Семен Иванович Шуртаков летом живет в родном селе Кузьминки Сергачского района, это не так далеко от Болдина... Никто не думал, что в 95 лет у него хватит сил и желания отправиться в дорогу. Вот и не пригласили, а потом все об этом

пожалели. Надо было пригласить, пусть бы сам решал – ехать или не ехать.

Литературный праздник шел своим чередом. Семен Иванович появился в зале неожиданно. Высокий, худощавый, легкой походкой прошел мимо рядов переполненного зала, поднялся на сцену. Представлять Семена Ивановича Шуртакова не было необходимости: и болдинцы, и литераторы знали его хорошо. Зал замер в ожидании. Писатель начал говорить.

Стало понятно, что это незаявленное ранее выступление для всех нас очень значимо. Потому я в своем блокноте и отметила: 6 июня 2013 года, стала ловить каждое слово.

Это было слово-завещание. Писатель Шуртаков обращался к болдинцам, к сотрудникам музея-заповедника А.С. Пушкина, к каждому из нас, литераторов: не теряйте то, что найдено, берегите пушкинское наследие, литературные традиции, сплоченное годами писательское братство.

– Чтобы сберечь накопленное вами духовное богатство, нужна ответственность каждого, недаром говорится – разрушить созданное много времени не надо, чтобы восстановить – нужны годы.

Тогда никто не понял, что это завещание, всегда Семен Иванович говорил с пафосом. И в этот раз, как всегда, он читал наизусть стихи, процитировал строки из «Элегии» А. Пушкина, напомнив, что написаны эти стихи в первую болдинскую осень:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь...

Наверное, все, как и я, подумали тогда: как хорошо, что Семен Иванович вспоминает о «вымыслах», значит, он что-то сочиняет, ведь в этом его жизненная сила.

Хотелось сказать в ответ: еще поживем, поработаем и «гармонией упьемся». Хотелось... Это выступление стало последним, Семену Ивановичу оставалось жить меньше года.

В тот праздничный вечер приподнятое настроение писателя передалось собравшимся, зал взорвался аплодисментами. Многим, и мне тоже, хотелось подойти к Семену Ивановичу, пожать ему руку, поблагодарить за напутствие, пожелать доброго здоровья... Не удалось. Спешно, не дожидаясь окончания праздничного вечера, писатель со своим другом, который был за рулем, отправились в обратный путь, в свою Кузьминку.

Он уехал и каждого из нас оставил со своими раздумьями. В зале некоторое время стояла полная тишина. Ведущий замялся и, кажется, не знал, с чего начать. Литературный вечер, посвященный великому Пушкину, продолжился, но уже несколько с другим настроением. Отсюда, с болдинской сцены, навсегда уходил еще один хранитель пушкинского Слова, передав эту миссию всем нам.

Я возвращалась памятью в 70-е годы ушедшего века, когда увидела писателя Шуртакова впервые на семинаре молодых литераторов в пансионате «Моховые горы». Здесь, на живописном берегу Волги, когда-то любили отдыхать молодые деятели искусства М. Горький и Ф. Шляпин вместе с друзьями. На открытии семинара Семен Иванович страстно говорил о «царственно поставленном» Нижнем Новгороде, о пушкинском Болдине, о славных писателях-нижегородцах, о том, что эти благословенные места веками вдохновляют писателей. Нас, тогда совсем юных горьковчан Татьяну Веселову, Александра Высоцкого, Юрия Уварова, Сергея Жукова; кировчан Маргариту Чебышеву, Надежду Перминову, Анатолия Быстрова, Валерия Фокина, объединяло Волго-Вятское книжное издательство, семинары, писательские встречи.

Хлесткие, острые обсуждения рукописей. Кипящие страсти сдерживали наши старшие товарищи, умудренные опытом писатели. Вечером все собирались у костра, – песни под гитару, стихи... Здесь, у костра, разворачивались беседы, можно сказать по истечении времени, важнейшие для формирования неокрепших душ. И ведущим нашим собеседником был Семен Иванович Шуртаков, всегда энергичный, убежденный в своей правоте и умеющий убеждать. Высокий, худощавый, подвижный,

с годами он не менялся. Помню, как ловко подбрасывал сушняк в костер, – высоко, казалось, до самых звезд, взлетали искры. Распахнутый, белевший в темноте его плащ, словно крылья ночной птицы, парил у костра, мелькая то тут, то там.

Не забыть, что на том семинаре Семен Иванович благословил меня на литературный путь. Доброе напутственное слово так необходимо начинающему литератору. Г.Р. Державин, не скрывая радости, одобрительно воскликнул, услышав стихи лицеиста Александра Пушкина: «Вот кто заменит меня!» Здесь, в Болдине, в пору расцвета своего дарования, А. Пушкин перелистывает страницы былого:

Успех нас первый окрылил,
Старик Державин нас заметил...

Конечно, мы на литературном семинаре тут же отредактировали пушкинский текст и пели у костра под гитару: «Нас Шуртаков старик заметил»... А «старик» было тогда чуть больше 50 лет.

Многие ощутили его поддержку – кого-то взял в свой семинар, который много лет вел в Литературном институте, кому-то дал рекомендацию для вступления в союз писателей. Мнение С.И. Шуртакова, секретаря правления Союза писателей, лауреата Государственной премии РСФСР имени Максима Горького (1985 г.), было авторитетным. Никогда не покидала его ответственность за избранное дело – литературу, а значит – за молодежь.

Там, у костра, мы слушали в его прочтении стихи опальных, тогда не известных нам поэтов Серебряного века. Как сейчас помню, сколь яркое впечатление произвела на всех судьба Николая Гумилева и его стихотворение «Слово»:

...И в Евангелие от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределы,
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Особый смысл обрели для меня тогда строки: «И как пчелы в улье опустелом, //Дурно пахнут мертвые слова». Сразу захотелось возвратиться к своим стихам, – переписывала, исправляла, выбрасывала «мертвые слова»... И снова, снова вставал вопрос, как приблизиться к пушкинской чистоте поэтической строки?

Давно это было... Тогда, у костра, писатель Шуртаков страстно поведал, пробуждая наше любопытство, о вспыхнувшей звезде прозаика вологжанина Василия Белова, о феномене молодых иркутян, покоривших литературную Москву: Валентине Распутине, Александре Вампилове, Вячеславе Шугаеве.

Семен Иванович рассказывал о судьбах своих товарищей, замечательных поэтов-фронтовиков, читал их стихи. С нижегородцами Федором Суховым и Виктором Авдеевым учился в Литературном институте, Александр Люкин приехал позднее на Высшие литературные курсы, и они общались... Он советовал читать их книги, учиться у этих талантливых земляков. С его подачи я, в ту пору корреспондент молодежной газеты, позвонила Федору Григорьевичу Сухову и отправилась брать интервью...

Искры костра тогда, на Моховых горах, высоко взлетали в темное небо, освещая аскетически худощавую фигуру Семена Ивановича. Его лицо сияло, развевались полы плаща. Таким порывистым, вдохновенным, убежденным в своей правоте он оставался всегда. Нет, не погас в моей памяти тот костер, воспламенивший преданность отечественной литературе, писательскому труду, ответственность за сказанное слово.

В одной из автобиографических записок он поведал о своем деревенском детстве в селе Кузьминки, ранней потере отца, работе трактористом. В годы Великой Отечественной войны служил на Тихоокеанском флоте. Потеря товарищей, народные страдания, обнищание деревни заставляли переосмысливать свою жизнь.

После войны поездом возвращался домой с Дальнего Востока и услышал по радио объявление Литературного института о наборе студентов на первый курс, на конкурс надо было представить два рассказа. Дорога была долгая,

вспомнилась деревня, отец, не щадивший себя в работе... Конкурс его рассказы выдержали.

В предисловии к сборнику С.И. Шуртакова, размышляя над его ранними рассказами «Несмолкаемая песня», «Кузьминские сады», «Возвратная любовь» прозаик Михаил Алексеев отмечает: «...писатель будто говорит с нами: пристальнее всматривайтесь в жизнь, будьте ее активными участниками...»

Получив за свой литературный труд Государственную премию, С.И. Шуртаков вложил деньги в памятник землякам, погибшим в годы Великой Отечественной войны, сооруженный в селе Кузьминки. Нельзя было не обратить внимания на то, что неохотно он упоминает свои произведения, а вот о только что вышедшей повести В. Распутина «Прощание с Матерой» мог говорить часами.

Многое в человеке может с годами измениться, только не интонация речи; так и у Семена Ивановича осталась особенная, кузьминковская, интонация. В свой скромный домик без особых удобств он приезжал из уютной московской квартиры каждый год и жил от весны до глубокой осени. Долго сидеть за письменным столом не мог, звали дороги. Давно был своим человеком в Нижнем Новгороде, Арзамасе, Большом Болдине. Страстное слово писателя Шуртакова звучало на открытии памятника первому писателю земли русской протопопу Аввакуму в селе Григорове (скульптор Вячеслав Клыков).

Всегда легкий на подъем, много ездил по городам и сям, был желанным гостем в писательских организациях. Свою энергию отдавал становлению и празднованию Дня славянской письменности и культуры, неустанно напоминая в статьях и выступлениях об истоках нашей духовности, о том, что русская культура наследует древние и великие традиции славянского братства. В Сергаче праздник стал поистине всенародным, впечатляющим. Этому предшествовала кропотливая работа писателя и его друзей в школах, библиотеках.

С.И. Шуртакову присвоили звание Почетного жителя г. Сергача, его имя носит Сергачская районная библиотека. Несомненно, в писательстве его вел талант общественного

деятеля и патриота земли русской. За подвижническую деятельность Семен Иванович Шуртаков награжден Золотой медалью В.И. Даля, орденом Преподобного Сергия Радонежского.

Слушала я слово-завещание Семена Ивановича в Болдине и в который раз убеждалась, что с годами не покинули его энергия, страстность, уверенность в своей правоте. Та же улыбка, та же кузьминковская интонация... Выступление длилось несколько минут, а осталось в сердце навсегда.

Розан пышно цвел и празднично сиял

В Болдине я всегда навещаю березовую аллею в центре села. Деревья высажены в 1980 году в честь 150-летия первого приезда А.С. Пушкина в родовое имение Болдино и первой, беспримерной по литературной продуктивности Болдинской осени. В надписи на памятном камне – фамилии гостей праздника. В тот год в Болдине собрались писатели из всех республик Советского Союза. И какие имена, сколько они значили для меня! С директором музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» Семеном Степановичем Гейченко бродили по аллеям парка вокруг дома господ Пушкиных, слушали рассказы его, воевавшего в пушкинских местах. Знаток музейного дела, он был настроен скептически. Помню, остановится около старого дерева, обойдет вокруг, потрогает кору и уверенно изрежет: «Нет, не пушкинской поры ветла, что бы ни говорили», или «Много здесь вороньего крика, вороны тогда в парках не водились. Мы в Михайловском их давно вывели. Вороний крик оглушает, сбивает лирический настрой. Не слышно птичьих трелей»...

Гостей бывало много, но как-то все разместились в старом гостеприимном Доме крестьянина с перенаселенными комнатами, скрипящими половицами и удобствами во дворе. В коридоре, около стола регистрации, в большой кадке красовался цветущий розан. Всегда ко Дню рождения А. Пушкина розан пышно расцветал.

За год до этой поездки мне вручили билет члена Союза писателей СССР и в числе нескольких молодых литераторов включили в делегацию праздника поэзии. Намечалось участие в литературных встречах и еще каждому из нас, молодых, приготовили поручение – шефство над гостем. Вроде бы ничего сложного: встретить, помочь устроиться в Доме крестьянина, показать село и парк... Зачитали список. Сергею Чуянову, горьковскому тележурналисту, досталось сопровождение Юлии Друниной. Вот повезло! Как давно я мечтала познакомиться с этой известной поэтессой, знала ее стихи наизусть... В книжных магазинах сборники стихов появлялись редко, новых имен немного, в основном – поэты-фронтовики и среди них Юлия Друнина. Такой выпал случай – и не судьба познакомиться поближе!

Мне достался подшефный – поэт из Москвы Джеймс Паттерсон. Чуянов возмущался:

– Не смогу я предупреждать капризы известной поэтессы, у меня терпенья не хватит, надо было приглашать вместе с Юлией Владимировной ее супруга Алексея Каплера!

Капризы? Как возможно, она ведь солдат и столько мужества в стихах? Тогда я мало понимала, что такое в произведении «лирический герой», «авторское начало» и прочее.

Обменяться подшефными нам с Чуяновым не разрешили. Меня убеждали:

– Чем вам не угодил герой фильма «Цирк», помните плачущего малыша на руках Любви Орловой? А теперь это поэт, автор сборников стихов. Гордитесь.

Время поджимало, все осталось как было намечено. Чуянов отправился на вокзал г. Арзамаса в группе встречающих поезд из Москвы.

Местный библиотекарь мне одолжила на время сборник стихов Джеймса Паттерсона. Из предисловия узнала, что родился он в Москве в 1933 году, окончил Нахимовское училище, потом военный вуз, был офицером-подводником! Потом заочно учился в Литературном институте, издал несколько сборников стихов. Позднее Джеймс рассказал, что во время великой депрессии в США его буду-

щий отец, молодой африканец в группе театральных деятелей приехали в советскую Россию, в Москве женился на художнице, родились три сына... Вот это биография! А стихи – ничего особенного, как у многих: Москва, бабушка, морские пейзажи...

Гости толпились у стола регистрации Дома крестьянина, получали ключи и отправлялись в комнаты. За окном вечерело, накрапывал дождь. Розан пышно цвел, празднично сиял и всех радовал домашним уютом. За кадкой с цветком что-то тихонько скрипнуло и пискнуло. Я заглянула, а там, за цветущим розаном, на раскладном кресле мирно спал, свернувшись калачиком, мужичок в фуфайке, рядом, в корзине, что-то шевелилось.

– Слезно просил переночевать. Из деревни, на базар приехал, а мест нет. Все койки поэты заняли. А на базар-то надо! – увидев мое любопытство, объяснила уборщица, решительно взмахивая сырой тряпкой.

Болдино, базар... Известно, что в Болдине и в Арзамасе Пушкин бывал на базарах, записывал меткие народные высказывания («Пошел поп по базару//Посмотреть койкакого товару»). В первую Болдинскую осень Пушкин создал лучшие свои сказки, среди них «Сказка о попе и работнике его Балде» (1830 г.). А словечки в этой сказке редкостные, выразительные: «усердие и проворье», «приголубит», «близенько», «повадлив», «моя череда»... В его рукописях сохранился вариант этой широко бытовавшей народной сказки. Пушкин раешному стиху придал легкость, литературный блеск:

Как наешься ты своей полбы,
Собери-ка с чертей оброк мне полный.

Кстати, что такое полба? Где-то читала, что это каша из крупы грубого помола, повседневная крестьянская еда, сейчас вышла из обихода. Надо посмотреть в словаре Даля.

Помню, мой подопечный Джеймс спрашивает: «Почему сказка “О попе и работнике его Балде” опубликована только после смерти поэта?» Ответ, говорю, очевиден –

цензура отнеслась к сказке настороженно, потому публикация состоялась через десять лет после первой Болдинской осени, в 1840 году. Поэт наделил героя лучшими чертами народного характера и ставит выше других персонажей сказки.

Известная поэма Пушкина, глава «Путешествие Онегина», написанная в первую Болдинскую осень, точно передает нравы базара. В основе здесь не фольклорные находки, а знание жизни людей, патриотический настрой героя. В поселке Макарьево на Волге несколько десятилетий кипела всероссийская ярмарка, в конце XIX века ярмарку переселили в Нижний Новгород:

IX

Тоска, тоска! Он в Нижний хочет,
В отчизну Минина. Пред ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик – спелых дочерей,
А дочки – прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.

Вернулся автобус из Арзамаса. Дождь не унимался. Из автобуса вышел Чуянов, он подал руку невысокой хрупкой женщине в старом, выдавшем виды длинном плаще с чужого плеча. Ее сырые волосы беспорядочно прилипли ко лбу и шее. Она блаженно улыбалась, казалось, ее радовало все вокруг. Чуянов же был явно встревожен:

– Вот, не досмотрел, Юлия Владимировна потеряла и свой модный плащ, и зонтик. Думаю, остались в поезде. Ничего, плащ одолжил оператор...

Джеймса Паттерсона нельзя было не узнать – темнокожий, высокий, щегольски одетый молодой мужчина. Первым делом он захотел посмотреть господский дом и парк. К этому времени дождик угомонился, и мы отправились к усадьбе. Чувствовалось, что Джеймс привык к любопытным взглядам, это его давно не волновало. Свернув с асфальта, мы с трудом передвигались по размытому дождем болдинскому чернозему, модные ботинки Джеймса были явно не приспособлены для таких дорог. Расхотелось гулять, и мы вернулись в Дом крестьянина. Пожелав друг другу доброй ночи, разошлись по комнатам.

Я уже стала засыпать, когда послышался осторожный стук в дверь: «К вам можно? Откройте, это Джеймс». Сердце мое заколотилось: «Знаем мы вас, негров, наслышаны. Да еще поэт... Так я и открыла...» Лежала не шевелясь и не подавая голоса. Дверь закрывалась на большой накладной крючок, стоило чуть-чуть тронуть – и откроется. Мой подопечный тихонько стучал в дверь, не унимаясь: «Прошу, идите в мою комнату. Мне сказали, со всеми вопросами обращаться к вам». Пришлось одеться и идти вслед за гостем.

В ярко освещенной комнате на кровати поверх одеяла лежал маленький поросенок.

–Я таких видел зажаренными на банкетных столах, а тут – живой, здоровый поросенок и так сладко спит, даже будить не хочется. Откуда он здесь? – смущенно обратился ко мне Джеймс.

Я осторожно вместе с одеялом взяла поросенка на руки и отправилась к столу регистрации. Постельное белье быстро заменили, поросенка водворили на прежнее место, в корзину. Хозяин его мирно спал. Джеймс стоял около цветущего розана и, кажется, ничего не понимал. Почему мужичок спит здесь, почему не разделся, прямо в фуфайке, почему рядом корзина с поросятами... Да и откуда ему, московскому поэту, наполовину американцу, знать, что завтра, в воскресенье, в Болдине большой базарный день, из окрестных деревень потянутся люди с товаром. Некоторые уже прибыли, ночевать негде, а дождь льет и льет...

Вдруг Джеймс повернулся ко мне:

– Этот человек пришел по адресу – в свой Дом крестьянина, а я занял его койку. Мне об этом сказал маленький поросенок. Завтра рано утром встаем и пойдем вместе на базар. Я читал, что Пушкин бывал на болдинском базаре. Помогу крестьянину донести корзину с поросятами.

Люблю я пышное природы увяданье...

Болдинская осень! Первое общение с известными писателями, первое участие в литературном празднике... Сколько всего впереди! Я парила, повторяя и про себя, и вслух:

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса...

Скоро восторг улетучился: почему именно меня взяли на пушкинский праздник в Болдино? Пока я только на втором курсе, собираюсь стать филологом, крепких стихов нет...

Позднее поняла, что это с легкой руки Нила Григорьевича Бирюкова повелось – на выступления к опытным писателям «подключать для выучки» молодежь. Завсегда-тай болдинских праздников поэт Юрий Адрианов с присутствием ему юмором «подливал масла в огонь»: «Смотри, за штурвалом будет наш человек, писатель Дмитрий Кудис». Сердце мое оборвалось: как писатель? «Кудис военный летчик, не может оставить штурвал, вот и работает на местных авиарейсах», – пояснил Нил Григорьевич.

Один из первых организаторов болдинских литературных праздников был Нил Григорьевич Бирюков. В 1950–1960 годы он возглавлял Горьковский областной писательский союз, потом – отделение Литфонда. В то время в начале лета праздновали день рождения А. Пушкина и в сентябре – первый приезд поэта в Болдино. В писательской среде бытовала эпиграмма:

Богат водою город Горький,
Текут у наших берегов

Река Ока с рекою Волгой
И Нил, который Бирюков.

Авторство эпиграммы не сохранилось, говорили, что сочинили ее в знак большого уважения к Нилу Григорьевичу ребята из литературного объединения Бориса Ефремовича Пильника. К ним, в Дом ученых, часто навещался Бирюков, его всегда интересовали молодые дарования. Это он ходатайствовал об издании первого сборника стихов студента Юрия Адрианова, поддерживал талантливо-го рабочего поэта Александра Люкина, убедил его поехать в Москву учиться на Высших литературных курсах.

Нил Григорьевич поименно знал всех сельских литераторов и краеведов. А если кто-то из них собирал марки, он уже был его другом, Бирюков руководил областным объединением филателистов. Говорили, что Нил Григорьевич был потомственным дворянином. Я никогда до этого с дворянами не общалась и не видела их. И вот передо мной высокий, сутуловатый, в длинном, потерявшем цвет плаще мужчина средних лет, добродушно улыбается, иронично посматривая. Смотрит из-под очков, дужки которых перемотаны голубой изолентой, другие очки – на груди, а третьи – на лысоватом лбу. Всем своим видом, отношением он напомнил мне сельского учителя.

В самолете Ан-2 местных авиалиний летели пятеро пассажиров: нас двое, юная учительница – она направлялась работать в сельскую школу, мы успели познакомиться – и двое сидящих рядом молчаливых мужчин неопределенного возраста в одинаковых серых шляпах. Что их могло объединять? Уж точно не поэзия.

Оглушительно взревел мотор. Вдруг тряхануло, потом еще раз и еще... Летчику удалось перекричать мотор: «Воздушная яма... Не вставать! Нил, я присоединюсь к вам завтра, а сегодня, видишь, работа».

Сорок минут пути – и мы в Болдине. Наш Ан-2 начал снижаться, стремительно приближались овраг, речка, перелесок... Задрожав, самолет встал на подстриженном газоне сельского аэродрома. Небольшая группа женщин с букетами цветов, ускоряя шаг, направлялась к нам, только

что прибывшим. Меня охватило радостное чувство открытости. Все только начинается, что-то впереди! Но что это, встречающие с букетами устремились мимо, к тем двум мужчинам в серых шляпах. На мое радостное волнение никто не обратил никакого внимания... Женщины, взволнованные не меньше меня, тараторили наперебой: «Давно ждем вас, мы готовы к ревизии, мы надеемся...» Я остановилась как вкопанная. Вот она, проза жизни... Давно ждем, ревизия... «Унылая пора! Очей очарованье!..» Унылая пора...

Подошел Нил Григорьевич: «Хорошо, что мы прибыли на день раньше. Долетели нормально. Не спеша перекусим, спокойно устроимся в гостинице и пойдем гулять в парк. А осень-то, осень какова! “Люблю я пышное природы увяданье”! Красоту особенно чувствуешь в селе...»

В закуской толпился народ, мужчины с наполненными кружками сидели на пивных бочках, на подоконнике. Несколько столиков, застланных белыми скатертями, были отгорожены от посетителей. Нил Григорьевич взял поднос, мы встали в очередь. «Ничего нет, кроме пива и пирожков. Столики не занимать, это к встрече писателей...» – грозно изрекла буфетчица. Мы с моим спутником переглянулись, купили пакет жареных пирожков с капустой и поспешили на улицу.

Навстречу медленно шла похоронная процессия. Небольшая группа певчих негромко, стройными голосами выводила грустное песнопение. Приглядевшись, я узнала полную приземистую фигуру и низкий выразительный голос солистки известного болдинского хора. Этот хор – лицо Пушкинского Болдина – открывает праздники поэзии, победители областного фольклорного смотра... И вот... «Домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают»? «Дело житейское», – вздохнул Нил Григорьевич.

День сиял сентябрьской позолотой. Никакого уныния в природе, сплошное «очей очарованье». Ветерок гнал осыпавшуюся листву по недавно высланным асфальтом дорожкам. Доски заборов сияли свежей охристой краской. По всему видно: село готово к празднику. Под тенью развесистого клена призывно белела скамейка, мы поспеши-

ли к ней. Пирожки съели, программу на завтра обсудили, пора в гостиницу... Не тут-то было, недавно выкрашенная скамейка держала мой новый плащ мертвой хваткой. Мо-ему спутнику удалось встать быстрее: «Смотри, вот здесь было приклеено объявление, но, видно, ветер сорвал. Сегодня так ветрено. А твой плащ, не расстраивайся, мы очистим одеколоном, будет как новый». И правда, одеколон, горячая вода – и все в порядке. В старой болдинской гостинице встретили гостеприимно.

Меня поселили в комнату на три койки, выбирай любую. Гости прибывают завтра. Комната сияла свежей побелкой и покраской. От этого было душно, форточка не открывалась – закрашена вся рама. Пошли в ход ножницы – и готово, форточка открыта. А я еще раздумывала, брать или не брать маникюрный набор – лишняя тяжесть. В комнату хлынул свежий воздух прохладного вечера, насыщенный запахом спелых яблок, цветущих в палисадниках астр. Заснула я с легким сердцем в предвкушении завтрашних новых встреч и событий...

На следующий день все шло по программе: завтрак, экскурсия, обед... Но если бы спросили тогда, чем запомнилась экскурсия или, что было на обед, не вспомнила бы. Думала только о предстоящем выступлении вечером. Может, не читать новые стихи, но старые слабее... Что-то с горлом, пересыхает. Ступеньки на сцену крутые, не споткнуться бы, а без каблучков и длинной юбки нет вида...

Зал кинотеатра заполнен до отказа, на встречу с поэзией, кажется, собралось все село. Поэтов пригласили на сцену. Только сейчас я увидела плакат:

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!

Души, душисть... Где, куда делись они, мои прекрасные порывы? Наверное, не удастся вымолвить ни слова, буду, как рыба, беззвучно глотать воздух на глазах у всех.

Нил Григорьевич вел вечер, он спас положение, предложил авторам читать по одному небольшому стихотворению. Помню добродушную улыбку ведущего, его сердечное

напутствие. Как же легко и просто Нил Григорьевич общается с залом, никогда у меня так не получится. Где этому учат? У нас, филологов, таких предметов в расписании нет...

Из сборника очерков о нашей творческой организации узнала, что Н.Г. Бирюков принят в писательский союз в 1935 году, сразу после первого писательского съезда. Он рассказывал, как в дни съезда нижегородцы побывали в гостях у М. Горького. Тогда Алексей Максимович сразу же начал деловой разговор: необходимо издание книги о богатых народных промыслах края, и сам изъявил желание написать очерк о павловских металлистах. Издание так и не состоялось.

В биографическом сборнике сказано, что родился Нил Григорьевич Бирюков в Прибалтике в дворянской семье. В доме читали, музицировали. Отец скончался, когда он был подростком. Вдвоем с мамой перебрались к ее брату, инженеру Сормовского завода. Здесь окончил ремесленное училище, получил рабочую профессию, пришел на завод, по вечерам учился на рабфаке. Начал писать стихи, был корреспондентом газеты «Красный сормович». В 1935 году принят в Союз писателей, что и определило его дальнейшую судьбу.

Позднее Нил Григорьевич овладел редкой писательской профессией либреттиста, писал либретто для опер и балетов, к нему обращались ведущие театры страны. Писатель и журналист Александр Цирульников в одной из статей приводит выдержку из письма великого оперного режиссера Бориса Александровича Покровского, адресованного Нилу Григорьевичу: «Наша совместная работа над “Фиделио” и “Галькой” незабываема, а результат вашей работы считаю образцом перевода оперного текста, еще никем не превзойденным». Многие годы Н.Г. Бирюков вместе с композитором Александром Александровичем Касьяновым работали над оперой «Степан Разин», которая ставилась в Горьковском театре оперы и балета имени А.С. Пушкина.

В 1970-е годы Нил Григорьевич почти не печатался, видимо, и либретто ему не заказывали. Он весь отдался общественной работе, шефству над молодыми литерато-

рами. Было такое: на занятии литобъединения вспыхнул спор, и молодые горячие головы рассуждали – не печатается, значит не пишет, а еще писатель называется... Однажды, помню, писатель Федор Григорьевич Сухов высказался по этому поводу: «В наше время лучше не писать, помолчать, нежели писать в угоду чему-то. Главное, оставаться порядочным, честным человеком, а такого отзывчивого, доброго человека, как Нил Григорьевич, я еще не встречал». Когда Ф.Г. Сухов принял решение перебраться в Нижний Новгород, Нил Григорьевич его поддержал, прописал в своей квартире, хлопотал от имени писательской организации о предоставлении жилья перед руководством города, и не безуспешно.

Болдинские праздники Н.Г. Бирюков никогда не оставлял без внимания. Некоторые заветы мудрого Нила Григорьевича сохраняются в Болдине поныне: на праздниках поэзии наряду с именитыми писателями всегда выступает молодежь, обязательные гости – литераторы из соседних областей и республик, каждой осенью собираются литературоведы на пушкинскую конференцию.

Сейчас в Болдине гостей встречает новая гостиница с уютными номерами, открыт культурный центр, где в большом выставочном зале художники показывают свои картины, общаются с писателями. В пушкинское Болдино автобусами приезжают школьники и студенты, с каждым годом растет число туристов, всех здесь встречают дружелюбно. И все-таки самые почетные гости – поэты, в том числе молодые. Ведь они приезжают за стихами, за болдинским вдохновением.

Николай СИМОНОВ

«НЕ БАЛОВАН ЛЁГКИМ УСПЕХОМ...»

Жизнь и творчество Анатолия Коршунова

Поэт живёт, пока его помнят. Пока живёт его творчество. Пока о нём говорят и читают его стихи. Пока выходят его новые посмертные книги. Я вполне согласен с утверждением, что каждая новая книга ушедшего поэта – это его новая жизнь.

Поэт Анатолий Коршунов. Это имя мало о чём говорит нижегородским любителям поэзии. Да что там, любителям поэзии, даже нам, нижегородским поэтам, это имя незнакомо. С творчеством и очень сложной биографией этого поэта меня познакомил мой армейский друг – Юрий Алексеевич Самарин, который несколько лет работал прокурором Кулебакского района. Там он и узнал это имя.

Мы знаем много поэтов, наших земляков, переехавших в Москву и Питер.

В Ленинграде жил и творил Борис Корнилов. Но его мы хорошо знаем и помним и отмечаем его юбилеи на родине поэта в городе Семёнове. Мы хорошо знаем ленинградцев и петербуржцев – Юрия Паркаева из Павлова и Николая Рачкова из Арзамаса. И это естественно, так как они уехали уже известными нижегородскими поэтами и частенько приезжали в Нижний Новгород.

С Анатолием Коршуновым дела обстоят сложнее. Когда он работал на Горьковском автозаводе и на строительстве Кстовского нефтеперерабатывающего, стихов он ещё не писал. В двадцать лет напечатал своё первое стихотворение в газете «Кулебакский металлист», а поэтом стал в Ленинграде. Он частенько приезжал на родину в Кулеба-

ки, ездил в Муром и в Мордовию, поэтому там его знают и помнят, а в Горьком он бывал только проездом. Поэтому моя задача познакомить читателей журнала «Нижний Новгород» с этим самобытным поэтом и напомнить о нём землякам в Кулебаках. Поэт никогда не забывал о родном городе, и его жителях:

Куда бы ни был я заброшен,
Но и в далёком далеке
Я помню яблоней порошу
В моём районном городке.
И каждый год весною ранней,
Лишь птиц начнётся перелёт,
С неодолимой силой тянет
Меня в зелёный город тот.
Там, в крепком доме деревянном,
На тихой улочке одной,
Я с дня рожденья постоянно
Прописан бурною весной.

Родился Александр Фёдорович Коршунов 12 марта 1931 году в Кулебаках в семье рабочего, бывшего моряка балтийца. Семья жила скромно, так как отец болел туберкулезом и все средства уходили на его лечение. В 1936 году отец умер, оставив троих сыновей. Старший брат Константин был страстным книголюбом, но запрещал Анатолию брать его книги, поэтому будущий поэт читал тайком всё, что приносил его брат.

В годы войны Коршунов ушёл из школы и, двенадцатилетним пацаном, стал работать сапожником в Кулебакском леспромхозе. В то время учёба казалась ему несерьёзным делом, и он хотел убежать на войну. Вот как рассказывал об этом сам Анатолий Фёдорович:

Зимой сорок третьего мой сосед Генка Моргунов взбаламутил меня своими рассказами о дяде, живущем в Москве, и мы удрали на фронт. В холодных теплушках или забравшись в железный «собачий ящик» под вагоном, скрываясь от зорких глаз железнодорожной милиции, мы несколько недель пробирались к фронту. Но на фронт нам попасть так и не удалось. В Орехово-Зуеве нас сняли с поезда и отправили в детдом.

По дороге мы удрали и стали пробираться в Москву в объезд. Надо признаться, что никакого дяди у Генки не было в Москве, и нас снова заловили в городе Александрове Владимирской области. С месяц продержали в детприёмнике, а потом повезли в соседний городок Киржач, откуда мы с Генкой снова удрали – на этот раз домой. Там матери отмыли нас, вывели насекомых и, как могли подкормили...

Своё бурное военное детство поэт описал в стихах:

И вот ты снова в городишке,
Где родился и долго жил,
Где змея запускал мальчишкой
И из рогатки стёкла бил.
И детство оживает снова:
Припомнишь, как давным-давно
На голос Генки Моргунова
Ты пулей вылетал в окно.
А мать, сердясь, вдогон грозила
Огреть ухватом вдоль спины...
О, сколько ж ты меня носила
Судьба, просторами страны?
Но всё ж была в душе тревога
И грусть об отчей стороне.
И вещи, что когда-то трогал,
Вдруг станут дороги вдвойне.

Потом Анатолий трудился вальцовщиком в сортопркатном цехе металлургического завода. Кстати, металлургами были его отец Фёдор Петрович и братья – Константин и Сергей.

После окончания ремесленного училища работал Анатолий на Горьковском автозаводе, строил в Кстове нефтеперерабатывающий завод, катал проволоку на «Москабеле», делал модели для горных машин на комбинате «Апатит» в Хибинах, бродил с геологами по Заполярью, был прокатчиком на заводе «Красный выборжец», работал электросварщиком на заводе ЖБК и на стройках Ленинграда.

Сам я всю жизнь проработал судосборщиком на судовой верфи завода «Красное Сормово» и электросварщик – одна из моих смежных профессий. За свой долгий рабочий стаж встречал я на кораблях сварщиков-интеллектуалов. На-

пример, один из них, Николай Николаевич, перед тем, как надеть сварочную маску, пел арию мистера Икс – «Всегда быть в маске – судьба моя». Но подражать цирковому артисту, герою оперетты – это одно, а сравнивать себя с небожителем, богом-громовержцем, как это сделал Анатолий Коршунов в книге «Молния в руке», – это совсем другое. Обожествление своего труда – это и есть настоящая поэзия:

Не балован лёгким успехом,
Не балован и не хочу.
В брезентовых жёстких доспехах
Я молнии в небо мечу.
Они мне послушны.
Дотронься!
Почувствуешь силу огня.
Из молний рождённое солнце
Навеки влюбилось в меня!

Писать стихи Анатолий начал в школе, впервые опубликовал их в 1951 году в газете «Кулебакский металлист», которую он до сих пор считает своим первооткрывателем. Встреча с композитором И. И. Держинским оказалась важным этапом в жизни будущего поэта. До этого он печатал свои стихи в районных газетах и не думал о своих способностях. С помощью композитора в конце 1953 года Коршунов переехал в Ленинград. Там учился в 7 классе вечерней школы, много читал, занимался в литкружках у В.П. Заводчикова в газете «Вечерний Ленинград». Затем постигал искусство владения словом у Б.М. Лихарева, учился у поэтов Александра Решетова, Михаила Дудина, Николая Брауна. Творческому расцвету Коршунова способствовала переписка и личная встреча с замечательным поэтом Михаилом Исаковским, который разглядел поэтический дар и поддержал тогда ещё безвестного стихотворца, а впоследствии дал ему рекомендацию в Союз писателей.

В 1962 году Ленинградское издательство выпустило его первую книгу стихов «Заветные берега». Она характерна была умением автора по-своему, хорошо, проникновенно рисовать образ людей труда, говорить о радостях бытия, с какой-то неизъяснимой влюблённостью писать о широких

просторах Родины и её чудесной природе. В 1967 году издательство «Советский писатель» выпустило в свет вторую книгу стихов Анатолия Коршунова «Молнии в руке». Это книга лирики – о жизни и природе, о молодости и любви, о счастье и труде, о радости и тревоге. Но в любой теме ясно проглядываются философские раздумья, чувствуется патриотическая настроенность. Затем были книги «Постоянство» («Лениздат», 1974 г.). «Дорогой отцов» («Современник», 1976 г.). «Любовь всегда права» («Художественная литература», 1990 г.). «Свои берега», «Вокруг да около» (Юмор и сатира), «Прыг-скок» (книга для детей, 1997 г.). «Земля отцов» (1999 г.) и другие книги, в которых поэтически ёмко и ярко нашёл отражение его богатый и нелёгкий жизненный путь.

В 2000 году вышла последняя книга А.Ф. Коршунова «Откровенный разговор» (Встречи, воспоминания), в которую вошли статьи о поэтах: Александре Прокофьеве, Илье Сельвинском, Михаиле Исаковском, Николае Рыленкове и других.

Судя по его эпиграммам и пародиям, он был близко знаком с питерскими поэтами: Глебом Горбовским, Виктором Соснорой, Иваном Сабилло, Борисом Орловым и Львом Гавриловым.

Анатолий Коршунов был талантливым поэтом, хоть человеком со сложным, а порою даже жёстким характером. Как он сам писал о себе:

Не в моем характере бедовом
Ждать, когда отгомонит гроза.
Выхожу я,
Как в броне закован,
И смотрю опасности в глаза.
Что бы ни случилось, я не струшу,
Я и сам сумею сдачи дать.
И мою взъерошенную душу
Лучше никому не задевать!

Анатолий Фёдорович Коршунов трагически погиб 21 марта 2001 года. Хочется, чтобы память о нём сохранилась не только в Кулебаках и Санкт-Петербурге, но и в нашем городе. Чтобы его творчество жило в русской поэзии.

Анатолий КОРШУНОВ

ПОД ОТЦОВСКИМ НЕБОМ

Родина

Ой, ты Родина, даль с перелесками,
Речки светлые, соловьи,
Да берёзки в серёжках с подвесками,
Да заветные тропки твои,
Да грибные места потаённые,
Где роса на траве, как слеза,
Омутов полусонных зелёные,
Замутнённые грустью глаза.
Деревеньки с тесовыми крышами,
Вековые боры по холмам,
Где всей грудью дыши – не надышишься,
Солнце – с травами пополам!
Ты мне снишься, зелёное зарево,
Детства синего окаём,
И терзаюсь я памятью заново
И с тобой говорю о былом.
В городской суете суматошливой,
Где редки и раздолье, и тишь,
Ты зовёшь меня голосом прошлого
И, как совесть, у сердца стоишь.

Соловей

Над уснувшей речкой тихой.
У черёмухи в плену.
Соловейко соловыху
Ждёт, как новую весну.
А чтоб выказать на деле,
Что и он не лыком шит,
Выдаёт такие трели,
Что округа вся не спит.

Он свистит свои рулады,
Полон страсти и огня,
И в зелёной гуще сада
Тащит душу из меня.

Ночь

На землю тёмной тенью ночь ложится,
Мир наполняя знобкой тишиной.
Усталые уселись в гнёзда птицы,
И отошла деревня на покой.
Блеснул звезды падучей яркий росчерк,
И всё живое замерло на миг.
И только соловьи гремели в роще,
И каждый был по-своему велик!

Под отцовским небом

Куда б судьба меня не посылала,
Меня волнует и зовёт
Духмяный запах сеновала
И белый тополь у ворот,
И крытый дранкою сосновой
Наш старый терем-теремок
С резными окнами, с подковой,
На счастье врезанной в порог.
И хоть давно я дома не был,
Вернусь, пройдя неблизкий путь,
Чтоб под родным, отцовским небом
На мир по новому взглянуть.

Городок

Его на карте не приметить,
В нём нет, ей-богу, ничего,
Но он один из всех на свете
Лежит у сердца моего.
Не лучше и не хуже прочих
Районных тихих пристаней,

Где вдоль шоссейки у обочин
Цепочки лип и тополей.
А в центре, около базара,
Как память дедовских времён.
Дымит всю заводик старый,
Асфальтом улиц окружён.
Он работяга, только всё же
Кто заводил его – был прост.
Раздаться вширь завод не может
И городка замедлил рост.
Не потому ли, кончив школу,
Как будто здесь им не с руки,
Спешат по зову комсомола
В Сибирь и Горький земляки?
И я, такой же как и эти
Юнцы, что едут в Кулунду,
Не знал когда-то, что на свете
Его дорожке не найду...

* * *

Видно, вкрадчивая осень
Начинает ворожить.
В волосах белеет проседь –
Первых заморозков нить.
Но черты лица живого
Неразлучны с добротой.
И кую я в сердце слово,
Словно ключик золотой.
Им открою все секреты,
Отведу от всех обид...
Ходит рядом бабье лето
И посудую гремит.

Я знаю море

Я знаю море тихое и грозное
И понимаю нрав его вполне,
Когда оно выносит всё наносное
На вспененной крутящейся волне

И по своим, по правильным обычаям,
Швыряет равнодушно на песок
То, что иной бы посчитал добычею
И с жадностью лелеял и берёт.

А море что?
Оно шумит, ворочает,
Шлифует камни и меняет дно –
И смотрит на пустое по-рабочему.
И тут мы с морем оба заодно.

Груз

Ход времени неумолим и вечен,
И все его премудрости просты.
Оно кладёт тяжёлый груз на плечи,
Не спрашивая, выдержишь ли ты.
И как ни бейся, этот груз не скинешь,
Не сбудешь никому за полцены
И не схитришь, чтоб отдалить свой финиш –
Тут все перед природою равны.
И потому я каждый день рискую
И сил своих совсем не берегу:
Уж лучше первым выйти на прямую –
И первым задохнуться на бегу!

О хлебе

Нынче хлеб мы едим, не считая,
Ни пахучих ломтей, ни краюх,
Августовского каравая
Бесподобен солнечный дух !
Знает каждый, кто в поле работал,
Как несносен удушливый зной,
Как глаза разъедает потом
За горячие дни посевной...
Хлеб зажинка, с кислинкой особой,
Сохранивший дыханье страды, -

Просолённых насквозь хлеборобов
В нём великие вижу труды!

Но едим мы легко и беспечно
Этот хлеб, и понятия нет,
Что живут в нём и мудрость, и вечность –
Наших пращуров праведный след.

Душой постигая

Я – русский по духу и плоти,
Наследник седых мастеров,
Что жили душою в работе
Под чёткий трезвон топоров.
Бывало, так избу распишут
Узорчатой вязью своей,
Что окна в наличниках дышат,
И радуют дивьем людей.
А с крыш их коньковые птицы
Остались в наследство векам.
Мы ходим не только молиться
В сработанный предками храм.
Простым топором вознесённый,
Он, кажется, весь на весу.
И долго стоишь потрясённый,
Душой постигая красу.

Плывёт рубанок

Опять душа моя запела:
Над верстаком склоняюсь я.
Плывёт рубанок в пене белой,
Как древнерусская ладья.
Шуршащей стружки пышный остров
Слегка колышется у ног,
И пахнет свежей хвоей остро
От свежеструганых досок.
Как будто в лес вошёл зелёный
И никуда я не спешу,

И вместе с соснами ядрёными
Лесным спокойствием дышу.
Смахну со лба крупинки пота
Скупым движением руки –
Плыви, ладья моя, работай,
По морю белому доски!

Поэзия

Сижу порою до рассвета,
В раздумье голову склоня.
А слово бродит рядом где-то,
Как будто прячась от меня.
В запарке волосы ерошу,
От сигарет хрипит в груди.
Но ведь не скажешь:
– Я – хороший!
Ты, Муза, всё же снизойди! –
И я бегу в разлив черёмух,
Несу им грусть и боль свою.
Бросаюсь в жизнь,
Как в тёмный омут,
И снова дна не достаю.

* * *

Сказал философ: «Жизнь – борьба!»
И я слова усвоил эти,
Весь в шрамах, от души до лба,
И горше нет меня на свете.
А может, врал учёный тот
Или ошибся ненароком?
Теперь кто истину найдёт?
А мне вся жизнь выходит боком...

* * *

Ухожу по раздорожьям
В неизвестность, словно в ночь.

В этом мире – злом и сложном –
Может только труд помочь.
Да ещё любовь и вера
В красоту и доброту.
Чтобы жизнь не стала серой,
Надо драться за мечту!
Бьют меня, а я не плачу.
Не склоняю головы.
Я ищу свою удачу
Не на улицах Москвы.
Север, сопок абрис плавный
Вновь заманят на года,
Чтобы я с дороги главной
Не сбивался никогда!

Желание

Скатилась звёздочка в ночи
По куполу небес,
Бросая яркие лучи
На сумеречный лес.
За ней ещё одна звезда,
Теряя высоту,
Как будто чья-нибудь судьба,
Сгорела на лету.
А я земную мерил твердь –
Был мой маршрут непрост!
И думал: как прекрасна смерть
У этих гордых звёзд!
Они не мучились ничуть,
Свой ожидая час,
И смело шли в последний путь,
Не закрывая глаз.
Когда душа начнёт стареть,
К чему мне длить года!
И я хотел бы умереть
Достойно, как звезда...

Проба пера

ЧАЙНАЯ «СТОЛБЫ» КАК СИМВОЛ МИЛОСЕРДИЯ

В рамках просветительской акции «Я открываю Миллионку», организованной Благотворительным фондом «Земля нижегородская», возглавляемым Александром Сериковым, при поддержке Фонда Потанина и администрации города Нижнего Новгорода, прошел литературный конкурс среди старшеклассников. Представляем некоторые из работ.

Номинация «Сочинение»

Варвара МОРОЗОВА,

школа № 9.

*Руководитель – учитель русского языка и литературы
Елена Леонидовна Волкова.*

Семья Добрых

Сказка

Жила-была в тридевяти царстве, в тридесятом государстве семья Добрых: папа Добряк, мама Добрянка и сын Добрячок. Славилась Добрые делами добрыми.

Шло время. Ребёнок рос. Папа и мама воспитывали сына, повторяя: «Запомни, сынок, что семья – это первичная среда, где человек учится творить добро. В нашей семье все и всегда поступают по совести и справедливости». Сын брал пример со своих родителей: помогал другим. Всем! Вспоминал он слова отца и матери: «Добро в малых делах, как в больших, должно быть искренним». И стали все звать его Александр Алексеевич.

Прослышал Александр Алексеевич, что в одном Царстве-Государстве, граде Нижнем Новгороде, есть улица с большой историей и интересным названием – Миллионка. Александр Алексеевич отправился в путь.

Шёл он три дня и три года, пробирался через леса инстанций и океаны документации, не забывая помогать тем, кто нуждался в помощи.

И вот он добрался до места. Только встретила его совсем не ухоженная улица. В одном из теремов ему сказали, что он должен выполнить ряд заданий. Делать нечего – пришлось Александру Алексеевичу согласиться. Трудно иногда приходилось доброму молодцу. Но он справился со всеми трудностями, так как продолжал творить добро, да и волшебные помощники, фонды разные, помогли. И появился красивый исторический квартал в Нижнем Новгороде, расположенный между Кремлем и Волгой. Был пир на весь мир! И стали организовывать различные мероприятия на данной территории. Особенной стала акция «Я открываю Миллионку», где ребята во время экскурсии, окунаясь в историю города, открывали для себя много нового и интересного: про чайную «Столбы», про ночлежки, погружаясь в творчество Максима Горького.

Прославилась семья Добрых ещё больше, так как не только сами творили добро, но и детей тому учили.

Вот и сказке конец, а добро – бесконечно!

Мария КЛИМОВА,

школа №14, 10 «Б».

*Руководитель – учитель русского языка и литературы
Елена Юрьевна Коптелова.*

Размышляя о человеке и о воздействии слова на душу человека

(на основе сведений о чайной « Столбы»)

Эссе

Интересно открывать страницы истории родного города, гуляя по улицам Нижнего. Прогулка по Кожевенной

оказалась незабываемой, и захотелось узнать об этом историческом месте подробнее.

Бесспорно, особого внимания заслуживает здание, известное как чайная «Столбы», которая появилась в Нижнем в 1901 году по инициативе Максима Горького. Как пишут нижегородские краеведы, в конце XIX века дом Переплётчиков пережил сильный пожар. Тогда здание приобрёл в собственность меценат-пароходчик Дмитрий Сироткин. Узнав о намерении Горького устроить пристанище для бедных, где те не страдали бы от произвола трактирщиков, он предложил купленный дом. Зимой по утрам нищих выгоняли из ночлежки, находившейся рядом. Таковы были порядки: днём оставаться нельзя. На улице холодно, босяки и безработные хотели согреться, поэтому шли в трактиры, где расплатиться не могли. Из-за этого они накапливали огромные долги, и летом трактирщики использовали бедняг в качестве бесплатной рабочей силы. 21 ноября 1901 года открылась уютная чайная для бездомных, которая должна была решить подобную проблему. Там можно было дёшево выпить чаю (2 копейки) и поесть. Всё равно немногие могли позволить себе это, но чайная пользовалась популярностью. В чайной устроили небольшую библиотеку, поставили пианино и проводили праздничные концерты, литературные чтения. Именно поэтому чайную ещё называли «дом-читальня».

Меня заинтересовала статья Н. Капралова «Чайная «Столбы»», напечатанная в «Нижегородском листке» (1910, 26 января), где описано не только то, как проходили литературные чтения, организованные группой нижегородских интеллигентов, но и рассказано, какое впечатление произвел на «бывших людей» рассказ Л.Н. Толстого «Где любовь, там и Бог». Автор публикации был поражён состоянием бездомных посетителей, отметив, что при чтении «в чайной воцарилась абсолютная тишина, недопитые стаканы и блюдечки с чаем были забыты» и «лица слушателей казались такими хорошими, светлыми; у более чувствительных на глазах были заметны слёзы».

Прав один из литературоведов, заметивший, что как хлеб существует для того, чтобы его ели, а кровать – что-

бы на ней спали, так и книга создана для того, чтобы учить человека добру и помочь верить в себя, в свои силы. Думаю, важно понимать, какую книгу читать, полностью погрузиться в нее, сопереживая чужим проблемам и отвлекаясь от собственных бед. Чтение книг способствует лучшему пониманию других людей.

На мой взгляд, трудно переоценить деятельность небольшого кружка местных интеллигентов. Они в течение трех лет бескорыстно помогали босякам, всем тем, кто оказался «на дне» жизни, поддерживали в них веру в лучшее, читая произведения Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Л. Толстого, Достоевского, Короленко... Было проведено 76 воскресных (большое количество будничных чтений), на которых «перебывало 80 000 человек». Так, начиная с 1902 года, в чайной «Столбы» впервые «раздалось слово вечного, доброго». С марта 1902 года при чайной работала бесплатная амбулатория. Название «Столбы» чайная получила от народа – своих обитателей. Главным украшением дома были шесть колонн. Возможно, босяки не знали такого слова «колонна», поэтому именовали их «столбами». Максим Горький в очерке о Бугрове писал, что бедняки и обездоленные чувствовали себя в чайной хозяевами, потому и заботились о ней и следили сами за чистотой и порядком.

Безусловно, у меня возникло желание прочитать рассказ Льва Николаевича Толстого «Где любовь, там и Бог». Главный герой повествования – одинокий сапожник – просил у Бога смерти, так как считал свою жизнь никчёмной:

«– И жить, – говорит, – божий человек, больше неохота. Только бы помереть. Об одном Бога прошу. Безнадежный я остался теперь человек».

Как созвучны эти слова с переживаниями босяков! «А для чего же жить-то?» – этот вечный вопрос задают себе многие. Каким же лёгким кажется ответ старичка – земляка героя рассказа:

«– Для Бога, Мартын, жить надо. Он тебе жизнь дает, для него и жить надо. Когда для него жить станешь, ни о чем тужить не станешь, и все тебе легко покажется...

Ты грамоте знаешь? Купи Евангелие и читай, там узнаешь, как для Бога жить. Там все показано».

Так, прогулка по одной из старинных улочек Нижнего дала повод к размышлению о том, как важно видеть в человеке, даже оказавшемся на «дне» общества, Человека, о том, что, действительно, чтение книг дает силы противостоять трудностям, помогает найти ответы на сложные вопросы жизни, стать лучше. «Читай, и ты полетишь» – это выражение бразильского прозаика XX века Пауло Коэльо справедливо на все времена. Значение чтения художественной литературы для духовного развития трудно переоценить.

Татьяна ЕГОРОВА,

школа 70.

*Руководитель – учитель русского языка и литературы
Юлия Сергеевна Погодина.*

История на Миллионке

Рассказ

Радостные речи и песни разносились по всей Миллионке – месту жительства и деятельности различных помещиков, торговцев, купцов и других не менее важных людей, держащих там свои лавочки. Но сегодня по какой-то причине каждый прохожий был веселее, плясали и пели активнее и красивее, а товары отличались особым качеством, да и поторговаться было легче. Люди вываливали из домов, одетые в чистые шубки, разукрашенные самыми различными узорами, улыбки сияли на их лицах, и казалось, что только самые внимательные могли заметить обратную сторону такого душевного настроения – в темных, никому не заметных углах торговой улицы проходили, еле передвигая ногами, босяки и бездомные. Но держались онидалече от купцов, будто боясь подойти к такой огромной богатой толпе. И никто не знал, почему никто не осмеливался подойти поближе, просто был такой день – для ярких торговых веселий.

Мороз щекотал нос и покалывал щеки мальчишки, но больше всего болел локоть, за который сжал его коренастый торговец, пока волок его по всему двору к выходу. Казалось, что только для этих двоих праздника не существовало, потому что мальчонка, хнычущий от боли и обиды, пытался пару минут назад стащить с купеческого стола мясной пирожок, а сам купец ненавидел воровство и жутко наказывал каждого воришку.

– Я тебе говорил, что ещё одна такая выходка, и ноги твоей здесь больше не будет! – мужчина швырнул мальчику за ворота, словно тот был мешок картошки.

Мальчишка ничего не ответил, досада заполнила его и выливалась слезами. Мороз обжигал почти голое тело – его вышвырнули в совершенно не зимней одежде, была лишь маечка да заштопанные штаны.

Ворота захлопнулись, как и его, хоть и тяжёлая, но в домашнем тепле жизнь. Теперь некуда было идти, ведь никто не возьмёт к себе неизвестного мальчика на работу. Он еле поднялся, дрожа от холода, и поплелся к всеобщему шуму, который с каждой минутой становился все громче и радостнее.

– Тёплые, настоящие шубки для красных девушек! – кричал во все горло мужик с кудрявой бородой.

– Посуда расписная, нигде такого выбора не увидите!

– Затанцуем, запоем, всех купцов мы заберём, подходите, не стесняйтесь, будем рады станцевать. – пел хор, а некоторые из молодых девушек приплясывали вместе с молодыми парнями. Бедный герой большими глазами смотрел на все это зрелище, прибившись к самой незаметной стене. Ледяные пальцы не чувствовались, но он все равно тер их, стараясь согреть.

– Горячие, вкусные пироги, только у меня такие! С капустой, мясом, яблоком! Баранки, сушки и печенье, детям сладкие конфетки! – Мальчик тут же повернул голову на голос женщины, торгующей выпечкой, и тут же перед глазами представился целый прилавок румяного изделия, от которого шёл согревающий пар.

Невольно потекли слюнки. Еда – единственное, чего сейчас хотелось больше всего бездомному герою. Голод

заполнил разум, говоря, что «попытка не пытка», будто забыв, что менее часа назад за такое же воровство его выкинули из единственного жилья, и мальчик почти без раздумий нырнул в толпу, подбираясь к цели. Он не замечал ни оконечных конечностей, ни прикованных к нему взгляд бояр, которые с невольным отвращением смотрели на полуголого мальчонку. Мальчик не замечал этого, поэтому со звериной скоростью спешил схватить долгожданную выпечку, пробираясь через шубы и пальто бояр, но только он хотел вытянуть руку к прилавку, как руку что-то остановило. Герой повернул голову, и от страха внутри все сжалось сильнее, чем от холода. Старая, похожая на медведицу старуха теперь уже держала его за руку, яростно сверкая глазами, но боли он так и не почувствовал, потому что от холода уже не ощущал руку.

Она громко закричала, еще сильнее, чем до этого его хозяин, и снова внутри все застонало и заныло от отчаяния и обиды. Неужели им жалко одного пирожка? Он хотел что-то сказать, но не смог, горло примерзло, и вместо слов вырвалось еле слышное сипение. Женщина куда-то его поволокла, и теперь не ровная земля двора царапала ребра, а заледенелые черепицы брусчатки. И пока она волокла его по всей улице, дабы выкинуть подальше, на боку мальчика не осталось и живого места, кожа разодралась, и на льду виднелись местами следы крови.

«Разве я этого заслужил, я ведь просто хотел поесть?» – так подумал бы герой, если бы уже не терял сознание, а в голове не была тьма.

Его оставили около пристанищ босяков в каком-то сугробе. Без сознания и одежды.

* * *

Темнота, отдаленный шум разговоров толпы, становящийся все отчетливее с каждой секундой, по-своему домашний запах, а еще что-то согревающее на плечах. Мальчик с трудом приоткрыл глаза и непонимающе стал осматривать все вокруг.

«Это был сон?» – пронеслось в еще гудящей голове, но с каждой секундой он утверждался в обратном. То помещение

не было купеческим, в котором он до этого жил, тут было много босяков, о чем-то говорящих, читающих газеты и просто отдыхающих, попивающих что-то горячее. Переведя взгляд на себя, герой снова удивился, ведь согревало его не что иное, как одеяло, пальцы шевелились, а ноги отдавали чуть приятной болью после холода, ведь он их чувствовал. Он присел на колени и продолжил рассматривать новое место – все казалось волшебным, никогда он не слышал о таком месте, где в тепле и веселье могли отдыхать босяки.

Может, это рай для бездомных и босяков?

– А вот и наш Мерзлашка проснулся! – прозвучал голос со стороны кассы. Солидный мужчина средних лет улыбнулся, и эта улыбка показалась мальчонке самой доброй за всю жизнь, которую он видел. – Поди сюда, все хорошо, тебя здесь не обидят.

Герой подошел к незнакомцу, но уже готов был ему доверять, и даже щекотящие запахи еды не дурманили его рядом с таким человеком.

– Я Алексей Максимович, а твое имя как?

– Саша. – Алексей Максимович улыбнулся и повернулся к трактирщику.

– Подай Александру чаю с хлебом, – трактирщик кивнул, уже наливая горячий напиток.

– Не надо, мне нечем заплатить! – взвизгнул Сашка, вспоминая все то, что он пережил из-за воровства. Паника охватила его, все это стало резко казаться обманом. Алексей Максимович спокойно погладил мальчика по голове и спросил:

– Саша, у тебя ведь нету дома? – мальчик неохотно кивнул. – И денег у тебя тоже нету? – Саша стыдливо опустил голову и снова кивнул. У него не было слов в свое оправдание. – Тогда я даю тебе возможность сейчас отогреться и поесть, – мужчина взял голову мальчика в свои теплые руки и посмотрел прямо тому в глаза, – а потом ты будешь жить и работать в этой чайной «Столбы», помогая трактирщику всем, чем сможешь, а взамен он будет тебя кормить.

Эти слова еще больше стали казаться мечтой. Вот так, после множества попыток воровства, в мальчишку кто-то

поверил и дал шанс на жизнь под кровом. Саша активно закивал, потому что в этот раз слова застряли от потрясения.

Мальчик вскочил и низко поклонился перед Алексеем Максимовичем, сдерживая слезы радости.

Со следующего дня он все силы отдавал на помощь и обустройство в чайной, будто та была домом, относился к трактирщику как к отцу, а к приходившим босякам – как к братьям и сестрам. Всегда есть шанс изменить свою жизнь, какой бы она ни была, и чайная «Столбы» в то время стала центром многих жизней таких же, как и Сашкина.

Номинация «Стихотворение»

Кира БОРОВОВА,

школа № 55.

*Руководитель – учитель русского языка и литературы
Анастасия Георгиевна Кулакова*

Былина «Столбы»

Как в старинном городе
Да Нижнем Новгороде,
Славном людьми великими да характерами сильными,
Между Волгою и стеной каменной кремлевскою
Миллионный квартал простирается,
С Кожевенной улицы начинается.
Вот и мы пройдем по улице городской,
Послушаем предания старинны седой.
Как в начале улицы да высится
Здание с колоннами высокое,
В лето 1839 возведенное
Архитектором ученым Кизеветтером.
Восхищались красотой его и строгостью все:
От царя-батюшки до босяка Мильошки и квартального.
На фасаде во славу народа великого русского
Шесть колонн увенчаны
Портиком классическим да с маскаронами.
Окна венецианские трехчастные, как глаза

Распахнуты огромные,
Смотрят сквозь колонны,
И удивляешься той гармонии,
Которую стиль классический
С симметрией и формами
Тут сквозь время открывает нам.
Приобрел тот дом купец Сироткин Дмитрий
Да в начале XX столетия.
В этом доме красно-белом да с душою доброю
Чайная была открыта для босяцкого
Люда обедневшего поволжского.
Чтение, лечение, внимание – вот что
Получили обитатели
Клуба бедняков от покровителей.

И прошло с тех пор уже почти 120 лет,
Но «Столбы» как символ милосердия,
Веры в Человека
И желания лучше стать,
Душой богаче и счастливее –
Радуют туристов, разных странников,
Современных меценатов, губернатора,
Молодых людей и тех,
Кто делает для истории,
Для города великие, добрые деяния,
Которые не забудутся потомками,
А может быть, даже
Будут в эпосе прославлены!

Егор СОХИН,

школа № 14.

*Руководитель – учитель русского языка и литературы
Елена Юрьевна Коптелова.*

«Столбы» – красота фасада

Раскинулся под кремлевским холмом,
Своей красотой привлекая,

Каменный трехэтажный дом,
 «Столбы» – его называют.
 Красный кирпич вековой бережет
 Стены фасада бывшего.
 И на контрасте рисунки плетет
 Белая роскошь декора.
 Шесть белоснежных могучих колонн:
 Царственные элементы,
 Стоят как стражи в несколько тонн,
 Стиля ампир моменты.
 Меандровый пояс, квадратный руст,
 Орнаменты с завитками
 Величия зданию придают.
 «Имперская» мощь перед нами.
 Лепной маскарон над колонной хранит
 Историю дома, предание.
 Гермес – бог торговли, пророк, проводник,
 Дающий богатства и знания.

Сын Зевса – крылатый вестник богов,
 Оберегает всегда этот кров.
 И какие б не стояли задачи,
 «Столбам» улыбнется удача!
 Проект дома когда-то был утвержден
 Самим Николаем Первым!
 А архитектор награжден
 Императорским словом ценным!
 «За красоту сего фасада
 Объявляется награда –
 Монаршее удовлетворение»
 За дома происхождение.

Максим Горький коснулся дома сего,
 Благодаря писателю
 Открывался клуб для бедноты
 Читальня-чайная «Столбы» ...
 Бродя по Кожевенной улице,
 Всегда прислонюсь с душой
 Послушать стук сердца дома
 С нелегкой, но интересной судьбой!

О! Скоро вновь заиграет он
 Обликом первозданным –
 Гостиница расположится в нем,
 В здании легендарном!
 Раскинется под кремлевским холмом
 Для глаз и души отрада,
 Отреставрированный дом
 «Столбы» – красота фасада!

Анна ОВЧИННИКОВА,

школа № 118.

*Руководитель – учитель русского языка и литературы
 Светлана Юрьевна Федорченко.*

Жизнь на дне

Идем по улице с классом,
 Вокруг шуршит листопад.
 Какие люди здесь жили
 Чуть больше века назад?

Мы просто смотрим на них
 На фоне лет свысока:
 В ночлежке бедность и грязь,
 И беспросветная тьма.

Они хотели любить,
 Свободно жить и дышать.
 Но снова биться должны
 И воровством выживать.

Уйти, спастись, умереть,
 Но каждый день все одно:
 Побои, пьянство, разврат
 И социальное дно.

Кому-то совесть во вред,
 Она богатым нужней.

Ведь люди терпят всю жизнь
Жестокость жизни своей.

Казалось, все там мертвы
И в бездну вместе идут.
Но люди, свесившись с нар,
О правде споры ведут.

Не стоит верить и лгать
И жизнь любить просто так;
И правда – это простой,
Но удручающий факт,

И смерть облегчит судьбу.
Но вдруг настала пора,
В их жизнь незримым лучом
Другая правда вошла.

О том, что можешь всегда
Ты жизнь свою поменять
Всегда за верой идти
И луч мечты не терять.

Еще есть правда одна,
Не важен год или век,
Но человеку живому
Поможет лишь человек

Пройти сквозь замкнутый круг
И скинуть тяжесть оков,
Вернуться в радостный мир
И вновь лететь высоко.

Свои надежды хранить,
Быть Человеком всегда,
Тогда, пожалуй, есть шанс
Подняться даже со дна.

День за днем

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ – 2024

Январь

Русский музей фотографии представил историко-фотографический проект «Семья Карелиных в блокаду» из более 60 фотографий и документов из фондов Русского музея фотографии и крупнейших архивов Нижегородской области. В основе выставки – история семьи Андрея Андреевича Карелина (1866–1928), сына фотографа Императорской Академии художеств из Нижнего Новгорода Андрея Осиповича Карелина.

17 января в нижегородской Ленинке состоялся вечер «Нижегородские посиделки». В ходе мероприятия нижегородский писатель, издатель и главный редактор литературного журнала «Нижний Новгород» и альманаха «Земляки» Олег Рябов вручил премии журнала по итогам года в различных номинациях.

Нижегородскому государственному академическому театру кукол исполнилось 95 лет. В честь юбилея театр с 24 января по 3 февраля провёл фестиваль «Кукольный бум». 29 января на сцене Нижегородского театра кукол прошёл юбилейный концерт «95 лет по ту сторону ширмы».

26 января в центре «Пешков» состоялась презентация сборника «Мастерская «Арзамас», в котором собраны стихи и проза участников Литературной мастерской Захара Прилепина, прошедших обучение и культурную экспедицию в Арзамас в 2023 году.

С 27 января по 4 февраля на Нижегородской ярмарке в седьмой раз проходила художественная выставка «АРТ МИР».

В здании Нижегородского государственного художественного музея «Зарубежное искусство» открылась обновленная экспозиция картины Маковского «Воззвание Минына». Выставочное пространство значительно расширилось, включив в себя несколько тематических разделов. Один из них посвящён истории Нижегородского ополчения и личности Кузьмы Минына в судьбе города и страны.

29 января в Белом зале нижегородской Ленинки открылась выставка живописи Татьяны Макеевой «ЦВЕТной мир».

30 января на Международной выставке-форуме «Россия» в Москве прошёл День культуры. На стенде Нижегородской области в этот день проводились лекции, мастер-классы, поэтические и концертные номера, а вечером на главной уличной сцене состоялась концертная программа «Молодёжная плясовая» с участием Нижегородского губернского оркестра и Майи Балашовой.

Февраль

1 февраля в Нижегородской областной библиотеке им. В.И. Ленина прошла презентация Книги памяти «Нижегородцы, пожалованные знаком отличия военного ордена Святого Георгия, 1807–1913».

2 февраля исполнилось 120 лет со дня рождения знаменитого лётчика-испытателя, Героя Советского Союза Валерия Чкалова. В Центре культуры «Рекорд» состоялось открытие тематического года «Герой на все времена», в рамках которого начала свою работу выставка «Валерий Чкалов – символ авиации», в нижегородской Ленинке открылась книжная выставка «Валерий Чкалов: полёт сквозь годы», а в Усадьбе Рукавишниковых – экспозиция «Пионеры воздушного пространства». 15 февраля День Чкалова прошёл на стенде Нижегородской области в рамках Международной выставки-форума «Россия» в Москве на ВДНХ.

В Пакгаузах на Стрелке состоялась торжественная церемония передачи Нижнему Новгороду официального символа «Культурной столицы 2024».

В НГХМ, «Искусство XX века» открылась персональная юбилейная выставка нижегородского художника Николая Ростовцева.

3 февраля в Нижегородском ТЮЗе состоялся большой концерт проекта «Главные детские песни», реализуемого по инициативе Музея Победы при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.

9 февраля в Усадьбе Рукавишниковых открылась выставка «“Варяг” идёт свершать свой подвиг славный», посвященная 120-летию со дня героического сражения крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в бухте Чемульпо в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг.

10 февраля в нижегородской Ленинке состоялся День памяти, посвящённый 70-летию со дня рождения русского писателя, публициста, экономиста, философа Юрия Николаевича Покровского (1954–2023).

В НГХМ, «Искусство XX века» открылась выставка китайского художника Лу Линя «Другая сторона леса».

С 19 по 21 февраля на сцене Нижегородского театра оперы и балета выступил Государственный академический театр классического балета Наталии Касаткиной и Владимира Василёва, также известный как Московский классический балет.

В выставочном Пакгаузе на Стрелке открылась выставка московского художника Ивана Лубенникова (1951–2021) «Иван Лубенников. Размышления художника».

В Русском музее фотографии открылась выставка бразильского фотографа Рикардо Мартинса «Дикая природа Бразилии».

22 февраля в Дзержинске открылся II Открытый российский фестиваль отечественного кино «Черноречье Фест».

В Русском музее фотографии открылась выставка «Иран: взгляд сквозь тысячелетия», посвящённая историческим достопримечательностям, традиционной архитектуре и искусству каллиграфии Исламской Республики Иран.

В Нижегородской области прошёл «Арзамас-форум “Культура российских регионов”», посвящённый русской культуре второй половины XVIII века.

Март

В НГХМ открылся зал искусства Северной Европы. После реконструкции в выставочном пространстве впервые появился раздел, наиболее полно представляющий готическую скульптуру. В него вошли восемь экспонатов французской, немецкой и нидерландской школ.

4 марта в нижегородской Ленинке состоялась презентация альманаха «День поэзии – XXI век. 2022/23» с участием сразу нескольких нижегородских авторов: Олега Рябова, Владимира Безденежных, Галины Талановой, Маргариты Шуваловой, Светланы Леонтьевой, Геннадия Ёмкина, Евгения Эрастова, Елены Крюковой и Николая Рачкова.

С 10 по 18 марта в Нижегородской области прошёл традиционный театральный фестиваль «Премьеры сезона».

13 марта в Центре культуры «Рекорд» открылись выставки сестёр Ольги Лагеды «Пространство без границ» и Анны Лагеды «На берегу».

Открылась для посетителей Северная башня Нижегородского кремля, став пятым музеефицированным пространством крепости. В ходе ремонтно-реставрационных работ в Северной башне провели освещение и отопление, заменили напольные покрытия, оконные и дверные проемы, установили новую мебель.

20 марта в Нижегородской детской областной библиотеке имени Т. Мавриной открылся литературно-музыкальный фестиваль культур России и Беларуси для детей и юношества «Мы дружкой едины».

20 марта в Русском музее фотографии открылся XXVII областной фестиваль фотографии им. А.О. Карелина и М.П. Дмитриева.

21 марта в Музее книги нижегородской Ленинки открылась экспозиция «Книг, ради Бога, книг!», приуроченная к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

С 22 по 24 марта в Нижегородском театральном училище им. Е.А. Евстигнеева прошли обменные гастроли Белорусской государственной академии искусств.

26 марта в Нижегородском хоровом колледже им. Л.К. Сивухина состоялся вечер памяти «Имя любви моей – Ро-

дина», посвящённый 85-летию со дня рождения нижегородского писателя и публициста Валерия Анатольевича Шамшурина (1939–2023).

В НГХМ, «Искусство XX века» открылся масштабный выставочный проект о людях, норме и психическом здоровье – «ПНИ. Самая закрытая выставка России».

27 марта в нижегородской Ленинке открылась литературно-художественная выставка нижегородской писательницы и художницы Елены Лемель «Яркие капли лета».

С 28 по 30 марта в Нижнем Новгороде состоялась XLI Международная научная конференция «Горьковские чтения». На ней прозвучало более 80 докладов исследователей биографии и творческого наследия А.М. Горького.

28 марта в Княгинине состоялся XVI областной поэтический конкурс им. А.И. Люкина «Родом из русской глубинки».

Апрель

2 апреля в Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке им. В.И. Ленина прошло итоговое совещание руководителей центральных и центральных детских библиотек региона «Нижегородские библиотеки – 2023: модернизация и перезагрузка».

5 апреля Нижегородский театр оперы и балета им. А.С. Пушкина и Волго-Вятский филиал Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина (Арсенал) подписали соглашение о сотрудничестве в сфере культуры и искусства.

В рабочем посёлке Бутурлино прошли XVII Бутурлинские чтения имени Героя Советского Союза, маршала артиллерии Василия Ивановича Казакова «Здесь память истории и величие духа».

С 11 по 14 апреля на сцене Нижегородского театра драмы прошли «Большие гастроли» Театра-фестиваля «Балтийский дом» из Санкт-Петербурга.

13–14 апреля в Ваче состоялась встреча Ассамблеи народов Евразии в рамках программы «Наследие Евразии: сельские сообщества».

17 апреля в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка акварелей Татьяны Трушковой «Невесомость».

С 19 по 21 апреля на сцене Нижегородского театра кукол прошли «Большие гастроли» Санкт-Петербургского государственного театра марионеток им. Е.С. Деммени.

19 апреля в НГХМ, раздел «Русское искусство» открылась выставка русского живописца французского происхождения, выдающегося мастера панорамной картины рубежа XIX–XX веков Франца Рубо.

19 апреля в Русском музее фотографии открылась выставка «Фотография Городецкая», в которую вошли работы из фонда как самого музея, так и семейного архива Городецких.

20 апреля библиотеки Нижегородской области присоединились к Всероссийской акции «Библионочь». Центральной площадкой акции стала Нижегородская областная библиотека имени В.И. Ленина.

23 апреля в Русском музее фотографии открылась выставка «Строкою Пушкина воспето...» из фондов Белгородской галереи фотоискусства им. В.А. Собровина, посвящённая 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

Нижегородские модельные библиотеки стали победителями IV Всероссийского конкурса по выявлению лучших практик формирования и продвижения фондов библиотек «Золотая полка – 2023». Награды получили представители Мулинской сельской библиотеки и Центральной библиотеки им. А.С. Пушкина в Большом Болдине.

26 апреля в Нижегородской филармонии прошёл благотворительный концерт XXIII Московского Пасхального фестиваля.

26 апреля в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка нижегородского художника-графика Ольги Лисиной «Видавшие виды».

27 апреля в Манеже Нижегородского кремля открылась выставка «Я говорю с тобой из Ленинграда. Живая история блокадного города и его жителей», приуроченная к 80-летию полного снятия блокады города на Неве. Выставка создана совместно Государственным Русским музеем (Санкт-Петербург) и НГХМ.

С 27 апреля по 1 мая в Нижнем Новгороде прошёл VII Международный фестиваль медиаискусства Intervals, объединивший более 30 художников из 12 стран мира, объектами стали 17 уличных и внутренних пространств города. Intervals-2024 стал самым масштабным за всю историю фестиваля: его посетили свыше 350 тысяч человек из разных регионов России и других стран.

29 апреля в нижегородской Ленинке открылась выставка живописи Александра Васина «Загород».

С 30 апреля по 2 мая на сцене Нижегородского театра кукол прошли международные гастроли Гродненского областного театр кукол (Республика Беларусь).

Май

К 79-летию Победы в Великой Отечественной войне в Русском музее фотографии открылась выставка «Евгений Халдей. Знамя Победы», представленная Государственным музейно-выставочным центром «Росфото».

12 мая в Нижнем Новгороде прошёл юбилейный музыкальный молодёжный фестиваль «Морфест-2024».

13 мая в нижегородской Ленинке открылась книжно-иллюстративная выставка «Нижегородская пушкиниана», посвящённая 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

На международном фестивале детско-юношеского хорового искусства «Навстречу» в Нижнем Новгороде Нижегородский хоровой колледж заключил соглашение о сотрудничестве с Республиканской гимназией-колледжем при Белорусской академии музыки.

В Нижегородском ТЮЗе прошли гастроли Севастопольского академического русского драматического театра им. А.В. Луначарского.

16 мая в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка нижегородской художницы Евгении Гольцевой «Матра».

18 мая около 90 нижегородских музеев и библиотек приняли участие во Всероссийской акции «Ночь музеев». Тема акции в Год семьи – «Из поколения в поколение». Учреждения культуры Нижегородской области представили посетителям программы, основанные на рассказах

о музейных династиях, семейных традициях и реликвиях. На мероприятиях «Ночи музеев» в Нижегородской области побывали почти 96 тысяч человек.

21 мая «Технический музей» на Большой Покровской отметил 10-летний юбилей.

С 22 по 25 мая в Нижегородской филармонии им. М.Л. Ростроповича прошёл Международный музыкальный фестиваль «Денис Мацуев представляет: диалог поколений».

23 мая в Русском музее фотографии открылась выставка работ Светланы Тарасовой и Виктора Боровских «Между прошлым и будущим».

В НГХМ, «Русское искусство» открылась персональная выставка Нижегородского художника Геннадия Урлина (1952–2024).

28 мая в Молодёжном центре «Купно. Старт» прошёл областной праздник, посвящённый общероссийскому Дню библиотек.

В Зачатской башне Нижегородского кремля открылась выставка «Кремль России – взгляд художника», где представлены более 70 произведений живописи и графики из 18 музеев России.

Американская комедия «Анора» с участием нижегородского актёра Марка Эйдельштейна получила «Золотую пальмовую ветвь» на 77-м Каннском фестивале.

С 31 мая по 16 июня в культурном центре «Пакгаузы» в Нижнем Новгороде прошёл VI Международный фестиваль искусств «Стрелка» с участием известных артистов и музыкантов. Его программа охватила музыку шести столетий: от Ренессанса до XXI века.

Июнь

С 6 по 9 июня в Музее-заповеднике «Болдино», после его долгой реставрации, прошёл Международный фестиваль искусств «Пушкин без границ», на котором отметили сразу два юбилея: 225-летие со дня рождения А.С. Пушкина и 75-летие с момента создания самого музея.

6 июня в Усадьбе Рукавишниковых открылась выставка «Есть память обо мне...», приуроченная к 225-летию со дня рождения А.С. Пушкина.

С 6 по 9 июня нижегородские книжные издательства приняли участие в X Международном книжном фестивале «Красная площадь» в Москве.

7 июня в нижегородской Ленинке открылся XV Международный общественно-научный форум «Николай Константинович Рерих и Россия».

7 июня в НГХМ, «Искусство XX века» открылась выставка работ Альфрида Шаймарданова «Кот казанский».

В Нижегородском музее А.С. Пушкина (филиале музея-заповедника «Болдино») открылась выставка «Нижний Новгород пушкинской поры».

В Арзамасе на площадке парка культуры и отдыха им А.П. Гайдара состоялся гала-концерт XX Всероссийского фестиваля фольклорно-этнографических коллективов «Зелёные святки».

18 июня в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка «Чёрный пруд. Наблюдатели». На ней разместились 76 живописных произведений нижегородских художников, представителей горьковского андеграунда, членов творческого объединения «Чёрный пруд».

19 июня в Русском музее фотографии открылась выставка «Соседи по планете» Татьяны Алешки (Республика Беларусь).

20 июня в НГХМ, «Искусство XX века» состоялось открытие выставки «Советский киноплакат 1950–1980 гг.» из собрания «Мультимедиа Арт Музея» (Москва).

Нижегородский музей-заповедник и музей-заповедник «Кижы» открыли совместную выставку «Родимое окошко» на острове Кижы, где были представлены подлинные резные оконные наличники с Волги и берегов Онежского озера.

В Нижнем Новгороде начались съёмки нового детективного сериала «Злые люди» по рассказам из серии «Хроники сыска» нижегородского писателя Николая Свечина. В сериале главные роли исполняют признанные легенды российской кинематографии и молодые

артисты: Александр Лыков, Дмитрий Нагиев, Роман Мадянов, Ян Цапник, Пётр Рыков, Роман Маякин, Ирина Пегова, Артём Ткаченко и другие. Режиссёр проекта – Ким Дружинин.

На сцене Нижегородского ТЮЗа прошли показы спектакля Норильского Заполярного театра драмы им. Вл. Маяковского «Ополченский романс», поставленного по одноименному произведению Захара Прилепина.

27 июня в НГХМ, «Русское искусство» открылась передвижная выставка «По России в свите Наследника...», подготовленная Музеем-заповедником «Павловск» и приуроченная к 200-летию со дня рождения художника Алексея Боголюбова.

Июль

4 июля в Усадьбе Рукавишниковых открылась выставка «Семейный портрет. Художник и фотограф А.О. Карелин в кругу семьи», приуроченная к празднованию Дня семьи, любви и верности и Года семьи в России.

С 6 июля по 11 августа по выходным в Нижегородском кремле проходил музейный фестиваль «Содружество Кремлей России», посвященный архитектурным особенностям и истории крепостных сооружений России.

10 июля в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка нижегородской художницы Марины Новосельской «Монологи старого города».

С 12 по 18 июля 2024 года в Нижнем Новгороде прошёл VIII фестиваль нового российского кино «Горький fest»; за время фестиваля состоялось 146 кинопоказов, которые посетило более 100 тысяч зрителей.

С 12 по 14 июля в Выксе прошёл XIII ежегодный фестиваль современной городской культуры «Выкса-фестиваль».

13 июля в посёлке Лысая Гора городского округа Воротынский прошёл XIV Межрегиональный фестиваль чувашской культуры «Питрав Пуххи».

19 июля в Нижегородском художественном музее открылась персональная выставка Михаила Полякова «Отличник», посвящённая 55-летию художника.

20 июля рядом с селом Новоселки Лукояновского округа Нижегородской области прошёл XIV межрегиональный фестиваль мордовской культуры «Эрзянь лисьмапря».

20 июля в НГХМ, «Искусство XX века» открылась фотовыставка Иды Таубе «Чукотка. Точка отсчета».

25 июля в нижегородской Ленинке состоялся музыкально-поэтический вечер памяти нижегородского поэта Игоря Чурдалёва (1952–2020) «Когда стану музыкой – и только...»

25 июля в НГХМ, «Искусство XX века» открылась выставка «Пространство. Время. Смыслы», приуроченная к 20-летию создания регионального отделения Творческого союза художников России – организации, ставшей основной альтернативой Союзу художников России.

27 июля в Сартакове состоялся XIX Международный фестиваль-конкурс народного творчества «Хрустальный ключ».

27 июля в Нижнем Новгороде и 28 июля в Балахне прошёл фестиваль «Рок чистой воды».

30 июля в Арзамасе на Соборной площади состоялся гала-концерт XIII Международного фестиваля православной и патриотической песни «Арзамасские купола».

Август

1 августа в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка Романа Королева «Нижегородские башни».

Со 2 по 4 августа в Большом Болдине прошёл юбилейный X Слёт молодых литераторов.

6 августа в НГХМ, «Искусство XX века» открылась выставка Анатолия Бирюкова «Русалка, Кашалот и вокруг света».

10 августа в Чкаловске состоялся юбилейный фестиваль скоростей «Русские крылья», посвященный 120-летию со дня рождения Героя Советского Союза лётчика-испытателя Валерия Чкалова.

13 августа в Русском музее фотографии открылась выставка фотографа Миши Бурлацкого «Бурлацкий на Волге. Дорогами Максима Дмитриева».

С 15 по 21 августа в Нижнем Новгороде состоялся фестиваль развития музыкальной культуры «Долинафест».

15 августа в Нижнем Новгороде в арт-пространстве «Цех*» открылся мультимедийный выставочный проект «Великолепный Эрмитаж».

15 августа в Русском музее фотографии открылась выставка Никиты Духника «Столица закатов».

16 августа в Центре культуры «Рекорд» открылась коллективная художественная выставка «Нижний Новгород. Детали путешествия».

С 22 августа в течение недели в Нижнем Новгороде проходили съёмки сериала «Три сестры» (с отсылками к пьесе А.П. Чехова) с участием Ларисы Гузеевой, Павла Деревянко, Юлии Александровой, Маруси Климовой, Полины Гухман и других артистов.

С 23 по 25 августа в Нижегородском ТЮЗе прошёл Всероссийский фестиваль театров для детей и молодежи «Колесо-2024».

С 23 августа по 1 сентября в Нижегородском театре оперы и балета прошёл фестиваль «Современная музыка»: Шостакович, Мейерхольд, Шнитке».

С 26 по 28 августа в Центре культуры «Рекорд» прошёл фестиваль индийского кино «Дни Индии».

Сентябрь

С 4 по 6 сентября в Нижнем Новгороде состоялся благотворительный кинофорум «Детский КиноМай».

5 сентября в НГХМ, «Русское искусство» открылась выставка художника Михаила Дуцева «Между домами».

С 5 по 9 сентября в Нижегородской области прошёл Большой детский фестиваль «Эхо БДФ – Поволжье».

С 6 по 8 сентября в Русском музее фотографии состоялся фестиваль «Молодые фотографы России – 2024».

С 10 по 12 сентября в Нижегородской области прошла 52-я международная научная конференция «Болдинские чтения». В ней участвовали более 60 специалистов, в том числе ученых-пушкинистов из Канады, Узбекистана и Молдавии.

11 сентября в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка Маргариты Юрковой «Осознание сотворчества».

13 сентября в НГХМ, «Искусство XX века» открылась выставка заслуженного мастера народных художественных промыслов Нижегородской области, почётного работника народных художественных промыслов РФ Натальи Приваловской «Мой любимый Городец».

15 сентября в Нижнем Новгороде стартовал цикл культурно-просветительских и благотворительных мероприятий «Царские дни», посвящённых традициям милосердия и благотворительности Императорской России.

В Нижнем Новгороде на Бугровском кладбище торжественно открыли памятник на месте захоронения заслуженного деятеля искусств РФ, бывшего директора Нижегородского театрального училища им. Е.А. Евстигнеева, почётного гражданина Нижнего Новгорода Татьяны Цыганковой.

19 сентября в НГХМ, «Искусство XX века» открылась 32-я выставка «Осенний вернисаж» – самый продолжительный проект современного изобразительного искусства в Нижегородской области. По традиции Нижегородское отделение Союза художников России представило на ней работы, созданные живописцами, графиками, мастерами народного и декоративно-прикладного искусства в последние годы – всего около 300 работ 175 авторов.

С 20 по 26 сентября в Нижнем Новгороде прошёл Фестиваль русских зарубежных театров «Театральная осень», посвящённый А.С. Пушкину.

26 сентября в Доме Нижегородской области в Москве открылась выставка произведений нижегородских художников-пейзажистов «Река жизни». В экспозиции представлены 60 произведений, созданных в различных техниках: живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, фотография.

С 26 по 28 сентября в Русском музее фотографии прошёл X Международный фотофестиваль «Волжская биеннале – 2024».

27 и 28 сентября на сцене Нижегородского ТЮЗа прошли гастроли Московского «Театра на Малой Ордынке».

С 27 по 29 сентября в Нижегородской государственной областной универсальной научной библиотеке им. В.И. Ленина состоялся ежегодный историко-литературный фестиваль «Читай Горький».

30 сентября в селе Васильевка Сеченовского округа после ремонта открылся Дом культуры.

30 сентября в Нижегородском театре драмы имени М. Горького прошёл Фестиваль одного дня Академии кинематографического и театрального искусства Н.С. Михалкова «Русские классики. К 225-летию А.С. Пушкина».

С 30 сентября по 3 октября в Нижегородской области прошёл VIII Международный литературный фестиваль имени Максима Горького.

Октябрь

1 октября в Семёнове после модернизации по модельному стандарту открылась центральная детская библиотека имени А.М. Горького.

С 3 по 5 октября в Арзамасе прошла XV Всероссийская конференция «Сохранение и возрождение малых исторических городов и сельских поселений: проблемы и перспективы. Комплексные программы развития».

4 октября в выставочном Пакгаузе открылась выставка «Древний Египет. Искусство бессмертия».

5 октября в Нижегородской филармонии им. М. Ростроповича открылся 87-й концертный сезон.

5 октября в Большом Болдине состоялся V фестиваль «Над миром – Болдинская осень».

7 октября в посёлке Ужовка Починковского муниципального округа открылась модельная библиотека.

11 октября в Ленинском районе Нижнего Новгорода после модернизации открылся центр семейного чтения.

13 октября в Тоншаеве состоялся XIV Межрегиональный фестиваль марийской культуры «Тошто марий пайрем».

14 октября в деревне Большое Никитино Уренского округа после ремонта по проекту «Вам решать!» открылся Дом культуры.

14 октября в селе Сицкое г. о. г. Чкаловск открылась модельная библиотека.

17 октября в Центре культуры «Рекорд» открылась выставка «Армянская палитра».

С 18 по 20 октября в Арзамасе прошёл фестиваль молодёжных театров и сольных исполнителей художественного слова «ПРОтеатр».

С 19 октября по 4 ноября в Нижегородском театре оперы и балета прошёл 38-й фестиваль «Болдинская осень».

17 октября в Богородске открылась переоборудованная по модельному стандарту центральная библиотека.

24 октября в Варнавине состоялись XXII «Сизовские чтения».

С 27 октября по 1 ноября в Нижнем Новгороде прошла Школа-фестиваль Леонида Лундстрема.

29 октября в посёлке Арья Уренского муниципального округа открылся новый сельский Дом культуры.

29 октября в Русском музее фотографии открылась выставка «Жизнь в фотографиях», на которой представлены более ста фотографий, сделанных с 1950 по 1989 годы основателем и первым директором музея, фоторепортёром ТАСС Владимиром Войтенко.

29 октября в посёлке Тонкино после модернизации открылась центральная библиотека.

Ноябрь

1 ноября в селе Линда Нижегородской области после капитального ремонта открылась Детская школа искусств.

2 и 3 ноября в Нижегородской филармонии им. М. Ростроповича прошёл XXXI фестиваль «Новые имена».

Со 2 по 4 ноября в Нижегородской области прошли мероприятия в рамках Всероссийской акции «Ночь искусств».

30 ноября в здании Нижегородского государственного художественного музея состоялось награждение лауреатов Литературной премии «Болдинская осень» 2024 года, организованной Министерством культуры Нижегородской области и областной универсальной научной библиотекой им. В.И. Ленина. Победителями стали Данила Катков, Саратов (номинация «Проза»), Дмитрий Терентьев, Нижний Новгород (номинация «Поэзия»), Анна Маркина, Люберцы, Московская область (номинация «Литературная критика»).

Подготовил Олег СУХОНИН

Русский смех

Павел ЛАПТЕВ

Выкса

ПОЦЕЛУЙ

Есть телепередача, где журналист ходит по лесу и целует животных. Ну, представьте себе, лежит в норке зверёк, спит и смотрит сладкий сон. И тут огромная волосатая рука хватает его и вытаскивает на свет божий в холод и дождь. Потом нежную мордочку касаются толстые слюнявые губы.

А Камерунов даже супругу не целовал последние несколько месяцев. Ну вот не хочется, и всё тут. Но сам ей не сознавался, чтобы не обидеть. Даже на сорокапятилетие жены, за праздничным столом, он чуть прикоснулся к её щеке, когда поздравлял. Потом ушёл на кухню, якобы за жареной уткой, а на самом деле промыть рот.

Брезгливость? Отнюдь. Такого не было. У супругов даже интимная жизнь, хоть и превратилась в рутину за два десятилетия, всё-таки присутствовала. Без поцелуев.

Вот Камерунов и полюбил очень телепередачу с поцелуями, чтобы на бобрах и зайцах вновь обрести навык этого ритуала.

– Стареешь, – сказала как-то супруга лежащему на диване перед телевизором Камерунову.

Он ничего не ответил, что ж отрицать очевидное.

– Всё о политике раньше смотрел по телеку, за выборами американскими следил. А когда мужик этот с рыжими волосами выиграл, успокоился. Стал о животных глядеть.

– Тебе какое дело, что я смотрю, – нехотя ответил жене Камерунов.

– Какое дело! – возмутилась супруга. – Если бы женщина стала президентом США, ты бы не был таким спокойным.

– Я не из-за этого о животных смотрю. Просто нравится отношение ведущего к братьям меньшим, – сознался Камерунов. – Видишь, как он зверюшек любит. Не то что... ты меня... Я тебя... То есть мы с тобой.

Но супруга не приняла правду.

– Это говорит лишь о том, что ты женоненавистник! – выдала она.

Камерунов покачал головой и спокойно ответил:

– Неправильный вывод...

И, когда они легли спать, в темноте, Камерунов представил супругу бобром, нет, бобрехой и – поцеловал. Ему понравилось. Да и ей тоже. Из соображений возрастного ограничения рассказа автор не будет описывать их дальнейшие действия. Скажет лишь, что Камерунов стал представлять жену в разных образах, и не только животных, но и, например, цветов или инопланетянок. Научил супругу этому грешному делу. И отношения их вылезли из рутины и формальностей. Бабочками в животе вернулись какие-то давно забытые чувства.

Ведь, как говорил Гёте, при поцелуе две души прикасаются друг ко другу кончиками губ. А если больше, чем кончиками, если всеми что есть, целыми слюнявыми? Да ещё и язык... Фу!

ПРОВИТАМИН

Реклама не только двигатель торговли, она и двигатель красоты. Если зайти в ванную комнату к девице Виолетте, то можно попасть в музей современной косметики. На стенах нет свободного места – полки, полочки, крючки. На них, как в маршрутке в час пик, теснятся флаконы, бутылки, тюбики, наборы косметики. «Орифлеймы» и «Лореали», «Шваркопфы» и «Эйвоны» представляют дневные и ночные кремы, шампуни, гели и скрабы. Всё это воинство красоты пополняется регулярно по мере выхода фирменных журналов.

Реклама не только двигатель торговли, но и средство от ума. Виолетта, решив, что раз провитамины из косметики могут впитываться в кожу, то так можно и питаться вообще.

Целый день она ничего не ела. И голодным уже вечером достала из холодильника сметану и натёрла ей лицо. Есть не расхотелось. Тогда она разогрела в микроволновке сосиску и всю истёрла о живот. Немного полегчало, и Виолетта подумала, что внедрение продуктов через кожу началось. Дальше она разделась совсем догола, достала из холодильника вчерашний суп, залезла в ванну и опорожнила на себя кастрюлю. При этом также втирая в тело картофель, капусту и мясо. Виолетта не стала сразу смывать суп, посидела в ванне немного. Потом помылась и легла спать.

Но не спалось ей. Несмотря на то, что было изведено большое количество продуктов, почему-то хотелось есть.

Виолетта прошла на кухню и жадно втёрла в ягодицы варенье, а в бёдра пряники со сгущёнкой. Налила молока в кастрюлю и поставила в неё ноги. Потом вся в сладком всё же пошла в кровать.

Но опять не спалось никак. Голод не проходил. Неугомонная девушка быстренько сварила пельмени и вся с головы до ног ими натёрлась в ванной. Легла там и наконец заснула. И снился ей мир, состоящий из еды. Как в детской сказке с молочными реками и кисельными берегами. Добавились сюда сосиски кораблей, в небе облака пельменей и косяки кур-грилей. А вокруг фруктовые сады и шоколадная дорога, ведущая к замку-торту.

Утром Виолетта проснулась вся замёрзшая. Помылась, оделась и побежала в магазин.

Там она мне встретилась и рассказала вчерашнюю эту историю, а я – вам. Сказала, что всё равно частично продукты впитались в тело. Потому она будет продолжать сей эксперимент.

В магазине Виолетта взяла бутылку розового мартини и пригласила вечером меня к себе на ужин – натираться.

Пойду, рекламе ведь надо верить.

Игорь АЛЬМЕЧИТОВ

Воронеж

«ВЫ, ГРАФ, ВЕРОЯТНО, ЗАБЫЛИ...»

Как писал в своих «Старых записных книжках» русский поэт, историк и публицист, князь Пётр Андреевич Вяземский: «Есть лгуны, которых совестно называть лгунами: они своего рода поэты, и часто в них более воображения, нежели в присяжных поэтах».

Одним из таких «поэтов», который едва поспевал за собственным воображением, можно было смело назвать графа Красинского. И, хотя князь Вяземский лишь косвенно и вскользь упомянул конкретное имя графа из древнего польского рода, вероятнее всего речь шла именно о графе Винсенты Красинском.

В силу геополитических процессов, происходивших в Европе на рубеже XVIII–XIX веков, граф Красинский успел послужить и в польской, и в наполеоновской армии и в итоге закончил свою долгую карьеру не только в звании генерала-адъютанта при императоре Николае I, но ещё и членом Государственного Совета Российской империи. Красинский считался человеком выдающейся храбрости и непосредственно на полях сражений заработал немало боевых наград и благодарностей от командования, но, несмотря на значительные достижения на военном поприще, в рассказах современников он так и остался то ли вдохновенным фантазёром, то ли неумеренным лгуном...

Начиная рассказывать о чём-либо якобы имевшем место, граф Красинский уже не мог остановиться и к концу едва ли не каждой из своих «былей» заходил в фантазиях так да-

леко, что уже и сам путался «в показаниях», не в состоянии завершить свои истории сколько-нибудь внятными образом. Либо, нисколько не краснея и со вполне серьёзным лицом (возможно, искренне веря во всё то, что выдавало его горячее воображение), он рассказывал настолько дикие «вполне достоверные случаи», что едва ли не с самого начала окружающим становилось ясно, что доверять подобной чуши просто невозможно.

Как пример, однажды граф Красинский рассказывал, что лично стал свидетелем необычной ситуации, как одного усопшего подготовили к погребению. Тело положили в гроб и заколотили крышку гвоздями. После чего на некоторое время оставили гроб внутри фамильного склепа перед тем, как закопать в землю. По словам графа Красинского через несколько часов крышка гроба открылась сама. «И что послужило причиной?» – с испугом спросили собеседники графа, ожидая какого-то жуткого продолжения истории. «Волосы и борода, – спокойно и с невозмутимым лицом ответил Красинский. – За день они так разрослись у мертвеца, что вышибли крышку гроба!»

Но были и другие истории, где граф настолько забывался, что приводил в пример живых свидетелей своих деяний, напрочь забывая, что те могли не только опровергнуть его истории впоследствии, но и находились рядом с ним и также слушали его небылицы. Небылицы, где они сами выступали непосредственными участниками невероятных приключений и где вдохновение рассказчика «на несколько корпусов» опережало его «славные деяния».

Во время службы в наполеоновской армии граф Красинский со своим конным полком очень удачно атаковал неприятеля и тем якобы спас судьбу некоего сражения. По его словам, сразу после боя к нему лично прискакал Наполеон Бонапарт со свитой и, не успев спешиться, эмоционально произнёс: «Винсент, я обязан тебе своей короной!» Подразумевая, очевидно, что Красинский со своим полком в тот день не только решил исход сражения, но и спас всю наполеоновскую империю от возможного разгрома. Наполеон, по словам рассказчика, снял с себя звезду Почетного Легиона и надел её на него...

После рассказа о своем подвиге, граф Красинский победно оглядел онемевших от восторга слушателей. «Граф, почему же вы не носите сей звезды?» – робко спросил один из присутствовавших. Красинский потерялся на несколько секунд, судя по всему, не подготовившись к настолько простодушному и очевидному вопросу. Но быстро опомнившись, он с апломбом произнёс: «Я сразу возвратил ее императору, господа, потому что не признавал действия моего достойным подобной награды!»

Но были истории и того комичнее. Во время рассказа об очередном «ратном подвиге», причём в присутствии немалого количества слушателей, граф Красинский настолько увлекся описаниями своих великих деяний, что сам окончательно запутался в них. Не зная, как вывернуться из неловкой ситуации, он указал рукой на своего адъютанта, некоего молодого дворянина по фамилии Вылежинский, словно призывая того в свидетели и ожидая подтверждения всего сказанного уже от него. Но Вылежинский, и без того утомлённый небылицами Красинского, лишь развёл руками: «Ничего не могу на это сказать, господа, – со вздохом заметил он, – вы, граф, вероятно, забыли, что я был убит при самом начале сражения».

Тем не менее, несмотря на настолько фантастические истории, справедливости ради стоит заметить, что в достаточно объёмном списке наград «курьёзного графа» всё же был и орден Почетного Легиона – одна из высших наград Франции, которая никогда не вручалась «по случаю и на юбилеи», а его кавалерами становились за действительно выдающиеся достижения, как на военном, так и на гражданском поприщах.

ИРОНИЧЕСКИЕ СТИХИ

Анатолий СОКОЛОВ

Что-то с головой?

Козырьком вперед бейсболка.
 Это значит – не крутой.
 Совесть есть и чувство долга.
 Значит, я – вообще отстой.
 Нет на мне татуировок,
 Рванных джинсов не ношу.
 И в брейк-дансе я неловок.
 Не курю я анашу.
 Как же я отстал от жизни!
 Не приемлю даже рэп!
 Все заботы и все мысли
 Про насущный только хлеб.
 Но прическа современна:
 Нет на темени волос.
 Вот в чем крут я несомненно
 Даже брить их не пришлось.
 Брак законный, не гражданский.
 В общем, лох. Хоть волком вой.
 Нрав совсем не хулиганский.
 Может, что-то с головой?

Сергей ШИЛКИН

Салават

* * *

Навоза кучу разгребая,
 Сказала курица рябая,

В дерьме узрев нежданно жемчуг:
 «Эх, красота... но всё равно
 Я никогда на пару дюжин
 Огромных розовых жемчужин
 Не променяю скудный ужин –
 Одно пшеничное зерно».

* * *

Вот такая вот штука,
 Понимаешь, в болоте –
 Концентрация «духа»
 При гниении плоти.

А в людском же «болоте»
 Перевертыш, братуха –
 Всё внимание к плоти
 При отсутствии духа.

Валерий РУМЯНЦЕВ

Сочи

ПАРОДИИ

О сокровенном

*Между поэтом и музой есть солнечный тяж,
 капельницею пространства шумящий едва, –
 чем убыстрённой поэт погружается в раж,
 женская в нём безусловней свистит голова.*

(Алексей Парщиков)

Меж поэтом и Музой – уж так повелось изначально –
 Существует искрящийся солнечный тяж.
 Только звякнет поэт своей лирой печальной,
 Тут же Муза его тянет весело в раж.

Изливаются рифмы дождями на грешную землю,
 Замирают эстеты, читая стихи нараспев...
 В мире нет простоты, и я это с восторгом приемлю
 И кормлю пирогами украшенных мальвами дев.

Грандиозность ботинка, скользящего с нервной лодыги,
 Неразгаданность тайн, что ещё предстоят впереди,
 И потоки стихов, уходящие в новые книги,
 Наводнение чувств вызывают в груди.

И свистит голова, погружённая в душу поэта,
 И колёсный мужик шлёт тепло с высоты...
 Если кто-то прочтёт и осмыслит всё это,
 Мне придётся добавить ещё темноты.

Язык мой – враг мой

*Ах, кто мне дал язык,
 Страшней моих вериг,
 Страшней всего, чем мог
 Вознаградить с рожденья,–
 И ничего я утаить не смог
 И выболтался весь до отвращения.*

(Григорий Корин)

Ах, кто мне дал язык,
 Кто подложил свинью?
 Я разглашать привык
 Всё, что ни узнаю.
 Мой злейший враг– язык,
 Я это ясно вижу.
 Он в рот ко мне проник,
 Чтоб быть к мозгам поближе.
 Я выболтался весь.
 До отвращения пусто...
 Тяжёлая болезнь –
 Служение искусству.

Обманчивые надежды

*И куплю зачем-то лотерейку,
А потом – корабликом пушу...*

(Анатолий Поперечный)

Покупаю лотерейки,
Чтоб корабликом пустить.
Что мне жалкие копейки!
Я, друзья, люблю кутить.
Пусть кораблики по свету
Приплывут к хорошим людям,
Лотерейному билету
Каждый рад, конечно, будет.
Вовсе я не помогаю
В людях жадности развиться:
Я кораблик запускаю,
Лишь проверив по таблице.

Рядом с другом

*Глядел я на друга при свете огня,
Среди полуночного гуда,
С надеждою смутною, что на меня
Он тоже смотрит как на чудо.*

(Лев Смирнов)

Полночь. Гуд стоит вокруг.
У камина– я и друг.
Свет огня колеблет тени...
Друг мой, несомненно, гений.
Да и я, признаться, тоже.
И мы в этом с ним похожи.
Друг на друга, как на чудо,
Мы глядим, не слыша гуда.
Может, гуда в полночь нету,
А гудят мозги поэта?

Большие надежды

*Всего дано мне было в изобилие,
так чем же я не баловень судьбы?--
друзья любили, женщины любили,
вот если бы, ах, если б да кабы!..*

(Евгений Елисеев)

Собрать стишат штук двести или триста.
Издать их. Разве я не баловень судьбы?
Ах, только б не попал мой сборник пародисту.
Ах, если бы, ах, если б да кабы!..

Поэтическое мурлыканье

*Мурлычу... Может быть, пустяк,
а сам я с виду полоумен,
но, слава богу, не иссяк,
иначе бы упал и умер.*

(Игорь Инов)

Когда стихи писать нет мочи,
Сижу, мурлычу, словно кот.
А это значит, между прочим,
Что в голове процесс идёт.

Мурлыканьем я намекаю,
Что не иссяк, хвала богам:
Коль в голове звук возникает,
То есть источник звука там.

Юрий ТУБОЛЬЦЕВ

Москва

Абсурдистика

Ходи на тусовки, где ты туз, а не на тусовки, где ты Тузик.
Любимая фраза Колобка: «Где была моя голова!»

Есть вершины, которые опаснее ям.

Учись на ошибках искусственного интеллекта, если сможешь их обнаружить.

Курица объясняет свое неумение летать нелетной погодой.

Для своей «новой» жизни – возьми с собой новые грабли.

Дурак грабли считает вторым шансом.

Агрессия в Генах, говорил Чебурашка.

Посеешь «потом», пожнешь «никогда».

Сытая обезьяна никогда не станет человеком.

Бойся маяков, стоящих у бухты-барахты.

У мягких игрушек железное терпение.

Где два руля, там ситуацию не разрулить.

Дурак становится все глупее и глупее и так до бесконечности, распадаясь на миллионы гражданских особей.

Эдуард КУЗНЕЦОВ

РАЗГОВОРЫ, РАЗГОВОРЫ...

(Диалоги под присмотром пародистов)

Диалог – это и основа общения людей и одна из главных составных частей литературного произведения. Он и двигатель сюжета и показатель мастерства автора: ведь за разговором двух должна ощущаться индивидуальность каждого – возраст, пол, образование, национальность, интеллект...

Поскольку диалоги играют столь важную роль в литературных произведениях, на них самое пристальное внимание обращают пародисты – наиболее придирчивые читатели и критики*. Пародии в форме диалогов редко бывают оригинальной находкой пародистов, почти всегда они являются переиначенным продолжением того разговора, что в той или иной степени состоялся в первоисточнике. Переделки зачастую оборачиваются откровенной насмешкой и тогда рядом с такими собеседниками, как, например, Ленин или Вера Инбер, могут появиться и вовсе необычные: волк, Эльбрус, ёлка и проч.

Пародисты желают быть «в теме» тех произведений, что находятся на слуху у публики; отсюда – откровенный перебор с вниманием к «шлягерным» текстам. Десятки пародий были написаны на «Диалог у телевизора» В. Высоцкого («Ой, Вань, гляди какие клоуны...»), на «Диалог

* Существует огромный пласт драматургических пародий (на пьесы и театральные постановки), целиком построенных на диалогах, но их специфика требует отдельного разговора.

у новогодней ёлки» Ю. Левитанского, ставший популярным благодаря музыке С. Никитина (« – Что происходит на свете? – А просто зима...»). В диалогах «под Левитанского» что только ни обыгрывалось: и ёлочка, срубленная под Новый год, и сладостное предчувствие марта у котов, и возможности доения белого бычка, строительство собственного памятника, яйценоскость на куриной ферме, дебаты в Думе по поводу пенсий, современная поэзия и проч.

М. Галесник:

– Что происходит в поэзии? – Просто бедлам.
 – Просто бедлам? Вы считаете? – Да, я считаю.
 Я ведь давно эти книги уже не читаю.
 Видимо, скоро писать перестану и сам...

В пародии М. Галесника заявлен разговор о творчестве, о создании стихов. Для поэтов (а тем более пародистов) тема эта самая животрепещущая: у кого что болит...

Пародисты не стесняются собственное мнение преподнести от имени поэтов, заставляя их признать свои оплошности, а заодно и выдумки пародистов. Например, от имени М. Дудина лихо высказался Б. Кежун («Разговор с порталными кранами»):

...Я с песней весёлой
 Повсюду гуляю
 И всё, что увижу,
 На крюк подцепляю!

Пусть брызжет в лицо мне
 Стихов моих пена, –
 Поэзии море,
 Ты мне по колена!..

Иногда оценки поэтического творчества приписываются сторонним наблюдателям, которым не откажешь в безупречном вкусе. Например, много повидавший на своём веку Эльбрус с высот своих заснеженных вершин даёт совет популярному поэту (В. Орлов в пародии на Р. Гамзатова):

Не нарушай покой моих вершин
 Излишним шумом. Шума здесь в избытке.
 Укройся в сакле. И сиди... пиши...
 Иль пей безалкогольные напитки...

Если Эльбрус как бы слегка пожурил Гамзатова, то древнегреческий поэт Гесиод отозвался о стихах Ю. Мориц вполне доброжелательно (Ю. Шанин «Разговор с Гесиодом»):

...Издав имитацию вздоха,
 Сказал Гесиод мне вчера:
 «Слагаешь, о Юнна, неплохо.
 Прошу на Парнас к нам. Пора!»

На что поэтесса ответила несколько неожиданно, то ли демонстрируя поэтическую скромность, то ли заикливость на бытовых проблемах:

Спасибо за отзыв хвалебный,
 Но что до Парнаса, прости,
 Мне – некогда: в среду наш хлебный
 Работает лишь до пяти...

Доходит до того, что диалог возникает даже с самим Господом. В пародии Е. Минина на Г. Дробиза поэт пытается оправдаться: «Все годы я трудился неустанно, / Чтоб написать поменьше ерунды», но это не спасает его от жёсткой критики:

Изрёк Господь в небесном арбитраже:
 – Перечитал творенья все подряд,
 С Белинским посоветовался даже,
 И всё-таки тебе дорога – в ад!..

Но чаще всего своё мнение о книгах высказывают не экзотические авторитеты, а простые читатели. По мнению С. Смирнова, они могли так рассуждать о поэзии А. Вознесенского:

– Ну как?
 – Да пишет вроде так он:
 И – да, и – нет,
 и даже с гаком.
 – А что приходится на гак?
 – Не важно что,
 А важно как!

О противоречивых оценках литературного творчества напоминает пародия Б. Кежуна на Л. Ошанина «Она говорит, и я говорю»:

Она говорит: – Вот рожь! – говорит,
 А я говорю: – Солома!
 Она говорит: – Фома! – говорит,
 А я говорю: – Ерёма!
 <...>
 Она вся горит, и я весь горю,
 И ей говорю с угрозой:
 – Да я, говорю, стихом говорю!
 Она говорит: – Нет, прозой!

В пародии намечен важный момент в спорах и дискуссиях – взаимонепонимание беседующих сторон. Каждый из участников отстаивает (или просто утверждает) своё личное мнение, не обращая внимания на слова оппонента. Эта извечная болезнь беседующих нашла отражение и в пародиях XIX века. В 1865 году Д. Минаев составил любопытный дуэт из лирических строк А. Фета и своей пародии на стихотворную публицистику М. Розенгейма, обозначив его как столкновение «бессознательного ликования с бессознательным хулением». Вот его начало:

*Фет: Я пришёл к тебе с приветом,
 Рассказать, что солнце встало.*

Розенгейм: Я пришёл к тебе с памфлетом,
 Рассказать, что нынче летом
 По трактирам и буфетам
 Всюду мясо вздорожало...

Каждый из участников гипотетического дуэта озабочен высказыванием лишь собственных соображений, не желая слушать собеседника. Каждый говорит о своём: Фет – о чистой лирике, Розенгейм – о социальных проблемах.

Говоря о творчестве, иногда задевают проблему поэтических переключек. А. Иванов, используя созвучия одного из стихотворений Н. Тряпкина со знаменитым «Вороном» Э. По, спрогнозировал диалог поэта с мрачной птицей (в его ритмах и стиле). Правда, его тему он перевёл в область претензии Тряпкина на славу и популярность, которую вещей ворон категорически отверг:

«Отвечай-ка мне без спора,
 буду ль я прославлен скоро,
 И когда по всей России
 обо мне промчится слух?»

Погрустнела ворон-птица,
 головою вниз клонится,
 Жутко стало отчего-то;
 темнота вокруг и тишь...

Наконец, расправив перья,
 скрипнув клювом, точно дверью, –
 «Nevermore!» – прокаркал ворон,
 что по-русски значит «шиш».

Другой постоянно повторяющейся темой разговоров можно считать лирические диалоги о любви. Их сюжетные решения могут иметь разнообразные оттенки, но вмешательство в любовные дуэты пародистов приводит порой к самым неожиданным поворотам. Любопытен разговор деревенской влюблённой пары (поверхностно приобщённой к достижениям цивилизации) из пародии А. Иванова на Н. Краснову:

– Что ж ты, сукин кот, меня залапал,
 Это же гумно, а не панель.
 Встал бы на колени лучше на пол
 Али преподнёс в презент «Шанель»!

Сел бы лучше рядом на диване,
А не то заместо чувств обман!
Может, даже звать тебя не Ваня,
Может, ты теперь Дон Иван?

– А чего ж, – смеется он, – не лапать,
Нешто я какой-то моветон.
Ты ведь, – говорит, – едрёна лапоть,
Тоже ведь не Лида Гамильтон!

Если в пародии Иванова основное внимание уделено псевдодеревенскому выговору персонажей, то в пародии В. Бахнова на С. Евсееву и Ю. Панкратова упор сделан на обыгрывании литературно-бытовых вкусовых промахов поэтов. Пародия написана на конкретные откровения С. Евсеевой:

...И женственностью я богата,
Как деньгами моя страна.

Ты нужен мне, к чему скрывать!
Так нужен, как стране валюта,
Но мне тебя не разменять.

Ты отчего так недоверчив,
Как ящурный контрольный пост?

И на не менее конкретные откровения Ю. Панкратова:

Тебя во сне я обнимаю,
Как родниковую луну.
Тебя на руки поднимаю,
Как поднимают целину.

Своеобразные строки поэтов адекватно отразились в пародии «Диалог двух поэтов»:

ОН. Ты – боевая баррикада,
Ты – неприступный бастион.

Я на тебя бросаю взгляды
Так,
как мужья бросают жён.

ОНА. Да, крепость я, скрывать не буду.
Но я сдаюсь тебе притом,
Как после праздников посуда
Сдаётся в ближний «Гастроном».

ОН. От слов прекрасных сердце тает!
Ты всех на свете мне милей,
Тебя мне так же не хватает,
Как
до полочки трёх рублей.

ОНА. Ты нужен мне, скрывать не смею,
Как в жаркий летний день – сидро.
Ты нужен мне, как пять копеек
Необходимы для метро.

ОН. Спасибо за слова признанья.
Ведь без тебя я, например,
Как без воды горячей баня,
Как без свистка милиционер!

ОНА. Тебе любовь я отдаю
И только на одно надеюсь –
Как без кондуктора троллейбус –
Лишь на сознательность твою.

ОН. Твой слог возвышен и прекрасен.
Твой выбор вовсе не напрасен:
Хранить любовь я буду рад,
Как сберегательные кассы
Вклады
трудящихся
хранят!

ОНА и ОН. Как много чувств высоких есть.
Кончаем... страшно перечесть.

Есть пародии, базирующиеся исключительно на внешних приметах первоисточников, а есть те, что пытаются заглянуть несколько глубже. В них узнаваемость оригинала соседствует не только с иронией, но и с общечеловеческими проблемами. М. Медведев в пародии на Э. Радзинского («Ещё раз про это же») сумел сказать больше, чем можно было ожидать:

Он. Можно присесть за ваш столик?

Она. Да.

Он. Вас уже обслужили?

Она. Нет.

Он. Вы здесь одна?

Она. Да.

Он. Вас зовут Таня?

Она. Нет.

Он. Неужели Наташа?

Она. Да.

Он. А вы, конечно, стюардесса?

Она. Да.

Он. Вас удивляет, как это я догадался?

Она. Нет.

Он. Как замечательно, что мы с вами встретились! Не правда ли?

Она. Да.

Он. Ты меня любишь?

Она. Нет... То есть да.

Он. Тебе не надоела моя болтовня?

Она. Нет.

Он. Я хочу, чтобы ты стала моей женой. Хочешь?

Она. Да, да, да!

После такой пародии напрашивается упоминание о подтексте – подразумеваемом смысле, прячущемся за сказанными словами. Вслед за Хемингуэем и иногда за Ремарком некоторые из наших «шестидесятников» не совсем умело начали осваивать диалоговый подтекст. Злоупотреблявших этим приёмом А. Гладилина и В. Аксёнова неоднократно пародировали сатирики.

В. Лейбсон на А. Гладилина:

– Тит, иди молотить!

– Брюхо болит.

– Тит, иди щи хлебать!

– А где моя большая ложка?

(От автора: давно известно, что иногда человек говорит одно, а думает – другое. Автор поэтому повторяет этот ключевой для развития темы диалог, пытаясь обратить внимание читателя на то, о чём думают герои).

ОНА. (Без обиняков. Надо сразу. Всё равно нехорошо. Интересно изменится ли у него лицо? Пока были цветочки. Решайся. Ну!)

– Тит, иди молотить!

ОН. (Кажется, я выдержал. Только не покраснеть. «Наверх вы, товарищи, все по местам!». Нет, врёшь. И мы с ошибочными теориями Фрейда знакомы и о Джеймсе Джойсе кое-чего слышали. Экзистенциализмом нас – кукиш – не купишь).

– Брюхо болит!

ОНА. (Он молодец. Только побледнел. Нет, в нём что-то есть. Я сразу это поняла, когда увидела его с Толиком за столиком. Брюхо? Намекает на то, что цыплятами его не удивишь – мол, может слопать хоть десяток порций табака. Он умный парень. Сейчас мы его поймем).

– Тит, иди щи хлебать!

ОН. (Вот оно как бывает. Состояние, которое называют полуморочным. Надо срочно что-то выпить. Что мне остаётся. Всякая броня давно уже разбита. Сдавайся. Пусть только чувствует, что и мы не лаптем щи хлебаем).

– А где моя большая ложка?!

Бесспорно, можно достигать немалого чувственного эффекта и без особенного стремления к подтексту. Это продемонстрировал А. Иванов в прозаической пародии на В. Амлинского «Двое в комнате». В ней ощущение безысходности и неблагополучия возникает мгновенно:

Я смотрю на её полные загорелые ноги, и в голове у меня нет ни одной мысли.

– Что будешь пить? – спрашиваю я.

Она усмехается.

– В завязке. И тебе советую.

Мы молчим. За окном темнеет.

– Знаешь... – говорит она и запинаясь, – в общем я Димку люблю... И выйду за него замуж.

В голове у меня пустота. Водки в холодильнике нет – это я знаю точно. Жаль.

– Он мещанин, – говорю я наконец. – Он интеллигент и рахит. Параноик и психопат. Делирик.

Даша плачет.

Иногда пародии пишутся просто в расчёте на улыбку; повод подбрасывают сами поэты. Ф. Искандер, измученный ошибочными телефонными соединениями, написал:

Однажды позвонишь в химчистку –
И в страхе отшатнёшься – морг.

М. Владимов в пародии «Телефонная месть» в форме телефонных разговоров повернул сюжет в иное русло:

Звонки по делу, не по делу
Мне не давали спать и есть.
Когда всё это надоело,
Я страшную придумал месть.
Едва взорвав покой квартиры,
Звонок залает, как щенок,
И спросят: «Секция сатиры?» –
Отвечу: «Нет! Ремонт чулок!»
«Куда везти вагон повидла?»
Я дам ответ: «В Ювелирторг».
«Арагви?»
«Нет, медвытрезвитель!»
«Дом отдыха?»
«Нет, – гаркну, – морг!»
Всех отшатнул.

Но уличили.

И с АТС грозил скандал:

«Вы Искандер?» – меня спросили.

«Нет, Винокуров!» – я сказал.

Пародийные диалоги могут приобретать и неожиданные формы. Например, в пародии А. Иванова на Р. Казакову беседа поэтессы с понравившимся ей мужчиной вылилась в жестикуляцию. Отталкиваясь от строк Казаковой «разговаривал руками любящий мужчина» пародист развернул немую картину любовного диалога:

Повстречался мне нежданно
и лишил покоя.
И что я ему желанна
показал рукою.

Молча я взглянула страстно,
слова не сказала
и рукой, что я согласна,
тут же показала...

Не обошли пародисты и диалоги и на довольно скользкие темы. В находках такого рода несомненно пальма первенства принадлежит А. Иванову. В качестве собеседника в пародии на В. Кострова он привлёк не представителя человеческой расы или животного, а всего-навсего... задницу («Разговор с задницей»):

Я к тебе обращаюсь,
Хорошая ты моя...
...Ты по натуре мягкая,
Ты же должна понять...

Впечатляют успехи Иванова и в освоении двусмысленностей. Скользя по лезвию бритвы, иной раз нарочно, а чаще походя, он мог приписать поэтам необычные звания или смоделировать для них неловкие ситуации. В пародии «Разговор по душам» он заставил М. Луконина (или его лирического героя) высказаться о себе несколько затейливо:

– Без вас я –

ноль!

С тобою – два нуля!!

Можно отметить ещё одну особенность диалога как литературного приёма. Умелое включение его в ткань художественного произведения позволяет существенным образом увеличить его объём. Многословный диалог, заполняющий порой несколько страниц, при пересказе вполне может уместиться в один-два абзаца. Этим техническим приёмом широко пользовались (и с успехом!) самые знаменитые авторы. А. Дюма, находясь в финансовых и долговых тисках, вынужден был использовать затянутые (и часто бессодержательные) диалоги для достижения повышенного «листажа». Пародисты, конечно же, замечали подобные ухищрения и по-своему на них реагировали. Пародия на пустопорожние диалоги Дюма:

- Вы видели его?
- Кого?
- Его.
- Кого?
- Дюма.
- Отца?
- Да.
- Какой человек!
- Ещё бы!
- Какой пыл!
- Нет слов!
- А какая плодовитость!
- Чёрт побери!

Пожалуй, к необычной форме пародий на диалоги можно отнести и появление обширного цикла А. Хорта «Булгакиада», в котором за основу взят эпизод из повести М. Булгакова «Собачье сердце», где профессор Преображенский узнаёт о чтении Шариковым переписки Энгельса с Каутским. Хорт стилизовал их диалог в манере, присущей известным современным писателям – В. Аксёнову, А. Битову, М. Жванецкому, Ф. Искандеру, Т. Толстой, Л. Улицкой и другим. Вот отрывок из его пародии на В. Аксёнова «Дружище Фил и старина Пол»; в ней профессор фигу-

рирует под именем Фил, а Шариков представлен как Пол Шарк:

На исходе уик-энда в конце недели мы видим профессора Фила Преображенского в его личном плейбойском пентхаузе. Вместе с ним за тейблом киряют космополит Ваня Борменталь, а также похожий на рекламу «Кэмела» Пол Шарк, смесь бульдога с носорогом. Участники кайфа набрались до такой степени, что полуостров им казался островом.

Как всегда неожиданно дружище Фил задал поповый вопрос.

– Скажи, плиз, старина, ты читаешь что-нибудь кроме похабных лозунгов, «телег» энд «Геральд трибюн»? – обратился питерский интеллектуал к собутыльнику с пёсым фэйсом.

– Йес, май фрэнд, – протявквал в ответ старина Пол, уписывая супервалютного омара. – Переписку Энгельса с его политическим оппонентом... – Блевотина, дружище.

Фил Преображенский начал выяснять, от кого из корреспондентов диссидента Шарка тошнит больше.

– От обоих больше, дружище, – икнув, признался старина Пол. – Особенно от обоих...

Одной из примечательных черт прозы Аксёнова было использование жаргона. Это отмечено и в пародии Хорта 90-х годов, но начиналось это значительно раньше – в «оттепель» 60-х. Тогда же по следам популярного «Звёздного билета» появилась пародия М. Медведева «Звёздный паштет». В ней нашлось место диалогу, характерному для молодёжной прозы тех лет:

- Сэр!
- Миледи.
- Ну, как конь?
- Хиляет.
- Железно?
- Законно.
- Ага.
- О,кэй!

Фактически ничего не сказано, но разговор как будто состоялся. Подобных диалогов, как и пародий на них,

в литературе предостаточно: в них подробнейшим образом воспроизводятся стили псевдонаучных произведений, фантастических или производственных романов, диалекты сельских аборигенов и аргю криминальных элементов. Пародистов особенно привлекают вычурные интонации различных слоёв населения, живописно (но порой навязчиво) воссоздаваемые авторами.

Диалог – разговор двоих. Нетрудно понять, как важно его участникам суметь высказать то, что накипело, что может иметь важные последствия. Но, пожалуй, не менее важно, чтобы собеседник тебя услышал, чтобы сказанное не кануло в пустоту, а нашло понимание и отклик. Ну, хотя бы у пародиста...

Семейное чтение

Татьяна РОМАНЕНКО

Ангарск

КАМЕШЕК С ОЛЬХОНА

Глава 1. Чужая вещь

– Тётя Оля, ну, пожалуйста, пусть Рома отвезёт этот камешек на Ольхон! Я бы сама, но гипс с ноги только через два месяца снимут, – умоляла соседка.

– Люда, какой камень, ты о чём? – спросила Ольга Михайловна.

Ромка сидел рядом с бабой Олей на диване и внимательно слушал взрослых.

– Маленький такой камешек, кругленький. Он меньше спичечного коробка. Пожалуйста. Его нужно вернуть. Я его возле скалы Шаманка взяла...

– Людмила! – остановила соседку бабушка. – Давай я налью чай, и ты расскажешь всё по порядку, а то я ничего понять не могу.

Бабушка разлила по кружкам ароматный чай. Ромка достал из буфета печенье с конфетами, и соседка начала рассказ.

– Помните, я в прошлом году ездила в отпуск на Байкал. Турбаза у нас была на острове Ольхон. В один из походов мы пошли на мыс Бурхан к скале Шаманка. Да вы, скорее всего, видели эту скалу – её на всех картинках показывают, когда про Ольхон говорят. Гид рассказывал про шаманские обряды, про места силы, ведьмины круги и много всего интересного. Вот там-то, на этом утёсе,

я и взяла камешек. А когда вернулась домой, со мной стали всякие нехорошие вещи случаться. Но когда я дома на кухне сломала ногу, подруга решила отвезти меня к знакомой бабушке-знахарке. Та сказала, что я взяла чужое и это нужно вернуть. А у меня, кроме камня, ничего чужого и нет. Тётя Оля, не важно, кто привезёт камешек обратно, главное – вернуть его нужно!

– Ну ты и придумала, Людмила, – произнесла баба Оля. – А ты уверена, что все твои неприятности только от камня?

– Ой, не знаю, тётя Оля. Но я уже во всё готова поверить, – и тут Людмила заплакала.

Бабушка накапала в стакан каких-то капель и дала соседке выпить.

– Тётя Люда, не переживайте так. Отвезу я ваш камень, – сказал Ромка и принял у женщины коробок.

Круглый белый камешек лежал на красной тряпочке. И как только свет от лампочки попал на камень, тот засветился, отражая искорки света.

– Как красиво, – прошептал Ромка.

– Вот поэтому у я его и взяла, – всхлинула тётя Люда, – он так светился!

Ромка закрыл коробок, положил его в боковой карман рюкзака и аккуратно застегнул молнию. Чтобы не потерять.

– Ох и не нравится мне всё это, – вздохнула бабушка, когда соседка ускакала домой на одной ноге.

– Да ладно, бабуля, что со мной случится? Отвезу камень, положу на берегу, и всё. Да и жалко мне тётю Люду.

– И мне Людмилу жалко. За последний год, действительно, столько всего на неё свалилось. Но всё равно душа не на месте. Ты уж, Рома, будь аккуратнее. Уважай традиции тех, у кого в гостях.

– Не переживай, – успокоил Ромка.

– Всё, давай спать, завтра ранний подъём, – сказала бабушка и поцеловала внука в макушку.

Дождавшись, когда в комнате бабушки погаснет свет и она уснёт, Ромка включил телефон и набрал в поисковой

строке: «Скала Шаманка. Ольхон». Много интересного прочитал мальчик, но самое главное, он нашёл статью, в которой говорилось, что действительно нельзя увозить камешки с этого острова. Всю ночь Ромке снилось, как шаман пляшет вокруг костра, ударяя в большой круглый бубен. Утром мальчик проснулся раньше будильника. Весёлый и отдохнувший, он собирался в поездку. Ольхон звал его.

Глава 2. Встреча

В этом году областной слёт «Юный следопыт» проходил на острове Ольхон. Ребятам предстояло изучить столбы, оставшиеся от Курыканской стены. Ранее следопыты выезжали на реку Лену и знакомились с Ленскими письменами. Теперь им предстояло сравнить эти рисунки.

Следопытов поселили на турбазе в посёлке Хужир, чему Ромка очень обрадовался. Мыс Бурхан был недалеко от посёлка, и Ромка решил после ужина сбежать туда и вернуть камешек на место.

День был насыщенным. Открытие слёта, знакомство с ребятами из других городов, заселение по комнатам... В общем, к ужину все так устали, что просто падали с ног.

– Ты точно хочешь именно сейчас пойти на мыс? – спросил Олег. – У меня так ноги гудят, что если до мыса я с тобой дойду, то обратно ты меня на себе потащишь.

– Ладно, оставайся. Прикрой меня, если учитель будет искать. Я быстро сбегаю туда и обратно.

– Тогда держи, – и Олег достал из кармана сложенный цветной листок.

– Что это? – удивился Ромка.

– Карта острова Ольхон. Я её из атласа «География Иркутской области» вырвал.

– Да мы и так в кружке остров хорошо изучали!

– Ну, то изучали, а это своя, карманная карта!

– Спасибо, – сказал Ромка и убрал карту в карман шорт.

Ещё в автобусе Ромка рассказал другу про камешек и даже показал его. Тогда Олег сам предложил сходить вместе,

а сейчас вот – не смог. Но Ромка не сильно расстроился. Ему хотелось как можно быстрее вернуть камешек. Что-то неведомое манило мальчика на мыс. «Наверное, я так за тётю Люду переживаю, – подумал Ромка, – а то пока я тут отдыхаю, она там себе ещё что-нибудь ломает».

Ромка прибежал на мыс и обомлел. Весь берег был усыпан туристами. На Байкале сумерки длинные, и люди любовались красным диском заходящего солнца, фотографировались на фоне знаменитой скалы и просто гуляли по берегу. Ромка проходил мимо и думал, куда положить камень. Вокруг столько людей, а камешек такой красивый – его точно кто-нибудь подберёт. Мальчик вспомнил, что читал о небольших пещерах в скале.

Ромка перестегнул хлястик своих резиновых тапочек, заведя его за пятку, чтобы не свалились в воде, и шагнул в Байкал. Возле берега было мелко, и он спокойно шёл по воде вдоль скалы. Тёмное пятно пещеры мальчик заприметил издали.

Низкий, но достаточно пологий вход позволил Ромке прямо из воды шагнуть внутрь. Пещера была неглубокая и очень уютная. Солнце отражалось от воды и освещало её. Ромка огляделся по сторонам и достал спичечный коробок из кармана. В тот же миг холодная вода коснулась ног мальчика, заставляя его отступить вглубь пещеры.

«Странно, – подумал Ромка, – на Байкале нет приливов. Может, катер проплыл? Но я не слышал его шума...»

Новая волна пригнала очередную порцию холодной воды, заполняя собой весь пол пещеры и заставляя мальчика отступить ещё дальше к стене.

Ромка сжал коробок в руке и прильнул спиной к камню. Очередная волна хлестнула по коленкам. Ромка ещё плотнее прижался к стене и вдруг почувствовал, что камень за спиной стал вязким, как песок. Он обтекал вокруг тела, втягивая мальчика внутрь.

– А-а-а! – закричал Ромка и шагнул назад, наступив на что-то мягкое.

– Ой, ты чего толкаешься? – пропищал кто-то под ним.

От страха мальчик резко отскочил в сторону, при этом больно стукнулся плечом о стену пещеры.

– Ты кто? – спросил Ромка, пытаясь в последних отблесках солнца, слабо освещавшего пещеру, разглядеть, на кого он наступил.

– Ты сам-то кто? – ответили ему.

– Меня Рома зовут, а тебя как?

– Тамир, – ответил незнакомый мальчик и встал рядом.

Ромка убрал коробок в карман шорт и протянул мальчишке руку.

– Ну, привет, Тамир, – улыбнулся Ромка. – А ты чего так разоделся? Из этнографического кружка, что ли?

Мальчик недоверчиво смотрел на протянутую руку, но всё-таки решился и тоже вытянул свою руку вперёд.

Ромка хмыкнул, схватил ладонь Тамира и пожал.

Мальчик отдернул руку и удивлённо посмотрел на Ромку.

– Ты чего делаешь? – спросил он.

– Поздоровался, – ответил Ромка.

Тамир отошёл к стене пещеры и сел, скрестив под собой ноги. На нём был серый кафтан или куртка (Ромка не мог вспомнить, как называется такая одежда) с косой застёжкой на одно плечо, по воротнику шли три полоски. Серые штаны были заправлены в странные сапожки – их носок был задран вверх.

Ромка внимательно осмотрел мальчика и уже открыл было рот, намереваясь сказать, как удивлён его поведением, но вдруг вспомнил слова бабушки о том, что нужно уважать традиции тех, у кого ты в гостях, поэтому молча подошёл и устроился рядом.

Тамир неподвижно сидел прикрыв глаза. Ромка посидел чуть-чуть, посопел и, не выдержав затянувшейся паузы, произнёс:

– Тамир, там скоро солнце сядет. Пойдём, а то в темноте дорогу не видно будет...

Тамир открыл глаза и посмотрел на Ромку.

– Я не могу просто так уйти.

– Почему? Ты с кем-то поспорил?

– Нет. Это моё испытание.

– Расскажешь? – прошептал Ромка, придвигаясь ближе.

Тамир вздохнул и произнёс:

– Я не знаю, кто ты и почему духи позволили тебе быть рядом со мной. Но если ты здесь, значит, это правильно. – Тамир внимательно посмотрел на мальчика и продолжил: – Все наши ушли строить стену, а я опять заболел. Старейшина сказал, что это у меня шаманская болезнь, и отправил сюда.

– Зачем? – удивился Ромка.

– Чтобы я осознал. Чтобы во мне открылся дар шамана.

– Ну и как, осознал? – спросил Ромка.

– Нет, голова только сильно болит. Да вот ты на меня из стены свалился, – ответил Тамир.

– Подожди, из какой стены я свалился? – воскликнул Ромка. – Я зашёл в пещеру камешек положить, а тут вода поднялась. Я отступил к задней стене, а там ты сидишь.

– Какая вода? Мы в верхней пещере. Тут до воды два моих роста будет.

Ромка недоверчиво подошёл к краю пещеры и выглянул.

– Мамочки! – воскликнул он, отскакивая вглубь пещеры. – Да там два метра до воды! Такого быть не может. Я вброд по Байкалу в пещеру зашёл!

– Как ты море назвал? – переспросил Тамир.

– Байкал.

– Красиво. Бай-кал, – нараспев произнёс Тамир.

– Не пугай меня, – прошептал Ромка. – Что-то мне это всё не нравится. Мне в лагерь нужно вернуться, а то учитель всех на уши поставит. А потом мне ещё и попадёт за то, что без разрешения на берег убежал.

– А зачем он на уши поставит? Землю слушать?

– Кого слушать? – удивился Ромка. – А-а, это просто так говорится! Волноваться учитель будет, вот что это значит.

– А зачем ты в пещеру залез?

– Чтобы камешек оставить. – Ромка достал из кармана коробок и протянул Тамиру: – Вот, открой.

Мальчик взял в руки коробок, внимательно осмотрел его. Понюхал, потряс возле уха, повертел в руках.

– А как открыть? – спросил он.

Ромка фыркнул, взял дрожащими руками коробок, открыл и вытряхнул в руки Тамира содержимое. В пещере был сумрачно, но ещё можно было что-то разгля-

деть. Камешек на ладони засветился нежным золотым светом.

– Как это? – хрипло произнёс Ромка. Это дома камешек от лампочки свет отражал, а здесь же тьма! Язык перестал слушаться, и говорить было очень тяжело.

Тамир поднял ладонь на уровень глаз и любовался переливами света, исходящими от камня.

– Ты знаешь, что это? – прошептал мальчик.

Ромка мотнул головой в знак отрицания. Язык вообще перестал двигаться.

– Это первый камень моего амулета. Камень признал меня! А знаешь, что это значит?

Ромка опять качнул головой.

– А это значит, – прошептал Тамир, – что я действительно шаман!

Ромка старался сосредоточить взгляд на камешке, но всё окружающее было как в тумане. На тело навалилась жуткая усталость, ноги ослабли, и мальчик, соскользнув вниз по стене, провалился в какой-то мутный, тяжёлый сон. Взрослые бы сказали – «потерял сознание».

Глава 3. Дар

Ромка приоткрыл глаза. В пещере было светло. Тамир стоял возле костра и что-то шептал, протянув руки к огню. Возле ног лежал полуоткрытый мешок.

– Х-р-р-р, – прорычал Ромка и попытался сесть.

– Подожди, не вставай. Я ещё не закончил, – сказал Тамир, потирая ладони друг о друга. Затем он подошёл к Ромке и приложил руки к его груди. Приятное тепло разлилось по телу. Слабость ушла. Ромка почувствовал, как сила возвращается к нему. Горло больше не болело. – Всё, теперь вставай.

Ромка сел и огляделся. Пещера была намного больше, чем ему показалось в темноте. При свете он ещё внимательнее рассмотрел Тамира. Чёрные волосы, чуть раскосые глаза – да у каждого бурятского мальчика такие волосы и глаза. Но одежда! Тамир был одет в такой странный костюм, как будто сошёл с картинки о древних жителях Байкала.

– Спасибо тебе, Рома, ты помог моему дару.

– Как?

– А ты знаешь, кто такие шаманы? – Ромка качнул головой в знак отрицания, и Тамир продолжил: – Мы проводники между миром людей и миром духов. От мира духов мы получаем новые знания, чтобы помочь человеку. Когда ты потерял сознание, я просто не мог оставить тебя без помощи. Я обратился к духам, и они помогли мне вернуть тебя. Но мир духов даёт не только лечебные знания. Я узнал слишком много о твоём прошлом...

– Круто! – воскликнул Ромка. – Значит, ты настоящий шаман! Расскажу друзьям – никто не поверит.

– Не сможешь ты никому рассказать, – грустно произнёс Тамир.

– Почему?

– Хм, – прочистил горло Тамир. – Ты это, не переживай. Мне духи рассказали, что тебя камешек к нам привёл. Понимаешь, камешек как бы открыл дверь, и ты шагнул в неё.

– Как портал? – удивился Ромка. Он моргнул несколько раз, переваривая услышанное. – А я тогда где живу?

– Ты живёшь далеко-далеко потом, после нас.

– Ну, типа в твоём будущем? – уточнил Ромка.

– Наверное, да.

– Тебе духи не сказали, как мне домой вернуться?

– Нет. Эти не сказали.

– А есть другие? – спросил Ромка. Он сам удивился своему спокойствию.

– Конечно, есть!

– Так давай быстрее найдём их и спросим, – воскликнул Ромка.

– Я думаю, нам нужно идти к горе, на другую сторону острова. Там живёт дух моря. Уж он-то точно знает, как вернуть тебя домой.

Ромка подошёл к краю пещеры, ещё раз оглядел берег и спросил:

– А как ты в пещеру попал?

– Меня на верёвке опустили.

– Хорошо, – сказал Ромка, – а как ты отсюда будешь выходить?

– Можно, конечно, подождать старейшину, но он только через две луны придёт. А можно спуститься через шахту в море и выплыть на берег.

– Ты откуда это знаешь? Духи рассказали? – спросил Ромка.

– Ага, – улыбнулся Тамир.

– Так мы под водой поплывём?

– Да, – опять улыбнулся Тамир.

– Что ты лыбишься? Тебе хорошо, ты дома. Ты дар обрёл. А я? Вдруг я вообще никогда не вернусь домой?

– Ты переживаешь, что тебе здесь не место? – тихо спросил Тамир.

– Я за родителей переживаю. За бабу Олю. У неё и так сердце больное. Что с ней будет? Нет, Тамир, я не могу остаться. Я должен обязательно вернуться.

Тамир подошёл к Ромке и, положив ему руку на плечо, произнёс как-то по-взрослому:

– Тебе обязательно духи помогут. Ведь ты переживаешь не за себя, а за других людей.

В полной темноте по отвесному склону шахты мальчишки спустились до маленького озера.

– Это была пещера, но вход обвалился, – сказал Тамир, – нам нужно поднырнуть под камень, и мы на свободе. Давай руку, я покажу, куда плыть.

Глава 4. Курыкан

Мальчишки стояли на краю утёса и смотрели на небо. Оно было великолепно! Миллиарды звёзд рассыпались по небосводу. Тонкий серпик растущей луны светился над головой.

– Красота! В городе такого не увидишь. – Ромка вздохнул полной грудью.

– Да, очень красиво, – согласился Тамир. – А что такое город?

– Ну, город... как бы тебе объяснить. – Ромка задумался и почесал макушку. – Ну-у, это когда много-много людей в одном месте живут...

– Зачем все там живут? Им что, места не хватает?

– Э-э-э... Давай, Тамир, я подумаю и потом тебе объясню, что такое город.

– Хорошо, – согласился мальчик. – А ты любишь на небо смотреть?

– Спрашиваешь! Конечно, люблю! Ведь это звёзды! Посмотри, какая красота – прямо дух захватывает! Меня папа научил находить Полярную звезду. Подожди, сейчас найдём. – Ромка размахивал руками, показывая созвездия. – Вот сюда смотри. Видишь, звёзды, как ковшик, если их соединить. Это Большая Медведица. А теперь от неё вверх смотри. Этот ковш – Малая Медведица. А вон там, видишь, на краю ручки светится звезда – это и есть Полярная звезда!

– Одон, я тебя вижу! – обрадовался Тамир.

– Чего? – не понял Ромка.

– Одон. Ты показал на Одон.

– Э-э-э, ну да, наверное. По-нашему она называется Полярная звезда, а по-вашему – Одон.

Тамир улыбнулся и кивнул в знак согласия.

– Короче, ваш Одон, или Полярная звезда, она всегда на севере, а гора, где твои духи живут, на востоке находится. Так что найдём, не заблудимся!

– А ты откуда знаешь, что гора там? – спросил Тамир.

– Я в кружке «Юный следопыт» занимаюсь. Мы остров Ольхон очень хорошо изучали. И твоя гора у нас называется Жима. А вообще, мы на ваш остров приехали, чтобы столбы, оставшиеся от Курыканской стены, исследовать.

– У нас нет на острове стены.

Ромка посмотрел на нового приятеля. Какая-то мысль вертелась в голове, что-то шаман говорил ему про стену, но что?

В этот момент Тамир громко чихнул. Ромка вздрогнул от неожиданности и сразу вспомнил, о чём хотел спросить.

– Тамир, а помнишь, ты мне говорил, что все ваши ушли стену строить, а тебя в пещеру отправили?

– Помню.

– Тамир, мне даже страшно подумать, но, кажется, я приехал изучать именно ту стену, которую вы сейчас строите.

– Ух ты! – удивлённо воскликнул Тамир.

– А это значит, что ты и твой народ называетесь курыканами. Ну, это мы вас так называем.

Мальчишки стояли под звёздным небом, глядя друг другу в глаза. Пятнадцать веков и одна вытянутая рука разделяли их. Ромка протянул руку и дотронулся до плеча Тамира.

– Друг, – сказал он.

– Друг, – ответил Тамир и, протянув руку, положил её на Ромкино плечо.

Мальчишки уже достаточно далеко отошли от берега. Ромка ориентировался по Полярной звезде, держа путь на северо-восток. Тамира вёл внутренний маяк, он просто чувствовал, куда идти.

Ромка в очередной раз поднял взгляд на небо, чтобы сверить маршрут, и замер, увидев необычное свечение над головой.

– Тамир, смотри, – воскликнул он и схватил друга за руку.

Свечение опустилось на землю и растаяло. Рядом с Ромкой стояли мальчики и девочки, одетые так же, как Тамир, только все они светились.

– Кто это?

– Ты их видишь? – удивился Тамир.

– Да, – выдохнул Ромка.

– Айда с нами танцевать! – весело рассмеялась девочка и, взяв Ромку за руку, втянула их с Тамиром в круг танцующих детей.

Бурное веселье охватило мальчишек. Вместе с детьми они смеялись и кружились в бесконечном танце, передвигаясь по кругу.

Сколько продолжалась такая дискотека, Ромка, даже если бы захотел, не сказал бы. Время потеряло счёт. Но вдруг всё стихло, и дети, как птицы, стали взмывать вверх.

Ромка и Тамир стояли, глядя в небо, и махали улетающим детям, пока общее свечение не слилось в одну точку, а затем и вовсе исчезло.

– Ты знаешь, кто это был? – спросил Тамир.

– Нет, – ответил Ромка, продолжая глядеть в небо.
 – Это дети бога Тенгри. Каждое новолуние они спускаются на землю и танцуют.

– Зачем?

– Не знаю, наверное, просто веселятся.

– Да, весело у них, – сказал Ромка, садясь на землю. – Давай чуточку отдохнём и дальше пойдём.

– Давай, – согласился Тамир и прилёг рядом с другом.

Солнечные лучики нежно гладили Ромку по щеке. Попытались заглянуть в закрытые глаза. Щекотали в носу. Мальчик улыбнулся и чихнул. Нежный ветерок доносил с лугов запах цветов.

«Уф, ну и сон мне приснился, – подумал Ромка. Но тут он увидел Тамира и загрустил. – Нет, это не сон. Я и правда провалился куда-то в шестой век, к древним курыканам».

Тамир подошёл, держа в руке мешок.

– Я воды в ключе набрал. На, выпей и лепёшку погрызи.

– Спасибо, – ответил Ромка и поднялся на ноги.

Вокруг, насколько хватало взгляда, простиралась степь. И только вдалеке виднелась опушка леса.

– Ты знаешь, в какую сторону идти? – спросил Ромка.

– Ага. Вон к той лесной опушке. Пошли, по дороге догрызёшь.

– Подожди, я носки надену, а то все ноги в этих тапках сотру.

Ромка достал из кармана носки и сел на землю. Взгляд зацепился за узкую полоску вытоптанной земли. Обувшись, мальчик встал и огляделся. Тропинка уходила от него по дуге вправо. Он обернулся и замер – полоска без травы возвращалась к нему. Круг? Тропинка замкнулась в круг? Ромка решил проверить догадку и побежал по вытоптанной дорожке.

Тамир молча наблюдал за другом.

– Ты чего, вчера не набегался? – спросил он, когда Ромка, сделав круг, вернулся.

– Так это мы вчера вытоптали? – удивился Ромка.

– Ага, а ты что подумал?

– У нас это называется ведьмины круги, – и Ромка ткнул пальцем в тропинку.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Тамир, – ведьмины круги, ну вы и придумали!

– Подожди. Так, получается, дети Тенгри и в наше время спускаются на землю и танцуют? – удивился Ромка.

– Ну, конечно! Только их никто не видит, а вот ты почему-то увидел.

– Так и ты их видел, – возмутился Ромка.

– Я шаман, для меня нормально духов видеть!

– А я? Может, я тоже шаман? Ведь камешек меня к тебе перенёс, и детей бога я видел, и даже танцевал с ними в этом круге...

– Не знаю, Рома. Хотел бы тебе сказать, но не знаю, – ответил Тамир. Он подхватил свой мешок и пошёл в сторону лесной опушки.

Глава 5. Тотем

– Стой, стой, Тамир! Я спросить хотел! А у тебя бубен есть?

– Какой бубен? – Тамир остановился и с удивлением посмотрел на друга.

– Ну как? У каждого шамана есть бубен. Я на картинках видел, – сказал Ромка.

– Так я ещё не стал настоящим шаманом. Знаешь, сколько мне ещё учиться! Нужно уметь чувствовать и понимать духов. Потом вопросы правильные задавать. Да и много ещё чего.

– Ого, а я думал, что если камешек в твоей руке засветился, то всё, ты уже шаман!

– Нет. Там, в пещере, я и сам не знаю, как у меня всё так просто получилось. Да я ещё толком и силу свою не почувствовал...

Тамир не успел договорить фразу. Увидев что-то за спиной друга, он схватил его за руку и дёрнул на себя.

– Тихо, Рома, не шуми. Медленно повернись, чтобы он тебя видел, но в глаза ему не смотри.

Ромка медленно повернулся и чуть не вскрикнул от неожиданности – позади него стоял волк. Большой, могучий зверь был с Ромку ростом. Мальчик опустил взгляд

и покосился на друга. Тамир протянул ладонь к волку и запел. Нет, наверное, правильнее сказать – завыл. Как-то странно, но очень красиво.

– Оу-э-э-э, оу-э-э-э, – пел Тамир.

Ромка стоял опустив голову и видел только лапы волка. Серебристая шерсть блестела на солнце. От волка шла волна силы и спокойствия. Ромка чувствовал эту силу.

Тамир закончил петь и опустился на одно колено, вытянув руку вперёд. Волк подошёл к нему и уткнулся носом в ладонь.

Какая-то неведомая сила заставила Ромку поднять голову и встретиться взглядом с волком. Глаза были обыкновенные, как у любой собаки, а вот сам взгляд... Казалось, он проник ему в душу. А может, это так и было.

Волк отошёл от мальчишек на шаг и медленно растворился в воздухе. Порыв ветра подхватил горсть песка и осыпал друзей.

Ромка вытер лицо и посмотрел на Тамира. Мальчик стоял на одном колене с вытянутой вперёд рукой и улыбался. Улыбка шла откуда-то изнутри. Он просто светился счастьем.

– Тамир, кто это был? – спросил Ромка.

Мальчик медленно опустил руку и посмотрел на друга.

– Тамир, не молчи. Скажи хоть что-нибудь.

– Я и не думал, что это будет вот так, – прошептал юный шаман. – Я мечтал и немного боялся этой встречи, а вышло всё просто замечательно!

Ромка внимательно слушал друга и чувствовал его волнение.

– Животное, покровитель нашего рода, это волк, – продолжал Тамир. – И сейчас я с ним встретился. Это мой дух-помощник, мой дух-хранитель.

– Круто, – прошептал Ромка. – У нас это называется то-тем. Скажи, а у простых людей бывают духи-хранители?

– Конечно. Только не все люди могут их почувствовать.

– Тамир, я не хотел, но волк как-то заставил меня посмотреть ему в глаза.

– Я знаю, – усмехнулся шаман. – Это я через волка смотрел на тебя.

Глава 6. Вера

Мальчишки шли и разговаривали обо всём на свете. Тамир рассказывал о жизни его семьи. О том, что он уже давно общается с духами во сне, но старается скрывать это от окружающих, так как в соседнем поселении живёт злой шаман. Взрослые и дети очень боятся того шамана, но всё равно идут к нему за помощью. Все ждут появления нового шамана. И когда Тамир в один из дней проснулся в бреду, не узнавая близких, всем стало понятно, что у него «шаманская болезнь».

Ромка рассказывал о своей жизни, о занятиях в кружке. О том, как интересно изучать историю и разгадывать тайны прошлого.

– Значит, я для тебя – тайна прошлого? – спросил Тамир.

– Да, получается так. Я дома с друзьями изучаю твою сегодняшнюю жизнь.

– Смешно. Я здесь живу, а ты потом, через много-много лет меня изучать будешь. А как вы узнаете, хороший я был человек или плохой? Как я жил, что делал?

– Наверное, по твоим поступкам, а ещё по рисункам. Ты обязательно что-нибудь нарисуй на вашей стене, – сказал Ромка. – А про поступки... Вот, например, был в истории один плохой правитель. Он войну всем соседям объявил. Даже нашу страну хотел завоевать. Но мы его победили. У нас даже праздник такой есть – День Победы. Много горя от такого правителя было. Так вот, скажи, как будут вспоминать о таком человеке – хорошо или плохо?

– Конечно, плохо.

– Правильно... – Ромка не успел договорить, как земля вздрогнула и закачалась.

Тамир упал на колени, упёрся ладошками в землю и начал что-то быстро-быстро говорить. Ромка стоял, широко расставив ноги, и смотрел на друга.

Следующий толчок был такой силы, что Ромка не удержался и упал на спину, больно стукнувшись головой. Видимо, от удара на несколько минут потерял сознание, а когда открыл глаза, всё вокруг было серое. На небе тёмные облака сверкали молниями. Воздух вокруг был какой-то

вязкий, как туман, только серого цвета. Тамир по-прежнему сидел на коленях и что-то завывал.

Ромка огляделся, и от увиденной картины волосы встали дыбом. Вокруг них полукругом стояли большие, жуткие чудовища. Голова вроде волчья, но тело как у медведя. Животные скалились, показывая клыки, и страшно рычали. Из пасти капала слюна, от их дыхания шёл пар. Очередная молния сверкнула в небе, освещая монстров, и громкий раскат грома соединился с диким рёвом.

Тамир увидел, что Ромка очнулся и сейчас сидит рядом, оглядываясь на чудовищ. Однако отвлекаться на друга юный шаман не стал – он пытался войти в контакт с волкомедведями. Но с каждой попыткой ощущение, что он разговаривает с пустотой, только росло. Тамир очень расстроился и даже стал думать, что теряет дар шамана.

– Я не могу войти с ними в контакт. Как будто их нет. Я даже к своему покровителю обратился, но я и его не чувствую, – прошептал Тамир. И хотя он говорил очень тихо, Ромка услышал каждое слово.

– А почему они не нападают? – спросил он.

– Не знаю, может, ждут чего-то. А может, это одно из моих испытаний, – произнёс Тамир, раскачиваясь влево и вправо.

– Но если это твоё испытание, так реши задачу и всё, – посоветовал Ромка.

– Они не отвечают на мой зов. Я их совсем не чувствую.

– А как ты должен их почувствовать?

– Я должен ощущать силу, исходящую от них. Кто-то из духов открывал бы мне истину, а кто-то из них пытался бы запутать меня.

– И вот всё это ты не чувствуешь? – переспросил Ромка и покосился на друга.

– Не-е-ет, – пропел Тамир, продолжая раскачиваться.

– А если они и правда ненастоящие? – прошептал Ромка. – Вдруг это просто наша фантазия? Я про такое в книжках читал.

Тамир продолжал раскачиваться, что-то тихонько напевая. Связи с духами не было, и юный шаман находился практически на грани истерики. Своими холодными и

липкими щупальцами паника тянулась к душе шамана. «Это всё, конец. Я даже не успел побыть шаманом. Сейчас они нас уничтожат», – медленно текли мысли в голове Тамира.

Ромка заметил, что друг перестал петь и стал как-то странно заваливаться на правый бок.

– Ах вы, гады! – закричал Ромка и, замахнувшись, ударил ближайшего монстра. Но рука плавно прошла сквозь его тело, не встретив никакого сопротивления. Ромка посмотрел на ладонь и, перекрикивая жуткий рёв чудовищ, обратился к другу: – Тамир, очнись! Они ненастоящие. У них тела нет!

– Конечно, нет, это же духи!

– Если бы они были духами, ты бы их чувствовал?

– Да, – голос шамана становился всё тише.

– Ну а если ты их не чувствуешь, значит, и нет никаких монстров! – воскликнул Ромка и присел рядом с другом. Юный шаман лежал на боку, глаза были прикрыты. – Тамир, пожалуйста, не умирай. Давай вместе попробуем с ними бороться.

– Как? – отрешённо спросил шаман.

– Не знаю. А давай постараемся поверить в то, что их нет?

– Как это, поверить? – прошептал Тамир. Голос у него был совсем слабым.

– А вот так, – Ромка подскочил на ноги и потянул за собой друга. – Я же верю, что ты настоящий шаман! Я верю, что по воле не знаю кого попал в твоё время. А ещё я верю, что всё вокруг меня – это неправда. Это моя фантазия придумала. Я верю, что никого из этих чудовищ нет! – Ромка уже кричал во всё горло, и это крик вернул чувства юному шаману.

– Я понял: это и есть моё испытание, – сказал Тамир и, повернувшись к страшным животным, произнёс: – Я верю в свои силы. Духи предков всегда со мной!

Мальчишки стояли, взявшись за руки, и кричали страху в лицо о своей вере.

Очередной толчок качнул остров, и рёв чудовищ начал стихать. Контуры страшных животных стали расплываться.

Туман таял, и сквозь его рваные края проступало голубое небо.

Все монстры исчезли, а мальчишки продолжали стоять, держась за руки, и смотрели в безоблачную высь. Над ними парил белый орёл. Сделав круг, он улетел в сторону леса.

Друзья опустились на траву. Ноги тряслись, в ушах ещё слышался страшный рёв. Ромка упал на спину и раскинул в стороны руки. Тамир рядом тоже изображал морскую звезду. Лёгкий ветерок принёс приятные запахи трав. Тело успокаивалось, голова прояснялась.

– Спасибо тебе, Рома, – сказал Тамир.

– За что?

– За веру. Будь я один, не смог бы пройти такое испытание.

– Так и я бы один не смог, а вместе мы – сила!

Мальчишки рассмеялись и стали подниматься с земли. Ромка огляделся – на горизонте высилась гора.

– Мы дошли! Тамир, смотри, это гора Жима! Мы дошли! – закричал Ромка. – Сейчас, сейчас, подожди. – Он достал из кармана карту и показал другу: – Смотри! Видишь? Мы были вот здесь, это мыс Бурхан, а вот здесь мыс Ижимей и гора Жима!

– Да знаю я, – улыбнулся Тамир, – я её чувствую. Побежали!

Мальчишки быстро домчались до леса, окружительно подход к горе, и Тамир, остановившись, придержал за руку друга.

– Рома, я думаю, тебе не нужно идти на гору.

– Почему?

– На горе живёт главный шаман, он дух моря. А ещё с ним живёт много других духов. Они охраняют наш мир. Простым людям ходить на гору нельзя.

– А как же я домой вернусь? – спросил Ромка.

– Ты меня внизу подожди, а я поднимусь и сам поговорю с духами, – ответил Тамир.

– Хорошо, – согласился Ромка.

Ребята вышли на небольшую поляну, и Тамир указал Ромке на упавшее дерево.

– Вот здесь меня жди.

– Так мы не дошли – вон ещё сколько до горы, – Ромка махнул рукой в сторону.

– Не спорь, я чувствую. Это граница горы.

– Ладно, не спорю. Только знаешь, Тамир, мне как-то жутко. Вроде лес как лес, только что-то в нём не так. Тихо как-то.

– Боишься? – спросил юный шаман.

– Нет, не боюсь. Я верю, что у тебя получится поговорить с духами и вы сможете вернуть меня домой. Но находиться здесь мне совсем не хочется, меня тоже тянет к горе.

– Ладно, пошли. Ты сам скажешь, когда тебе нужно будет остановиться. Если ты видел детей Тенгри, то, наверное, у тебя тоже есть способность общаться с духами.

Мальчишки шли молча, каждый думал о своём. Путь к горе не был лёгким. Упавшие деревья и густые заросли колючего кустарника преграждали дорогу. Но внутренний маячок звал их. Преодолев очередной завал из деревьев, ребята вышли к большому камню. Ромка сел на него и прикрыл глаза.

– Всё, Тамир, я больше не могу. У меня ноги словно ватные. Я тебя здесь подожду.

Юный шаман подошёл и положил руку Ромке на плечо. Мальчик открыл глаза, и взгляды их встретились. Мальчишки смотрели друг на друга, словно стараясь запомнить, как бы прощаясь...

Глава 7. Дух Байкала

Тамир давно ушёл, а Ромка сидел на камне, нежась под лучами солнца. На душе было спокойно. Он не чувствовал себя здесь чужим, он ощущал себя частью природы.

«Я как ящерка. Сижусь на камешке и греюсь», – подумал Ромка и улыбнулся.

Тень заслонила солнце, и Ромка, открыв глаза, увидел парящего в небе белого орла.

«Какой он красивый! – восхитился мальчик. – Нет, не просто красивый, он величественный!»

Орёл улетел, а Ромка продолжал смотреть в небо. Лёгкий ветерок взъерошил мальчишке волосы.

– Сидишь? – услышал он за спиной и обернулся. Перед ним стоял взрослый мужчина, даже скорее дедушка. Белые волосы развевались на ветру. Короткая седая борода и густые брови придавали ему грозный вид. Но Ромке почему-то было совсем не страшно.

– Здравствуйте, – мальчик поднялся с камня. – Сижу, друга жду.

– Друга? – удивился дедушка.

– Да, его Тамиром зовут. Когда он вырастет, станет шаманом. А пока он только учится. Сейчас вот на гору пошёл, спросить совета у духов, как мне домой вернуться, – Ромка так легко рассказывал всё это незнакомому человеку, как будто давно его знал, и даже удивился своим ощущениям.

– Конечно, ты меня очень хорошо знаешь, – сказал дедушка и улыбнулся. – Ты часто с родителями ко мне в гости приезжаешь.

– Куда? – удивился Ромка.

– На море.

– На Байкал?

– Да, в твоём мире меня именно так называют. А знаешь, мне нравится это имя, Бай-кал, – нараспев произнёс дедушка.

– Батюшка Байкал? – прошептал удивлённый Ромка.

– Да, – ответил дедушка, присаживаясь на камень, – А ты молодец, не испугался. Рассказывай, зачем пришёл, чего хочешь.

Ромка присел рядом. Эмоции захлёстывали. Его то в жар бросало, то ему становилось очень холодно.

«Это же надо – рядом сидит настоящий дух моего любимого Байкала! – с восторгом подумал мальчик. – Сколько раз я разговаривал с ним и даже просил помощи, а сейчас он сидит рядом со мной и задаёт вопросы!»

В голове была просто каша из мыслей и чувств.

– Рома, посмотри на меня, – сказал дедушка, и мальчик поднял голову. – Скажи-ка, что помогло вам с Тамиром в последнем испытании?

– Вера, – прошептал он.

– Правильно, а теперь отпусти все свои тревоги и просто поверь в меня.

Мальчик прикрыл глаза, и вдруг на душе его стало очень спокойно. Он совсем по-другому посмотрел на Духа Байкала. Ромка чувствовал силу и защиту, исходящую от него, как будто сидел рядом с родным дедушкой.

Ромка вздохнул и подробно рассказал о соседке, которая попросила вернуть камень. О том, как попал в пещеру к Тамиру. О приключениях и обо всех испытаниях, которые пережил вместе с юным шаманом.

– Дедушка, а зачем я попал к вам сюда?

– Чтобы помочь раскрыться дару Тамира. Ты помог ему сделать свой выбор.

– А он правда будет шаманом?

– Да, он будет самым сильным шаманом.

– Дедушка, а почему я видел детей бога Тенгри и тех монстров?

– Потому что ты можешь видеть духов. Ведь ты же сейчас разговариваешь со мной, – засмеялся дедушка.

– Вообще-то да, – улыбнулся мальчик и тут же, став серьёзным, спросил: – А вы не знаете, Тамир сможет поговорить с духами, живущими на горе?

– Да он и сейчас с ними общается. Тамир здесь надолго останется. Считай, он поступил в школу шаманов.

– Круто! Ой, извините, – смутился Ромка: всё-таки не с друзьями разговаривает, а с самим Духом Байкала. – А можно я ещё один вопрос задам? – Он боялся задавать этот вопрос, вернее, боялся получить отрицательный ответ, но всё же собрался с духом и произнёс: – Как мне домой вернуться?

– О, это несложно. Ты выполнил всё, зачем был послан сюда, и я с удовольствием верну тебя обратно, – улыбнулся Дух Байкала. Сказав это, он хлопнул в ладоши и превратился в большого белого орла.

Орёл выпрямился, твёрдо встав на мощные лапы и подняв голову, и стал ростом с мальчика. Ромка с восторгом рассматривал грозную, но очень красивую птицу. Орёл раскрыл крылья и обнял ими мальчика. Тепло и спокойствие окутали его. Вдруг крылья сильно хлопнули

мальчика по спине, раскинулись в стороны, и орёл взмыл в небо.

Ромка стоял, задрав голову, и провожал взглядом улетающего орла. Спина ещё чувствовала удар его крыльев. С неба падало белое пёрышко. Мальчик подставил руку, и оно мягко опустилось на ладонь.

Звонкий крик орла пронзил тишину, и Ромка вскрикнул от боли, как будто тело пронзили тысячи игл. Мальчик упал на траву и словно провалился в какой-то чёрный омут...

– Давай поднимайся, я покажу тебе дорогу. – Открыв глаза, Ромка увидел перед собой Тамира, который протягивал ему руку.

– Ты же в школе, – удивился Ромка.

– Я пришёл тебя проводить, – ответил юный шаман.

Мальчишки стояли в лодке, вокруг бушевал Байкал, захлёстывая волнами маленькое судёнышко. Небо было хмурым. Серые облака почти касались воды, и было непонятно, где закачивается вода и начинается небо.

– Прощай, – сказал Тамир, – не бойся и верь мне.

Шаман с силой ударил Ромку в грудь ладонями. Раскинув руки, мальчишка упал за борт. Холодные воды Байкала сомкнулись над его головой. Всё вокруг стало чёрным.

Глава 8. Возвращение

– Мальчики, подъём! – крикнул учитель, заглядывая в приоткрытую дверь комнаты.

Ромка приподнялся на локте и осмотрелся. На соседней кровати посапывал Олег.

– Олег, – тихо позвал Ромка, но тот лишь промычал что-то непонятное. – Олега, мне такой сон приснился – закачаться! Да хватит дрыхнуть, вставай! Я тебе сейчас такое расскажу!..

Ромка схватил подушку, намереваясь кинуть в приятеля, но замер. Под ней лежало белое орлиное перо. «Что за чертовщина?» – нервно сглотнул мальчик. Он быстро оделся, взял перо и тихо вышел из комнаты.

– Ты тоже на зарядку? Побежали до воды и обратно! – Ромка оглянулся и увидел мальчишек, махавших ему руками.

Спортсмены бежали по двое, Ромка замыкал строй, так как пары у него не было. Каждый шаг приближал к морю, и эмоции всё сильнее бушевали в душе мальчика. Счастье и восторг переполняли его. Спортсмены добежали до кромки воды, развернулись и двинулись обратно, а Ромка остался стоять.

– Ну, здравствуй, Батюшка Байкал, – прошептал мальчик и присел, подставляя ладонь набежавшей волне. Вода лизнула пальцы и ушла, как бы играя с ним в догонялки. И тут же следующая волна омыла Ромкины кроссовки и убежала вглубь моря.

Знакомый свист заставил мальчика встать и поднять взгляд в небо. Над головой его пролетал орёл.

– Спасибо! – прокричал Ромка в небо, помахав пёрышком, и уже спокойнее добавил: – Я найду твой след в истории, Тамир, обязательно найду. Мой друг, мой курыканский шаман.

Мария БАЛЫКОВА

СКАЗ О ТОМ, КАК ГУСИ В ПЕТЕРБУРГ ХОДИЛИ

Государыня Екатерина II по России путешествовать изволили. Не забавы ради, а по делам политическим. Чтобы узнать, как народу живётся, чем он радуется, о чем печалится. Побывала царица в землях Угличских, Ярославских, Костромских. Встречали ее всюду пышно, с поклонами и торжествами.

Ночью глубокой, во грозу, приехало ее величество в Арзамас – уездный городок в Нижегородской губернии. Ни души. Никто царскую особу не встречает. Тишина. Только дождик по крышам стучит.

– Сон-город. Сон-город, – говорит Екатерина Великая.

Наутро народ исправился. Повалил встречать царицу:

– Прости, матушка, – говорит. – Ждали тебя с самого ранехонького утречка. А тебя все нет и нет. Вот мы уж и отчаялись, спать улеглись. Думали, не приедешь. А теперь радостно нам, что ты осветила нас своим визитом. И совестно, что проспали мы его.

Екатерина чуть свет государственным делам занялась. Ведёт прием посетителей, выслушивает свой народ да распоряжения указывает.

С ней вместе граф прибыл. Орлов фамилия. С царицей народ принимает, да зевает и мух считает. Государыня Екатерина то заметила и говорит:

– Сходите, граф Орлов, по городу прогуляйтесь. Оглядитесь да мне обо всем доложите.

Граф так и сделал. А его уже арзамасцы на бой гусиный приглашают. Птица у них особой породы – крупная да боевая. Специально выведена.

Отчего ж не сходить? Пошел граф. А там азарт такой. Сначала вступают зачинщицы – гусыни. Знатно шумят, гогочут, своих кавалеров стравливают. Тут уж гусаки шеи сгибают, ошетиняются, крылья расставляют, в бой идут. Только перья во все стороны летят.

– Держите, граф Орлов, – это ваша птица теперича, – и вручили арзамасцы победителя графу.

А Екатерина всех посетителей приняла и начала в путь собираться.

Едет в золочёной карете, голову в стороны склоняет. Куда ни глянь – гусаки да гусыни по Арзамасу расхаживают.

– Гусиная столица, – говорит царица.

И в Санкт-Петербург уехала. Там у нее прием заморских гостей был назначен. Удивить надобно иностранцев. Только как поразить? И так и эдак прикидывала Екатерина. Советники ей советы дают. Да всё не то.

А граф Орлов напротив сидит, правой ножкой болтает и гусака подаренного по перьям гладит.

– Вот такого гусака на приеме надо подать, – говорит царица.

– Ваше величество, нельзя так с победителями. Пусть вам нового гусака подадут. В Арзамасе их вона сколько.

– Ты, граф, прав, – и повелела государыня отправить в столицу гусей для гостей. А точное количество не указала.

Взялись арзамасцы думать думать, сколько гусей надобно. И решили отправить всех. А было их по счету 20 тысяч. Много – не мало.

Только как доставить-то? До Санкт-Петербурга путь неблизкий – боле 1100 верст. А ведь в те времена скоростной дороги М12 «Восток» не было. Заколешь птицу – испортится. Чего доброго, у заморских гостей отравления с такого угощения случатся. Поразить их, конечно, получится, только в обратную сторону.

Гусь – птица выносливая, тем более арзамасский. До столицы своим ходом дойдет. Только лапы истопчет. Что делать? Ну не лапти же им плести. Хотя почему нет?

Попробовали. Сплели. Надели. Недолго гуси в лаптях ходили. Да и пока всех гусей лаптями обеспечишь, заморские гости по своим государствам разъедутся.

Еще крепче стали думу думать арзамасцы, как гусей до столицы отправить. Бабы сразу в Николаевский монастырь пошли свечки ставить, чтобы святой Николай подсобил. Мужики грянули в кабак. Там кто медовухой, кто пивом начал мысль хорошую развивать. Замечено, способ дельный. Устали мужики чарки опрокидывать. Решили силы в Обжорном ряду на Нижнем базаре подкрепить. Отправились туда, а им навстречу бабы – после службы возвращаются. Как увидели они мужиков, на ветру былинками качающихся, как давай браниться: шеи вперед выставили, руками замахали, ошетинились.

Тут кузнец Микола на телеге едет, бочку со смолой везёт. Кобылка его старенькая. Цок-цок копытами перебирает. Услышала она бабью брань да как даст деру. Телега в одну сторону, Микола – в другую. Бочка треснула и полплощади Соборной залила.

Гуси загоготали, с перепугу разбежались в разные стороны да прямо в смолу угодили. А потом бросились на песчаный берег Тёши. Ото всех этих приключений лапы у птиц сделались будто в обувке.

Угомонились бабы, притихли мужики от такого зрелища.

– Ну, теперича понятно, как гусей до Петербурга гнать.

Таким манером гуси лапчатые и появились: сначала их по смоляной дороге гоняли, потом – по песку. А дальше – в Москву и Санкт-Петербург. И гуси целы, и гости сыты.

От Арзамаса до столицы гусятинная тропа вся сплошь была белым пухом усыпана. Хоть лето красное на дворе, а будто снег лежит.

Между тем иностранцы уже в Эрмитаже с царицей светские беседы ведут. К ужину аппетит нагуливают. У всех морды красные от жары и серьезные от разговоров. Пышному убранству хором не удивляются, мол, и побогаче видали.

Тут раздаётся гогот на всю Дворцовую площадь. Заморские гости к окнам прильнули. А там – гусятинная толпа величаво шествует аккуратно на царскую кухню. Птиц не десятки, не сотни, а тысячи. И все вокруг белым-бело от пуха.

– О-ля-ля! Ох! Ах! – у иностранцев от такого шествия брови под париками скрылись, а рты распахнулись.

– Отужинаем, господа, сегодня на славу, – сказала Екатерина Великая.

Так и случилось: гуси арзамасские жирные да нежные. И в бою, и на столе хороши.

Елена АЛЬМАЛИБРЕ

Ростов-на-Дону

ПЕТЯ И ОЧКИ

Петя сидел на полу и плакал. В одной его руке были очки, во второй – отломанная дужка. Уже было непонятно, от слёз или от близорукости расплывалась картинка. И ещё куда более неясной была перспектива пойти на день рождения к закадычному Петиному другу. «Мама скажет, что я нарочно сломал очки», – с горечью шептал Петя.

Полгода назад блестящие новенькие очки впервые легли на Петину переносицу. Мальчик сморщился. Хотелось резко мотнуть головой и сбросить их. Так знакомый Петин жеребец с тёплым резким выдохом тряс гривой, когда что-то было не по его. Дужки очков, казалось, чересчур свободно лежали за ушами – Петя боялся, что одно неловкое движение – и на полу будут сверкать не подлежащие починки осколки. Бегать, прыгать, запрокидывать голову – всё теперь было под запретом для Пети. Предложение привязать к очкам страховочную верёвочку было воспринято с ещё большим отвращением. «Старый дед – девяносто лет», – заранее слышалось Пете от детсадовцев.

Единственным утешением было то, что перед сном Петя снимал очки и мама целовала его в переносицу, награждая за мучения. Но утром его снова ждала эта пластмассовая сброя.

В детском саду на время тихого часа Петя заботливо убирал очки в футляр и даже протирали тряпочкой из микрофибры. Он слышал, как мама рассказывала бабушке, что детские очки стоили не в пример дороже взрослых, и жало-

валась, что нельзя было получить их бесплатно или хотя бы купить со скидкой по какой-нибудь квоте. Последнее слово он запомнил, совершенно не понимая, что это значило.

Теперь же очки с инвалидностью жалобно смотрели своими немного поцарапанными линзами на Петю, разговаривая с ним строчкой из песни про волшебника-недоучку: «Что с нами сделал ты...»

Друг Пети и будущий именинник Коля мечтал получить на день рождения новый самокат. Мама Пети три месяца откладывала по одной сокровенной купюре на этот щедрый подарок. «Как славно будет кататься на нём по очереди», – предвкушал Петя и смеялся как от щекотки, предвкушая удовольствие. Но условием покупки самоката было хорошее Петино поведение.

«Да какой уж теперь самокат», – горе Пети стало совсем невыносимым.

Мама вошла в комнату. Молча взяла очки в руки.

– Мам, не выбрасывай, может, бабушка починит, – всхлипывал Петя. – Я устал от них, снял, на диван положил. Достал футляр и нечаянно рукой на них. Я правда не хотел. Как же теперь самокат.

– Коля ведь не знает, что ты хотел ему самокат подарить, – сказала мама.

– Нет, он почувствует. Мы с ним всё знаем, что другой думает. Мама, я теперь буду совсем аккуратно. Я за полгода ни разу их даже не уронил.

Дужка очков предательски лежала на руке мамы, словно оторванное крыло кузнечика.

– Купила я самокат уже, будет тебе реветь.

И тут мама, словно волшебница, взяла в руки дужку и поставила её на место в оправу. Детские очки были предусмотрительно выполнены как конструктор, но Пете об этом не было сказано, чтобы он не играл с механизмом целыми днями и не потерял дужку.

– Мамочка, я не нарочно, правда, – Петя всё ещё виновато, но уже улыбался, глядя на маму восхищёнными глазами.

– Да верю я тебе, – сказала мама, целуя сына в переносицу. – Главное, чтобы вы носы не поразбивали на этом самокате.

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Владимир ЛЕБЕДЕВ

Белиберда

Кто-то, радуясь в испуге,
 Смело выпрыгнул назад.
 Он, смекнув, не понимая,
 Сразу поднял руку вниз.
 Тот вздохнул, смеясь и плача,
 И расправил плечи внутрь.
 Я, всё видя, шел вслепую
 Осторожно напролом.
 Этот семеня прыжками
 На равнине по горам.
 Тот, умывшись на ночь сажей,
 Захрапел спокойным сном.
 Мы, петляя и вихляя,
 Прямо двигались назад.
 Он, босой в штиблетах новых,
 Брел лугами по лесам.
 Кто-то вкалывал с прохладцей,
 Отдыхая на износ.
 Тот в обход шел напрямую
 К цели задом наперед.
 Этот, семеня, как ежик,
 Поспешал вперед с ленцой.
 Ну, а я, забыв и помня,
 Рассказал теперь, волнуясь,
 С олимпийским хладнокровьем,
 Что единственный раз в жизни,
 Как и раньше, по привычке
 Про него, про тех и этих
 Ну, немножко всё приврал.

Ежик

Симпатичный колкий ежик –
 На котенка так похожий,
 Только шерстка у ежонка
 Не в пушинках, а в иголках.
 Он утыкан ими сплошь,
 Даже в руки не возьмешь.
 Сверху, сзади, по бокам,
 Как у кактуса-цветка,
 Все колючки да колючки,
 А ведь он совсем не злючка.
 Как любимый мой котенок,
 Ежик – маленький ребенок.
 Он в иголках ест и спит,
 Бродит, нюхает, фырчит.
 Прицепил вдруг нитки сбоку
 И куда-то поволок их.
 Лоскуток проткнул, чудной –
 Он, наверное, портной!

Невезуха

Села муха мне на ухо
 И, почесывая брюхо,
 Заворчала, как старуха.
 Рассердился я на муху,
 И в сердцах что было духу,
 Дал я мухе оплеуху.
 Вот такая невезуха:
 Нет теперь у мухи слуха.

Дед Мороз – чудак

Пришла зима плакучая
 Под самый Новый год.
 Слезами нас замучила –
 В ней всё наоборот.

Ну что же ты, капризная,
 Себя ведешь не так?
 Иль Дед Мороз любимый наш
 Вдруг стал большой чудак?
 Попробуй покатайся тут
 На санках с горки вниз,
 Когда сосульки капаят,
 Густой туман повис.
 Кругом одни лишь лужицы,
 И шмыгает мой нос.
 Зима с весной не дружится –
 Не балуй, Дед Мороз.

Виктор ЕПИФАНОВ

Лунный зайчик

Лунный луч, пробивший в туче
 лунку, словно бур во льду,
 осветил кусочек крыши
 и сугроб в ночном саду;
 медленно скользнул в окошко,
 пробежался по ковру,
 поиграл с котом немножко,
 выпрыгнул и по двору
 покатился, будто мячик,
 серебром искрясь в снегу.
 – Ты вернёшься, лунный зайчик?..
 – Через сутки забегу!

Яков ЗВЯГИН

Вкусная бабушка

Моя бабушка – самая вкусная!
 Потому, что у бабушки блинчики,

Потому, что пирог с капустой,
 Потому, что пирог черничный,

Потому, что всегда вареники,
 Потому, что всегда оладушки,
 Обалденные лепит пельмени
 Моя самая вкусная бабушка!

Моя бабушка самая вкусная!
 Потому, что каша овсяная,
 Каша пшеничная и кукурузная,
 Даже манная, как ни странно!

Я давно разобрался сам уже,
 Не считите это рекламой, –
 Среди всех самых вкусных бабушек
 Моя бабушка вкусная самая!

Елена ГАЛИАСКАРОВА

Красноярск

Бусы гор в лучах заката...

Бусы гор в лучах заката
 Заблестели ледниками.
 Облака, как клочья ваты,
 Ветер разорвал нахальный
 И унёс туда, где полночь
 Сочиняет детям сказки –
 Тишиною мир наполнив,
 Шепчет им: «Закройте глазки.
 И приснится вам, как белка,
 Наигравшись с рысью в прятки,
 Спит в дупле, собрав тарелку
 Фундука. Спитмышь на грядке.
 Сладко спит в ночной рубашке
 В море злая барракуда...
 Дремлют Гена с Чебурашкой,
 Лета ждут и верят в чудо».

ЗЕМЛЯКИ

НИЖЕГОРОДСКИЙ АЛЬМАНАХ

Выпуск тридцать седьмой (№ 2, 2024)

Главный редактор *О.А. Рябов*
Составители *Андрей Иудин, Олег Рябов*

Шеф-редактор *Андрей Иудин*
Макет *Арсения Костромина*
Дизайн обложки *Геннадия Щеглова*
Корректор *Наталья Петрищева*

В оформлении обложки использована работа
Леонида Колосова «Раннее утро»

Подписано к печати 05.12.2024. Выпущено в свет 27.12.2024.

Бумага 60x84¹⁷₁₆.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Тираж 1000 экз.

Свободная цена.

16+

Учредитель и издатель ООО «Книги»

Адрес редакции: 603057, Нижний Новгород, ул. Бекетова, 24/2,

ООО «Книги»

Тел. (831) 412-16-04

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»,

428019, Чувашская Республика,

г. Чебоксары, пр. Ивана Яковлева, д. 13